II

Роджер Желязны

ХРОНИКИ ЭМБЕРА

V-VI

«ТЕРРА» — «АЗБУКА»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самый знаменитый в мире фэнтезийный сериал, выдержавший многомиллионные тиражи! «ЯНТАРНЫЕ ХРОНИКИ» — магический роман Роджера Желязны в десяти книгах, известный в России под названием «ХРОНИКИ ЭМБЕРА».

…Корвин находит пропавшего много столетий назад своего отца Оберона — повелителя Янтаря. Чтобы сохранить равновесие мира, Корвин создает новый Образ Янтарной Вселенной и отправляется в Хаос в поисках сил, нарушающих равновесие мира. Эстафета вечной битвы переходит к юному Мерлину — сыну Корвина и Дары из Хаоса. Мерлин обучается на тени Земля и конструирует компьютерную гиперсистему по управлению тенями. Мерлин ищет своего пропавшего отца, как вдруг выясняет, что за ним — за Мерлином — идет охота…

- Роджер Желязны
  - Дворы Хаоса
    -
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
    - XIII
    - XIV
  - Козыри Судьбы
    -
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI

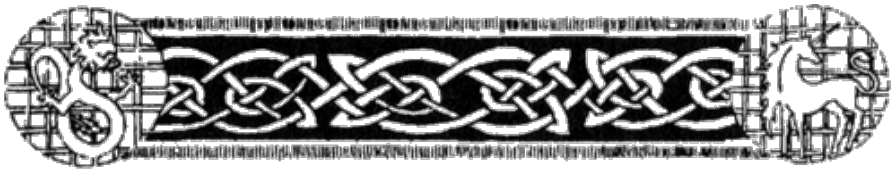
        - VII
        - VIII
        - IX
        - X
        - Словарь имен
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38

- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82

- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

Роджер Желязны
Хроники Эмбера. Книга 5–6

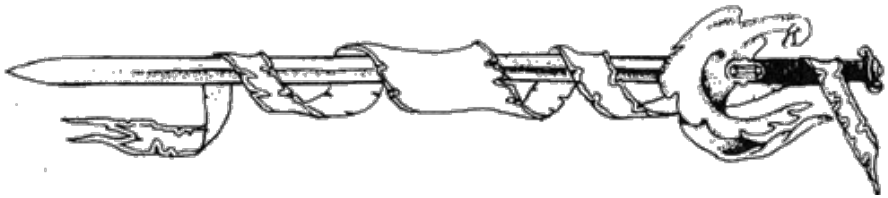
Дворы Хаоса



Карлу Йоку, первому читателю…

От Люцитании до Парка Эвклида,
от Равнин Саркобатуса до Лебедь X-1…
Проживи еще десять тысяч лет.
Пусть твое логовище будет защищено от тренделтитов.
Пусть тщедушные божки сломают свою общую ногу

I



Янтарь: высокий и яркий в полдень на вершине Колвира. Черная дорога: низкая и зловещая — к югу через Гарнат — к Хаосу[1]. Я: проклинаю все, мечусь по библиотеке дворца в Янтаре и время от времени читаю. Дверь в библиотеку: заперта и

закрыта на засов.

Безумный принц Янтаря уселся на стол, обратил внимание на открытую книгу. Стук в дверь.

— Пошел вон! — сказал я.

— Корвин. Это я… Рэндом. Открой, а? Я даже еды принес.

— Минуту.

Я вновь вскочил на ноги, обогнул стол, прошел по залу. Рэндом кивнул, когда я открыл дверь. Он принес поднос, который поставил на небольшой столик возле письменного стола.

— Тут до черта еды, — сказал я.

— Я тоже хочу есть.

— Так сделай что-нибудь с этим.

Он и сделал. Нарезал еду. Передал мне мяса на ломте хлеба. Налил вина. Мы уселись и поели.

— Я знаю, ты по-прежнему безумствуешь… — сказал Рэндом спустя некоторое время.

— А ты — нет?

— Ну, может, я к этому привык. Не знаю. Все же… Да. Получилось как-то круто, да?

— Круто? — я сделал большой глоток вина. — Все как прежде. Даже хуже. Мне он просто стал нравиться, пока играл в Ганелона. Сейчас, когда он опять все взял под контроль, он столь же безапелляционен, как раньше, он отдает нам приказы, которые не заботится объяснять, и исчезает вновь.

— Сказал, что вскоре появится.

— Могу представить: в последний раз он утверждал то же самое.

— Ну, не совсем так.

— И он никак не объяснил свое прежнее отсутствие. Он вообще ничего не объяснил.

— Должно быть, есть причины.

— Меня уже мучают мысли, Рэндом. Как ты думаешь, может, он окончательно лишился ума?

— У него хватило ума одурачить тебя.

— Сочетание низкой животной хитрости и способности менять облик.

— Но сработало?

— Да. Сработало.

— Корвин, может, ты не хочешь, чтобы его план удался, не хочешь, чтобы он оказался прав?

— Это смешно. Я, как любой из нас, хочу, чтобы этот кавардак завершился.

— Да, но хочешь ли ты, чтобы ответ пришел с капитанского мостика?

— Куда ты метишь?

— Ты не хочешь ему верить.

— Согласен. Я не видел его — его, без личины — адски долгое время и…

Рэндом покачал головой.

— Это не то. Ты злишься, что он вернулся, так? Ты надеялся, что мы дождались его кончины.

Я огляделся по сторонам.

— Это так, — в конце концов сказал я. — Но не из-за вакантного трона или *не только* из-за этого. Это все он, Рэндом. Он. Вот и все.

— Я знаю, — сказал Рэндом. — Но тебе придется признать, что он обвел вокруг пальца Брэнда, а это не так-то просто. Он отколол фокус, которого я не понимаю, заставив тебя принести механическую руку из Тир-на Ног'т, каким-то образом убедил меня поехать с Бенедиктом, присмотреть за тем, чтобы Бенедикт оказался в нужном месте и в нужное время, то есть чтобы все сработало, и он получил назад свой Талисман Закона. К тому же он по-прежнему лучший по сравнению с любым из нас игрок в Тень. Он ухитрился сыграть с нею прямо на Колвире, когда привел нас к изначальному Образу. Я этого не могу. И ты не можешь. И он сумел одолеть Джерарда. И я не верю, что он становится медлительнее. По-моему, он точно знает, что делает, и нравится тебе это или нет, но я думаю, он единственный, кто может справиться с нынешней ситуацией.

— Ты хочешь сказать, что мне следует ему верить?

— Я хочу сказать, что у тебя нет выбора.

Я вздохнул.

— Полагаю, что ты попал в цель, — сказал я. — Нет смысла мне так горевать. Но все же…

— Тебя тревожит приказ об атаке, так?

— Да, помимо всего прочего. Если бы хоть чуть-чуть выждать, Бенедикт собрал бы побольше сил. Три дня — не слишком много, чтобы подготовиться к чему-то серьезному. Особенно когда мы так не уверены в противнике.

— А может, и нет. Они долго говорили с Бенедиктом с глазу на глаз.

— А, это совсем другая песня. Эти индивидуальные приказы. Эта таинственность… Он доверяет нам не больше, чем по необходимости.

Рэндом хмыкнул. Я тоже.

— Ну хорошо, — сказал я. — Может, на его бы месте я вообще никому не доверял. Но три дня, чтобы запустить военные действия… — Я покачал головой. — Кое-что, что нам неизвестно,

он знает лучше.

— У меня такое впечатление, что это скорее решающий удар, чем война.

— Единственно, он не позаботился сообщить, что же мы приобретаем.

Рэндом пожал плечами, налил еще вина.

— Наверное, скажет, когда вернется. Ты не получил никаких особых приказов, нет?

— Просто стоять и ждать. А ты?

Он покачал головой.

— Сказал, что, когда настанет время, я узнаю. По крайней мере, Джулиэну он дал распоряжение быть готовым двинуть войска по первому же приказу.

— Да? То есть он оставил Арден?

Рэндом кивнул.

— Когда он об этом распорядился?

— Сразу как ты ушел. Он козырнул Джулиэна сюда, чтобы передать ему послание, и они вместе уехали. Я слышал, как Папа говорил, что часть дороги он проедет с Джулиэном.

— Они отправились по восточной тропе через Колвир?

— Да. Я видел, как они уезжали.

— Интересно. Что еще я пропустил?

Рэндом поерзал на стуле.

— То, что меня беспокоит, — сказал он. — После того как Папа сел в седло и помахал на прощание, он оглянулся на меня и сказал: «И приглядывай за Мартином».

— И все?

— И все. Но при этих словах он смеялся.

— Скорее всего, просто естественное недоверие к новичку.

— Тогда с какой стати смех?

— Сдаюсь.

Я отрезал кусок сыра и съел.

— Хотя, может быть, идея неплоха. Может, это не подозрение. Может, он чувствует, что Мартина нужно от чего-то защитить. Или то и другое. Или ничего. Ты же знаешь, каким иногда бывает Папа.

Рэндом встал.

— Альтернатив я не обдумывал. Пойдем со мной, а? — сказал он. — Ты здесь все утро просидел.

— Ладно, — я поднялся на ноги, пристегнул Грейсвандир. — А где все-таки Мартин?

— Я оставил его на первом этаже. Он говорил с Джерардом.

— Тогда он в хороших руках. Джерард намерен остаться здесь или возвращается на флот?

— Не знаю. Он приказов не обсуждает.

Мы покинули библиотеку. Направились к лестнице.

Спускаясь, я услышал внизу какую-то суматоху и ускорил шаг.

Я глянул через перила и у входа в тронный зал увидел толпу стражников и массивную фигуру Джерарда. Все они стояли к нам спиной. Я прыгнул через оставшиеся ступени. Рэндом ненамного отстал от меня.

Я пробился сквозь толпу.

— Джерард, что происходит? — спросил я.

— Будь я проклят, если знаю, — сказал он. — Сам посмотри. Но туда не проникнуть.

Джерард отодвинулся, и я сделал шаг вперед. Затем другой. И все. Было так, будто я толкаю чуть пружинящую, абсолютно невидимую стену. За ней творилось то, что стянуло в узел мои память и чувства. Я застыл, как только страх обвил меня за шею, свел руки в судороге. Нехилый фокус все-таки.

Улыбаясь, Мартин по-прежнему держал в левой руке Козырь, а Бенедикт — очевидно, недавно вызванный, — стоял перед ним. На помосте возле трона стояла, отвернувшись, девушка. Мужчины вроде бы говорили, но слов я не слышал.

Наконец Бенедикт повернулся и обратился к девушке. Чуть погодя она вроде бы ему ответила. Мартин сместился влево от

нее. Бенедикт взошел на помост, пока девушка говорила. Тогда я смог увидеть ее лицо. Растасовка продолжалась.

— Девушка выглядит слишком знакомо, — сказал Джерард, который вышел вперед и встал со мной рядом.

— Ты мог видеть ее мельком, когда она проезжала мимо, — сказал я ему, — в тот день, когда умер Эрик. Это Дара.

Я услышал, как он внезапно с шумом втянул воздух.

— Дара! — сказал Джерард. — Значит, ты…

Его голос прервался.

— Я не лгал, — сказал я. — Она реальна.

— Мартин! — крикнул Рэндом, который протолкался ко мне справа. — Мартин! Что происходит?

Ответа не было.

— Не думаю, что он тебя слышит, — сказал Джерард. — Этот барьер, похоже, отрезает нас полностью.

Рэндом толкнулся вперед, руки его уперлись во что-то невидимое.

— Давайте толкнем вместе, — сказал он.

Я попробовал еще раз. Джерард тоже навалился всем весом на невидимую стену.

Через полминуты безуспешных попыток я расслабился.

— Бесполезно, — сказал я. — Нам ее не сдвинуть.

— Что это, к черту, за штука? — спросил Рэндом. — Что удерживает?..

У меня было предчувствие — хотя всего лишь предчувствие, — что могло произойти. И все — как следствие налета *déjavu*[2] на всей этой сцене. Но теперь… Теперь я положил ладонь на ножны, чтобы убедиться, что Грейсвандир по-прежнему висит у меня на боку.

Грейсвандир висела на месте.

Тогда как я мог объяснить присутствие моего узнаваемого клинка с его хитроумной гравировкой, которая сейчас для всех глазеющих мерцала там за невидимой стеной — где внезапно, ничем не поддерживаемая, в воздухе перед троном появилась Грейсвандир с острием, едва касающимся горла Дары?

Объяснить я не мог.

Но все это слишком походило на то, что случилось той ночью в городе снов в небесах, Тир-на Ног’т, чтобы обернуться случайным совпадением. Здесь не было тех атрибутов — тьмы, смущения, густых теней, вздернутых эмоций, которые я познал там, — и все же кусочек отлично подгонялся к мозаике той ночи. Было очень похоже. Но не точь-в-точь. Бенедикт стоял чуть дальше позади, и корпус его был повернут под другим углом. Но поскольку я не мог читать по губам, то меня мучил интерес, не

задает ли Дара те же странные вопросы. Сомневаюсь. Расклад похожий, — и все же не похожий на то, что я испытал, — был, вероятно, обрамлен другим финалом — если, конечно, существовала хоть какая-то связь с воздействием сил Тир-на Ног'т на мой разум в ту ночь.

— Корвин, — сказал Рэндом, — похоже, что перед ней висит Грейсвандир.

— Похоже? — сказал я. — Но, как видишь, мой клинок при мне.

— Но и другого такого же нет… ведь так? Ты понимаешь, что происходит?

— Есть слабое ощущение, что вроде как начинаю, — сказал я. — Как бы то ни было, остановить это не в моих силах.

Клинок Бенедикта внезапно вылетел из ножен и скрестился с тем, что был так похож на мой. Сейчас Бенедикт сражался с невидимым противником.

— Отправь его в ад, Бенедикт! — заорал Рэндом.

— Не выйдет, — сказал я. — Он вот-вот лишится руки.

— Откуда ты знаешь? — спросил Джерард.

— Можешь не верить, но с Бенедиктом сейчас сражаюсь я, — сказал я. — Это вторая часть моего видения в Тир-на Ног'т. Не знаю, как все произойдет, но это цена за возвращение Папиного Талисмана.

— Не въезжаю, — сказал Джерард.

Я покачал головой.

— Даже не претендую на понимание, как все было сделано, — сказал я. — Но мы не сможем войти, пока две вещи не исчезнут из того зала.

— Какие две вещи?

— Просто смотри.

Клинок Бенедикта перескочил в другую руку, а мерцающий протез метнулся вперед и впился в какую-то невидимую цель. Два клинка парировали друг друга, скрестились, давя друг на друга, острия их двигались к потолку. Правая рука Бенедикта продолжала сжимать пальцы.

Вдруг клинок Грейсвандир освободился и скользнул вдоль клинка моего брата. Он нанес ужасный удар по правой руке Бенедикта там, где крепилась ее металлическая часть. Бенедикт резко развернулся, и несколько мгновений ничего не было видно.

Затем пространство вновь стало ясным, как только Бенедикт, продолжая разворачиваться, рухнул на одно колено. Он прижимал к животу культю. Механическая рука-ладонь осталась висеть в воздухе рядом с Грейсвандир. Она отплывала от Бенедикта и опускалась вниз, как и клинок. Когда оба достигли

пола, то не ударились о него, а прошли насквозь, пропав из виду.

Я качнулся вперед, восстановил равновесие, шагнул. Барьер исчез.

Мартин и Дара оказались возле Бенедикта быстрее нас. Дара уже оторвала полосу от своего плаща и перевязывала Бенедикту культю, когда Джерард, Рэндом и я подбежали к ним.

Рэндом схватил Мартина за плечо и развернул к себе.

— Что случилось? — спросил он.

— Дара… Дара сказала мне, что хочет увидеть Янтарь, — сказал Мартин. — Раз уж я теперь живу здесь, я согласился провести ее сюда и все показать. Потом…

— Провести сюда? Ты имеешь в виду Козырь?

— Ну да.

— Ее или твой?

Мартин пожевал нижнюю губу.

— Ну, понимаешь…

— Дай мне твои карты, — сказал Рэндом и сорвал с пояса Мартина футляр. Открыл и начал перетасовывать колоду.

— Потом я подумал, не рассказать ли все Бенедикту, раз уж он ею интересовался, — продолжал Мартин. — Потом Бенедикт захотел прийти и посмотреть…

— Какого дьявола! — сказал Рэндом. — Здесь есть твой Козырь, ее и какого-то парня, которого я раньше ни разу не видел! Где ты их взял?

— Дай посмотреть, — сказал я.

Рэндом передал мне три карты.

— Ну? — сказал он. — Это Брэнд? Он единственный, о ком я знаю, что он умеет сейчас делать Козыри.

— К Брэнду у меня никаких дел нет, — отозвался Мартин, — разве что убить его.

Но я уже знал, что карты не от Брэнда. Они были нарисованы совсем не в его стиле. И не в стиле кого бы то ни было, чью работу я знал. Но на мгновение что-то откликнулось эхом в моей памяти. Черты третьего человека. О ком Рэндом сказал, что никогда не видел его раньше. Я смотрел на лицо юноши, который угрожал мне арбалетом перед Дворами Хаоса, затем узнал и решил не стрелять.

Я протянул эту карту.

— Мартин, кто это? — спросил я.

— Тот, кто сделал эти три Козыря, — сказал Мартин. — Рисуя эти два, он сделал и свой. Имени его я не знаю. Он друг Дары.

— Ты лжешь, — сказал Рэндом.

— Тогда пусть скажет Дара, — сказал я и повернулся к ней.

Она по-прежнему стояла на коленях возле Бенедикта, хотя уже закончила перевязку, а брат уже сидел сам.

— Ну как? — сказал я, помахивая картой. — Кто этот человек?

Дара глянула на карту, затем на меня. Улыбнулась.

— Ты действительно не знаешь? — спросила она.

— Стал бы я спрашивать?

— Тогда посмотри на него еще раз, а затем — в зеркало. Он — твой сын, как и мой. Его зовут Мерлин.

Меня не так-то легко вывести из равновесия, но в этих словах не было ничего легкого. Я почувствовал, как голова пошла в карусель. Но пришел в себя достаточно быстро. Что ж, разница во времени сыграла со мной крутую шутку.

— Дара, — сказал я, — чего ты хочешь?

— Пройдя Образ, я сказала тебе, — ответила Дара, — что Янтарь должен быть разрушен. И хочу по праву приложить к этому руку.

— У тебя будет моя старая камера, — сказал я. — Нет. Та, что рядом. Стража!

— Корвин, все нормально, — сказал Бенедикт, поднимаясь на ноги. — Это не так плохо, как кажется. Она может все объяснить.

— Тогда пусть начинает.

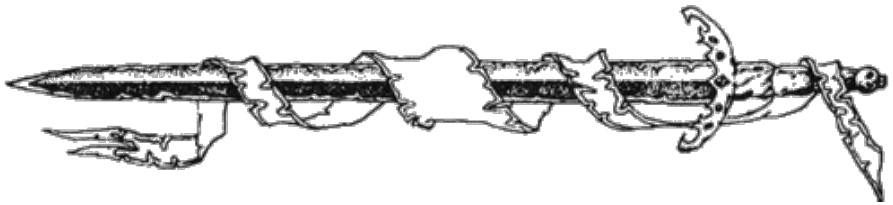
— Нет. С глазу на глаз. Только семья.

Я отослал обратно явившихся на мой зов стражников.

— Хорошо. Давайте соберемся в одной из комнат наверху.

Бенедикт кивнул, и Дара взяла его под руку. Рэндом, Джерард, Мартин и я пошли следом за ними к выходу. Я только успел оглянулся на тронный зал, где сон мой стал явью. Такие дела.

II



Я перевалил через гребень Колвира и, добравшись до своей гробницы, спешился. Вошел внутрь и открыл гроб. Он был пуст. Хорошо. А то меня уже начинало разбирать любопытство. В какой-то мере я ожидал увидеть себя лежащим в этом гробу —

свидетельство, что, несмотря на приметы и интуицию, я каким-то образом забрел не в ту тень.

Я вышел наружу и погладил Звезду по носу. Светило солнце, а ветерок был прохладен. И у меня вдруг появилось желание залезть в море. Вместо этого я уселся на скамью и задымил трубкой.

Мы поговорили. Усевшись с ногами на коричневой кушетке, Дара улыбалась и излагала историю своего происхождения от Бенедикта и адской девы Линтры, историю своего рождения и воспитания при Дворах Хаоса — в царстве чрезвычайной неэвклидовости[3], где само время воплощает проблемы странных распределений.

— Твой рассказ при первой встрече был ложью, — сказал я. — Почему же я должен верить тебе сейчас?

Дара улыбнулась и стала разглядывать ногти.

— Тогда мне пришлось солгать, — объяснила она, — чтобы получить от тебя то, что я хотела.

— И это?..

— Знания о семье, Образе, Козырях, Янтаре. Чтобы обрести твое доверие. Чтобы иметь от тебя ребенка.

— А не было б больше толку от правды?

— Едва ли. Я пришла из стана врага. Да и мои желания были не из тех, что пришлись бы тебе по вкусу.

— Твои игры с мечом?.. Тогда ты говорила, что тебя тренировал Бенедикт.

Дара опять улыбнулась, и в глазах ее зажглись темные огоньки.

— Я училась у самого великого герцога Бореля, Высшего Повелителя Хаоса.

— …А твоя внешность, — сказал я. — Она многократно менялась, пока ты проходила Образ. Как? И почему?

— Все, кто родом из Хаоса, — меняющие облик, — ответила она.

Я вспомнил о спектакле Дваркина в ту ночь, когда он сыграл меня.

Бенедикт кивнул.

— Папа одурачил нас маской Ганелона.

— Оберон — сын Хаоса, — сказала Дара, — мятежный сын мятежного отца. Но сила осталась.

— Тогда почему же мы не можем этого делать? — спросил Рэндом.

Она пожала плечами.

— А ты пробовал? Наверное, можете и вы. С другой стороны, может, в вашем поколении способность умерла. Я не знаю. Ну а

что до меня, есть несколько любимых обликов, к которым я обращаюсь во время стресса. Я выросла там, где трансформация — обычное дело и где преобладает иной облик. А от рефлексов я не избавлена. Этому ты и был свидетелем… в тот день.

— Дара, — сказал я, — зачем тебе было все это: знания о семье, Образе, Козырях, Янтаре? Сын?

— Ну ладно, — она вздохнула. — Ладно. Сейчас вам известно о планах Брэнда… разрушении и воссоздании Янтаря?..

— Да.

— В этом и заключались наши соглашение и взаимодействие.

— Включая убийство Мартина?

— Нет, — сказала она. — Мы не знали, кого он намеревался использовать в качестве… средства.

— И это тебя остановило бы, если б ты знала?

— Ты задаешь гипотетический вопрос, — сказала Дара. — Ответь на него сам. Я рада, что Мартин остался жив. Вот и все, что я могу сказать об этом.

— Ладно, — сказал Рэндом. — Что о Брэнде?

— Он сумел выйти на наших вождей теми путями, что узнал от Дваркина. У Брэнда были свои амбиции. Он нуждался в знаниях, власти. Он предложил сделку.

— В каких знаниях?

— Брэнд не знал одного — как уничтожить Образ…

— Значит, это вы в ответе за то, что он натворил, — сказал Рэндом.

— Если хочешь смотреть на это так.

— Хочу.

Дара пожала плечами, взглянула на меня.

— Хочешь дослушать эту историю?

— Валяй, — я глянул на Рэндома, тот кивнул.

— Брэнду дали все, чего он хотел, — сказала она, — но не доверяли. Боялись, что раз он обладает властью формирования мира, то не остановится на подправленном Янтаре. И попытается распространить свое владычество на Хаос. Ослабленный Янтарь — вот чего мы добивались; так, чтобы Хаос был сильнее, чем сейчас, — установить новое равновесие и дать нам больше теневых миров, что лежат между нашими владениями. Давным-давно стало понятно, что два королевства нельзя сплавить в одно и нельзя уничтожить одно, чтобы при этом не прервать процессы, непрерывно идущие меж нами. Результатом стал бы абсолютный стасис или полный хаос. И все же, видя намерения Брэнда, наши вожди договорились с ним. Это была лучшая возможность, представившаяся за века. Ею надо было воспользоваться. Чувствовалось, что с Брэндом можно сговориться, а когда придет

время, сместить его.

— Итак, вы запланировали надувательство, — сказал Рэндом.

— Нет, если бы он сдержал свое слово. Но именно тогда мы узнали, что он и не собирался держать его. Так что мы обеспечили ход против него.

— Ему решили позволить довести дело до конца, но потом он должен быть уничтожен. Ему наследовал бы член королевской фамилии Янтаря и одновременно и член первой фамилии Дворов, тот, кто вырос бы среди нас и был бы подготовлен для этой должности. Мерлин связан с Янтарем сразу по двум линиям: через мое родство с Бенедиктом и напрямую от тебя — два наиболее известных претендента на трон.

— Ты из королевской семьи Хаоса?

Дара улыбнулась.

Я поднялся. Отошел в сторону. Вперился в пепел на каминной решетке.

— Мне несколько неприятно быть производителем в рассчитанном проекте по разведению королей, — сказал я наконец. — Но пусть так, и, принимая все, что ты сказала, за правду — хоть на мгновение, — почему ты рассказываешь об этом именно сейчас?

— Просто, — сказала Дара, — я боюсь, что повелители моего царства зайдут столь же далеко в своих помыслах, как Брэнд — в своих. А может, еще дальше. То равновесие, о котором я упоминала. Не многие желают принять во внимание, насколько оно хрупко. Я путешествовала по теневым землям вокруг Янтаря и пришла в сам Янтарь. Но мне известны и тени, что лежат на стороне Хаоса. Я встретила множество людей и много чего увидела. Затем, встретив Мартина и поговорив с ним, я вдруг ощутила, что перемены в Янтаре, о которых я мечтала, были б к лучшему, если б стали не просто воплощением идей наших лидеров. Они хотят превратить Янтарь в некое продолжение Дворов, чтобы большая часть теней прикипела к Хаосу. И Янтарь превратился бы в остров. Многие из старшего поколения, которые по-прежнему поражены тем, как Дваркин создал первичный Янтарь, на самом деле хотят возвращения к прежним временам. Ко Всеобщему Хаосу, из которого возникло все. Я рассматриваю нынешнее положение как лучшее и хочу уберечь его. Мое желание таково: чтобы ни в одном из конфликтов ни одна из сторон не вознеслась победоносно.

Я обернулся вовремя, чтобы увидеть, как Бенедикт качает головой.

— Значит, ты ни на чьей стороне, — объявил он.

— Мне нравится думать, что я — на обеих, — объявила Дара.

— Мартин, — сказал я, — в этом ты поддерживаешь ее?

Он кивнул.

Рэндом засмеялся.

— Вы двое? Против и Янтаря, и Дворов Хаоса? И чего же вы надеетесь добиться? Как вы планируете способствовать этому положению равновесия?

— Мы не одни, — сказала Дара, — и план принадлежит не нам.

Ее пальцы опустились в карман. Что-то блеснуло, когда она извлекла руку обратно. Дара повернула эту вещь к свету. Кольцо с печатью нашего отца, вот что держала она.

— Где ты взяла его? — спросил Рэндом.

— Как где?

Бенедикт шагнул к ней и протянул ладонь. Дара отдала ему кольцо. Он тщательно изучил его.

— Принадлежит *ему*, — сказал Бенедикт. — Тут сзади есть небольшие отметки, которые я видел раньше. По какому поводу оно у тебя?

— Во-первых, чтобы убедить вас, что я действительно передаю его приказы, — сказала Дара.

— Как получилось, что ты вообще знаешь его? — спросил я.

— Встретились во время его… затруднений… какое-то время тому назад, — сказала Дара. — Ну, и можно сказать, что я помогла ему разрешить некоторые из этих затруднений. Это было уже после того, как я встретила Мартина, и в своих симпатиях я более склонялась к Янтарю. К тому же ваш отец обаятельный человек и умеет убеждать. Я решила, что не могу оставаться в стороне и смотреть, как моя родня держит его пленником.

— Тебе известно, как его захватили?

Дара покачала головой.

— Знаю только, что Брэнд добился его появления в тени, довольно далекой от Янтаря, где вашего отца можно было захватить. По-моему, приманкой послужил некий несуществующий магический инструмент, который мог бы исцелить Образ. И только потом ваш отец окончательно убедился, что только Талисман способен на это.

— Твое содействие в его побеге… Как оно сказалось на взаимоотношениях с твоей родней?

— Не так гнусно, как могло, — сказала Дара. — Временно я бесприютная.

— И ты хочешь приютиться здесь?

Она опять улыбнулась.

— Зависит от того, как все обернется. Если у моего народа есть свой путь, то я скоро вернусь — или останусь в тех тенях, что

удастся сохранить.

Я вытащил Козырь, взглянул на него.

— А что с Мерлином? Где он сейчас?

— Он у них, — сказала Дара. — Боюсь, теперь он — слуга Хаоса. Он знает о своем происхождении, но они долго и упорно занимались его воспитанием. Я не знаю, можно ли перетащить его на свою сторону.

Я поднял Козырь, вгляделся в него.

— Без толку, — сказала она. — Он не срабатывает отсюда — туда.

Я вспомнил, как трудна была Козырная связь, когда я оказался на окраине того мира. Но все равно попробовал.

Карта похолодела в ладони, и я потянулся в нее. Аукнулся легчайший щелчок ответа. Я подналег.

— Мерлин, это Корвин, — сказал я. — Ты слышишь меня?

Мне показалось, что я услышал ответ. Кажется, это было «не могу…». А затем — ничего. Карта утратила холод.

— Ты добрался до него? — спросила Дара.

— Не уверен, — сказал я, — но думаю, да. Всего на миг.

— Лучше, чем я думала, — сказала она. — Может, условия были хороши, а может, вы просто очень схожи.

— Когда ты размахивала Папиной печаткой, то говорила о приказах, — сказал Рэндом. — Что за приказы? И почему он посылает их через тебя?

— Весь вопрос в согласованности действий.

— Согласованности? Он ушел отсюда этим утром!

— Ему придется завершить некое дело, прежде чем он будет готов начать главное. Он не имеет понятия, сколько времени это может занять. Но я как раз говорила с ним, прежде чем явиться сюда — хотя едва ли была готова к оказанному приему, — и сейчас ваш отец начнет вскоре следующую фазу.

— Где ты говорила с ним? — спросил я. — Где он?

— Понятия не имею. Он сам выходит на связь.

— И?..

— Он хочет, чтобы Бенедикт нападал немедленно.

Джерард наконец шевельнулся в огромном кресле, в котором сидел, слушая. Он поднялся на ноги, заткнул большие пальцы рук за пояс и посмотрел на Дару сверху вниз.

— Приказ похож на тот, что пришел бы напрямую от Папы.

— Он и пришел, — сказала она.

Джерард покачал головой.

— Это лишено смысла. Зачем идти на контакт с тобой — с кем-то, доверять кому у нас нет особых причин, — а не с одним из нас?

— Я не верю, что в тот момент он мог дотянуться до кого-то из вас. С другой стороны, ко мне он дотянуться смог.

— Почему?

— Он не пользовался Козырем. У него нет моего. Он использовал эффект эха черной дороги, сходный с тем способом, которым Брэнд однажды сбежал от Корвина.

— Смотри-ка, ты знаешь много о том, что происходит.

— Да. Знаю. У меня сохранились источники во Дворах, а Брэнд перенесся туда после вашей схватки. Мне действительно известно многое.

— Тебе известно, где наш отец сейчас? — спросил Рэндом.

— Нет, неизвестно. Но думаю, он на пути к истинному Янтарю, чтобы держать совет с Дваркином и снова исследовать повреждение изначального Образа.

— С какой целью?

— Я не знаю. Вероятно, чтобы решить, какой курс лечения предпринять. То, что он связался со мной и дал приказ на атаку, — свидетельство уже найденного решения.

— Как давно вы беседовали?

— Несколько часов назад… по моему времени. Но я находилась в Тени далеко отсюда. Не знаю, какая там разница времен. В этом я тоже новичок.

— Что ж, может оказаться, что было это крайне недавно. Как говорится, пару мгновений назад, — задумчиво проговорил Джерард. — Почему он говорил с тобой, а не с одним из нас? Не верю, что он не смог бы дотянуться до нас, если б желал того.

— Наверно, чтобы продемонстрировать расположение ко мне, — сказала Дара.

— Пусть все это будет хоть трижды правдой, — объявил Бенедикт. — Но я не двинусь с места без подтверждения приказа.

— Фиона по-прежнему у изначального Образа? — спросил Рэндом.

— Последнее, что я слышал, — ответил я, — так это то, что она встала там лагерем. Но я понял, что ты имеешь в виду…

Я вытасовал карту Фи.

— Чтобы пробиться туда, понадобится больше одного из нас, — заметил Рэндом.

— Верно. Дай-ка мне руку.

Он поднялся, подошел ко мне. Бенедикт с Джерардом приблизились тоже.

— Это совсем не обязательно, — запротестовала Дара.

Я проигнорировал ее и сосредоточился на нежных чертах моей рыжеволосой сестрицы. Мгновением позже мы вышли на контакт.

— Фиона, — спросил я, по интерьеру догадываясь, что находится она в сердце событий. — Папа там?

— Да, — сказала она, скупо улыбнувшись. — Он внутри с Дваркином.

— Слушай, абсолютно безотлагательно. Не знаю, известно ли тебе, кто такая Дара, или нет, но она здесь…

— Я знаю, кто она, но мы никогда не встречались.

— Дара заявляет, что у нее от Папы для Бенедикта приказ к атаке. У нее Папина печатка, чтобы подтвердить заявление, но Папа ничего раньше об этом не говорил. Тебе что-нибудь известно?

— Нет, — сказала Фиона. — Когда они с Дваркином прибыли, чтобы взглянуть на Образ, то мы успели только обменяться приветствиями. И у меня имеется парочка подозрений, в общем, получивших некие подтверждения.

— Подозрений? О чем ты?

— По-моему, Папа собирается починить Образ. У него с собой Талисман, и я случайно услышала кое-что из того, что он говорил Дваркину. Если Папа предпримет эту попытку, во Дворах Хаоса узнают об этом в тот же миг, когда он начнет. Они попытаются остановить его. И он захочет ударить первым, чтобы чем-то их отвлечь. Только…

— Что?

— Это может убить его, Корвин. Я многое знаю об этой системе. Преуспеет ли Папа или проиграет, его уничтожит в процессе восстановления.

— Честно говоря, в это трудно поверить.

— Что король отдает жизнь за королевство?

— Что это сделает Папа.

— Ну, либо он изменился, либо ты никогда не знал его по-настоящему. Но я уверена, что он будет восстанавливать Образ.

— Тогда зачем посылать свой последний приказ с кем-то, кому мы не слишком-то верим?

— Могу предположить, что он хочет вашего доверия Даре, раз приказ подтверждается.

— Довольно окольный путь, но я согласен, что нам не следует действовать без подтверждения. Можешь найти его для нас?

— Попробую. Вызову тебя, как только переговорю с ним.

Фиона разорвала контакт.

Я повернулся к Даре, которая из разговора с Фионой слышала только мои слова.

— Ты знаешь, что Папа собирается сейчас сделать? — спросил я.

— Что-то связанное с черной дорогой, — сказала Дара. — Он очень сильно акцентировал на этом. Хотя что и как — не сказал.

Я отвернулся. Сложил карты и сунул их в чехол. Мне не нравился такой поворот событий. День вообще начинался плохо и до сих пор катится под гору. А время едва перевалило за ленч. Я покачал головой. В разговоре Дваркин описывал последствия любых попыток починить Образ, и для меня все звучало до жути пугающе. Предположим, Папа попытался, не преуспел и был уничтожен при попытке. И где окажемся мы? Там же, где и сейчас, только без вождя и накануне битвы — и со вновь эксгумированной проблемой наследования. Что за жуть будет бушевать в наших головах, когда мы двинем на воину и когда начнем вновь заключать сепаратные соглашения друг против друга, как только справимся с нынешним врагом. Должен быть иной способ уладить все дела. Лучше живой Папа на троне, чем эксгумация интриг по наследству.

— Чего мы ждем? — спросила Дара. — Подтверждения?

— Да, — отозвался я.

Рэндом взялся расхаживать по комнате. Бенедикт уселся и проверил повязку на руке. Джерард прислонился к камину. Я стоял и думал. Как раз тогда ко мне пришла идея. Я тут же отогнал ее, но она вернулась. Мне она не нравилась, но с целесообразностью не поспоришь. Хотя действовать придется быстро — прежде чем у меня появится шанс уговорить себя взглянуть на ситуацию по-иному. Нет. Остановимся на этом. Проклятье!

Явилось прикосновение контакта. Я ждал. Мгновением позже я вновь взглянул на Фиону. Она стояла в каком-то знакомом помещении, и мне потребовалась пара секунд, чтобы узнать его: гостиная Дваркина по ту сторону тяжелой двери в конце пещеры. С Фионой были и Папа, и Дваркин. Папа сбросил личину Ганелона и вновь пребывал в прежнем облике. Я увидел, что Талисман он носит на груди.

— Корвин, — сказала Фиона, — все верно. Папа посылал с Дарой приказ на атаку и ожидал этого вызова для подтверждения.

Я…

— Фиона, проведи меня туда.

— Что?

— Ты слышала. Ну же!

Я вытянул правую руку. Она протянула свою, и мы коснулись друг друга.

— Корвин! — закричал Рэндом. — Что происходит?

Бенедикт вскочил на ноги, Джерард уже двигался ко мне.

— Вскоре услышите, — сказал я и шагнул вперед.

Я сжал ее руку, прежде чем осознал это, и улыбнулся.

— Спасибо, Фи. Здравствуй, Папа. Привет, Дваркин. Как дела?

Я взглянул на тяжелую дверь, увидел, что она открыта. Затем я обошел Фиону и двинулся к ним. Папа набычился, глаза сузились. Я знал этот взгляд.

— Что такое, Корвин? Ты здесь без разрешения, — сказал он. — Я отдал тот треклятый приказ и жду, когда его начнут исполнять.

— Начнут, — сказал я, кивая. — Я пришел сюда не оспаривать его.

— Тогда зачем?

Я подошел ближе, рассчитывая слова так же, как и расстояние. Я был рад, что он продолжал сидеть.

— Одно время мы путешествовали вместе как боевые товарищи, — сказал я. — Будь все проклято, если тогда ты мне не стал нравиться. В прежние времена этого не было, ты знаешь. Никогда не хватало духу, чтобы вообще сказать это раньше, но ты знаешь, что это правда. Интересно, как бы все повернулось, если бы мы не оказались родственниками.

Как только я остановился перевести дух, его взгляд на кратчайший миг смягчился. Затем:

— В любом случае, — продолжил я, — я намерен скорее верить в тебя того, когда мы вместе сражались в Лоррайн, чем в нынешнего — потому что есть нечто, что в противном случае делать бы для тебя не стал.

— Что именно? — спросил он.

— Вот это.

Я схватил Талисман и резким движением сдернул цепь с его шеи. Затем повернулся на каблуках и рванул через комнату к двери. Наглухо задраил ее за собой. Я не видел способа чем-то подпереть ее снаружи, так что побежал, повторяя по пещере маршрут той ночи, когда шел следом за Дваркином. Позади я услышал ожидаемый рев.

Я следовал поворотам. Споткнулся лишь раз. Запах Уиксера

по-прежнему тяжело висел в его лежбище. Я приналег, и последний поворот привел меня к дневному свету впереди.

Я помчался туда, по дороге перекидывая цепь Талисмана через голову. Я почувствовал, как камень упал мне на грудь, потянулся в него разумом. В пещере позади меня эхо разносило звуки шагов.

Наружу!

Я рванул к Образу, чувствуя окружающий мир через Талисман, разворачивая его на сверхощущение. Я был единственным, кроме Папы и Дваркина, полностью настроенным на Талисман. Дваркин рассказал, что починка Образа может быть произведена прохождением человека по Великому Образу в состоянии, подобном настройке, — следует выжигать пятно при каждом пересечении, замещать его той мощью, элементами Образа, которые этот человек несет в себе, по ходу дела смывая черную дорогу. Поэтому лучше я, а не Папа. Я по-прежнему чувствовал, что черная дорога как-то подпитана силой, которую придало ей мое былое проклятие. И это я тоже хотел смыть. Все равно Папа лучше, чем я, проделает работу по сборке и настройке мира после войны. В этот миг я вдруг осознал, что больше не хочу на трон. Даже если бы он был достижим, перспектива управления королевством все эти томительные столетия, что могли бы лечь предо мной, — это уж чересчур. Может быть, я найду легкий выход, если умру в попытке починить Образ. Эрик был мертв, и я больше не ненавидел его. Меня подгоняло другое — трон, как теперь кажется, был желанен лишь потому, что его так хотел Эрик. Я отрекся и от того, и от другого. Что же осталось? Я посмеялся тогда над Виалль, затем задумался. Но она оказалась права. Старый солдат во мне был сильнее всего. Это вопрос долга. Но не только долга. Было еще…

Я достиг края Образа, прыгнув к его началу. Оглянулся на вход в пещеру. Папа, Дваркин, Фиона — никто из них не появился. Хорошо. Им уже не успеть остановить меня. Когда я поставлю ногу на Образ, будет поздно делать что-то еще, кроме как смотреть и ждать. Я подумал о скоротечном растворении Яго, отогнал эту мысль подальше, повоевал немного с собой, чтобы утихомирить рассудок до уровня, необходимого для намеченного предприятия, вспомнил сражение с Брэндом и его странный побег, отогнал и это воспоминание тоже, успокоил дыхание, приготовился.

И тут на меня навалилась странная летаргия. Самое время начинать, а я задержался на мгновение, пытаясь сосредоточиться на великой задаче, что лежала предо мной. Образ на миг поплыл перед глазами. Давай! Чтоб тебя! Сейчас! Хватит приготовлений!

Начинай, сказал я себе. Иди!

И все-таки я стоял, как во сне, созерцая Образ. Разглядывая его, я забыл о себе на долгие минуты.

Образ, и длинное черное пятно, которое надо удалить…

Уже не казалось важным, что Образ мог убить меня. Рассудок мой плыл, обдумывая красоту его…

Я услышал шум. Должно быть, Папа, Дваркин и Фиона на подходе. Мне нужно что-нибудь сделать, прежде чем они доберутся до меня. Мне придется пройти Образ, начать немедля…

Я оторвал взгляд от Образа и глянул в сторону пещеры. Они вышли, прошли полсклона и остановились. Почему? Почему они остановились?

Да какая разница? Нечего зря тратить время, давно пора начинать. Я принялся было поднимать ногу, делая шаг вперед.

Я едва мог пошевелиться. Огромным усилием воли я продвинулся на дюйм. Сделать первый шаг было труднее, чем идти по Образу у финиша. Но казалось, что воюю я не с внешним сопротивлением, а с медлительностью собственного тела. Почти так, будто…

Затем я вспомнил Бенедикта возле Образа в Тир-на Ног’т, и приближающегося, дразнящего его Брэнда, и Талисман, горящий у Брэнда на груди.

Еще до того, как взглянул вниз, я понял, что увижу.

Красный камень пульсировал в такт ударам моего сердца.

Проклятье!

Либо Папа, либо Дваркин — или оба — дотянулись через Талисман, парализовав меня. Я не сомневался, что любой из них мог проделать это и в одиночку. И все же на таком расстоянии не стоило сдаваться без борьбы.

Я продолжаю проталкивать вперед ногу, она медленно скользит к краю Образа. Раз уж я сделал это, то не вижу, как они…

Дремота… Я почувствовал, что падаю. Я на миг уснул. И опять уснул.

Когда я открыл глаза, то увидел фрагмент Образа. Когда повернул голову, увидел ноги. Когда посмотрел наверх, увидел Папу, держащего в руках Талисман.

— Вон отсюда, — сказал он Дваркину и Фионе, не повернув к ним головы.

Они удалились, как только Папа надел Талисман на шею. Затем он наклонился вперед и протянул руку. Я взялся за нее, и он поставил меня на ноги.

— Так поступать было весьма глупо, — сказал Папа.

— Мне почти удалось.

Он кивнул.

— Конечно, ты бы погиб и не достиг ничего, — сказал Папа. — Но тем не менее это было сделано хорошо. Давай пройдемся.

Он взял меня за руку, и мы пошли вдоль границы Образа.

По дороге я смотрел на окружающее нас странное небо-море без горизонта. Раздумывал о том, что бы случилось, если б мне удалось начать движение по Образу, о том, что произошло бы в то мгновение.

— Ты изменился, — в конце концов сказал Папа, — или я никогда не знал тебя по-настоящему.

Я пожал плечами.

— Наверное, что-то от того и что-то от другого. Я чуть не сказал того же и о тебе. Ответь мне на один вопрос.

— Какой?

— Трудно быть Ганелоном?

Папа хмыкнул.

— Вовсе не трудно, — сказал он. — Может, тебе повезло, и ты мельком увидел настоящего меня.

— Мне он нравился. Или, скорее, ты, когда был им. Интересно, что стало с настоящим Ганелоном?

— Давно мертв, Корвин. Я встретил его после того, как ты изгнал его из Авалона, давным-давно. Он был неплохим малым. Не доверил бы ему и выеденного яйца, но тогда не стоит доверять всем тем, кому приходится оказывать доверие.

— Это относится и к семье.

— Сожалею, что мне пришлось убить его. Но он не оставил мне выбора. Все это было очень давно, но его я помню ясно: чем-то он мне запал в душу.

— А Лоррайн?

— Ты про страну? Хорошая работа, по-моему. Я сработал должную тень. Моим присутствием она усилилась, как всегда, когда любой из нас остается надолго на одном месте — как ты в Авалоне, и позже, в той тени. И пробыл там долгое время, упражняясь в силе воли на потоке времени в тех краях.

— Я не знал, что это возможно.

— Силу ты набирал медленно, начиная с инициации в Образе. Есть многое, о чем тебе еще предстоит узнать. Да, я усилил Лоррайн и сделал ее особенно уязвимой к растущей силе черной дороги. Я проследил за тем, чтобы она легла на твоем пути, куда бы ты ни шел. После твоего побега все дороги вели в Лоррайн.

— Почему?

— Это была ловушка, которую я расставил тебе, а может быть, проверка. Я хотел быть с тобой, когда ты встретишься с силами Хаоса. А еще я хотел какое-то время попутешествовать вместе с тобой.

— Проверка? Для чего ты меня проверял? И почему путешествовал со мной?

— Не догадываешься? Я годами наблюдал за каждым из вас. Я никогда не называл имени наследника. Нарочно оставил вопрос запутанным. По мне, так вы все слишком похожи на меня, чтобы стало ясно: в то мгновение, когда я объявлю одного из вас наследником, этим я подпишу ему или ей смертный приговор. Нет. Я намеренно оставил все как есть до самого конца. Но теперь я принял решение. Наследником будешь ты.

— Там, в Лоррайн, ты коротко переговорил со мной от своего имени. Тогда ты приказал мне занять трон. Если ты решил это еще тогда, зачем было продолжать маскарад?

— Нет, тогда я еще не решил. В основном все было сказано, чтобы ты не останавливался на достигнутом. Я боялся, что тебе могли слишком сильно понравиться та девушка и та страна. Когда ты явился из Черного Круга героем, то вполне мог принять решение остаться в Лоррайн. Я хотел подтолкнуть тебя к продолжению путешествия.

Я долго молчал. Мы почти обошли вокруг Образа.

Затем:

— Есть кое-что, о чем я должен узнать, — сказал я. — Перед тем как явиться сюда, я говорил с Дарой, которая пытается очистить свое имя перед нами…

— Оно чисто, — сказал Папа. — Я очистил его.

Я покачал головой.

— Я воздержусь обвинять ее в том, в чем подозревал некоторое время назад. Но есть серьезная причина, почему, мне кажется, ей нельзя доверять, несмотря на ее протесты и твое подтверждение. И даже две причины.

— Знаю, Корвин. Но не убивала она слуг Бенедикта, чтобы проникнуть в дом. Я сам сделал это, чтобы помочь ей добраться до тебя в самое подходящее время.

— Ты? Ты был участником ее интриги? Почему?

— Она будет тебе хорошей королевой, сын. Я верю в силу крови Хаоса. Пришло время для свежего вливания. Ты занял бы трон, уже обеспечив себе наследника. Ко времени, когда Мерлин будет готов к этой роли, его давно отберут у нынешних воспитателей.

Мы дошли до черного пятна. Я остановился. Присел на корточки и осмотрел его.

— По-твоему, эта штука может убить тебя? — спросил я в конце концов.

— Знаю, что убьет.

— Ты не гнушался убийством невинных людей, чтобы манипулировать мной. И все же ты готов пожертвовать своей жизнью ради королевства.

Я взглянул на него.

— У меня самого руки не чисты, — сказал я, — и уж кто-кто, а я не осмелюсь судить тебя. Но не так давно, готовясь пройти Образ, я подумал, что изменилось мое отношение… к Эрику, к трону. Ты делаешь то, что делаешь, по-моему, из чувства долга. Сейчас я тоже ощущаю это чувство по отношению к Янтарю, по отношению к трону. На самом деле даже более того. Гораздо более, чем тогда. Но я осознал и кое-что еще, кое-что, чего долг не требует от меня. Я не знаю, когда или как пропало это стремление, и я изменился, но я не хочу трона, Папа. Прости, если это спутает твои планы, но я не хочу быть королем Янтаря. Прости.

Затем я отвернулся и стал смотреть на пятно. Услышал, как он вздохнул.

Затем:

— Сейчас я намерен отослать тебя домой, — сказал он. — Оседлай коня и возьми провизию. Езжай куда-нибудь из Янтаря… в любое место поуединенней.

— Моя гробница сойдет?

Папа фыркнул и слегка усмехнулся.

— Сойдет. Иди туда и жди моей воли. Мне надо кое-что обдумать.

Я встал. Он протянул правую руку и положил ладонь мне на плечо. Талисман пульсировал. Отец взглянул мне в глаза.

— Ни один человек не может иметь всего, что хочет, так, как он того хочет, — сказал он.

И вдруг меня будто отбросило, словно сила Козыря, только работающая наоборот. Я услышал голоса, затем вокруг себя я увидел комнату, из которой ушел. Бенедикт, Джерард, Рэндом и Дара по-прежнему были там. Я почувствовал, что Папа отпустил мое плечо. Затем он исчез, а я вновь оказался в Янтаре.

— Что за дела? — сказал Рэндом. — Мы видели, как Папа послал тебя назад. Между прочим, как он это сделал?

— Не знаю, — сказал я. — Но он подтверждает то, о чем нам рассказала Дара.

— Почему? — спросил Джерард.

— Он хочет, чтобы мы научились верить ей, — сказал я.

Бенедикт поднялся на ноги.

— Тогда я пойду и сделаю как было приказано.

— Он хочет, чтобы вы атаковали, затем отступили, — сказала Дара. — После чего будет необходимо лишь сдерживать их.

— Как долго?

— Он только сказал, что это будет очевидно.

Бенедикт выдал одну из своих редких улыбок и кивнул. Одной рукой он ухитрился извлечь футляр с картами, вынул колоду, большим пальцем выщелкнул особый Козырь, который я дал ему для Дворов.

— Удачи, — сказал Рэндом.

— Да, — согласился Джерард.

Я прибавил свои пожелания и посмотрел, как блекнет Бенедикт. Когда его радужное послесвечение исчезло, я обернулся и заметил, что Дара тихонько плачет. Высказываться по этому поводу я не стал.

— Теперь у меня тоже есть приказ… или что-то вроде, — сказал я. — Мне пора двигаться.

— А я вернусь обратно в море, — сказал Джерард.

— Нет, — услышал я голос Дары, когда двинулся к двери.

Я остановился.

— Ты останешься здесь, Джерард, и присмотришь за безопасностью самого Янтаря. Атак с моря не будет.

— Но я думал, местная оборона поручена Рэндому.

Она покачала головой.

— Рэндом присоединится к Джулиэну в Ардене.

— Ты уверена? — спросил Рэндом.

— Уверена.

— Хорошо, — сказал он. — Приятно знать, что он, по крайней мере, не забыл обо мне. Извини, Джерард. Это брейк, Джерард![4]

Джерард смотрел озадаченно.

— Надеюсь, Папа знает, что делает, — сказал он.

— Это мы уже проходили, — сказал я. — Пока.

Выходя из комнаты, я услышал шаги. Возле меня возникла Дара.

— Что еще? — спросил я.

— Я хотела пойти с тобой, куда бы ты ни направлялся.

— Я как раз направляюсь наверх собрать кое-какие припасы. Потом я направляюсь в конюшню.

— Я пойду с тобой.

— Я поеду один.

— Увы. Может, и к лучшему. Мне все равно надо поговорить с твоими сестрами.

— Их тоже пристроили к делу, а?

— Да.

Какое-то время мы шли в молчании, затем она сказала:

— Все совсем не так холодно и расчетливо, как кажется, Корвин.

Мы вошли в кладовую.

— Что совсем не так?

— Ты знаешь, о чем я.

— А-а, об этом. Ну хорошо.

— Ты мне нравишься. Это может длиться больше, чем тот день, если у тебя сохранились хоть какие-то чувства.

Гордость подсказала мне колючий ответ, но я придержал язык за зубами. За столетия кое-что да узнаёшь. Да, она использовала меня, верно, но в то же время она явно не была свободной в своей воле. Но самое худшее было то, что Папа хотел, чтобы я хотел Дару. Но я не позволил негодованию по этому поводу смешаться с моими реальными чувствами — или с тем, чем они могли стать.

Итак:

— Ты мне тоже нравишься, — сказал я и посмотрел на нее.

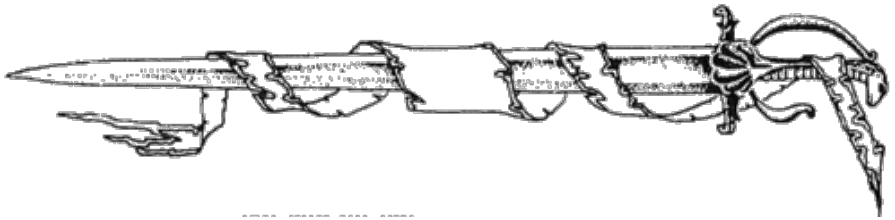
Судя по Даре, ее пора было поцеловать, что я и сделал.

— Мне пора.

Она улыбнулась и сжала мою руку. Затем ушла. Я решил пока не проверять своих растрепанных чувств. А просто собрал воедино.

Я оседлал Звезду и поехал через гребень Колвира, пока не добрался до гробницы. Расположившись снаружи, я закурил трубку и стал смотреть на облака. Я чувствовал, что у меня выпал слишком насыщенный день, а ведь едва миновало утро. Предчувствия играли в салочки в гротах моего разума, но ни одно из них я не позаботился бы пригласить на ленч.

III



Пока я сидел в полудреме, внезапно кто-то запросил связь. В одно мгновение я оказался на ногах. Это был Папа.

— Корвин, я принял решение, и время настало, — сказал он. — Обнажи левую руку.

Я так и сделал, пока его черты обретали реальность, выглядя все более и более царственными, странная печаль лежала на его лице, печаль, какую я раньше никогда не видел на лике Оберона.

Он взял мое запястье левой рукой, а правой вынул кинжал.

Я смотрел, как он надрезает мне кожу, потом кладет клинок обратно в ножны. Потекла кровь, а он сложил левую ладонь ковшиком и стал собирать кровь. Отпустил мою руку, накрыл левую ладонь правой и отшагнул. Подняв ладони к лицу, он дунул на них и быстро развел руки в стороны.

Хохлатая красная птица величиной с ворона — все перья цвета крови — посидела у него на ладони, переместилась на запястье, взглянула на меня. Даже глаза ее были красны, а в их взгляде, когда птица склонила голову набок и уставилась на меня, мелькнуло что-то знакомое.

— Это Корвин, тот, за кем ты должна следовать, — сказал Оберон птице. — Запомни его.

Затем он пересадил птицу на левое плечо, откуда она продолжала разглядывать меня, не делая и попытки сбежать.

— Сейчас ты должен идти, Корвин, — сказал он, — быстро. Садись на коня и поезжай на юг, уйди в Тень, насколько сможешь. Двигайся в «адской скачке». Уберись отсюда как можно дальше.

— Куда мне идти, отец? — спросил я его.

— Ко Дворам Хаоса. Дорогу знаешь?

— В теории. Я никогда не преодолевал это расстояние верхом.

Папа медленно кивнул.

— Тогда двигай, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты набрал как можно большую временную разницу по отношению к Янтарю.

— Ладно, — сказал я, — но я не понимаю.

— Поймешь, когда придет время.

— Но есть путь полегче, — запротестовал я. — Я могу добраться туда быстрее и с меньшими трудностями, просто свяжусь с Бенедиктом по его Козырю, и он проведет меня.

— Нет смысла, — сказал Папа. — Необходимо, чтобы ты шел длинным путем, потому что ты понесешь нечто, что будет тебе доставлено по пути.

— Доставлено? Как?

Он поднял руку и взъерошил красные птичьи перья.

— Вот этим твоим приятелем. Он не сможет долететь до Дворов… вовремя — нет.

— И что он мне принесет?

— Талисман. Сомневаюсь, что буду способен переместиться туда, когда закончу то, что мне нужно будет сделать с его помощью. Но сила Талисмана может потребоваться там, у Дворов.

— Ясно, — сказал я. — Но мне все равно не придется одолевать все расстояние. Я могу козырнуться туда, как только получу Талисман.

— Боюсь, что нет. Если я совершу то, что должен, на какой-то период Козыри могут отключиться.

— Почему?

— Потому что вся ткань существования будет подвергнута изменению. Езжай же, к черту! Садись на коня и — вперед!

Я встал и мгновение разглядывал его.

— Отец, а нет другого пути?

Он просто покачал головой и поднял руку. Начал блекнуть.

— Прощай.

Я развернулся и сел в седло. Было еще что сказать, но уже слишком поздно. Я направил Звезду в сторону тропы, что привела бы меня на юг.

Хоть Папа и умел играть с тканью Тени на вершине Колвира, я никогда не был способен на такое. Мне требовалась отъехать от Янтаря подальше, прежде чем начать перетасовку.

Все же, зная, что это можно сделать, я чувствовал, что стоит попробовать. Итак, прокладывая себе путь на юг по голому камню и вниз по скалистому ущелью, там, где завывал ветер, я попробовал закрутить ткань существования вокруг себя, пока направлялся к тропе, что вела к Гарнату.

…Небольшой островок синих цветов, как только я обогнул каменный выступ.

При этом я испытал восторг, потому что цветы были мельчайшей частью моих стараний. Я продолжил накладывать свою волю на мир, который ждал за каждым поворотом тропы.

Тень от треугольного камня поперек дороги… Ветер сменился…

Некоторые из усилий поменьше действительно срабатывали… А изгиб тропинки позади… Трещина… Древнее птичье гнездо, высоко на уступе скалы… Еще синие цветы…

Почему бы нет? Дерево… Другое…

Я почувствовал, как внутри меня переливается сила. Теперь — увеличим число изменений.

Затем мне пришла мысль по поводу новообретенной силы. Вполне возможно, что ранее удерживали меня от выполнения подобных манипуляций чисто психологические причины. До самого недавнего времени я рассматривал Янтарь как единую непреложную реальность, от которой все тени обретают свой облик. Теперь я осознал, что он был первым среди теней и что та земля, где стоял мой отец, представляла реальность порядком

выше. Следовательно, хотя близость к нему и создает трудности, но не делает невозможным воздействовать на Тень в этих краях. И все же в других обстоятельствах я приберег бы силы, пока не добрался бы до точки, где тени перетасовывать легче.

Теперь, теперь же меня подгоняла необходимость. Мне приходилось лезть из шкуры вон, торопясь выполнить отцовское поручение.

Ко времени, когда я добрался до тропы, ведущей вниз по южному склону Колвира, характер местности уже изменился. Я смотрел на ряды спокойных уклонов, а не на крутой спуск, которым обычно был отмечен путь. Я уже находился на теневой земле.

По-прежнему слева от меня шрамом лежала черная дорога, но Гарнат, через который она шла, сохранился в чуть лучшем виде, чем тот, который я так хорошо знал. Очертания были мягче благодаря пучкам зелени, которая совсем близко подбиралась к смертельной полосе травы. Как будто мое проклятие на этой земле было чем-то смягчено. Иллюзия восприятия, конечно, поскольку это больше не был в точности мой Янтарь. Но: *я сожалею о своей причастности к этому*, обратился я мысленно, почти как в молитве. *Сейчас я еду, чтобы исправить содеянное. Прости меня, о дух этого места.* Взгляд переместился в сторону Рощи Единорога, но она была слишком далеко к западу, скрытая многими деревьями, чтобы хоть мельком увидеть священную прогалину.

Пока я спускался, склон стал ровнее, превращаясь в невысокую гряду всхолмья. Здесь я пустил Звезду быстрее, держась на юго-запад, затем, в конце концов, на юг. Ниже, еще ниже. На огромном расстоянии слева сверкнуло и засияло море. Вскоре нас разделит черная дорога, поскольку я спускался в Гарнат по направлению к ней. Неважно, что я делал с Тенью, не в моих силах стереть зловещее присутствие черной дороги. На деле самым быстрым путем будет путь, параллельный ей.

Наконец мы добрались до дна долины. Лес Ардена вздымался далеко справа, простираясь на запад, необъятный и освященный веками. Я ехал дальше, отрабатывая те изменения, какие мог, чтобы увести себя еще дальше от дома.

Стараясь оставить в пределах видимости черную дорогу, я держался от нее на почтительном расстоянии. Приходилось, раз уж она была единственным, чего я не мог изменить. Я держал между нами кустарник, деревья и низкие холмы.

Затем я пошел дальше, и структура почвы изменилась.

Прожилки агата… Кучи сланца… Потемневшая зелень…

Облака, плывущие по небу… Солнце, мерцающее и

танцующее…

Мы прибавили шагу. Земля утонула в неподвижности. Тени удлинились, слились. Отступил лес. Справа выросла скальная стена, слева — еще одна… Холодный ветер преследовал меня в неровном каньоне. Полоски слоистых облаков — красные, золотые, желтые и коричневые — мелькнули мимо. Почва на дне каньона стала песчаной. Пыльные дьяволы завертелись вокруг нас.[5] Я еще больше склонился вперед, когда дорога вновь стала забирать наверх. Стены накренились внутрь каньона, придвинулись ближе.

Путь сужался, сужался. Практически я мог коснуться обеих стен…

Их верхние края сошлись. Я ехал по затененному туннелю, сбавляя шаг по мере того, как становилось темнее… Вспыхнул фосфоресцирующий узор. Застонал ветер.

И — на волю!

Свет со стен был слепящ, и повсюду наросли гигантские кристаллы. Мы проскочили мимо, следуя идущей вверх тропе, что уводила прочь сквозь череду мшистых, поросших лесом ложбин; как земное стекло лежали недвижно небольшие, совершенно круглые водоемы.

Перед нами возникли высокие папоротники, и мы проложили путь напролом. Я услышал далекий звук трубы.

Поворачиваем и рысью… Теперь папоротники рыжие, разлапистые и низкие… За ними огромная равнина, розовеющая в вечернем свете…

Вперед, через бледные травы… Запах свежей земли… Горы или темные облака далеко впереди… Промельк звезд слева… Мимолетное дуновение влажного ветра… Синяя луна прыгает в небо… Мерцание среди темных массивов… Воспоминание и раскат грома… Запах бури и движение воздуха…

Сильный ветер… Облака наползают на звезды… Сверкающие вилы втыкаются в дерево справа от меня, превращая его в языки пламени… Покалывание… Запах озона… Потоки воды надо мной… Цепочка огней слева…

Грохот копыт по булыжной мостовой… Приближающийся странный автомобиль… Цилиндрический, пыхтящий… Мы еле избегаем столкновения… Меня преследует крик… Лицо ребенка в освещенном окне…

Грохот копыт… Всплеск… Торговые ряды и дома… Дождь начинается, стихает, прекращается… Наваливается туман, затягивает, сгущается, приобретает жемчужный оттенок от усиливающегося света слева…

Земля становится мягче, краснее… Свет внутри тумана

становится ярче… Новый ветер, на этот раз сзади, накатывающее тепло… Воздух разрывается на части…

Небо в бледно-лимонный цвет… Оранжевое солнце мчится к полудню…

Сотрясение! Я этого не делал, все совершенно неожиданно… Земля под нами смещается — происходит что-то необычное. Новое небо, новое солнце, ржавая пустыня, в которую я только что въехал, — все это растягивается и сжимается, блекнет и

возвращается. Доносится треск, и после очередного сжатия я обнаруживаю нас со Звездой в одиночестве посреди белого ничто — персонажи без декораций. Мы едем по ничему. Свет исходит отовсюду и освещает только нас. Ровный треск, словно весеннее половодье на русской реке — где когда-то я проезжал, — заполоняет мой слух. Звезда, который исходил многие тени, испуганно фыркает.

Я оглядываюсь по сторонам. Появляются расплывчатые очертания, они становятся резче, яснее. Окружение восстанавливается, хоть и в некоем застиранном виде. Часть пигментов вымыта из мира.

Мы сворачиваем налево, скачем к низкому холму, взбираемся на него, задерживаемся на вершине.

Черная дорога. Она кажется неестественной — и куда более, чем все остальное. Она идет рябью под моим взглядом, почти волнами. Треск продолжается, становится громче…

Ветер приходит с севера, поначалу ласковый, но набирающий силу. Глянув в ту сторону, я вижу клубящуюся массу темных облаков.

Я знаю, что должен мчаться так, как никогда раньше. Первичные подвижки разрушения и созидания происходят в тех краях, которые я посещал… когда? Неважно. Волны исходят от Янтаря, и этот мир тоже может исчезнуть — и я вместе с ним. Если Папа не сумеет сложить все обратно.

Я дернул поводья. Мы поскакали на юг.

Равнина… Деревья… Несколько разрушенных зданий… Еще быстрее…

Дым лесного пожара… Стена пламени… Исчезла…

Желтое небо, синие облака… Армада дирижаблей…

Еще быстрее…

Солнце раскаленным железом падает в ведро воды, звезды расползаются в полосы… Бледный свет ложится на прямую тропу… Из темных пятен эффектом Допплера плывут звуки, завывание…[6] Ярче свет, тусклее перспектива… Серое — справа, слева… Еще ярче… Ничего, кроме тропы передо мной… Вой переходит в визг… Формы стягиваются в рулон… Мы скачем сквозь туннель Тени… Он начинает вращаться…

Поворот, поворот… Реальна только дорога… Мир утекает… Я свободнее сажусь в седле и еду, погоняемый силой, стремящейся отбросить меня от Янтаря и швырнуть к Хаосу… Ветер, и крик звенит в ушах… Никогда раньше я не пробивал своей властью Тень к ее пределам… Туннель становится скользким, без единой морщинки, как стекло. Я чувствую, что съезжаю в вихрь, мальстрем, сердце торнадо…[7] Мы со Звездой истекаем потом…

Дикое ощущение побега, как будто меня преследуют… Дорога превращается в абстракцию… Глаза жжет, когда я пытаюсь сморгнуть испарину… Мне не выдержать эту скачку дольше… В основании черепа начинает пульсировать…

Я чуть-чуть натягиваю повод, и Звезда сбавляет ход…

Стены моего туннеля из света становятся зернистыми… Пятна серого, черного, белого, больше напоминает маскировочную ткань «камуфляж»… Коричневый… Оттенок синего… Зеленый… Вой понижается до шума, громыхание, стихает… Тише ветер… Приходят и уходят странные фигуры…

Медленнее, медленнее…

Тропы нет. Копыта Звезды тонут во мху. Небо синее, облака белые. В голове совершенно пусто. Я натягиваю поводья. Я…

Крошечное.

Опустив взгляд, я испытал шок. Я стоял на окраине игрушечной деревни. Дома, что я мог бы положить на ладонь, миниатюрные дороги, крошечные транспортные средства едут по ним…

Я оглянулся. Мы раздавили несколько этих крохотных жилищ. Я глянул по сторонам. Слева их было поменьше. Я осторожно направил Звезду туда, продолжил движение, пока мы оттуда не убрались. На душе остался скверный осадок — чем бы они ни были — кто бы ни жил там. Но изменить ничего я уже не мог.

Я вновь отправился в путь, проходя сквозь Тень, пока не набрел на то, что казалось заброшенной каменоломней под зеленоватым небом. Здесь я чувствовал себя поспокойнее. Я спешился, отпил глоток воды, походил, разминаясь.

Глубоко вдохнул влажный воздух, что объял меня. Теперь я находился далеко от Янтаря, почти так, как никому обычно не нужно было заходить, и здорово продвинулся по дороге в Хаос. Раньше я редко забирался так далеко. Я выбрал этот мир, чтобы остановиться и отдохнуть, потому что он представлял собой самое близкое к привычной реальности, за которую я смог ухватиться, — так как скоро перемены станут все более и более радикальными.

Я разминал свои затекшие мускулы, когда услышал пронзительный крик в воздухе высоко надо мной.

Я поднял взгляд и увидел падающий темный силуэт, и Грейсвандир рефлекторно прыгнула мне в руку. Но свет упал под должным углом, и крылатая фигура вспыхнула огнем.

Знакомая мне птица покружила, покружила и опустилась на мою протянутую руку. Испуганные глаза разглядывали меня с необычайной разумностью, но я не обратил на это особого

внимания, как могло быть в любом другом случае. Вместо этого я сунул Грейсвандир в ножны и потянулся за тем, что принесла птица. За Талисманом Закона.

Так я узнал, что Папина попытка, в чем бы она ни заключалась, завершена. Образ или восстановлен, или исчез. Папа или жив, или мертв. Выберите пару из любой колонки. Теперь результаты его действия распространятся от Янтаря по всей Тени, как рябь в общеизвестном пруду. Довольно скоро я узнаю об этом значительно больше. Пока же у меня есть приказ.

Я закинул цепь на шею и дал Талисману упасть мне на грудь. Вновь сел верхом на Звезду. Моя кровная птица-сестра испустила короткий крик и поднялась в воздух.

Мы вновь двинулись в путь.

…Через местность, где небо белело, пока темнела земля. Затем земля вспыхнула, а небо почернело. Затем наоборот. И опять… с каждым шагом эффект менялся, а когда мы прибавили шагу, превратился в стробоскопическую череду неподвижных кадров, постепенно разрастающихся в дерганый мультик, затем — в раздражающую сверхактивность немого кино. В конце концов все поплыло пятнами.

Мимо мелькали световые точки, похожие на метеоры или кометы. Я начал ощущать пульсацию, словно некое космическое сердцебиение. Все вокруг меня пришло во вращение, как будто я влип в вихрь.

Что-то было не так. Казалось, я теряю контроль. Могло ли быть, что результаты Папиных дел уже добрались до участка Тени, через который я проходил? Это казалось маловероятным. И все же…

Звезда споткнулся. Падая, я накрепко вцепился в гриву, не желая терять лошадь в Тени. Ударился плечом о твердую поверхность и некоторое время лежал в отключке.

Когда части мира вновь собрались в единое целое, я сел и огляделся.

Камуфляжные сумерки продолжались, но пропали звезды. Вместо них в воздухе парили и порхали крупные скалы различных форм и размеров. Я поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам.

Возможно, оттуда, куда я смотрел, неровная каменистая поверхность, на которой я стоял, сама была лишь булыжником размером с гору, парящим вместе с другими. Звезда поднялся и стоял, дрожа, возле меня. Абсолютная тишина окружала нас. Неподвижный воздух был холоден. В поле зрения не было ничего живого. Место это мне не понравилось. Я не стал бы здесь задерживаться по собственному желанию. Я опустился на колени, чтобы осмотреть копыта Звезды. Я хотел как можно скорее уехать

отсюда, и желательно верхом.

Занимаясь этим, я услышал негромкий смешок, который мог исходить из вполне человеческой глотки.

Я приостановился, положив ладонь на рукоять Грейсвандир и разыскивая источник звука.

Ничего. Нигде.

И все же я слышал его. Я медленно повернулся, оглядываясь по сторонам. Нет…

Затем смешок раздался вновь. Только на этот раз я сообразил, что источник находится наверху.

Я осмотрел дрейфующие скалы. Трудно было прикинуть размеры этих подернутых тенью валунов…

Есть!

В десяти метрах над землей и в тридцати слева от меня на верхушке небольшого острова в небе стояло то, что походило на человека и разглядывало меня. Я прикинул варианты. Чем бы оно ни было, кажется, оно находилось слишком далеко, чтобы представлять угрозу. Я был уверен, что смогу убраться отсюда раньше, чем оно доберется до меня. Я сделал движение, чтобы сесть верхом.

— Бесполезно, Корвин, — воззвал голос, слышать который сейчас мне хотелось менее всего. — Ты заперт здесь. Нет тебе отсюда пути без моего разрешения.

Я улыбнулся, садясь в седло, затем вытащил Грейсвандир.

— Давай выясним, — сказал я. — Попробуй встать на моем пути.

— Ну ладно, — сказал он, и из голой скалы выпрыгнули языки пламени, воздвигая вокруг меня полный круг, — облизывающиеся, раскидывающиеся, беззвучные.

Звезда взбесился. Я кинул Грейсвандир обратно в ножны, накинул край плаща на глаза Звезде, произнес успокаивающие слова. Пока я этим занимался, круг увеличился, пламя отступило до края огромной скалы, на которой мы стояли.

— Убедился? — донесся голос. — Места слишком мало. Поезжай в любом направлении. Твой конь снова ударится в панику до того, как ты сможешь перейти в Тень.

— Прощай, Брэнд, — сказал я и пришпорил Звезду.

Я, как на ипподроме, по большому кругу против часовой стрелки проскакал по скалистой поверхности, заслоняя правый глаз Звезды от пламени, бушующего на периферии скалы. Я слышал, как Брэнд опять хмыкает, не сообразив, что я делаю.

Пара крупных скал… Хорошо. Я проехал мимо, продолжая держаться курса. Теперь иззубренный гребень камня слева от меня, подъем, спуск… Путаница теней отброшена огнями поперек

моей дороги… Туда. Вниз… Вверх… Чуть-чуть зеленого в лоскуте света… Я смог почувствовать, что началось смещение.

Тот факт, что нам легче выбирать курс по прямой, вовсе не значит, что это единственный способ. Но нас так долго убеждали в этом, что мы склонны забывать: можно добиться того же эффекта и двигаясь по кругу…

Я смог ощутить смещение сильнее, как только вновь приблизился к двум большим скалам. Брэнд тоже к тому времени просек.

— Прекрати, Корвин!

Я продемонстрировал ему палец в непристойном жесте и срезал угол между скалами, направляясь в узкий каньон, испещренный пятнышками желтого света. Согласно спецификации.

Сдернув плащ с головы Звезды, я тряхнул поводья. Справа каньон резко обрывался. Мы проследовали по нему на куда лучше освещенный проспект, который по мере движения расширялся и светлел.

…По ту сторону выпирающего выступа молочное небо потемнело до цвета жемчуга.

Скачем мощнее, быстрее, дальше… Зубчатый утес венчает верхнюю осыпь слева от меня, зеленея перекрученными знаками кустарников под тронутым розовым небом.

Я ехал, пока зелень не посинела под желтыми небесами, пока каньон не поднялся, чтобы встретиться с лавандовой равниной там, где перекатывались оранжевые камни, стоило земле вздрогнуть в такт ударам копыт. Я пересек ее под кружащимися кометами, добравшись до берега кроваво-красного моря в краю, где ароматы густы и пьянящи. Я проскакал большое зеленое солнце и маленькое бронзовое, промерил копытами лошади тот берег, где между морем и небом сталкивались флоты скелетов, а змеи глубин окружали оранжево- и синепарусные корабли. Талисман пульсировал на моей груди, и я вытягивал из него силы. Поднялся дикий ветер и вознес нас сквозь медного цвета небо над завывающей пропастью, которая растянулась, кажется, до бесконечности — чернодонная, пронизанная искрами, дымящаяся пьяными ароматами…

За спиной несмолкающий гром… Тонкие линии, похожие на кракелюры старой картины, рядом с нами, приближаются, повсюду… Холодный, убивающий запахи ветер преследует нас…

Линии… Трещины расширяются, чернота наплывает, чтобы наполнить собой… Темные полосы пробегают мимо, вверх, вниз, наслаиваясь друг на друга… Расставленная сеть, труд гигантского невидимого паука, ловушка для миров…

Вниз, вниз и вниз… Вновь земля, морщинистая и кожистая, как шея мумии… Беззвучен наш пульсирующий переход… Умирающий гром, стихающий ветер… последний вздох Папы? Теперь побыстрее и прочь…

Сужение линий, утончение мелких деталей, блекнущих в солнечном пекле… И все же еще быстрее…

Приближающийся всадник… Рука ложится на рукоять одновременно с моей… Это я. Я сам, возвращающийся назад? Одновременный салют друг другу… Друг сквозь друга, воздух будто касание воды, что высыхает в мгновение… Это зеркало Кэрролла[8], это Ратн-Я, это эффект Тир-на Ног'т… И по-прежнему далеко-далеко слева корчится что-то черное… Мы мчим по дороге… Она ведет меня дальше…

Белое небо, белая земля, и нет горизонта… Бессолнечно и безоблачно… Только черная нить там, далеко, и сверкающие пирамиды повсюду, массивные, сбивающие с толку…

Мы устали. Мне не нравятся эти края… Но мы обогнали того, кто бы нас там ни преследовал. Натягиваю поводья.

Я устал, но вновь ощущаю внутри странную жизненную силу. Она словно поднимается из груди… Талисман. Конечно. Я вновь сделал попытку выжать из него эту силу. Я почувствовал, как она растекается по моим членам, задерживается в кончиках рук и ног. Почти и как будто…

Да. Я потянулся и наложил волю на пустое геометрическое пространство. Оно стало меняться.

Движение. Пирамиды перетасовывались, темнея на ходу. Они сжались, они расплавились, они стали камнями. Мир перевернулся вверх тормашками, и я как будто уперся ногами в подкладку облака, наблюдая, как внизу-вверху проблескивает некий ландшафт.

Мимо меня, вверх, струился свет от золотого солнца под ногами. Это тоже прошло, и курчавящаяся земля потемнела, полыхающие воды поднялись, чтобы вытравить исчезающую землю. Выпрыгнули молнии, чтобы вонзиться в мир над головой, чтобы разбить его на части. Мир местами распался, и его куски падали вокруг меня.

Они принялись кружиться в накатившей волне тьмы.

Когда вновь появился свет, на этот раз голубоватый, у него не было источника, и он не освещал никакой земли.

…Золотые мосты пересекают пустоту длинными узкими лентами, один из них сверкает под нами прямо сейчас. Мы вихрем мчимся по нему, застывшему в холодной неподвижности статуи… Это длится, наверное, век. Феномен, схожий с гипнотизирующим действием скоростного шоссе, накатывает на

меня, опасно убаюкивает.

Я делаю все, что могу, чтобы ускорить наш ход. Проходит еще один век.

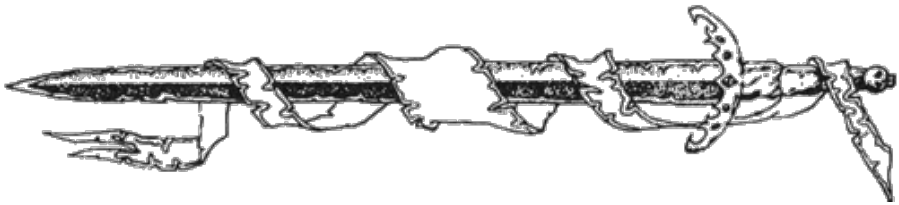
В конце концов далеко впереди — темная размытая клякса, наша станция назначения, растущая, несмотря на нашу скорость, очень медленно.

Ко времени, когда мы достигаем его, он огромен — остров в пустоте, поросший золотыми металлическими деревьями…

Я останавливаю движение, которое занесло нас так далеко, и мы движемся вперед собственными усилиями, въезжаем в лес. Трава, похожая на алюминиевую фольгу, хрустит под ногами, пока мы проезжаем среди тех деревьев. Странные плоды, бледные и блестящие, свисают с ветвей вокруг. Не слышно никаких звуков зверей. Прокладывая путь в чащу, мы подъезжаем к небольшой прогалине, по которой жидким серебром протекает ручей. Там я спешиваюсь.

— Брат Корвин, — вновь раздается голос. — Я ждал тебя.

IV



Я посмотрел в чащу, посмотрел, как он выходит оттуда. Я не вынул своего оружия, как и он не вынул своего. Но мысленно потянулся в Талисман. После упражнений, которые только что завершил, я осознал, что могу этой штукой делать куда больше,

чем просто контролировать погоду. Какова бы ни была сила Брэнда, я чувствовал, что сейчас у меня есть оружие, чтобы впрямую противостоять ему. Талисман запульсировал мощнее, как только я обратился к нему.

— Перемирие, — сказал Брэнд. — О'кей? Может, поговорим?

— Не вижу, что еще мы можем сказать друг другу, — сказал я.

— Если ты не дашь мне шанса, то никогда не узнаешь наверняка, разве не так?

Он подошел и остановился метрах в семи, перекинул зеленый плащ через плечо и улыбнулся.

— Хорошо. Говори, что бы это ни было, — сказал я.

— Я пытался остановить тебя, — сказал он, — мне нужно было добраться до Талисмана. Теперь ты знаешь, что он собой представляет, и понимаешь, насколько он важен.

Я ничего не сказал.

— Папа уже воспользовался им, — продолжал Брэнд, — и мне жаль, но я принес дурную весть: он не преуспел в том, что собирался сделать с его помощью.

— Что? Откуда ты знаешь?

— Я умею видеть сквозь Тень, Корвин. Я думал, наша сестрица нашептала тебе больше по этому поводу. Небольшим ментальным усилием я могу достичь любой точки, какую бы я ни выбрал. Естественно, меня заботит результат последнего деяния отца. Так что я наблюдал. Он умер, Корвин. Усилие для него оказалось чрезмерным. Он утратил контроль над силами, которыми манипулировал, и был разорван ими, пройдя чуть больше чем полпути сквозь Образ.

— Ты врешь! — сказал я, дотрагиваясь до Талисмана.

Брэнд покачал головой.

— Признаю, что готов пойти на ложь, чтобы достичь своих целей, но на этот раз я говорю правду. Папа мертв. Я видел, как он упал. Затем птица принесла тебе Талисман, как он того и желал. Мы остались во вселенной без Образа. Безобразной вселенной.

Я не хотел ему верить. Но существовала возможность, что Папа потерпел поражение. Насколько трудна и опасна задача, уведомлял меня единственный эксперт в этом деле — Дваркин.

— Поверим на мгновение в то, что ты сказал, тогда что же случится дальше? — спросил я.

— Все распадется, — отозвался он. — Уже сейчас Хаос бьет ключом, чтобы заполнить вакуум в Янтаре. Явью становится огромный вихрь, и он растет. Он распространяется во все стороны, уничтожая теневые миры, и не остановится, пока не

дойдет до Дворов Хаоса, приведя все творение на круги своя, и Хаос как прежде будет править всем.

Я был ошеломлен. И я с таким трудом свалил из Гринвуда, прошел через все, добрался сюда, чтобы достичь вот такого финала? И я увижу, как все будет вырвано из смысла, формы, содержания, жизни, когда нас подтолкнут к чему-то вроде вселенской смерти?

— Нет! — сказал я. — Не может быть.

— Если только… — тихо сказал Брэнд.

— Если только что?

— Если только не будет начертан новый Образ, новый порядок, созданный для сохранения прежнего состояния.

— Хочешь сказать, надо вновь окунуться в ту чехарду и закончить работу? Но, по твоим словам, того мира больше нет.

— Нет. Конечно, нет. Месторасположение не важно. Где бы ни находился Образ, там и будет центр. Я могу сделать это прямо здесь.

— Думаешь, что можешь преуспеть в том, что не вышло у Папы?

— Мне придется попробовать. Я — единственный, кто знает достаточно и у кого есть достаточно времени перед тем, как придут волны Хаоса. Слушай, я признаю все, что, несомненно, рассказала тебе Фиона обо мне. Я злоумышлял и действовал. Я заключил сделку с врагами Янтаря. Я пролил нашу кровь. Я попытался выжечь твою память. Но мир — а я тоже живу здесь — будет сейчас уничтожен. Все мои планы — все! — станут ничем, если не сохранится хоть какая-то мера порядка. Наверное, я был обманут повелителями Хаоса. Мне трудно это признать, но сейчас я вижу подобную возможность. Хотя еще не поздно сорвать их планы. Мы можем выстроить новые бастионы порядка прямо здесь.

— Как?

— Мне нужен Талисман… и твоя помощь. Это будет основание нового Янтаря.

— Предположим — *arguendo*[9] — я тебе помогу. Будет ли новый Образ таким же, как и старый?

Брэнд покачал головой.

— Такого быть не может — не более, чем тот, который пытался воссоздать Папа, будет похож на Образ Дваркина. Двум авторам не воспроизвести один и тот же сюжет на один и тот же лад. Личных стилистических различий нельзя избежать. И неважно, сколь упорно я буду стараться сдублировать Образ, мой вариант всегда будет слегка, но отличаться.

— И как же ты это сделаешь, — спросил я, — если ты не

полностью настроен на Талисман? Тебе понадобился бы Образ, чтобы завершить процесс настройки — а, по твоим словам, Образ разрушен.

— Я сказал, что мне нужна твоя помощь, — заявил Брэнд. — Есть еще один способ настроить человека на Талисман. Он требует помощи того, кто уже настроен. Тебе потребуется спроецировать себя сквозь Талисман еще раз и взять с собой меня — внутрь и сквозь изначальный Образ, что лежит там.

— А потом?

— Ну, когда испытание высшим порядком пройдет, я буду настроен, ты отдашь мне Талисман, я нарисую новый Образ, и мы займемся делами. Все замкнулось. Жизнь продолжается.

— А Хаос?

— Новый Образ не будет искажен. У них больше не будет дороги, ведущей к Янтарю.

— Со смертью Папы как пойдут дела в новом Янтаре?

Брэнд криво улыбнулся.

— Мне кое-что причитается за мои болячки, так ведь? Я рискую жизнью, а прикуп не всегда так хорош.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Кстати о воздаянии, а что мешает мне самому сделать рискованную ставку? — сказал я.

— То же, что помешало Папе, — все силы Хаоса. Они проявляются как некоего рода космический рефлекс, когда начинается такое воздействие. У меня больше опыта общения с ними, чем у тебя. У тебя не будет и шанса. У меня же — может быть.

— Теперь давай предположим, что ты врешь мне, Брэнд. Или будем столь любезны на иное предположение: в суматохе ты не все ясно разглядел. Допустим, Папа преуспел. Допустим, что уже сейчас существует новый Образ. Что случится, если ты сделаешь другой, здесь, сейчас?

— Я… Раньше такого не бывало. Откуда мне знать?

— Любопытно, — сказал я. — Смог бы этот Образ отщепить новую вселенную — Янтарь и Тень — только для тебя? Смог бы он отторгнуть нашу? Или просто тихо будет существовать в сторонке? Или чуть перекроет наш? К чему, как ты думаешь, приведет такой оборот дел?

Брэнд пожал плечами.

— Я уже ответил. Раньше такого никогда не было. Откуда мне знать?

— Но я думаю, что ты знаешь или имеешь очень хорошую догадку на этот счет. Я думаю, это ты планируешь, это ты и хочешь опробовать… потому что это все, что тебе осталось. Я

понимаю это действие с твоей стороны, как знак того, что Папа преуспел и что ты выкладываешь последнюю карту. Но для этого тебе нужен я и тебе нужен Талисман. Ни того, ни другого у тебя нет.

Он вздохнул.

— От тебя я ожидал большего. Ну ладно. Ты ошибаешься, но пусть все останется так. Хотя послушай. Чем все потерять, я скорее готов разделить владение с тобой.

— Брэнд, — сказал я, — завязывай. Ты не получишь от меня ни Талисмана, ни помощи. Я выслушал тебя и думаю, что ты врешь.

— Ты боишься, — сказал он, — боишься меня. Я не виню тебя в твоем нежелании верить мне. Но ты совершаешь ошибку. Сейчас тебе нужен я.

— Тем не менее я сделал выбор.

Он шагнул ко мне. Еще раз…

— Все что хочешь, Корвин. Я могу дать тебе все, что сумеешь назвать.

— Я был с Бенедиктом в Тир-на Ног'т, — сказал я, — смотрел его глазами, слушал его ушами, когда ты сделал такое же предложение ему. Кончай, Брэнд. Я продолжу свою миссию. Если ты думаешь, что можешь остановить меня, то — рискни. Шанс сейчас не хуже и не лучше, чем в любой другой раз.

Я пошел к нему. Я знал, что убил бы его, если б добрался. Еще я знал, что не успею добраться до него.

Брэнд остановился. Сделал шаг назад.

— Ты совершаешь большую ошибку, — сказал он.

— Я так не думаю. Я думаю, что поступаю абсолютно правильно.

— Я не стану сражаться с тобой, — сказал он торопливо. — Не здесь, над бездной. Здесь все шансы у тебя. В следующий раз, когда мы встретимся, мне придется забрать у тебя Талисман.

— Зачем он тебе без настройки?

— Возможно, что существует еще какой-нибудь способ — более трудоемкий, но возможный. А пока — вот тебе шанс. До свидания.

Брэнд отступил в лес. Я пошел следом, но он исчез.

Я покинул тот край и поехал дальше по дороге через ничто. Мне претила сама мысль о том, что Брэнд мог говорить правду или, по крайней мере, полуправду. Но сказанное им не оставляло меня в покое. Предположим, Папа потерпел неудачу. Значит, дело мое безнадежно. Все кончено, и остальное лишь вопрос времени. Мне не хотелось оглядываться, так чтобы проверить, не нагоняет

ли меня кто-нибудь или что-нибудь. Я перешел на сдержанный темп «адской скачки». Я хотел добраться до остальных, прежде чем волна Хаоса заберется так далеко: просто чтобы дать им знать, что я сохранил веру, чтобы они поняли, что в конечном счете я сделал все, что мог. Затем я задумался: как там сражение? И продолжается ли оно в тех же временных рамках?

Я мчался по мосту, который раскинулся под наливающимся светом небом. Пока он обретал вид золотой равнины, я обдумал

угрозу Брэнда. Сказал ли он то, что сказал, просто чтобы разбудить сомнения, усилить мою тревогу и ослабить эффективность действий? Возможно. И все же, если Брэнду требуется Талисман, ему придется устроить на меня засаду. И мне следует принять во внимание ту странную власть, которую он приобрел над Тенью. Казалось почти невозможным подготовиться к нападению кого-то, кто может следить за каждым моим движением и перенестись в мгновение ока в самую выгодную для нападения точку. Как скоро это может случиться? Не слишком скоро, предположил я. Сначала он захочет потрепать мне нервы, — а я уже устал и достаточно сильно издерган. Мне придется отдохнуть, поспать — раньше или позже. Для меня было невозможно пройти то огромное расстояние на едином дыхании, и неважно, какой при этом будет темп «адской скачки».

Клубы розового, оранжевого и зеленого тумана пролетели мимо, закрутились вокруг меня, наполняя мир. Земля звенела под нами, точно металл. Над головой раздавались мелодичные звуки — будто там в вышине звенел хрусталь. Мысли мои танцевали. Возникали и исчезали случайные воспоминания о многих мирах. Ганелон, мой друг-враг, и мой отец, враг-друг, сливались и разделялись, разделялись и сливались. Где-то один из них спрашивал меня, у кого есть право на трон. Я думал, это был Ганелон, желающий узнать правомерность наших притязаний. Теперь я знал, что это был Папа, желающий знать мои чувства. Он все обдумал. Он принял решение. А я отступился. Было ли это задержанное развитие, желание освободиться от подобных затруднений или внезапное просветление, основанное на всем, что я испытал за последние годы, — медленно разрастающееся во мне, дарующее мне более зрелый взгляд на обременительную роль монарха, не задрапированную мгновениями славы, — я не знаю. Я помнил свою жизнь на тени Земля, как следовал приказам, как отдавал их. Лица плыли передо мной — люди, которых я узнал за столетия, — друзья, враги, жены, любовницы, родственники. Казалось, Лоррайн подманивала меня, Мойре смеялась, Дейрдре плакала. Я вновь сражался с Эриком. Я вспомнил свое первое прохождение Образа, еще мальчиком, а затем последнее, когда шаг за шагом ко мне возвращалась память. Убийства, воровство, рыцарство, соблазны вернулись, потому что, как сказал Мэллори, они были там. Я даже не был способен правильно разместить их во времени. Не было великого беспокойства, потому что не было огромной вины. Время, время и опять-таки время сточило острые края, отработало перемены, происшедшие во мне, Я видел бесконечную череду прежних себя как совсем других людей, своих знакомых, которых я перерос.

Интересно, как же я мог быть хотя бы некоторыми из них. Пока я стремился вперед, сцены прошлого, похоже, уплотнили туман вокруг меня. И никакой поэзии. Битвы, в которых я участвовал, принимали осязаемую форму, не считая абсолютного отсутствия звуков, — блеск оружия, цвета униформы, знамена и кровь. И люди — большинство из которых давно мертвы — выходили из моей памяти, оживая безмолвно вокруг меня. Никто из них не был членом моей семьи, но все они были людьми, которые когда-то что-то для меня значили. И все же в этом не было особенного рисунка, никакой особой невероятности. Были благородные деяния, так же как и постыдные; враги, как и друзья, — и никто не обращал внимания на меня; все были захвачены некоей долгодлящейся чередой действий. Потом я заинтересовался природой земли, по которой ехал. Было ли это размытым вариантом Тир-на Ног'т, с какой-то чувствительной к разуму субстанцией в окрестности, что вытягивала из меня и проецировала эту панораму: «Вот это твоя жизнь»? Или я просто взялся ловить галлюцинации? Я был утомлен, озабочен, встревожен, подавлен и двигался по дороге, которая обеспечивала монотонную, тихую симуляцию ощущений того сорта, что склоняют к размышлениям… Я сообразил, что некоторое время назад потерял контроль над Тенью и сейчас просто следую напрямик по этой местности, пойманный зрелищем в ловушку какого-то воплощенного нарциссизма…[10] Затем я осознал, что мне придется остановиться и отдохнуть — вероятно, даже немного поспать, — хоть я и боялся поступать так в этих краях. Мне пришлось вырваться на свободу и найти дорогу в более спокойное пустынное место…

Я вывернул окружение. Перекрутил все вокруг. Вырвался.

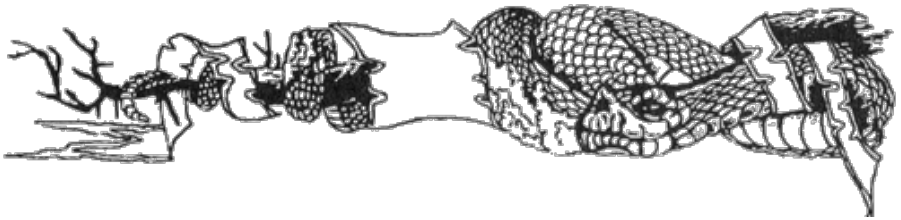
Вскоре я ехал по неровной гористой местности и совсем скоро доехал до пещеры, о чем и мечтал.

Мы зашли внутрь, и я позаботился о Звезде. Поел и выпил ровно столько, чтобы притупить голод. Огня я не разводил. Закутался в плащ и прихваченное с собой одеяло. В правой руке я держал Грейсвандир. Я лег лицом ко тьме снаружи пещеры.

Я чувствовал себя слегка больным. Я знал, что Брэнд лжец, но его слова все равно обеспокоили меня.

Но в стремлении поспать я всегда был хорош. Я закрыл глаза и провалился в сон.

V



Меня разбудило ощущение чьего-то присутствия. Или, может быть, это был шум и ощущение чьего-то присутствия. Как бы там ни было, я проснулся и понял, что в пещере не один. Я сжал руку на рукояти Грейсвандир и открыл глаза. И это было моим

единственным движением.

Мягкий свет, похожий на сияние луны, проникал в зев пещеры. Рядом у входа стояла фигура, вероятно человеческая. Свет был таким, что я не мог сказать, стояла она ко мне лицом или спиной. Но тут она шагнула ко мне.

Я вскочил на ноги, острие клинка нацелилось в грудь незнакомцу. Фигура остановилась.

— Мир, — сказал человеческий голос на тари[11]. — Я всего лишь укрываюсь от бури. Могу ли я разделить с тобою пещеру?

— Что за буря? — спросил я.

Как бы в ответ прокатился раскат грома, преследуемый порывом ветра, который принес запах дождя.

— Да, гремит основательно, — сказал я. — Устраивайся поудобнее.

Он сел подальше от входа, спиной к правой стене пещеры.

Я свернул одеяло в тючок и устроился напротив него. Нас разделяло около четырех метров. Я выудил трубку и набил ее, затем опробовал спички, которые сохранились при мне еще с тени Земля. Спичка загорелась, избавив меня от множества хлопот. У табака был хороший запах, смешавшийся с влажным ветром. Я прислушивался к звукам дождя и смотрел на темный силуэт незнакомца. Я обдумал возможную опасность, но голос, который ко мне обратился, не принадлежал Брэнду.

— Это не естественная буря, — произнес этот голос.

— Да? То есть?

— Просто она идет с севера. А здесь в это время года бури никогда не приходят с севера.

— Если верить летописям.

— С другой стороны, я никогда не видел, чтобы буря так себя вела. Я весь день наблюдал за ее приближением — просто ровная линия, медленно продвигающаяся, фронт похож на лист стекла. Было так много молний, что туча смахивала на гигантское насекомое с сотней сверкающих ног. Весьма неестественно. А позади нее все становилось искаженным.

— Это случается и в ливень.

— Но не так сильно. Похоже, все меняет свой облик. Расплывается. Словно мир плавится… или вываливается из формы.

Я пожал плечами. Я думал, что забрался достаточно далеко, опередив темные волны, чтобы немного передохнуть. К тому же он мог ошибаться, и это просто необычная буря. Но я не хотел полагаться на случай. Я встал и повернулся к дальнему концу пещеры. Свистнул.

Нет ответа. Я вернулся и пошарил на ощупь.

— Что-то не так?

— Лошадь исчезла.

— Может, убрела куда-то?

— Может быть. Но я всегда считал, что Звезда соображает лучше.

Я подошел ко входу в пещеру, но ничего не увидел. За тот миг, пока я там стоял, ухитрился наполовину вымокнуть. Я вернулся на свое место у левой стены.

— По мне, так вполне заурядная буря, — сказал я. — В горах они бывают весьма скверными.

— Наверное, ты знаешь окрестности лучше меня?

— Нет, я просто еду мимо… и мне бы лучше поскорее продолжить путь.

Я коснулся Талисмана. Мысленно потянулся в него, затем сквозь, наружу и вверх. Я почувствовал бурю вокруг себя и приказал ей уйти, красные всплески энергии согласовывались с ударами сердца. Затем я прислонился к стене, нашел еще одну спичку и снова зажег трубку. Все-таки потребуется какое-то время, пока силы, которыми я манипулирую, завершат свою работу с грозовым фронтом такой протяженности.

— Буря долго не продлится, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Конфиденциальная информация.

Незнакомец хмыкнул.

— Согласно некоторым предсказаниям, вот так и наступит конец света — откуда-то с севера придет странная буря.

— Верно, — сказал я, — так оно и есть. Но беспокоиться не о чем. Скоро все закончится, так или иначе.

— Этот камень, что ты носишь… Он испускает свет.

— Да.

— Ты шутил о конце света… или нет?

— Нет.

— Ты заставляешь меня вспомнить строчки из Святой Книги… *Архангел Корвин пройдет пред бурей с молнией на груди…* [12] Тебя же не Корвином зовут?

— А как там дальше?

— *…Когда спросят, куда он идет, он ответит: «На край Земли», туда он идет, не ведая ни того, что враг поможет ему против другого врага, ни того, кого коснется Рог.*

— И это все?

— Об Архангеле Корвине — все.

— В прошлом у меня были трудности с Писанием. Оно говорит достаточно для того, чтобы заинтересовать, но всегда не достаточно, чтобы начать действовать немедля. Как будто автор

получает удовольствие от ложных надежд. Один враг против другого? Рог? Хоть убей, не понимаю.

— А куда *ты* идешь?

— Если не найду лошадь, то не очень далеко.

Я вернулся ко входу в пещеру. Все успокаивалось, на западе разливалось сияние, словно от прячущейся за облаками луны, и еще одно зарево занималось на востоке. Я посмотрел в оба конца тропы и на склон в долину. Ни одной лошади в поле зрения. Вернулся обратно в пещеру. Однако почти сразу я услышал ржание Звезды далеко внизу.

Я окликнул незнакомца в пещере:

— Мне нужно уходить. Можешь взять одеяло.

Не знаю, ответил ли он мне, потому что я сразу вышел на мелкий дождь, направившись вниз по склону. И вновь я протиснулся сквозь Талисман, и морось прекратилась, сменившись туманом.

Камни были скользкие, но я проделал половину пути вниз, ни разу не споткнувшись. Затем приостановился, чтобы восстановить дыхание и сориентироваться. Я не мог определить точно, откуда доносилось ржание Звезды. Лунный свет был чуть ярче, видимость чуть лучше, но я ничего не увидел, вглядываясь в распахнувшийся передо мной вид. Несколько минут я прислушивался.

Затем услышал ржание еще раз — снизу и левее, от темного валуна, кайрна или обнажения скальной породы[13]. У основания его, в тени, царила какая-то суета. Двигаясь быстро, насколько осмеливался, я направился туда.

Добравшись до ровной поверхности и торопясь к месту событий, я прошел мимо очагов тумана, слегка расшевеленного ветерком с запада. Туман серебристыми змейками обвивался вокруг моих щиколоток. Я услышал хруст, словно что-то тяжелое протолкнули или перекатили по каменистой поверхности. Затем я уловил отблеск света у основания темной массы, к которой приближался.

Подобравшись поближе, я увидел очерченные прямоугольником света небольшие человекоподобные фигуры, с трудом сдвигающие огромную каменную плиту. Слабое эхо цокота и еще одно ржание донеслись с их стороны. Затем камень стал сдвигаться, поворачиваясь, словно дверь, которой он, вероятно, и был. Светлое пятно уменьшилось, сузилось, исчезло с гулким звуком, и все фигуры скрылись за каменной дверью.

Когда я наконец добрался до того каменного уступа, вновь воцарилась тишина. Я прижал ухо к камню, но ничего не услышал. Кем бы они ни были, они увели моего коня. Я всегда

недолюбливал конокрадов и в прошлом убил немалое их число. А сейчас мне как никогда нужна была лошадь. Так что я принялся шарить вокруг, отыскивая края каменных ворот.

Не слишком сложно оказалось нащупать их кончиками пальцев. Вероятно, я нашел их скорее, чем сумел бы при дневном свете, когда все смешивается и сливается, сбивая зрение с толку. Выяснив расположение двери, я стал искать какую-нибудь ручку, за которую можно потянуть. Похитители, кажется, были мелкими ребятишками, так что искал я внизу.

В конце концов я обнаружил нечто подходящее и взялся за это. Затем потянул, но дверь была упрямой. Либо они были непропорционально сильны, либо имелся какой-нибудь фокус, который я упустил.

Неважно. Есть время для нежностей и время для грубой силы. Я одновременно был зол и торопился, так что ни секунды не сомневался.

Я снова налег на плиту, напрягая мышцы рук, плеч, спины и мечтая, чтобы поблизости оказался Джерард. Дверь заскрипела. Я продолжал тянуть. Она слегка сдвинулась — на дюйм, наверное, — и застряла. Я не ослабил, а усилил попытки. Дверь вновь заскрипела.

Я отклонился назад, перераспределил вес и уперся левой ногой в каменную стену рядом с дверным проемом. Еще больше хруста и скрежещущий звук, будто что-то перемалывали, как только дверь опять сдвинулась — еще на дюйм или вроде того. Затем она встала, и я не сумел сдвинуть ее.

Я разжал пальцы и поднялся, разминая руки. Затем навалился на дверь плечом и толкнул обратно, в положение «полностью закрыто». Глубоко вдохнул и взялся за нее вновь.

Поставил левую ногу вновь туда, где она стояла. На этот раз никакого постепенного давления. Я разом дернул и одновременно оттолкнулся.

Изнутри раздались щелчок и скрежет, и дверь выдвинулась примерно на полфута, стеная во время движения. Хотя сейчас она вроде как двигалась посвободнее, так что я встал на ноги, сменил позицию — спиной к стене — и нашел точку опоры, достаточную, чтобы рвануть дверь наружу.

На этот раз дверь пошла легче, но я не удержался, чтобы не упереться в нее ногой, как только она начала открываться, и как следует не пнуть. Она повернулась на сто восемьдесят градусов, с громким гулом врезалась в камень с другой стороны, треснула в нескольких местах, покачнулась, упала и ударилась о землю с треском, разлетевшись вдребезги.

Грейсвандир очутилась у меня в ладони, прежде чем дверь

распахнулась; я опустился на корточки и быстро заглянул за угол.

Свет… Там, внутри, было светло… От небольших ламп, свисающих с крюков вдоль стены… Возле ступеней… Уходящих вниз… Туда, где больше света и звуки… Похоже на музыку…

В поле зрения никого не было. Я было подумал, что тот жуткий грохот, который я устроил, привлек чье-то внимание, но музыка продолжалась. Либо звуки — каким-то образом — не доходили туда, либо им было наплевать. В любом случае…

Я поднялся и перешагнул порог. Нога ударилась о какой-то металлический предмет. Я поднял его и осмотрел. Согнутый засов. Они заперли за собой дверь. Я швырнул засов через плечо и принялся спускаться по лестнице.

Пока я приближался, музыка — скрипки и флейты — становилась громче. Сквозь светлый проем я увидел, что справа от меня у подножия лестницы начинается что-то вроде зала. Ступени были маленькие, и их было множество. Я не стал заботиться о скрытности, а заторопился вниз.

Когда я повернул и заглянул в зал, то увидел сцену из сна какого-нибудь пьяного ирландца. В дымном, освещенном факелами зале танцевала под музыку или осушала залпами нечто похожее на кружки с элем, притоптывая при том ногами, похлопывая по столам и по спинам друг друга, ухмылялась, смеялась и вопила орда краснолицых, одетых в зеленое человечков в метр ростом. Огромные бочки выстроились вдоль стены, и перед одной из них, вскрытой, выстроилась очередь пирующих. В яме в дальнем конце комнаты сверкало громадное пламя, дым его засасывало в трещину в каменной стене, зияла пара пещерных ходов наверху. Звезда был привязан к кольцу в стене возле очага, и крепыш в кожаном переднике правил и натачивал какие-то подозрительные инструменты.

Несколько лиц оборотилось ко мне, раздались крики, и музыка стихла. Тишина была почти абсолютной.

Я поднял клинок в позицию épée en garde, указал через комнату на Звезду. К тому времени ко мне были обращены все лица.

— Я пришел за своей лошадью, — сказал я. — Либо вы приводите Звезду ко мне, либо я пойду и заберу его. Во втором случае будет море крови.

Где-то справа прочистил горло один из мужчин, повыше и поседовласее остальных.

— Прими мои извинения, — начал он, — но как ты сюда попал?

— Вам нужна новая дверь, — сказал я. — Пойди и посмотри, раз неймется, и если это объяснит тебе ситуацию… что, кстати, вполне возможно. Я подожду.

Я сделал шаг в сторону и встал спиной к стене.

Он кивнул.

— Я так и сделаю.

И умчался мимо.

Я ощущал рожденную гневом силу, текущую в Талисман и обратно из него. Часть моего «я» хотела резать, рубить, пробить себе путь через комнату, другая желала более человеческого

обхождения с народом, который так невысок по сравнению со мной самим; а третья и, наверное, более мудрая часть полагала, что задать трепку этим маленьким ребяткам будет не так-то просто. Так что я ждал, чтобы увидеть, насколько мой подвиг по вскрытию двери впечатлит их представителя.

Через несколько минут он вернулся, обойдя меня по большой дуге.

— Верните этому человеку его коня, — сказал он.

В зале прокатился внезапный шквал шепота. Я опустил клинок.

— Мои извинения, — сказал тот, что отдал приказ. — Мы не желаем ссор с такими, как ты. Разживемся где-нибудь еще. Надеюсь, никаких обид?

Человек в кожаном переднике отвязал Звезду и повел ко мне. Пирующие расступались перед ним, пока он вел моего коня через зал.

Я вздохнул.

— Я просто скажу, что на сегодня хватит, прощу и забуду, — сказал я.

Человечек схватил с ближайшего стола кружку и протянул мне. Увидев выражение моего лица, он отхлебнул из нее сам.

— Может, присоединишься к выпивке?

— Почему бы нет? — сказал я, взял кружку и осушил ее, пока человечек проделывал то же самое со второй.

Он подарил мне ласковую отрыжку и усмехнулся.

— Довольно мизерный глоток для человека твоих размеров, — сказал он затем. — Позволь мне принести тебе еще кружку, на дорожку.

Это был приятный эль, а мне хотелось пить после всех моих усилий.

— Ладно, — сказал я.

И не успели Звезду доставить ко мне, как хозяин уже послал за выпивкой.

— Можешь привязать повод за крюк вот здесь, — сказал человечек, указывая на низкий выступ, — и конь в безопасности, и под ногами не болтается.

Я, кивнув, так и поступил, как только мясник убрался. Больше на меня никто не смотрел. Прибыл кувшин их пойла, и человечек наполнил наши кружки. Один из скрипачей грянул свежий мотивчик. Мгновение спустя к нему присоединился второй.

— Присядь ненадолго, — сказал хозяин, ногой подталкивая ко мне скамью. — Обопрись о стену спиной. Тут дело не шуточное.

Я так и сделал, и он обогнул стол и уселся напротив меня, нас разделял кувшин. Было хорошо присесть на несколько минут, отвлечься ненадолго от путешествия, выпить немного эля и послушать живую мелодию.

— Не буду ни приносить извинений еще раз, — сказал мой товарищ, — ни объяснять ничего. Мы оба знаем, что это не недоразумение. Но у тебя на боку висит твое право, и его видно издалека, — он ухмыльнулся и подмигнул. — Так что я тоже полагаю, что на сегодня хватит. Голодать нам не придется. Мы просто не будем сегодня пировать. Красивую вещицу ты носишь на шее. Расскажешь о ней?

— Просто камень, — сказал я.

Танец возобновился. Голоса стали громче. Я прикончил выпивку, и он наполнил графин еще раз. Огонь колебался. Ночной холод выползал из моих костей.

— Уютное у вас здесь местечко, — сказал я.

— О да, уютное. Служит нам с незапамятных времен. Не хочется ли тебе обзорной экскурсии?

— Спасибо, нет.

— Понятно, что нет, но долг хозяина предложить. Если пожелаешь присоединиться к танцу, то — пожалуйста.

Я покачал головой и рассмеялся. Мысль о том, чтобы попрыгать в этом месте, навеяла образы из Свифта[14].

— Все равно спасибо.

Он вытащил глиняную трубку и принялся набивать ее. Я выбил свою собственную и последовал примеру хозяина. Вся опасность каким-то образом показалась давно минувшей. Он был достаточно разумный, этот маленький парень, а другие со своей музыкой и плясками теперь казались безвредными.

И все же… Я знал истории о таких посиделках, истории издалека, из такого далека… Проснуться утром, голым, в чистом поле, и никаких следов того, что было ночью… Все-таки я знал…

Несколько стаканов казались небольшой опасностью. Эль меня согрел, а причитания флейт и завывания скрипок были приятны после отупляющих взбрыков «адской скачки». Я откинулся и запыхтел трубкой. Смотрел на танцоров.

Маленький человечек говорил, говорил. Все остальные не обращали на меня никакого внимания. Хорошо. Я слушал какую-то фантастическую байку о рыцарях, войсках и сокровищах. Хоть я и слушал ее менее чем вполуха, она баюкала меня, даже заставила пару раз хмыкнуть.

А изнутри мое более гадкое и, как всегда, более мудрое «я» предупреждало: ну ладно, Корвин, с тебя хватит. Пора уходить…

Но, словно по волшебству, мой бокал вновь был наполнен, и

я взял его и отхлебнул. Еще раз, пока все хорошо.

Нет, сказало второе мое «я», он же накладывает на тебя заклятие. Не чувствуешь, что ли?

Я не понимал, как какой-нибудь карлик сможет упоить меня в дым. Но я устал и не слишком много ел. Наверное, было бы благоразумно…

Я почувствовал, что засыпаю. Положил трубку на стол. Каждый раз, когда я мигал, казалось, требовалось все больше времени, чтобы вновь открыть глаза. Мне было так приятно и тепло сейчас, и какое-то восхитительное онемение усталых мышц, совсем чуть-чуть.

Я опять поймал себя на том, что отрубаюсь, — дважды. Постарался думать о своей миссии, о личной безопасности, о Звезде… Что-то промямлил, все еще смутно бодрствующий с закрытыми глазами. Было бы хорошо просто еще полминуты вот так посидеть…

Голос маленького человечка, такой музыкальный, стал монотоннее, упал до низкого жужжания. Было совсем не важно, что он там говорил…

Заржал Звезда.

Я резко выпрямился, раскрыв глаза, и расклад, вскрывшийся передо мной, выдул весь сон у меня из головы.

Музыканты продолжали свое представление, но никто теперь не танцевал. Все пирующие приближались ко мне. Каждый что-нибудь держал в руке — фляжку, дубинку, клинок. Один, в кожаном переднике, размахивал мясницким ножом. Мой собутыльник взял прислоненную до того к стене крепкую палку. Несколько человек вооружились предметами меблировки. И еще целая куча валила из пещер возле очага, и они тащили камни и дубинки. Все следы веселости исчезли, и их лица сейчас были либо бесстрастны, либо искажены гримасами ненависти, либо улыбались весьма гадостными улыбками.

Злость вернулась, но это был не тот накал добела, что я чувствовал раньше. У меня, разглядывающего эту орду, не было желания разбираться с ней. Благоразумие утихомирило мой гнев. У меня была миссия. Мне не следует рисковать своей шеей, если я могу придумать иной способ справиться с проблемами. Другое дело — был ли этот иной способ.

Я сделал глубокий вдох. Увидел, что они готовы броситься на меня, и подумал вдруг о Брэнде и Бенедикте в Тир-на Ног’т, Брэнде, даже не полностью настроенном на Талисман. Я черпнул силу из огненного камня еще раз, напряженный еще больше и готовый ответить налево и направо, если до этого дойдет. Но сначала я бы попытался добраться до их нервной системы.

Я не знал, как это делал Брэнд, так что просто потянулся сквозь Талисман, словно воздействовал на погоду. Странно, музыка все еще играла, как будто это действие маленького народа было лишь неким наводящим жуть продолжением их танца.

— Стойте смирно, — сказал я вслух и пожелал этого, поднимаясь на ноги. — Замрите. Обратитесь в статуи. Вы все.

Я почувствовал тяжкую пульсацию на моей груди. Почувствовал, как вырываются наружу красные силы, равно так же, как и в иных случаях, когда я задействовал Талисман.

Мои крошечные разбойники застыли. Ближайшие стояли истуканами, но кое-где на тылах еще было какое-то движение. Затем флейты испустили сумасшедший вопль, замолкли скрипки. И все-таки я не знал, добрался ли я до них, или они замерли сами по себе, узрев меня в полный рост.

Затем я почувствовал огромные волны силы, что истекали из меня, укладывая все собрание в сжимающуюся матрицу. Я почувствовал, что все они попались в ловушку выражения моей воли, и я протянул руку и отвязал Звезду.

Удерживая их концентрацией так же, как обычно фиксируешь окружающее при переходе через Тень, я повел Звезду к двери. Затем обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на застывшее сборище, и подтолкнул Звезду вперед себя вверх по лестнице. Идя следом, я прислушивался, но звуков возобновляющейся деятельности снизу не доносилось.

Когда мы выбрались, рассвет уже заставил побледнеть восток. Странно, но, садясь в седло, я услышал отдаленные звуки скрипки. Мгновением позже в мелодию вступили флейты. Казалось, будто им было совершенно неважно, преуспеют они или потерпят неудачу в своих замыслах против меня; вечеринка явно продолжалась.

Когда я направился на юг, из дверей, откуда я только что вышел, меня окликнула маленькая фигурка. Это был их главный, с которым я пил. Я натянул поводья, чтобы лучше уловить его слова.

— И куда же ты держишь путь? — крикнул он мне.

Почему бы нет?

— На край Земли! — прокричал я в ответ.

Он отколол джигу над своей разбитой дверью[15].

— Доброй дороги, Корвин! — крикнул он.

Я помахал ему. Действительно, почему бы нет? Иногда чертовски трудно уговорить танцора не танцевать.

VI

Я проехал чуть больше тысячи метров в ту сторону, что была югом, и все осталось позади — земля, небо, горы. Я стоял перед равниной белого света. Тогда я вспомнил о незнакомце в пещере и его словах. Он чувствовал, что мир стирается бурей, что

событие это перекликается с какой-то из местных апокалиптических легенд. Наверное, перекликается. Наверное, это волна Хаоса, о которой говорил Брэнд, — движущаяся, проходящая мимо, разрушающая, уничтожающая. Но не тронувшая этот край долины. Почему он остался таким?

Затем я вспомнил свои действия, когда попал под дождь. Я использовал Талисман, силу Образа внутри него, чтобы обуздать бурю над этим участком. И если это больше, чем обычная буря? Образ преобладал раньше над Хаосом. Может ли эта долина, где я остановил дождь, быть теперь маленьким островком в море Хаоса? И если так, то куда мне держать путь?

Я посмотрел на восток, где разгорался день. Никакого вновь взошедшего солнца не горело в небесах, а скорее огромная, ослепительно отполированная корона, и сверкающий меч свисал сквозь нее[16]. Откуда-то я слышал птичье пение, звуки были почти похожи на смех. Я склонился вперед и закрыл лицо руками. Безумие…

Нет! Я и раньше бывал в жутких тенях. Чем дальше путешествуешь, тем необычнее они становятся. Пока… О чем же я думал той ночью в Тир-на Ног’т?

Мне припомнились две строчки из рассказа Айзека Дайнесена[17], строчки, которые достаточно смутили меня, чтобы запасть мне в память, несмотря на то что в те времена я был Карлом Кори: «…Не многие люди могут сказать о себе, что они свободны от веры в то, будто мир, который они видят вокруг себя, в действительности создан их собственным воображением. Значит, мы довольны им, гордимся им?» Итог излюбленного семейного философского времяпрепровождения. Создаем ли мы теневые миры? Или они существуют там независимо от нас, ожидая звука наших шагов? Или нечестно исключаемое нечто среднее? Вопрос в «более или менее» — или же в «либо-либо»? Внезапно в горле родился сухой смешок, когда я сообразил, что ответ наверняка могу никогда не узнать. И все же, как я думал той ночью, существует край, край, где наступает конец «я», край, где солипсизм больше не является благовидным ответом[18] на вопрос о местах действия, которые мы посещаем, об артефактах, которые мы обнаруживаем там. Существование таких краев, таких артефактов говорит, что здесь, по меньшей мере, кроется различие, и если так, то, наверное, оно проходит и по нашим теням тоже, информируя их с помощью alter ego, загоняя наше ego на сцену поменьше. Поскольку это — я чувствовал — и есть такой край, край, где неприменимо: «Значит, мы довольны им, гордимся им?», равно как и мое проклятие — рассеченная долина Гарната, — этот край оказался куда ближе к дому. Во что бы я в

конечном счете ни верил, я чувствовал, что вот-вот войду в землю абсолютного alter ego. Моя власть над Тенью могла отказать мне за этой гранью.

Я сел прямо и прищурился от яркого света. Сказал слово Звезде и тряхнул поводья. Мы двинулись вперед.

На мгновение мы словно бы въехали в туман. Только этот был гораздо ярче, и не было абсолютно никаких звуков. Затем мы стали падать.

Падать или планировать. После первоначального потрясения сказать было трудно. Сначала было ощущение спуска — наверное, усиленное тем фактом, что Звезда запаниковал, когда это началось. Но скакать оказалось не по чему, и немного спустя Звезда перестал дергаться, если не считать дрожи и тяжелого дыхания.

Я держал поводья в правой руке, а левой вцепился в Талисман. Я не знаю в точности, чего я пожелал или как потянулся в него, но я хотел выбраться из этого яркого ничто, чтобы еще раз найти дорогу и добраться до цели путешествия.

Я потерял счет времени. Ощущение спуска исчезло. Двигался ли я или, скорее, парил? Сказать было невозможно. Свечение действительно было свечением, или все-таки чем-то иным? И это гробовое безмолвие… Я содрогнулся. Здесь присутствовал даже еще больший сенсорный голод, чем в дни моей слепоты в моей прежней камере. Здесь не было ничего — ни шороха удирающей крысы, ни скрежета моей ложки о дверь, ни сырости, ни холода, ни структуры. Я продолжал тянуться…

Проблеск.

Кажется, там, справа, был секундный разрыв в поле моего зрения, почти подсознательный в своей краткости. Я потянулся туда и ничего не почувствовал.

Она существовала так недолго, эта штука, что я не был уверен, существовало ли все на самом деле. С легкостью могло оказаться, что это галлюцинация.

Но, кажется, она возникла опять, на этот раз слева. Сколько тянулся временной интервал — не знаю.

Затем я услышал что-то вроде стона, непонятно откуда. Он тоже был очень кратким.

Затем — и впервые я был уверен в этом — возник серо-белый ландшафт, похожий на лунную поверхность. Был и исчез — наверное, где-то секунду плавал в убогом пространстве поля моего зрения. Звезда фыркнул.

Справа появился лес — серо-белый, — бодро занимающийся акробатикой, словно мы миновали друг друга под каким-то невероятным углом. Фрагментик чего-то, промелькнувший на

некоем узком экране меньше чем за две секунды.

Затем подо мной обломки обгоревшего здания… Цвета нет…

Прерывающиеся завывания над головой…

Призрачная гора, освещенная факелами процессия, спускающаяся по извилистой тропе ближайшего склона…

Женщина, висящая на суку, веревка туго захлестнула шею, голова свесилась набок, руки связаны за спиной…

Горы, вверх ногами, белые; черные облака под ними…

Клик. Легкая дрожь, словно мы на миг коснулись чего-то крупного — копыт Звезды о камень, наверное.

Затем все проходит…

Проблеск.

Головы, катящиеся, роняющие черные сгустки… Перханье ниоткуда… Человек, приколоченный к стене вверх ногами…

Опять белый свет, накатывающий и сгущающийся, похожий на волну…

Клик. Проблеск.

За один удар пульса мы пробиваем тропу под пунктирным небом. За мгновение все исчезает, я вновь тянусь к тропе через Талисман.

Клик. Проблеск. Клик. Шорох.

Каменистая тропа, подводящая к горному перевалу… Мир все еще монохромен… За спиной грохот, похожий на гром…

Я покрутил Талисман, словно ручку фокусировки, как только мир начал блекнуть. Он вернулся опять… Два, три, четыре… Я считал удары копыт, удары сердца на фоне раскатов грома… Семь, восемь, девять… Мир стал ярче. Я набрал побольше воздуха и тяжело выдохнул. Воздух был холоден.

Между громом и эхом я услышал звук дождя. Хотя на меня не упало ни капли.

Я оглянулся.

Позади, метрах, наверное, в ста, стояла сплошная стена дождя. Сквозь нее я смог уловить только самые смутные очертания горы. Я прикрикнул на Звезду, и мы двинулись чуть быстрее, взбираясь на почти ровную дорожку, что вела меж парой пиков, похожих на турели. Мир впереди упорно пребывал в черно-серо-белом варианте, небо передо мной разделилось на перемежающиеся ленты тьмы и света. Мы въехали на перевал.

Меня начало лихорадить. Я захотел натянуть поводья, отдохнуть, поесть, покурить, спешиться и размять ноги. Но все же я был еще слишком близко к грозовому фронту, чтобы так ублажать себя.

Стук копыт Звезды эхом отражался в ущелье, там, где каменные стены поднимались отвесно с обеих сторон под

полосатым, как зебра, небом. Я надеялся, горы разорвут грозовой фронт, хоть и чувствовал, что они вряд ли смогут это сделать. Это была не обычная буря, и у меня шевельнулось дурное предчувствие, что она тянется до самого Янтаря и что я попался бы в ловушку и затерялся в ней навечно, если бы не Талисман.

Пока я наблюдал за тем странным небом, вокруг меня стала осыпаться метель бледных цветов, делая мой путь ярче, яснее. Приятный запах наполнил воздух. Гром за спиной смягчился. Скалы по бокам были испещрены серебряными жилками. Мир погрузился в сумеречное чувство под стать освещению, и лишь только я выехал из ущелья, как увидел внизу долину с ехидничающей перспективой — расстояние невозможно оценить на глаз, — наполненную вроде как естественного происхождения шпилями и минаретами, которые отражали лунный свет небесных полос, напоминая своим видом о ночи в Тир-на Ног'т; утыканную серебряными деревьями, усеянную зеркалами водоемов, которые были рассечены плавающими водорослями; разложенную террасами в одних местах, естественную и холмистую — в других; разрезанную тем, что выглядело как продолжение тропы, по которой я ехал; подвешенную над элегическим нечто, которое искрилось необъяснимыми блестками и было погружено в сияние и лишено всякого следа обитания.

Я, не мешкая, начал спуск. Земля вокруг была похожа на мел и бледна, словно кость, — и не тончайшая ли это ниточка черной дороги там, далеко слева? Вот как сейчас я это выясню.

Теперь я не торопился, так как мог видеть, что Звезда устал. Если буря не накатит слишком быстро, мы могли бы отдохнуть возле одного из водоемов в долине. Я и сам вымотался и проголодался.

Я поглядывал на дорогу внизу, но людей не видел. Ветер негромко вздохнул. Белые цветы на лианах возле тропы пошевелились, когда я добрался до нижних уровней, где начиналась обычная листва. Оглянувшись, я увидел, что грозовой фронт все еще не миновал горного кряжа, хотя тучи за ним продолжали собираться.

Я продолжал путь вниз в тот очень странный мир. Цветы давным-давно перестали осыпаться вокруг меня, но в воздухе висел нежный аромат. Прочих звуков не было, кроме тех, что производили мы со Звездой, да постоянный сквозняк справа. Повсюду вокруг меня стояли странно слепленные скальные образования, кажущиеся в чистоте своих линий почти скульптурными. Плавали клочья тумана. Влажно искрились выцветшие травы.

Пока я ехал по тропе к поросшему лесом центру долины,

перспектива вокруг продолжала смещаться, искажая расстояния, изгибая прямые линии. Я свернул с тропы налево, чтобы приблизиться к тому, что выглядело как ближайшее озеро, но оно, казалось, убегало, пока я подъезжал. Однако когда я в конце концов догнал его, спешился и попробовал пальцами, вода оказалась ледяной, но сладкой.

Напившись досыта, я, усталый, растянулся на земле, поглядывая, как пасется Звезда, и принялся за холодное мясо из

сумки. Буря все еще брала штурмом горный перевал. Я долго и с интересом разглядывал ее. Если Папа проиграл, значит — это рык Армагеддона[19], и все путешествие напрочь лишено смысла. Ни к чему было мне так думать, поскольку я знал, что все равно придется ехать дальше. Но делать нечего. Я мог доехать до цели, мог увидеть, что битва выиграна, а затем смотреть, как все сметает прочь. Бессмысленно… Нет. Не бессмысленно. Я пытался бы достичь цели, невзирая ни на что, и буду продолжать попытки, чего бы мне это ни стоило. Этого было достаточно, даже если все пропало… И все-таки, чертов Брэнд! Для начала…

Шаги.

В мгновение я оказался на корточках и повернулся на звук, рука — на клинке.

Увидел я женщину, невысокую, одетую в белое. У нее были длинные темные волосы и дикие темные глаза, она улыбалась. Она несла плетеную корзину, которую поставила на землю между нами.

— Ты хочешь есть, о Рыцарь при мече[20], — сказала она на тари со странным акцентом. — Я видела, как ты пришел. Я принесла тебе это.

Я улыбнулся и принял более естественное положение.

— Спасибо, — сказал я. — Так и есть. Меня зовут Корвин. А тебя?

— Дева, — сказала она.[21]

Я дернул бровью.

— Спасибо… Дева. Ты устроила себе дом в этих краях?

Она кивнула и опустилась на колени, чтобы открыть корзину.

— Да, мой павильон там дальше, у озера, — она мотнула головой на восток… в направлении черной дороги.

— Понятно, — сказал я.

Еда и вино в корзине выглядели настоящими, свежими, аппетитными, лучшими, чем мой походный провиант. Конечно, подозрения мои никуда не делись.

— Разделишь со мной трапезу? — спросил я.

— Если желаешь.

— Желаю.

— Хорошо.

Она расстелила скатерть, уселась напротив меня, вынула из корзины еду и поделила между нами. Затем разложила ее и быстро попробовала каждое блюдо сама. При этом я ощутил себя чуть-чуть подло, но только чуть-чуть. Достаточно необычное место жительства для женщины, явно одинокой, которая вот так просто ждет, чтобы прийти на помощь первому же страннику, который окажется поблизости. Дара тоже накормила меня при

первой же встрече; ну а чем ближе я подходил к финалу путешествия, тем ближе я был к средоточию вражеской силы. До черной дороги было рукой подать, и несколько раз я заметил, как Дева бросает взгляд на Талисман.

Но сейчас самое время было получить удовольствие, и за едой мы познакомились поближе. Она была идеальным слушателем, смеялась над каждой моей шуткой, заставляла меня говорить о себе. Большую часть времени она смотрела мне в глаза, и каким-то образом наши пальцы встречались, что бы мы ни передавали друг другу. Если каким-то образом я был обманут, то она оказалась весьма приятным обманом.

Пока мы обедали и разговаривали, я изредка поглядывал на продвижение того неумолимого грозового фронта. В конце концов он навалился на горный хребет и одолел его. Начал медленный спуск по верхнему склону. Стряхнув крошки со скатерти, Дева увидела, куда я смотрю, и кивнула.

— Да, она идет, — сказала Дева, положив последнюю утварь в корзину и усевшись рядом со мной. Взяла бутылку и наши кубки. — Выпьем за это?

— Я выпью с тобой, но не за это.

Она налила вино.

— Это неважно, — сказала она. — Не сейчас.

И положила ладонь мне на руку, и передала мне кубок.

Я взял его и посмотрел на Деву. Она улыбнулась. Коснулась края моего кубка своим. Мы выпили.

— Теперь пойдем в павильон, — сказала Дева, беря меня за руку, — где в радости и удовольствии проведем оставшиеся часы.

— Спасибо, — сказал я. — В другой раз подобное времяпрепровождение стало бы отличным десертом после такого обеда. К несчастью, я должен ехать. Долг зовет, время погоняет. У меня дела.

— Ладно, — сказала она. — Это не так важно. И я все знаю о твоем поручении. Теперь все это вообще не важно.

— Да? Я должен сознаться, что вполне мог получить от тебя приглашение на вечеринку, которая, если бы я принял его, закончилась бы для меня вскоре одиноким бесцельным блужданием по холодному склону какого-нибудь холма.

Она рассмеялась.

— А я должна сознаться, что именно так и собиралась с тобой поступить, Корвин. Но больше не хочу.

— Почему нет?

Она махнула рукой в сторону приближающегося распада.

— Теперь нет нужды поступать с тобой так. Судя по всему, Дворы победили. Никто ничего не сможет больше сделать, чтобы

остановить приближение Хаоса.

Я коротко пожал плечами и вновь наполнил кубки.

— Но я бы хотела, чтобы сейчас ты не уходил, — продолжала она. — Через несколько часов буря доберется сюда. Как же лучше провести время, нежели в компании друг друга? Не нужно даже идти в павильон.

Я склонил голову, а она пододвинулась ближе. Что за дьявол. Женщина и бутылка — ведь говорил же, что так хочу закончить свои дни. Я глотнул вина. Вероятно, она права. И все же я подумал о той твари в женском обличье, что поймала меня в ловушку на черной дороге, когда я уезжал из Авалона. Сначала я пошел помочь ей, быстро поддался ее неестественным чарам… затем, когда спала ее маска, увидел, что под ней ничего нет. Здорово я тогда перепугался. Но отнесись к этому философски: у каждого есть вешалка с масками на различные случаи. Я слышал, как популярные психологи годами подвергают эти маски яростным нападкам. И все же я встречал людей, которые сначала производили на меня благоприятное впечатление, людей, которых я потом ненавидел, когда знакомился с их душой. А иногда они были как та женщина-тварь — ничего там на самом деле не было. Я обнаружил, что маска часто гораздо более приемлема, чем альтернатива ей. Итак…

Эта девушка, решил я про себя, по-настоящему могла быть внутри сущим монстром. Вероятно, им и была. А разве большинство из нас иные? Я сумел бы придумать достаточно дурных причин, чтоб бросить все на этом этапе. Мне она нравилась.

Я допил вино. Она сделала движение, чтобы подлить мне еще, но я остановил ее руку.

Дева подняла на меня взгляд. Я улыбнулся.

— Ты почти уговорила меня, — сказал я.

И четырьмя поцелуями закрыл ей глаза, так, чтобы не нарушить ее очарование, а потом пошел и сел верхом на Звезду. Осока в озере не была мертва, но он был прав — не слышно птиц. И дорога длинна — хоть на поезд садись.

— До свидания, Дева.

Я направлялся на юг, а буря кипела уже на пути в долину. Передо мной встала еще одна гряда гор, и тропа вела к ней. Небо по-прежнему было полосатым, черно-белым, и эти линии, казалось, чуть-чуть смещались; эффект маскхалата по-прежнему присутствовал в сумерках, но в черных промоинах не было звезд. По-прежнему легкий ветерок, по-прежнему аромат — и тишина, перекрученные монолиты и серебристая растительность, по-

прежнему роса и блеск. Ветошные обрывки тумана раздернулись передо мной. Я попробовал поработать с тканью Тени, но это было трудно, а я устал. Ничего не произошло. Я подкачал силы у Талисмана, попытавшись к тому же кое-что передать и Звезде. Мы двигались ровным шагом, пока наконец земля впереди нас не запрокинулась и мы не начали спускаться к следующему ущелью, еще более каменистому, чем то, из которого только что выехали. Я задержался, чтобы оглянуться, — и, наверное, треть долины уже лежала за мерцающим экраном того, что было похоже на бурю. Интересно, как там Дева и ее озеро, ее павильон? Я покачал головой и поехал дальше.

Дорога стала круче, когда мы приблизились к ущелью, и пришлось сбавить шаг. Белые реки в небесах над головой приняли красноватый оттенок, который, пока мы ехали, углубился. К тому времени, как я добрался до устья, весь мир, похоже, окрасился кровью. Я ехал по широкому каменистому проспекту, меня трепал крепкий ветер. Мы пробивались сквозь него, почва под ногами стала ровнее, однако мы продолжали взбираться, и я по-прежнему не мог заглянуть за перевал.

Что-то зашебуршало в камнях по левую руку. Я глянул туда, но ничего не увидел. Я списал все на упавший камень. Полминуты спустя Звезда подо мной дернулся, испустил жуткое ржание, резко повернул направо, затем стал заваливаться на левый бок.

Я спрыгнул и, когда мы оба упали, заметил, что в холке Звезды торчит стрела. Я откатился, потом взглянул вверх в том направлении, откуда она должна была прилететь.

На правом гребне, метрах в десяти надо мной, стоял человек с арбалетом. Он уже взводил рычаг снова, готовясь к следующему выстрелу[22].

Я знал, что остановить его не успею. Так что я пошарил вокруг, нашел один камень, размером с бейсбольный мяч, у подножия эскарпа позади меня[23], взвесил его и постарался не позволить ярости помешать точности броска. Ярость не помешала, но на бросок потребовалось дополнительное усилие.

Камень попал стрелку в левую руку, и он издал крик, выронив арбалет. Оружие кувыркнулось вниз на камни и приземлилось с другой стороны тропы, почти напротив меня.

— Сукин сын! — рявкнул я. — Ты убил мою лошадь! И за это я тебе голову оторву!

Пересекая тропу, я высматривал самый короткий путь наверх и обнаружил такой далеко слева. Я заторопился туда и полез. Мгновением позже свет и угол зрения стали получше, и я смог рассмотреть человека, который согнулся почти пополам,

массируя руку. Это был Брэнд, в кровавом свете волосы его стали совсем красными.

— Ну знаешь, Брэнд, — сказал я. — Мне лишь хочется пришибить тебя в далеком прошлом.

Он выпрямился и мгновение смотрел, как я карабкаюсь. Он не потянулся за клинком. Когда я выбрался наверх, наверное, метрах в семи от Брэнда, он скрестил на груди руки и опустил голову.

Я вытащил Грейсвандир и приблизился. Признаюсь, я готов был убить его, и какая мне разница, как он стоит. Красный свет сгущался, и мы, казалось, чуть ли не купались в крови. Вокруг нас завывал ветер, а из долины докатился раскат грома.

Брэнд просто растаял передо мной. Очертания его стали менее отчетливы, и к тому времени, когда я добрался до того места, где он стоял, братец исчез полностью.

Мгновение я стоял, ругаясь, вспоминая историю о том, что он каким-то образом был превращен в живой Козырь, способный перемещаться куда угодно за считанные секунды.

Я услышал шум внизу…

Рванулся к краю и заглянул вниз. Звезда все еще брыкался и истекал кровью, и зрелище это рвало мне сердце. Но вид был не просто угнетающий.

Внизу был Брэнд. Он подобрал арбалет и снова принялся взводить его.

Я поискал еще один камень, но под рукой ничего не оказалось. Затем заметил камень далеко позади, там, откуда я пришел. Заторопился к нему, вкладывая в ножны клинок, и поднял камень. Он был размером с арбуз. Я вернулся с ним к краю и стал высматривать Брэнда.

Того нигде не было видно.

Вдруг я почувствовал себя весьма уязвимым. Он мог перенестись на любое расстояние и в это самое мгновение целиться в меня. Я шлепнулся на землю, перекатившись через свой камень. Мгновением позже я услышал, как в камень ударила стрела. Следом раздалось хмыканье Брэнда.

Я вновь поднялся, зная, что ему нужно время, чтобы перезарядить оружие. Повернувшись на смех, я увидел на уступе напротив меня через ущелье Брэнда — метрами пятью выше меня и двадцатью дальше.

— Извини за лошадь, — сказал он. — Я метил в тебя. Но этот проклятый ветер…

К тому времени я обнаружил нишу и добрался до нее, прихватив с собой в качестве щита камень. Из этой клиновидной расселины я наблюдал, как Брэнд прилаживает стрелу.

— Трудный выстрел, — выкрикнул он, поднимая оружие, — вызов моей меткости. Но попытаться определенно стоит. Стрел у меня хватает.

Брэнд хмыкнул, вдохнул и выстрелил.

Я низко пригнулся, держа камень перед собой, но стрела ударила в землю шагах в двух правее.

— Конечно, я предполагал, что произойдет, — сказал он, начиная еще раз подготавливать оружие. — Но пришлось сделать поправку на ветер.

Я оглянулся в поисках камней поменьше, чтобы использовать их в качестве боезапаса, как сделал раньше. Поблизости ничего не было. Тогда я подумал о Талисмане. Предполагается, он действует, чтобы спасти меня в момент непосредственной опасности. Но у меня было забавное ощущение, что фокус срабатывал на близком расстоянии и что Брэнду это известно, и он извлекает выгоду из этого феномена. И все же не найдется ли чего-нибудь еще, что я смог бы сделать с помощью Талисмана, чтобы врезать по Брэнду? Кажется, для трюка с параличом он стоял слишком далеко, но я уже раз побил его, пользуясь контролем над погодой. Мне стало интересно, насколько далека буря. Я потянулся к ней. Увидел, что потребуется несколько минут, которыми я не обладал, чтобы выстроить условия, необходимые, чтобы обрушить на него молнию. Но ветер — другое дело. Я потянулся за ним, почувствовал его…

Брэнд был уже готов выстрелить снова. Ветер взвыл.

Я не знаю, куда пришлась следующая стрела. Во всяком случае не рядом со мной. Брэнд вновь принялся взводить арбалет. Я начал выстраивать удар молнией…

Когда Брэнд приготовился, когда он опять поднял оружие, я вновь растормошил ветра. Я видел, как он прицеливается, видел, как делает вдох и задерживает дыхание. Затем он опустил арбалет и внимательно посмотрел на меня.

— Мне только что пришло в голову, — прокричал он, — что тот ветер ты вынул из кармана, так ведь? Это мошенничество, Корвин.

Брэнд оглянулся по сторонам.

— Мне следует подыскать место, где это не будет важно. Ага!

Я продолжал разрабатывать тему сожжения, но условия были еще не готовы. Я взглянул на красно-черное полосатое небо, где над нами формировалось нечто похожее на облако. Скоро, но не очень…

Брэнд растворился и вновь исчез. Я отчаянно искал его повсюду.

Затем он встал со мной лицом к лицу. Брэнд перебрался на

мою сторону ущелья. Он стоял метрах в десяти южнее меня, ветер дул ему в спину, и я знал, что не сумею поменять вовремя направление ветра. Я подумал, что будет, если я швырну свой булыжник. Брэнд, вероятно, нырнет, и я останусь без щита. С другой стороны…

Брэнд поднял арбалет к плечу.

«Тяни время!» — заорал у меня в голове мой собственный голос, в то время как я продолжал вносить поправки в небеса.

— Прежде чем ты выстрелишь, Брэнд, скажи мне одну вещь. Хорошо?

Он замешкался, затем на несколько дюймов опустил оружие.

— Что?

— Ты мне говорил правду о том, что случилось… с Папой, Образом, приходом Хаоса?

Он запрокинул голову и рассмеялся, отрывисто, лающе.

— Корвин, — объявил он потом, — неописуемым образом меня радует то, что я увижу, как ты умрешь, не зная чего-то, что так много значит для тебя.

Он вновь рассмеялся и начал поднимать оружие. Я как раз двинулся, чтобы швырнуть камень в брата и броситься на него. Но ни один из нас не успел завершить действия.

Сверху раздался крик, и, казалось, кусочек неба оторвался и упал на голову Брэнда. Брэнд заорал и выронил арбалет. Поднял руки, чтобы оторвать тварь, что накинулась на него. Красная птица, носитель Талисмана, рожденная из моей крови в ладони моего отца, вернулась, чтобы защитить меня.

Я выпустил из рук камень и приблизился к Брэнду, на ходу вытаскивая клинок. Брэнд ударил птицу, и та, захлопав крыльями, начала, кружась, набирать высоту для нового броска. Брэнд поднял обе руки, прикрывая лицо и голову, но я успел заметить кровь, текущую из его левой глазницы.

Брэнд вновь начал таять, как раз когда я рванулся к нему. Но птица упала, словно бомба, и ее когти вновь ударили Брэнда в лицо. Затем птица тоже начала таять. Брэнд потянулся к своему ярко-красному противнику, и, пока они исчезали, птица свирепо хлестала его крыльями.

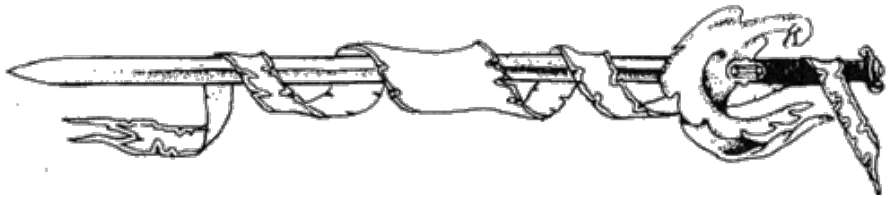
Когда я добрался до места действия, единственной вещью, что осталась, был оброненный арбалет, и я наступил на него и разломал.

Еще нет, еще не финал, будь все проклято! Долго ли еще ты будешь терзать меня, брат? Как далеко я должен зайти, чтобы положить этому конец?

Я вскарабкался обратно на тропу. Звезда был еще жив, и мне пришлось довершить дело. Иногда мне кажется, что я творю что-

то не то.

VII



Шар из сахарной ваты.

Перейдя ущелье, я взглянул на долину, что лежала передо мной. По крайней мере, я предположил, что это долина. Под покровом облака-дымки-тумана ничего разглядеть я не смог.

В небе одна из красных полосок превращалась в желтую; другая — в зеленую. Меня это чуть-чуть приободрило, так как небо вело себя на сходный манер, когда я посещал край той скалы, за которой начинались Дворы Хаоса.

Я закинул свой узел на плечо и захромал вниз по тропе. Пока я шел, ветер стих. Остался только далекий рев бури, от которой я убегал. Прикинул, куда мог провалиться Брэнд. У меня была твердая убежденность, что я его еще раз увижу, дай только время.

Где-то на полдороге, когда туман только начал расползаться и клубиться вокруг меня, я заметил древнее дерево и срубил себе посох. Кажется, дерево пронзительно вскрикнуло, когда я отрезал от него сук.

— Будь ты проклят! — из чрева дерева раздалось что-то похожее на голос.

— Ты чувствуешь боль? — сказал я. — Извини…

— Я столько времени потратил, чтобы отрастить эту ветвь. Полагаю, ты намерен ее сейчас же сжечь?

— Нет, — сказал я. — Мне нужен посох. Предо мной долгая дорога.

— Через эту долину?

— Именно так.

— Подойди ближе, чтобы я смог четче ощутить твое присутствие. На тебе есть нечто, что пылает.

Я сделал шаг вперед.

— Оберон! — сказало дерево. — Я узнаю твой Талисман.

— Нет, не Оберон, — сказал я. — Я его сын. Хотя и ношу Талисман по его поручению.

— Тогда бери мою ветвь и вместе с ней мое благословение. Неоднократно я укрывал твоего отца в тот необычный день. Видишь ли, ведь это он посадил меня.

— Правда? Высаживание деревьев — одно из тех немногих занятий, за которыми я никогда Папу не замечал.

— Я — не обычное дерево. Он посадил меня здесь, чтобы отметить границу.

— Что за границу?

— Я — рубеж Хаоса и Порядка: в зависимости от того, с какой стороны ты смотришь на меня. Я отмечаю барьер. По ту сторону правят иные законы.

— Какие законы?

— Кто может сказать? Только не я. Я — всего лишь растущая башня чувствующего пиломатериала. Тем не менее тебе будет удобнее с моим посохом. Посади его в странных краях, и он может расцвести. А может, опять-таки и нет. Кто скажет? Однако унеси его с собой, сын Оберона, туда, куда ты идешь сейчас. Я

чувствую, надвигается буря. Прощай.

— Прощай, — сказал я. — Спасибо.

Я повернулся и пошел по тропе вниз в сгущающийся туман. Пока я шел, из его клубов стекла вся розовая окраска. Я покачал головой, вспомнив о дереве, но посох его доказал свою полезность уже на следующих нескольких сотнях метров, там, где было особенно неровно.

Затем вокруг чуть прояснилось. Камни, стоячий пруд, несколько небольших понурых деревьев, увешанных гирляндами мха, запах гнили — скорее прочь. Темная птица наблюдала за мной с одного из деревьев.

Как только я взглянул на нее, она взлетела, лениво захлопав крыльями, и направилась в мою сторону. Недавние приключения заставили меня с некоторой опаской относиться к птицам, так что я отступил назад, едва птица сделала круг над моей головой. Но потом она упорхнула, чтобы опуститься на тропу передо мной, наклонила голову набок и осмотрела меня левым глазом.

— Да, — объявила птица потом. — Ты — именно тот.

— Тот, который что? — сказал я.

— Тот, которого я буду сопровождать. Ты не возражаешь против того, что тебя будет сопровождать птица, являющаяся дурным предзнаменованием, а, Корвин?

Затем птица хмыкнула и исполнила небольшой танец.

— Если навскидку, то не понимаю, как я могу остановить тебя. Откуда ты знаешь мое имя?

— Я ждал тебя с начала Времен, Корвин.

— Должно быть, несколько утомительно.

— Я не все время ожидал здесь. Время — это то, что ты из него делаешь.

Я возобновил движение. Прошел мимо птицы и пошел дальше. Мгновением позже она промелькнула мимо меня и приземлилась на скале справа.

— Меня зовут Хьюги, — объявила птица. — Вижу, ты несешь кусок старого Игга.[24]

— Игга?

— Того обидчивого старого дерева, которое караулит у входа в эти края и никому не позволяет отдохнуть на своих ветвях. Держу пари, он вопил, когда ты отхватил от него сук.

Затем птица исторгла горошины смеха.

— Он вел себя вполне прилично.

— Готов биться об заклад. Но ведь у него не было большого выбора, раз уж ты все равно срубил ветку. Глядишь, и пригодится.

— Это точно. Польза от него будет немалая, — сказал я, слегка замахиваясь посохом в его направлении.

Птица отлетела подальше.

— Эй! Это не смешно!

Я рассмеялся.

— По мне, так смешно.

Я пошел дальше.

Долго я прокладывал путь через болотистую местность. Случайный порыв ветра показал мне тропу, скрытую туманом. Затем или я прошел этот участок, или туман вновь закрыл его. Время от времени я слышал обрывки мелодии — с какой стороны она доносилась, сказать не мог, — медленной и несколько величавой, исполняемой на инструментах со стальными струнами.

Но только я пробился туда, меня поприветствовал голос откуда-то слева:

— Странник! Остановись и взгляни на меня!

Я осторожно остановился. Хотя ни черта не сумел разглядеть в тумане.

— Привет, — сказал я. — Ты кто?

К тому времени туман на мгновение разошелся, и я увидел огромную голову, громадные глаза — на уровне моих. Все это принадлежало обладателю гигантского тела, по плечи утонувшего в трясине. Голова была лысая, кожа белая, как молоко, фактурой под камень. Темные глаза, вероятно по контрасту, казались еще темнее, чем были на самом деле.

— Ясно, — сказал я тогда. — Ты слегка влип. Руки можешь высвободить?

— Если сильно поднапрячься, — донесся ответ.

— Ну погоди, я поищу что-нибудь прочное, за что ты мог бы ухватиться. Тебе придется хорошенько поработать.

— Нет. В этом нет необходимости.

— Не хочешь вылезать? Я думал, ты потому так и орал.

— О нет. Я просто хотел, чтобы ты взглянул на меня.

Я подошел ближе и всмотрелся, поскольку туман опять начал сгущаться.

— Порядок, — сказал я. — Я тебя увидел.

— Чувствуешь, каково мне?

— Не совсем — если ты не хочешь помочь себе сам или принять помощь.

— Какой смысл мне освобождаться?

— Ты спросил. Ты и отвечай.

Я развернулся, собираясь уйти.

— Постой! Куда ты идешь?

— На юг, чтобы выступить в моралите[25].

Тут из тумана вылетел Хьюги и уселся на голову. Капнул на

нее и рассмеялся.

— Не теряй времени, Корвин. Здесь намного меньше, чем видно глазу, — сказал Хьюги.

Губы гиганта выговорили мое имя. Затем:

— Он действительно тот самый?

— Он это, он, все в порядке, — отозвался Хьюги.

— Слушай, Корвин, — сказал утонувший гигант. — Ты будешь пытаться остановить Хаос, верно?

— Да.

— Не делай этого. Не стоит. Я хочу, чтобы все кончилось. Я желаю покончить с этим состоянием.

— Тебе предлагали помощь. Ты меня отшил.

— Освободиться, но не так. Положить конец всему.

— Это легко устроить, — сказал я. — Нырни с головой и вдохни поглубже.

— Я говорю не только о личной смерти, но и о конце всей этой глупой игры.

— Полагаю, вокруг еще есть кое-какой народ, который предпочитает иные решения этой проблемы.

— Пусть и для них все тоже кончится. Придет время, и рано или поздно они окажутся в моем положении и будут чувствовать себя точно так же.

— Значит, обретут такое же мнение. Всего хорошего.

Я повернулся и пошел дальше.

— И ты тоже! — крикнул он мне вслед.

Пока я ковылял, меня нагнал Хьюги и уселся на посохе.

— Славно сидеть на ветви старого Игга, когда он больше не может… Ой-ей!

Хьюги подпрыгнул в воздух и сделал круг.

— Жжет лапы! Как он это сделал? — крикнул он.

Я рассмеялся:

— А вот так.

Несколько мгновений Хьюги порхал вокруг, затем добрался до моего правого плеча.

— Ничего, если я отдохну здесь?

— Валяй.

— Спасибо. — Он уселся. — Голова, знаешь ли, и вправду ума палата.

Я пожал плечами, и Хьюги расправил крылья, чтобы сохранить равновесие.

— Он нащупывает кое-что, — продолжил он, — но движется не туда, обвиняя мир в собственных неудачах.

— Нет. Он не нащупал даже, как выбраться из грязи, — сказал я.

— Я в философском смысле.

— А, ты про эту грязь. В этом смысле у него совсем плохи дела.

— Проблема заключается целиком в самой личности, в ego и его внедрении в мир, с одной стороны, и в Абсолюте — с другой.

— А, даже так?

— Да. Видишь ли, мы мыслим и живем на поверхности событий. Иногда кажется, что мы действительно можем воздействовать на вещи, и это кладет начало борьбе. Это большая ошибка, потому что порождает желания и формирует неистинное ego, в то время как просто существования должно быть достаточно. Далее это все ведет к прочим желаниям и к еще большей борьбе, и вот ты сидишь в ловушке.

— В грязи?

— Можно и так. Нужно сосредоточить видение на Абсолюте и научиться игнорировать миражи, иллюзии, обманное ощущение индивидуальности, которое уводит в сторону, словно обманный остров сознания.

— Во мне уже жила обманная личность. Она чертовски помогла мне стать тем абсолютом, которым я сейчас являюсь, — самим собой.

— Нет, и это тоже обман.

— Тогда тот я, что сможет существовать завтра, поблагодарит меня за то, как я поступаю с нынешним.

— Ты ошибаешься в сути. Тот ты тоже будет обманным.

— Почему?

— Потому что по-прежнему будет полон желаний и борений, что отделяют тебя от Абсолюта.

— И что в этом неправильного?

— Ты остаешься один в мире неведомого, мире явлений.

— Мне нравится быть одному. Я в полном восторге от себя самого. А разные феномены я просто обожаю.

— И все же Абсолют всегда будет там, взывать к тебе, вызывая беспокойство.

— Хорошо, значит, нет нужды спешить. Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Твой Абсолют примет форму идеалов. У каждого есть пара-тройка идеалов. Если ты говоришь, что мне следует следовать им, то тут я с тобой согласен.

— Нет, они — искажение Абсолюта, и то, о чем ты говоришь, еще большее борение.

— Это — да.

— Я могу предположить, что тебе еще многое следует узнать.

— Если ты говоришь о моих грубых инстинктах самосохранения, то забудь об этом.

Тропа начала забирать вверх, и мы вышли на гладкую, ровную прогалину, почти что мощеную, хоть слегка и припорошенную песком. Музыка стала громче и продолжала усиливаться, пока я приближался. Затем сквозь туман я увидел смутные силуэты, двигающиеся медленно, ритмично. Через мгновение я сообразил, что они танцуют под музыку.

Я продолжал двигаться, пока не рассмотрел их, — похожие на людей, симпатичные, одетые в дворцовые наряды, — ступающие под медленные такты невидимых музыкантов. Хитроумный и прекрасный танец исполняли они, и я задержался немного посмотреть.

— Что за причина, — спросил я Хьюги, — для вечеринки здесь, посреди ничто?

— Они танцуют, — сказал он, — чтобы отпраздновать твой приход. Они не смертные, но духи Времени. Они начали это глупое шоу, когда ты вошел в долину.

— Духи?

— Да. Смотри.

Хьюги покинул мое плечо, пролетел над ними и испражнился. Испражнения прошли сквозь нескольких танцоров, словно те были голограммами, не запачкав парчовых рукавов или шелковых сорочек, не заставив ни одну из улыбающихся фигур сбиться с ритма. Затем Хьюги несколько раз каркнул и прилетел ко мне обратно.

— Едва ли это было необходимо, — сказал я. — Представление весьма красиво.

— Декадент, — сказал он, — и едва ли тебе следует воспринимать это как комплимент, ибо они предвкушают твое поражение. Они всего лишь желают устроить заключительное торжество, прежде чем шоу завершится.

Но я все равно какое-то время понаблюдал, опершись на посох и отдыхая. Сложный рисунок, выписываемый танцорами, медленно смещался, пока одна из женщин — рыжеволосая красавица — не оказалась совсем рядом со мной. До сих пор ни один из танцующих не встречался взглядом со мной. Словно меня и не существовало. Но эта женщина превосходно рассчитанным жестом бросила что-то к моим ногам.

Я наклонился и обнаружил, что это «что-то» вполне вещественно. Это была серебряная роза — моя собственная эмблема. Я выпрямился и прикрепил ее на ворот плаща. Хьюги смотрел в другую сторону и ничего не сказал. У меня не было шляпы, чтобы ее снять, но я поклонился даме. А когда я повернулся, чтобы уйти, то показалось, что она подмигнула мне.

По мере моего движения земля утратила гладкость, и в конце концов музыка стихла. Тропа покрылась колдобинами, и, когда бы клубы тумана ни раздвигались, видны были лишь скальные выходы да бесплодные равнины. Я подтянул силы из Талисмана, а то иначе свалился бы от слабости, и заметил, что действие каждой новой дозы короче предыдущей.

Вскоре я проголодался и остановился перекусить остатками провизии.

Хьюги сидел на земле поблизости и смотрел, как я ем.

— Признаюсь в определенном — правда, небольшом — восхищении твоей настойчивостью, — сказал он, — и даже тем, что ты подразумевал, говоря об идеалах. Но вот чтобы так… Ранее мы говорили о тщетности желания и борьбы…

— *Ты* говорил. Это не главная забота в моей жизни.

— А напрасно.

— Я прожил долгую жизнь, Хьюги. Ты оскорбляешь меня одним предположением, что я никогда не обсуждал эти комментарии к философии студента-второкурсника. Тот факт, что ты находишь согласие с бесплодной реальностью, больше говорит мне о тебе, чем о реальном положении дел. А именно, если ты веришь в то, что говоришь, мне жаль тебя, так как ты должен по какой-то необъяснимой причине находиться здесь, желая и борясь за влияние на это фальшивое мое ego, вместо того чтобы быть свободным от подобной ерунды и идти своей дорогой к своему Абсолюту. Если же ты этому не веришь, то это говорит мне, что ты послан мешать и расхолаживать меня, и в этом случае ты тратишь время впустую.

Хьюги издал булькающий звук — будто полоскал горло. Затем:

— Но ты не настолько смел, чтобы отрицать Абсолют, начало и конец всего?

— Он не слишком необходим для гуманитарного образования.

— Но ты признаешь такую возможность?

— Наверное, я знаю это лучше, чем ты, птичка. Ego, как я понимаю, существует на промежуточной ступени между рациональностью и рефлективным существованием. И отрицание этого — отступление. Если ты считаешь началом всего Абсолют — самоотрицающий Все, — почему тебе так хочется вернуться обратно? Или ты настолько презираешь себя, что страшишься зеркал? Почему бы не придать путешествию смысл? Развивайся. Учись. Живи. Если тебя отправили в путешествие, почему ты хочешь улизнуть и вернуться, сбежать в пункт отправления? Или твой Абсолют сделал ошибку, послав нечто твоего убогого калибра? Признай такую возможность, и закончим на этом информационный выпуск новостей.

Хьюги внимательно посмотрел на меня, затем прыгнул в воздух и улетел. Наверное, отправился пообщаться с учебниками…

Я услышал раскат грома, как только поднялся на ноги. Я пошел дальше. Надо стараться по-прежнему опережать события.

Тропа неоднократно то сужалась, то расширялась, прежде чем пропасть окончательно, оставив меня брести по каменистой равнине. Пока шел, я чувствовал себя все более и более подавленным, пытаясь сориентировать мысленный компас в определении нужного направления. Я дошел до того, что чуть ли не салютовал шуму бури, поскольку он давал мне ориентировочное представление о том, где находился север. Конечно, все скрадывалось туманом, так что я не мог быть абсолютно уверен. И звуки становились громче… Проклятье…

…И больше всего меня печалила потеря Звезды, отягощенная Хьюгиной идеей о тщетности. Сегодня определенно не лучший день моей жизни. Я начал сомневаться, что смогу завершить путешествие. Если какой-нибудь безымянный обитатель этого мрачного места не напал еще на меня за столь долгое время, то существует большая вероятность, что я буду блуждать здесь, пока не иссякнут силы или меня не перехватит буря. Я не знал, смогу ли отогнать эту смывающую все бурю еще разок. Я начал сомневаться.

Я попытался использовать Талисман, чтобы рассеять туман, но эффект получился весьма странным. Из-за моей собственной

неповоротливости, наверное. Я сумел расчистить небольшой клочок, но поскольку продолжал движение, то очень быстро проскочил через него. Ощущение Тени в этих краях, которые казались скорее сутью Тени, было притуплено.

Грустно. Было бы неплохо завершить все оперой — большим вагнеровским финалом[26] под странными небесами, с достойными противниками, — а не ползанием на брюхе по туманной пустоши.

Я прошел мимо кажущейся знакомой россыпи камней. Может, я иду по кругу? Если заблудишься, то обычно начинаешь кружить. Я прислушался к грому, чтобы еще раз сориентироваться. Как назло, все было тихо. Я двинулся к россыпи и уселся на землю, привалившись спиной к камням. Нет смысла блуждать. Подожду сигнала грома. Я вытащил Козыри. Папа сказал, что они временно перестанут функционировать, но лучшего занятия я не нашел.

Один за другим я просмотрел их все, кроме Брэнда и Кэйна, пытаясь добраться до кого-нибудь. Ничего. Папа был прав. В картах не было знакомого холода. Тогда я перетасовал всю колоду и тут же, на песке, раскинул «на счастье». Расклад получился невразумительный, и я снова собрал карты. Откинулся на камни, мечтая, чтоб у меня осталось хоть немного воды. Долго я прислушивался к буре. Было несколько взрыков, но определить направление не представлялось возможным. Козыри навели меня на размышления о братьях и сестрах. Они находились где-то впереди — где бы это могло быть? — ожидая меня. Ожидая чего? Я нес Талисман. За каким дьяволом? Сначала я понял так, что его силы могут потребоваться в схватке. Если так и если я действительно единственный, кто может задействовать его, тогда мы сели в дерьмо по уши. Затем я подумал о Янтаре, и меня затрясло от раскаянья и какого-то ужаса. Для Янтаря не должно быть завершения бытия, никогда. Должно быть решение, которое подскажет, как отогнать Хаос…

Я отбросил небольшой камешек, который крутил в пальцах, забавляясь. Когда я отпустил его, то его падение было очень медленным.

Талисман. Опять эффект замедления…

Я подпитался энергией, и камешек улетел прочь. Кажется, совсем недавно я черпал силы из Талисмана. И хотя это лечение подбавило новых сил в мое тело, разум по-прежнему был затуманен. Мне нужно поспать — десяток быстрых снов, и все. Место, где я остановился на привал, стало бы куда менее необычным, стоит только отдохнуть, выспаться.

Как далеко я от цели? Находится она за следующей горной грядой или на громадном расстоянии отсюда? И какой у меня

шанс впредь удержаться от встречи бури, каким бы ни было это расстояние? И как там братья и сестры? Вдруг битва уже состоялась и мы проиграли? Мне привиделось, что появляюсь я слишком поздно, лишь для того, чтобы послужить могильщиком… Кости и монологи, Хаос…

И где теперь эта проклятая черная дорога — когда в конце концов у меня нашлось ей применение?.. Если я отыщу ее, то смогу пройти вдоль. Было такое чувство, что дорога где-то слева…

Я вновь мысленно потянулся наружу, раздвигая клубы тумана, откатывая их назад… Ничего…

Силуэт? Что-то движется?

Это был зверь, наверное, большая собака, двигающаяся так, чтобы оставаться в тумане. Она подкрадывается ко мне?

Талисман запульсировал, как только я сместил туман в сторону. Разоблаченный зверь повел головой — словно пожал плечами. Затем двинулся прямиком ко мне.

VIII

Я встал, когда зверь подошел поближе. Теперь я разглядел, что это был шакал — достаточно большой, и взгляд его был устремлен мне в лицо.

— Рановато ты, — сказал я. — Я всего-навсего отдыхаю.

Он ухмыльнулся.

— Вообще-то я пришел поприветствовать принца Янтаря, — сказал зверь. — Что-нибудь еще стало бы для меня маленьким подарком.

Он опять ухмыльнулся. Я тоже.

— Тогда пируй взглядом. А что касается чего-нибудь еще, то ты обнаружишь, что я вполне отдохнул.

— Ни-ни-ни, — сказал шакал. — Я — поклонник Дома Янтаря. И Хаоса тоже. Королевская кровь притягивает меня, принц Хаоса. И конфликт.

— Ты наградил меня неведомым титулом. Моя связь со Дворами Хаоса в основном генеалогическая.

— Я думаю о воплощениях Янтаря, проходящих сквозь тени Хаоса. Я думаю о волнах Хаоса, смывающих образы Янтаря. И все же в сердце порядка, представленного Янтарем, действует семья, наиболее хаотичная, тогда как Дом Хаоса тих и спокоен. И все же твои родственные узы при тебе, равно как и конфликты.

— На данный момент, — сказал я, — я не интересуюсь поисками парадоксов и терминологическими играми. Я пытаюсь добраться до Дворов Хаоса. Ты знаешь дорогу туда?

— Да, — сказал шакал. — Не так далеко, где-то на перелет птицы, что любит мертвечинку.

Он развернулся и потрусил прочь. Я пошел следом.

— Я двигаюсь не слишком быстро? Похоже, ты устал.

— Нет. Иди-иди. Это за долиной, не так ли?

— Да. Там тоннель.

Я пошел за ним следом, через песок, через гравий и через сухую твердую землю. Никакой растительности по обе стороны. Пока мы шли, туман поредел и принял зеленоватый оттенок — еще один трюк того разрисованного неба, решил я.

Чуть погодя я окликнул шакала:

— Сколько еще осталось?

— Теперь совсем близко, — сказал шакал. — Ты устал? Хочешь отдохнуть?

Он оглянулся, разговаривая. Зеленоватый свет придал его уродливым чертам еще более гадкое выражение. И все же мне нужен был проводник; и мы направлялись вверх, что казалось вполне разумным.

— Есть где-нибудь рядом вода? — спросил я.

— Рядом — нет. А возвращаться далеко.

— Тогда ладно. У меня нет времени.

Шакал снова «пожал плечами», ухмыльнулся и пошел дальше. Туман еще чуть поредел, и я мог видеть, что мы забрели в череду низких холмов. Я навалился на посох и прибавил шагу.

Мы упорно карабкались, наверное, с полчаса; почва стала каменистее, крутизна подъема увеличилась. Я обнаружил, что начинаю задыхаться.

— Подожди, — окликнул я зверя. — Теперь я хочу отдохнуть. По-моему, ты сказал, что это не так далеко.

— Прости меня, — сказал он, останавливаясь, — за шакалоцентризм. Я судил по меркам своего естественного шага. Я заблуждался, но теперь мы *почти* рядом. Вход лежит среди скал как раз впереди. Почему бы не отдохнуть там?

— Ладно, — отозвался я и продолжил путь.

Вскоре мы достигли каменной стены, которая, как я понял, была подножием горы. Мы пробрались между скальных обломков, которые окружали ее, и наконец подошли к отверстию, ведущему во тьму.

— Вот, — сказал шакал. — Путь прямой, никаких сомнительных ответвлений. Шагай вперед, и быстрой тебе дороги.

— Спасибо, — сказал я, отгоняя мысли об отдыхе и шагнув внутрь. — Весьма признателен.

— С превеликим удовольствием, — сказал шакал мне в спину.

Я сделал еще несколько шагов, и что-то хрустнуло у меня под ногой, а когда я подцепил это носком сапога — загремело. Звук этот не так-то просто забыть. Пол был завален костями.

Сзади донесся тихий быстрый звук, и я понял, что не успею вытащить Грейсвандир. Так что я крутанулся на месте, поднимая перед собой посох и нанося удар им.

Этот маневр помешал прыжку зверя, и удар его пришелся в плечо. Но он опрокинул меня на кости. Посох вырвало у меня из рук при толчке, и за долю секунды — пока падал мой противник — я решил выдернуть Грейсвандир, а не искать на ощупь посох.

Я ухитрился выдернуть клинок из ножен, но и все. Я все еще лежал на спине, и острие клинка едва поднялось над полом пещеры, когда шакал пришел в себя и прыгнул опять. Я изо всех сил заехал ему концом рукояти в морду.

Отдача пробежала по руке и вверх до плеча. Шакалья голова дернулась назад, тело его перекрутилось. Я тут же вывел клинок в боевую позицию, взявшись за рукоять обеими руками, и сумел привстать на правое колено, прежде чем зверь бросился еще раз.

Как только я увидел, что движение достаточно прицельно, то всем весом налег на клинок, глубоко вогнав его в тело шакала. Быстро отпустил клинок и откатился подальше от щелкающих челюстей.

Шакал взвизгнул, попытался подняться, рухнул. А я лежал,

задыхаясь, рядом, там, где упал. Я почувствовал под собой посох и крепко сжал его в ладони. Повел вокруг, защищаясь, затем привалился спиной к стене пещеры. Шакал больше не поднимался и лежал поверженный, в прежней позе. В тусклом свете я сумел разглядеть, что его рвет. Запах был невыносим.

Затем шакал обратил взгляд в мою сторону и затих.

— А было бы так здорово, — сказал он тихо, — сожрать принца Янтаря. Меня всегда интересовала… королевская кровь.

Затем глаза его закрылись, дыхание оборвалось, и я остался наедине с вонью.

Я поднялся, не отходя от стены, — посох все еще выставлен вперед — и осмотрел зверя. Прошло много времени, прежде чем я заставил себя вытащить клинок из его трупа.

Быстрый осмотр показал, что я не в тоннеле, а всего лишь в пещере. Когда я вышел наружу, туман пожелтел, и его теперь разгонял ветерок из нижних краев долины.

Я привалился к скале и попытался определить, какой дорогой идти. Настоящей тропы здесь не было.

В конце концов зашагал налево. Этот путь казался немного круче, а я хотел забраться выше уровня тумана и как можно выше в горы. Посох продолжал исправно служить. Я по-прежнему прислушивался, нет ли шума бегущей воды, но вокруг ничего не было слышно.

Я из последних сил брел вверх, а туман поредел и поменял цвет. Наконец я смог разобрать, что карабкаюсь на дикое плато. Над ним я начал улавливать проблески неба, многоцветного и вспенивающегося.

За спиной раздалось несколько резких раскатов грома, но я по-прежнему не видел фронта бури. Тогда я ускорил шаг, но через несколько минут почувствовал нарастающее головокружение. Я остановился и, отдуваясь, уселся на землю. Меня переполняла горечь неудачи. Даже если я запрыгну на это плато, у меня было ощущение, что буря ревет как раз над ним. Я потер глаза тыльной стороной ладоней. Что пользы продолжать, если нет возможности выполнить?

Сквозь фисташковые клубы пронеслась тень, пала ко мне. Я поднял посох, потом увидел, что это всего лишь Хьюги. Он затормозил и приземлился к моим ногам.

— Корвин, — сказал он, — ты зашел удивительно далеко.

— Но, скорее всего, недостаточно, — сказал я. — Буря, похоже, приближается.

— По-моему, да. Я размышлял, и мне захотелось помочь тебе оправда…

— Если ты вообще хочешь мне помочь, — сказал я, — то я

мог бы сказать как.

— И как же?

— Лети обратно и посмотри, далека ли буря и насколько быстро она продвигается. Затем вернись и расскажи мне.

Хьюги переступил с лапы на лапу. Затем:

— Лады, — сказал он, подпрыгнул в воздух и захлопал крыльями в ту сторону, где, как мне представлялось, находился северо-запад.

Я оперся на посох и встал. Я вполне мог продолжать подъем с прежней скоростью. Я вновь активировал Талисман, и сила хлынула в меня вспышкой красной молнии.

Пока я преодолевал уклон, с той стороны, куда удалился Хьюги, потянуло влажным ветерком. Раздался еще один громовой раскат. Но никакого рева и грома.

Я потратил большую часть прилившей энергии на то, чтобы взобраться быстро и энергично на пару сотен метров. Если я проиграю, то с тем же успехом можно проиграть и наверху. Там же я мог бы оглядеться и оценить, осталось ли вообще хоть что-нибудь, ради чего стараться.

Взбираясь, я видел небо все яснее. Оно значительно изменилось с тех пор, как я в последний раз смотрел на него. Половина его была ничем не нарушаемой чернотой, а вторая половина — клубком расплывающихся цветов. И вся эта небесная чаша вращалась вокруг точки прямо над моей головой. Я разволновался. Это было то небо, которое я искал, небо, которое было надо мной в тот раз, когда я совершил путешествие в Хаос. Я забрался повыше. Я хотел сказать что-нибудь доброе, но глотка моя чересчур пересохла.

Едва я приблизился к краю плато, как услышал хлопанье крыльев, и Хьюги вдруг оказался у меня на плече.

— Буря вот-вот наползет тебе на задницу, — сказал он. — Может оказаться здесь в любую минуту.

Я продолжал карабкаться вверх, добрался до ровной земли и вполз на нее. Затем я постоял мгновение, тяжело дыша. Этот район ветер должен держать чистым от тумана, поскольку это была высокая плоская равнина, и я мог видеть небо. Я прошелся, чтобы найти точку, с которой мог взглянуть за край. Пока я передвигался, звуки бури донеслись до меня более ясно.

— Я не верю, что ты пересечешь ее, — сказал Хьюги, — не промокнув.

— Ты знаешь, что это не обычная буря, — прохрипел я. — А не то я был бы благодарен за возможность напиться.

— Знаю. Я выражался фигурально.

Я прорычал что-то грубое и продолжил путь.

Постепенно вид передо мной менялся. Небо все еще отплясывало танец с вуалями, но освещения уже было более чем достаточно. Когда я добрался до точки, где окончательно удостоверился в том, что лежит передо мной, то остановился и навалился на посох.

— В чем дело? — спросил Хьюги.

Но я не мог говорить. Я просто махнул рукой на огромную пустошь, которая начиналась где-то под дальним краем плато и

тянулась по меньшей мере миль на сорок, утыкаясь потом в еще одну горную гряду. И далеко влево и по-прежнему уверенно уходила черная дорога.

— Пустыня? — сказал Хьюги. — Я мог бы сказать тебе, что она там. Почему ты не спросил?

Я издал нечто среднее между стоном и всхлипом и медленно опустился на землю.

Сколько я оставался недвижным — не знаю. Я почувствовал, что мое помешательство перевалило за грань небольшого. В сути его я, кажется, видел возможный ответ, хотя что-то во мне восставало против ответа. В конце концов я очнулся от шума бури и хлопающих крыльев Хьюги.

— Я не смогу перебраться через пустошь, — прошептал я. — Пути нет.

— То есть ты потерпел поражение, — сказал Хьюги. — Но это не так. В борьбе нет ни победы, ни поражения. Все это лишь иллюзия твоего ego.

Я медленно поднялся на колени.

— Я не говорил, что потерпел поражение.

— Ты сказал, что не можешь дойти до цели.

Я оглянулся, туда, где сейчас вспыхивали молнии, — буря карабкалась ко мне.

— Верно, мне не пройти этого пути. Но если Папа проиграл, то я получил шанс сделать кое-что — то, что, как Брэнд уверял меня, сделать мог он один. Мне придется создать новый Образ, и мне придется сделать это прямо здесь.

— Ты? Создать новый Образ? Если Оберону не удалось, как может сделать это человек, который едва стоит на ногах? Нет, Корвин. Смирение — это величайшая добродетель, которую тебе нужно воспитывать.

Я поднял голову и опустил посох на землю. Хьюги спорхнул вниз, встал возле него, а я внимательно посмотрел на птицу.

— Ты не хочешь верить ничему из того, что я говорил, верно? — сказал я ему. — Но это не важно. Конфликт между нашими точками зрения непреодолим. Я рассматриваю желание как скрытую индивидуальность, а борьбу — как ее рост. Ты — нет.

Я вытянул руки и положил их на колени.

— Если для тебя величайшим благом является единение с Абсолютом, то почему бы тебе не слетать и не соединиться с ним прямо сейчас, в тот наступающий облик всеохватного Хаоса? Если я потерплю поражение, он станет Абсолютом. Что до меня, то, пока есть во мне дыхание, я должен пытаться воздвигнуть против него Образ. Я делаю это, потому что я тот, кто я есть, а я —

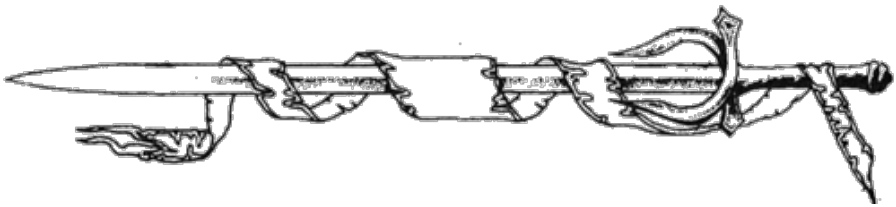
человек, который мог стать королем в Янтаре.

Хьюги опустил голову.

— Сначала я посмотрю, как тебя будет клевать воронье, — сказал он и хмыкнул.

Я быстро протянул руку и свернул ему шею, сожалея, что у меня нет времени разжечь огонь. Хотя все это и смахивало на жертвоприношение, трудно было сказать, кому принадлежала моральная победа, раз уж я все равно рано или поздно намеревался это сделать.

IX



…Касси и аромат каштанов в цвету. Белой пеной вскипают каштаны вдоль Елисейских Полей…

Я помнил игру фонтанов на площади Согласия… И вниз по улице Сены и вдоль по quais, запах старых книг, запах реки…

Аромат каштанов в цвету…

С чего это вдруг вспоминать мне 1905 год и Париж на тени Земля, разве что в тот год я был счастлив и мог теперь — невольно — искать противоядия от настоящего? Да…

Белый абсент, горький пикон, гренадин… Дикая земляника с кремом д'Изиньи… Шахматы в кафе Регентства с актерами из «Комеди Франсез», как раз через дорогу… Скачки в Шантильи… Вечера в кабачке Фюрси на улице Пигаль…

Я четко ставил левую ногу перед правой, правую перед левой. В левой руке я держал цепь, с которой свисал Талисман, — и нес я его высоко, так, чтобы было можно заглядывать в глубины камня, наблюдая и ощущая появление там нового Образа, который я вычерчивал с каждым шагом. Свой посох я воткнул в землю и оставил стоять у начала Образа. Налево…

Вокруг меня пел ветер, и совсем рядом грохотал гром. Я не встретился с физическим сопротивлением, как это было на старом Образе. Вообще сопротивления не было. Вместо этого — и во многом хуже по ощущениям — каждое мое движение сопровождалось необычной осмотрительностью, замедлявшей его, ритуализирующей. Казалось, я трачу больше энергии на подготовку к каждому шагу — осознание его, обдумывание и приказ к выполнению, — чем на само физическое исполнение. И все же медлительность, которая, похоже, требовалась при такой работе, вытягивала из меня некую неизвестную субстанцию, которая определяла ритм и темп адажио всех моих действий. Направо…

…И как Образ в Ратн-Я помог мне восстановить увядшие воспоминания, так и этот, который я создавал с боем, тормошил и извлекал наружу запах каштанов, аромат тележек с овощами, на заре двигающихся к Рынку… В то время я не был влюблен ни в кого конкретно, хотя девушек было много — Иветты, Мими, Симоны, лица их слились, — и была весна в Париже, и оркестры цыган, и коктейли «У Луи»… Я помнил, и сердце прыгало в прустианской радости, пока Время медленно било вокруг меня, словно колокол… И, наверное, в этом и была основа для воспоминаний, потому что радость, казалось, передавалась всем моим движениям, дарила чувствам обостренность, давала власть желаниям…

Я увидел следующий шаг и свершил его… Я уже прошел круг, обозначив периметр моего Образа. Спиной я чувствовал бурю. Должно быть, она взбиралась на край плато. Небо потемнело, буря окрасила все зыбким, качающимся, разноцветным светом. Вокруг косо падали всполохи молний, а я не мог уделить на их контроль ни энергии, ни внимания.

Завершив полный круг, я увидел, что пройденная мной часть Образа теперь вписана в скалу и тлеет бледно-синим. И все же не было ни искр, ни покалывания в ногах, ни поднимающих волосы статических зарядов — лишь упорный закон осмотрительности лежал на мне огромным грузом… Налево…

…Маки, маки и подсолнухи, и высокие тополя вдоль деревенских дорог, вкус нормандского сидра… И снова в городе — запах каштановых бутонов… Сена, полная звезд… Запах старых кирпичных домов на площади де Вогез после утреннего дождя… Бар под концертным залом «Олимпия»… Буйная драка там же… Ободранные костяшки, перевязанные девушкой, которая привела меня домой… Как ее звали? Каштаны в цвету… Белая роза…

Тогда я втянул носом воздух. Почти весь аромат улетучился, кроме запаха розы у моего ворота. Удивительно, как такой цветок до сих пор уцелел. Это подбодрило меня. Я попер вперед, слегка забирая вправо. Уголком глаза я увидел надвигающуюся стену бури, гладкую, как стекло, стирающую все на своем пути. Грохот грома оглушал.

Направо, налево…

Приближаются армии ночи… Выстоит ли против них мой Образ? Мне захотелось поторопить себя, но нет — я стал двигаться со всевозрастающей медлительностью. У меня возникло любопытное ощущение пребывания в двух местах сразу: будто я нахожусь внутри Талисмана, проходя Образ, и одновременно двигаюсь здесь, снаружи, наблюдая за собой и подражая этому действию. Налево… Поворот… Направо… Буря приближается. Скоро она достигнет костей старины Хьюги. Я почувствовал запах влаги и озона и подумал об этой странной темной птице, которая сказала, что ждала меня с начала Времен. Ждала, чтобы поспорить со мной или чтобы быть бесславно съеденной мною в этом краю? Как бы то ни было, принимая во внимание преувеличения, обычные для всех моралистов, выходило так, что Хьюги, не сумевший доверху наполнить мою душу раскаяньем по поводу моего же духовного состояния, был съеден под аккомпанемент театрально грохочущего грома… Был гром дальний, гром близкий, а теперь — сплошной гром. Когда я еще раз повернул в сторону бури, полыхание молний просто ослепляло. Я впился пальцами в цепь и сделал еще один шаг…

Бурю принесло прямо на край моего Образа, а затем она расслоилась. Начала обползать вокруг. Ни дождинки не упало ни на меня, ни на Образ. Но медленно, постепенно мы были поглощены бурей.

Я оказался словно в пузыре на дне бушующего моря. Стены

воды окружали меня, и темные тени проносились мимо. Будто вся вселенная давила на стенки невидимого пузыря, стремясь сокрушить меня. Я сконцентрировался на красном мире Талисмана. Налево…

Каштаны в цвету… Чашка горячего шоколада в придорожном кафе… Оркестровый концерт в садах Тюильри, звуки взмывают в ясное солнечное небо… Берлин двадцатых, Тихий океан в тридцатые — там тоже были удовольствия, но иного порядка. Может, это не истинное прошлое, но те образы прошлого, что накатывают, чтобы позже успокоить или взволновать нас, будь то человек или нация. Какая разница. Через Новый Мост и вниз по улице Риволи, автобусы и фиакры… Художники с мольбертами в Люксембургском саду… Если все будет хорошо, однажды я смогу вновь найти похожую тень… Она стоит в одном ряду с моим Авалоном. Я стал забывать… Детали… Прикосновения, которые оживляют… Запах каштанов в цвету…

Дальше… Я завершил еще один круг. Ветер визжал, а буря ревела, но меня ничто это не трогало. Пока я не позволяю сбивать меня, пока продолжаю идти и сосредоточен на Талисмане… Мне пришлось выстоять, пришлось сделать эти медленные, осторожные шаги, ни разу не остановиться, все медленнее и медленнее, но постоянно… Лица… Казалось, что шеренги лиц глядят на меня из-за края Образа… Большие, как Голова, но искаженные — ухмыляющиеся, глумящиеся, поддразнивающие, ожидающие, что я остановлюсь или оступлюсь… Ожидающие, что все вокруг распадется на части… В их глазах и ртах сверкали молнии, гром был их смехом… Меж них кралась тени… Теперь они говорили со мной, слова были подобны чайкам из темного океана… Ты проиграешь, говорили они, проиграешь, и тебя сметет, а эта часть Образа будет смыта вслед за тобой и поглощена бурей… Они проклинали меня, они плевали и извергали рвоту, хотя до меня ничего не долетало… Наверное, на самом деле их там и не было… Наверное, мой разум не выдержал напряжения… Тогда что толку в попытке? Новый Образ будет сформирован безумцем? Я покачнулся, и они завопили хором, голосами стихий: «Безумен! Безумен! Безумен!»

Я сделал глубокий вдох и ощутил запах того, что осталось от розы, еще раз подумал о каштанах в цвету и о днях, наполненных радостью жизни и гармонией. Похоже, голоса глохли, пока в голове у меня проносились события счастливых лет… И я сделал еще один шаг… И еще один… Они сыграли на моей слабости, они могли чувствовать мои сомнения, озабоченность, усталость… Чем бы они ни были, они хватались за то, что замечали, и пытались использовать это против меня… Налево… Направо… Так пусть

они почувствуют мою уверенность, пусть иссякнут, сказал я себе. Я зашел слишком далеко. И буду продолжать. Налево…

Они завертелись и раздулись, по-прежнему изрыгая то, что должно было обескуражить меня. Но, похоже, они утратили силу. Я проложил себе путь через еще один участок дуги, глядя, как разрастается она в красном глазе моего «я».

Я вспомнил о побеге из Гринвуда, о вытягивании информации из Флори, встрече с Рэндомом, драке с его преследователями, путешествии в Янтарь… Я подумал об отступлении в Ратн-Я, и как я прошел там опрокинутый Образ, чтобы восстановить большую часть памяти… О подрасстрельной женитьбе Рэндома и моем кратковременном пребывании в Янтаре, где я подрался с Эриком и свалил к Блейсу… О последующих сражениях, слепоте, выздоровлении, побеге, путешествии в Лоррайн, а затем — в Авалон…

Взлетев в более высокие сферы, разум мой скользил по поверхности последующих событий… Ганелон и Лоррайн… Твари Черного Круга… Рука Бенедикта… Дара… Возвращение Брэнда и его ранение… Мое ранение… Билл Ротт… Больничные записи… Несчастный случай со мной…

…Теперь, с самого начала — от Гринвуда и через все события к этому мгновению моей борьбы за точность каждого шага, — я ощущал нарастающее предчувствие. Я знал — были ли мои действия направлены на трон, на месть или на воплощение моего понятия долга, — ощущал, осведомленный о незримом присутствии этого предчувствия все минувшие годы до самого последнего мгновения, пока, наконец, предчувствие не стало сопровождаться чем-то еще… Я понимал, что ожиданию вот-вот наступит конец, и что бы я ни предполагал, к чему бы ни стремился, все скоро определится.

Налево… Очень, очень медленно… Все остальное — не важно. Я бросил всю свою волю в движение. Сосредоточенность стала абсолютной. Что бы ни лежало за пределами Образа, я забыл об этом. Молнии, лица, ветра… Ничто не важно. Только Талисман, растущий Образ и я сам — я едва сознавал себя. Наверное, ближе к идеалам Хьюги о слиянии с Абсолютом мне уже никогда не подойти. Поворот… Правая нога… Опять поворот…

Время перестало иметь значение. Пространство ограничилось рисунком, который я создавал. Теперь я черпал силу из Талисмана, не взывая к нему, а как часть процесса, в который сам и был вовлечен. В этом смысле я, полагаю, был уничтожен. Я стал движущейся точкой, запрограммированной Талисманом, выполняющей действие, которое настолько засосало меня, что у меня не осталось внимания на самоосознание. Хотя, на каком-то уровне, я сознавал, что и сам был частью процесса. Поскольку я откуда-то знал: делай это кто-то другой, вырисовывался бы иной

Образ.

Я смутно осознал, что прошел полпути. Путь стал хитрее, движение еще медленнее. Несмотря на скорость, я почему-то вспомнил об опыте начальной настройки на Талисман, в той странной, многомерной матрице, которая, казалось, была источником самого Образа.

Направо… Налево…

Бремени не было. Я чувствовал себя очень легко, несмотря на неторопливость. Казалось, меня постоянно омывала беспредельная энергия. Все звуки вокруг слились в белый шум и исчезли.[27]

Потом вдруг я уже не двигался медленно. Не было ощущения, словно после прохождения сквозь Вуаль или барьер, скорее казалось, что подвергаешься некоей внутренней корректировке.

Теперь как будто я двигался нормальным шагом, прокладывая круговой путь витками — все туже и туже, — приближаясь к тому, что скоро станет центром рисунка. В целом я по-прежнему не испытывал эмоций, хотя отвлеченно понимал, что на каком-то уровне ощущение приподнятости растет и скоро прорвется. Еще один шаг… И еще… Наверное, еще полдюжины шагов…

Внезапно мир потемнел. Показалось, что я стою внутри бесконечной пустоты с Талисманом, как единственной искрой света перед собой и с жаром Образа, подобного спиральной туманности, сквозь которую я прошагал. Я покачнулся, но лишь на миг. Должно быть, это последнее испытание, финальный рывок. Чтобы отвлечь меня, этого бы хватило.

Талисман показывал мне, что делать, а Образ показывал — где. Единственно, чего не хватало, это меня. Так, налево…

Я продолжал идти, выполняя каждое движение крайне внимательно. Наконец возникла противоборствующая сила, как на старом Образе. Но к этому я был подготовлен годами опыта. Я пробил еще два шага сквозь нарастающий барьер.

Затем, внутри Талисмана, я увидел окончание Образа. Я задохнулся от внезапного осознания его красоты, но на этой точке даже дыхание соразмерялось с моим борением. Я бросил все силы на следующий шаг, и пустота вокруг словно встряхнулась. Я завершил этот шаг, но следующий был еще более труден. Я ощущал себя так, будто находился в центре Вселенной, ступая по звездам, стремясь придать некое необходимое движение тому, что в основе своей было актом воли.

Моя нога медленно двигалась, хотя я не видел ее. Образ стал наливаться светом. Скоро его сияние станет почти слепящим.

Еще чуть-чуть дальше… Я боролся яростнее, чем когда-либо

на старом Образе, поскольку теперь сопротивление казалось неодолимым. Мне пришлось выставить против него упорство и непоколебимость воли, которая не допускала отступления, хотя теперь я, похоже, вообще не двигался, а все мои потуги уходят на усиление блеска моего нового рисунка. По крайней мере, копыта я отброшу на фоне великолепного задника.

Минуты, дни, года… Не знаю, как долго это тянулось. Казалось — что всегда. Словно сцена затянулась на целую вечность…

Затем я чуть продвинулся, и сколько времени это заняло, я тоже не знаю. Но я завершил шаг и начал следующий. Затем еще один…

Вселенная, казалось, наматывалась на меня. Я прорвался.

Давление исчезло. Тьма исчезла…

Мгновение я стоял в центре моего Образа. Даже не взглянув на него, я упал на колени и согнулся пополам: кровь тяжело стучала в ушах. Голова плыла, я задыхался. Дрожал с ног до головы. Я сделал это, смутно осознал я. Что бы ни уготовило грядущее, вот новый Образ. И он укрепит…

Я услышал какой-то звук там, где не должно было быть никаких звуков, но мои изнуренные мускулы отказались отзываться, даже рефлекторно, пока не стало слишком поздно. Пока Талисман не выдернули из моих безвольных пальцев — только тогда я поднял голову и пересел на задницу. Никто не следовал за мной по Образу — я был уверен, что знал бы об этом. Следовательно…

Освещение было практически нормальным, и, мигая от него, я смотрел на улыбающееся лицо Брэнда. Теперь он носил на глазу повязку, а в руке держал Талисман. Должно быть, телепортировался сюда, чтобы воспользоваться случаем.

Когда я поднял голову, Брэнд ударил меня, и я упал на левый бок. Тогда он крепко пнул меня в живот.

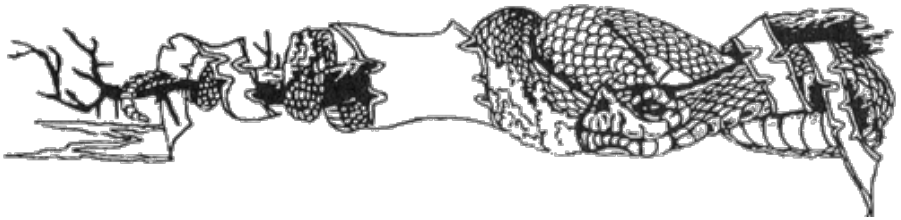
— Ну, ты это сделал, — сказал он. — Не думал, что сумеешь. Теперь, прежде чем я все разложу по нужным полочкам, мне придется уничтожать еще один Образ. Хотя сначала мне необходимо вот это, чтобы повернуть ход сражения во Дворах, — он помахал Талисманом. — А сейчас, пока.

И Брэнд исчез.

Я лежал, задыхаясь и держась за живот. Волны черноты, словно прибой, поднимались и опадали внутри меня, но я не впал окончательно в бессознательное состояние. Чувство безмерного отчаяния нахлынуло на меня, я закрыл глаза и застонал. И не было Талисмана, чтобы почерпнуть из него сил.

Каштаны…

X



Пока я лежал, скорчившись от боли, мне было видение Брэнда, появившегося на поле битвы, где сражались силы Янтаря и Хаоса; Талисман пульсировал у него на груди. Похоже, его контроля над ним было достаточно, чтобы Брэнд смог повернуть события против нас. Я видел его — хлещущим стрелами молний

наши войска. Я видел его — вызывающим великие ветра и ливни с градом, чтобы разбить нас. Я чуть не заплакал. И это, когда он все еще мог искупить грехи, встав на нашу сторону. Просто победы Брэнду теперь было мало. Ему приходилось побеждать для себя, по правилам своей собственной игры. А я? Я проиграл. Я возвел против Хаоса Образ, нечто такое, создать которое я никогда не считал себя в состоянии. И все это окажется впустую, если битва будет проиграна, а Брэнд вернется и сотрет мою работу. Подойти так близко, пройти через то, через что я прошел, а затем проиграть здесь… Мне захотелось закричать: «Нечестно!», хотя знал, что вселенная не станет вращаться вокруг моего понятия о справедливости. Я скрипнул зубами и выплюнул грязь, которую жевал. Мне было поручено отцом принести Талисман на поле битвы. Я почти это сделал.

Затем на меня снизошло необычное ощущение. Что-то взывало к моему вниманию. Что?

Тишина.

Яростные ветра и гром прекратились. Воздух был неподвижен. В самом деле — воздух был свеж и прохладен. А по ту сторону моих век, я знал, царил свет.

Я открыл глаза. Я увидел небо яркой однородной белизны. Я моргнул, повернул голову. Что-то справа…

Дерево. Там, где я посадил палку, отрезанную от старого Игга, стояло дерево. Оно было уже гораздо выше, чем посох. Я почти видел, как оно растет. Дерево было зеленым от листьев и белым от рассыпанных по нему почек; несколько цветков уже раскрылось. Ветер донес до меня слабый и нежный аромат, который готов был поддержать меня в тяжелое мгновение.

Я ощупал себя. Кажется, ребра не сломаны, хотя внутренности еще завязаны в узел после пинка, которого я удостоился. Я протер глаза костяшками и прошелся ладонью по волосам. Затем тяжело вздохнул и привстал на одно колено.

Повернув голову, осмотрел окрестности. Плато было тем же самым и все же не совсем тем же. Оно по-прежнему было голое, но уже не грубое. Вероятно, результат нового освещения. Но и еще кое-что…

Я повернулся еще дальше, оглядывая горизонт. Это был не совсем тот уголок, где я предпринял свою прогулку. Различия были и мелкими, и большими: изменилось строение скал, спуск там, где был подъем, иная структура камня подо мной и рядом, вдалеке нечто, смахивающее на почву. Я встал, и показалось, что теперь откуда-то пахнуло морем. Это место воспринималось совсем по-иному, чем то, куда недавно вскарабкался я — а кажется, так давно. Слишком много перемен, чтобы принять их за

последствия бури. И все это мне что-то напоминало.

Я вновь вздохнул, стоя в центре Образа, и продолжил разглядывать окружение. Каким-то образом, несмотря на ситуацию, отчаяние ускользнуло прочь, а ощущение «освеженности» — вот, пожалуй, лучшее слово — распирало меня изнутри. Воздух был так чист и сладок, а в местности было столько нового и необычного. Я…

Конечно. Сейчас это было похоже на место расположения изначального Образа. Я обернулся к дереву, ставшему еще выше, и вновь осмотрел его. Но, с другой стороны, и не похоже… Что-то новое было в воздухе, на земле, в небе. Это был совсем новый край. Новый изначальный Образ. Значит, все вокруг было порождением Образа, в котором я стоял.

Я вдруг осознал, что чувствую не «освеженность». Теперь это было ощущение приподнятости, что-то вроде радости, что текла во мне. Здесь было чистое, свежее место, и я каким-то образом был за это в ответе.

Шло время. Я стоял там, наблюдая за деревом, оглядываясь по сторонам, наслаждаясь переполнявшей меня эйфорией. И все равно это была победа — пока не вернется Брэнд, чтобы смыть все.

Я вдруг опять помрачнел. Мне придется остановить Брэнда, придется защитить этот край. Я стоял в центре Образа. Если он срабатывает, как и прежний, я смогу использовать его силу, чтобы спроецироваться куда пожелаю. Теперь я могу воспользоваться им, чтобы присоединиться к остальной семье.

Я стряхнул с себя пыль. Проверил клинок в ножнах. Все может оказаться не таким безнадежным, каким кажется. Мне приказали доставить Талисман к месту сражения. Так что Брэнд помог мне; и Талисман уже там. Мне надо просто пойти и каким-то образом отобрать его у Брэнда, чтобы заставить мир свернуть с пути, на котором его ждет распад.

Я осмотрел все вокруг. Мне еще придется вернуться, чтобы исследовать этот новый край, если выживу в намечающейся переделке. Здесь была тайна. Она висела в воздухе и витала в ветрах. Может, понадобятся века, чтобы распутать то, что произошло, когда я начертал новый Образ.

Я отсалютовал дереву. Кажется, оно шевельнулось в ответ. Я привел в порядок розу и расправил ее лепестки. Пора в путь. У меня еще есть дела.

Я опустил голову и закрыл глаза. Попытался вспомнить местность перед последней бездной у Дворов Хаоса. Затем увидел ее под тем диким небом, и я заполнил ее своими родственниками, войсками. Кажется, я расслышал звуки

отдаленного сражения. Картина установилась, стала яснее. Я удержал видение на мгновение подольше, затем поручил Образу забросить меня туда.

…Еще мгновение — и я стоял на вершине холма, что громоздился на краю равнины, холодный ветер трепал мой плащ. Небо было той сводящей с ума кружащейся, разрисованной штукой, которую я помнил с прошлого раза: наполовину — чернота, наполовину — психоделические радуги. В воздухе плавали неприятные испарения. Черная дорога шла далеко справа, пересекая равнину, а за ее пределами, перекинувшись через бездну, упиралась в ту темную, как ночь, цитадель, вокруг которой мерцали фонарики светляков. Мосты из дымки плавали в воздухе, протянувшись издалека во тьме, и странные силуэты двигались по ним, как и по черной дороге. Подо мной на поле раскинулось то, что выглядело главным сосредоточением войск. А за спиной грохотала совсем не крылатая колесница Времени.

Повернувшись туда, где должен быть север — исходя из простых оценок курса, — я увидел приближение той дьявольской бури, — она переваливала через далекие горы, полыхающая и взрыкивающая, наваливающаяся как ледник высотой до неба.

Итак, я не остановил ее созданием нового Образа. Видимо, буря просто миновала защищенный мною участок и будет идти, пока не доберется туда, куда бы она там ни шла. Значит, есть надежда, что следом за ней идет волна созидания, распространяющаяся теперь от нового Образа, восстанавливающая порядок во всей Тени. Интересно, сколько ей понадобится времени, чтобы добраться сюда?

Я услышал стук копыт и повернулся, вынимая клинок…

Рогатый всадник на огромном черном коне несся на меня, и некий пламень пылал в его взоре.

Я встал в позицию и замер в ожидании. Кажется, всадник спустился с одной из дымных дорожек, что плыли в моем направлении. Мы оба находились весьма далеко от линии основного сражения. Я следил, как он поднимается на холм. Хорошая лошадь, однако. Мощная у нее мышца на груди. И где, в какой преисподней, Брэнд? Абы какая драка мне не нужна.

Я смотрел, как подъезжает всадник, на кривой клинок в его правой руке. Я сменил позицию, как только он двинулся, чтобы разрубить меня. Когда он замахнулся, парирующий удар был уже готов, он отбил руку всадника, но оставил в пределах досягаемости. Я перехватил ее и стащил всадника с коня.

— Та роза… — сказал он, как только упал на землю. Я не знаю, что он хотел сказать еще, потому что перерезал ему глотку и слова потерялись в огненном разрезе.

Затем я крутанулся, отдергивая Грейсвандир, рванул спринтом несколько шагов и ухватился за гриву черного жеребца. Завел с ним беседу, чтобы успокоить и увести от языков пламени. Спустя пару минут наши отношения наладились, и я сел верхом.

Поначалу он дичился, но я просто пустил его легким шагом по холму, продолжая осматриваться. Силы Янтаря, похоже, наступали. Дымящиеся трупы валялись по всему полю. Основные силы наших врагов отходили на высоты у края бездны. Их ряды, еще не разбитые, но сильно потрепанные, медленно отступали к пропасти. С противоположной стороны дополнительные войска пересекали бездну и соединялись с теми, кто удерживал высоты. Быстро прикинув их растущее число и расположение, я рассудил, что они, должно быть, готовят свое собственное наступление. Брэнда нигде не было видно.

Даже если бы я отдохнул и надел доспехи, — и то дважды подумал бы о том, чтобы спуститься и присоединиться к набегу. Моя задача сейчас — обнаружить Брэнда. Я сомневался, что он станет непосредственно участвовать в рукопашной. Я скользнул взглядом по флангам сражения, высматривая одинокую фигуру. Нет… Наверное, на дальнем краю поля. Мне пришлось бы сделать круг, забирая к северу. Хватит и того, что я не могу глянуть на запад.

Я развернул лошадь и спустился с холма. Было бы так приятно свернуться где-нибудь и замереть, подумал я. Просто свалиться мешком и уснуть. Я вздохнул. Где, дьявол его раздери, Брэнд?

Я добрался до подножия холма и повернул, чтобы срезать через кульверт[28]. Мне нужен был обзор получше…

— Повелитель Корвин из Янтаря!

Он ожидал меня, пока я в унылом предвкушении одолевал поворот, — крупный, трупного цвета парень с рыжими волосами и лошадью себе под стать. На нем были медно-красные доспехи с зеленоватой гравировкой, и он сидел лицом ко мне, неподвижный как статуя.

— Я увидел тебя на вершине холма, — сказал он. — Ты не в кольчуге, нет?

Я похлопал себя по груди.

Он резко кивнул, затем протянул руку сначала к левому плечу, потом к правому, потом провел по бокам, расстегивая застежки на нагруднике. Когда справился с последней, он снял доспехи, опустил слева от себя и позволил упасть. То же самое он проделал с наголенниками.

— Я долго ждал встречи с тобой, — сказал он. — Я — Борель. Я не хочу, чтобы говорили, что я нечестным образом воспользовался преимуществом, когда убил тебя.

Борель… Имя было знакомо. Затем я вспомнил. Ему принадлежали уважение и восхищение Дары. Он был ее учителем фехтования, мастером клинка. Хоть и чрезвычайно глупым, как я понял. Сняв доспехи, он потерял право на мое уважение. Сражение — не игра, и у меня не было желания подставляться каждой самонадеянной заднице, которая думает иначе. А

особенно умелой заднице, в то время как я чувствую себя не лучшим образом. По всей вероятности, он мог бы и вправду разделать меня.

— Сейчас мы разрешим вопрос, столь долго меня беспокоивший, — сказал Борель.

Я откликнулся изысканной грубостью, пригнулся к лошади и почесал обратно той же дорогой, которой прибыл. Он немедленно погнался следом.

Как только я проехал по кульверту, то сообразил: разрыв между нами недостаточен. Он нагонит меня в течение минуты — а спина у меня полностью открыта, — или прирежет, или вынудит сражаться. Тем не менее, хоть и ограниченный, выбор мой включал в себя чуточку больше.

— Трус! — крикнул Борель. — Ты бежишь от боя! И это великий воин, о котором я столь много слышал?

Я протянул руку и расстегнул плащ. Но обе стороны края кульверта находились на уровне моих плеч, затем талии.

Я скатился с седла влево, споткнулся, но встал на ноги. Чернота снова накатила на меня. Я побежал к канаве.

Взявшись за плащ обеими руками, я взмахнул им в маневре «обратная вероника»[29] за секунду-другую до того, как голова и плечи Бореля поравнялись со мной. Плащ покрыл его, вынутый клинок и все прочее, закутав голову и спутав руки.

Затем я крепко пнул Бореля. Я метил в голову, но попал в правое плечо. Он сверзился с седла, а лошадь вслед за моей пробежала дальше.

Вытащив Грейсвандир, я прыгнул на Бореля. Я перехватил его как раз, когда он сбросил мой плащ и пытался подняться. Пришпилил его там же, где он успел сесть, и увидел выражение крайнего изумления на его лице, когда рана занялась огнем.

— О, низкий поступок! — крикнул он. — Я ждал от тебя более достойного!

— Это уж точно не Олимпийские игры, — сказал я, стряхивая пару искр со своего плаща.

Затем я догнал лошадь и сел верхом. На это мне потребовалось еще несколько минут. Продолжая мчать на север, я добрался до возвышенности и оттуда заметил Бенедикта, руководящего сражением, а в сухом русле далеко в тылу я мельком увидел Джулиэна во главе его Арденских войск. Бенедикт, очевидно, держал их в резерве.

Я продолжал ехать в сторону надвигающейся бури под наполовину темным, наполовину раскрашенным ползущим небом. Вскоре я достиг своей цели — самого высокого холма в поле зрения — и начал взбираться на него. Несколько раз на пути

вверх я останавливался, чтобы оглянуться.

Я видел Дейрдре в черных доспехах, взмахивающую топором; Лльюилл и Флори находились среди лучников. Фионы нигде не было видно. Джерарда не было видно. Затем я увидел Рэндома верхом на коне, орудующего тяжелым клинком, ведущего атаку на вражескую возвышенность. Возле него был рыцарь в зеленом, которого я не узнал. Он действовал мейсом[30] со смертоносной эффективностью. На спине у него был лук, а к бедру приторочен колчан сверкающих стрел.

Пока я добирался до вершины холма, шум бури стал громче. Молнии вспыхивали с регулярностью неоновой трубки, и с шипением нисходил дождь — фибергласовая завеса, которая уже перевалила через горы.

Подо мной и звери, и люди — и больше, чем несколько зверолюдей, — были заплетены в узлы и пряди битвы. Облако пыли висело над полем. Но, принимая во внимание расклад сил, мне не показалось, что растущие силы врага можно было бы отбросить еще дальше. А для контратаки сейчас было самое время. Противник на своих утесах уже изготовился и просто ожидал приказа.

Я ошибся на полторы минуты. Они уже приближались, разворачиваясь по склону, перестраивая ряды, тесня наши войска, давя вперед. И еще больше прибывало их из-за темной бездны. Наши войска начали благоразумно отступать, не теряя порядка. Враги надавили покрепче, и, когда паническое бегство казалось почти неминуемым, был отдан приказ.

Я услышал звук Джулиэновского рога и вскоре увидел его верхом на Моргенштерне, выводящего на поле солдат Ардена. Это почти уравновесило противоположную сторону, уровень шума рос и рос, пока вокруг нас проворачивалось небо.

Я следил за стычкой, наверное, с полчаса, пока наши силы медленно отходили через поле. Затем я увидел на огненно-полосатом коне однорукую фигуру, внезапно появившуюся на вершине далекого холма. В руке человек держал поднятый клинок, развернувшись лицом от меня, к западу. Несколько долгих мгновений он стоял неподвижно. Затем опустил клинок.

Я услышал на западе трубы и сначала не увидел ничего. Потом в поле зрения ворвалась шеренга кавалерии. Я вздрогнул. На миг мне показалось, что там был Брэнд. Затем я сообразил, что это ведет свои войска Блейс, чтобы ударить по открывшемуся вражескому флангу.

И тут наши войска на поле перестали отступать. Они удержали ряды. Затем пошли вперед.

Блейс и его всадники приближались, и я понял, что битва —

вновь за Бенедиктом. Враг вот-вот вскроет свой фронт.

Затем с севера меня обмахнул холодный ветер, и я вновь посмотрел туда.

Буря продвинулась достаточно сильно. Должно быть, с какого-то момента она начала двигаться быстрее. И сейчас стало темнее, чем раньше, и вспышки поярче, и рев погромче. И усилился этот холодный влажный ветер.

Тогда я прикинул… просто ли она промчится над полем волной аннигиляции или нет? Каково воздействие нового Образа? И восстановит ли оно все заново? Я сомневался в этом. Я чувствовал: если эта буря сметет нас, то уж навсегда. Потребовалась бы вся сила Талисмана, чтобы дать нам возможность ускакать от нее, пока не восстановится порядок. И что останется, если мы выживем? Я просто не мог ничего предположить.

Так каков же план Брэнда? Чего он ждет? Что намерен делать?

Я еще раз осмотрел все поле битвы…

Вот.

В затененном месте на высотах, там, где перегруппировывались враги перед спуском на штурм наших рядов… кое-что.

Крошечная искра красного… Я был уверен, что видел ее.

Я продолжал смотреть и ждать. Мне придется увидеть ее еще раз, чтобы точно определить положение…

Прошла минута. Наверное, две…

Вот! И еще раз.

Я развернул боевого коня. Казалось вполне возможным обогнуть врага по флангу и подняться на ту, предположительно не занятую, высоту. Я погнал вниз по холму и взялся прокладывать себе дорогу.

Это должен быть Брэнд с Талисманом. Он выбрал хорошее, безопасное место, с которого мог обозревать все поле битвы, как и приближающуюся бурю. Оттуда, как только приблизится фронт бури, он смог бы направлять ее молнии на наши войска. В надлежащий момент он просигналил бы отступление, поразил бы нас дикими грозовыми фуриями, затем отвел бы их на фланг, чтобы прикрыть склон, на который опирался. В нынешних обстоятельствах такое использование Талисмана казалось самым простым и наиболее эффективным.

Мне придется подбираться быстро. Мой контроль над камнем был сильнее, но ослабевал с расстоянием, а Брэнд носил Талисман на груди. Лучшим вариантом будет направиться прямо к нему, любой ценой прорваться на расстояние контроля,

перехватить командование камнем и использовать его против Брэнда. Но с ним мог оказаться телохранитель. Что затруднит мне задачу, потому что разборка с охраной смертельно замедлит меня. А если и нет, что удержит Брэнда от телепортации, если все пойдет слишком круто? И что мне делать тогда? Мне придется начать все сначала, снова охотясь на него. Интересно, смогу ли я воспользоваться Талисманом, чтобы удержать его от побега? Я не знал. Но решил попробовать.

Может, это не лучший из планов, но у меня он был единственным. А плести более хитрые замыслы больше времени не было.

По дороге я увидел, что остальные тоже направились к той высоте. Рэндом, Дейрдре и Фиона, верхом и в сопровождении восьми всадников, прокладывали себе путь сквозь вражеские ряды, а еще несколько подразделений — друзья или враги, не смог бы сказать, — может, и те, и другие — быстро ехали следом. Рыцарь, одетый в зеленое, казалось, двигался быстрее всех, догоняя первую тройку. Я не узнал его или ее — так тоже могло оказаться. Тем не менее я не сомневался, куда направляется авангард… да, раз там Фиона. Она наверняка заметила присутствие Брэнда и вела остальных к нему. Несколько капель надежды упало на мое сердце. Она, вероятно, способна нейтрализовать силы Брэнда или уменьшить их воздействие. Я склонился вперед, все еще забирая влево, поторапливая лошадь. Небо продолжало вращаться. Ветер свистел вокруг меня. Прокатился страшный удар грома. Назад я не оглядывался.

Я мчался к ним. Я не хотел, чтобы они добрались туда раньше меня, но боялся, что так и будет. Просто расстояние было слишком велико.

Если бы только они обернулись и увидели меня, то, вероятно, подождали бы. Эх, если б был какой-нибудь способ дать им сигнал. Я проклял тот факт, что Козыри больше не работают.

Я закричал. Я вопил как мог, но ветер унес мои слова, а гром прокатился над ними.

— Подождите меня! Проклятье! Это Корвин!

Ни взгляда в мою сторону.

Я проехал мимо ближайшей стычки и поскакал вдоль вражеского фланга вне досягаемости камней и стрел. Кажется, враги теперь отступали быстрее, а наши войска растянулись на большем участке. Брэнд, должно быть, готовился ударить. Часть вращающегося неба была покрыта темным облаком, которого минутой раньше над полем не было.

Я свернул направо, за отступающими, мчась к тем холмам, на которые остальные уже взбирались.

Небо, пока я приближался к подножию холмов, продолжало темнеть, и я боялся за своих родственников. Они слишком близко подобрались к нему. Ему придется что-нибудь сделать. Если Фиона недостаточно сильна, чтобы остановить его…

От ослепительной вспышки, что случилась передо мной, лошадь поднялась на дыбы, и меня выбросило из седла. Гром грянул раньше, чем я шлепнулся на землю.

Я пролежал несколько мгновений оглушенный. Лошадь отбежала метров, наверное, на пятьдесят, прежде чем остановилась и принялась бесцельно бродить. Я перекатился на живот и посмотрел вверх на длинный склон. Остальных всадников тоже спешило. Их группу, очевидно, поразил разряд. Некоторые шевелились, некоторые нет. Никто еще не поднялся. Над ними я увидел красное тление Талисмана, там, под выступом, теперь более яркое и ровное, и смутные очертания фигуры того, на ком он был надет.

Я пополз вперед, вверх и налево. Я хотел выйти из поля зрения фигуры, прежде чем рискну подняться. Ползком до него добираться слишком долго, и теперь я собирался обогнуть остальных, потому что его внимание будет приковано к ним.

Я пробирался осторожно, медленно, используя каждый выступ скалы для прикрытия, любопытствуя, не ударит ли молния вновь, — а если нет, то когда Брэнд примется насылать несчастья на наши войска. Теперь в любую минуту, рассудил я. Взгляд назад показал, что наши силы растеклись по дальнему краю поля, а враги отходят и идут сюда. Похоже, пройдет не так много времени, и можно не тревожиться и о них.

Я залез в узкую траншею и червем прополз на юг метров, наверное, десять. Затем снова наружу, на дальнюю оконечность, чтобы выгадать на подъеме, а затем укрыться за камнями.

Когда я поднял голову, чтобы оценить ситуацию, света от Талисмана видно не было. Расселина, откуда он светил, была с востока перекрыта каменным выступом.

Тем не менее я продолжал ползти, все ближе к краю огромной бездны, перед которой еще раз забрал вправо. Я достиг точки, где вроде мог без опаски встать, что и сделал.

Я продолжал ждать очередную вспышку, очередной разрыв грома — поблизости или вдалеке, — но ничего не было. Это меня удивило… почему ничего? Я протянул руку, пытаясь ощутить присутствие Талисмана, но не сумел. Я заторопился к тому месту, где видел сияние.

Заглянул в бездну, чтобы убедиться, что с той стороны не грозит новой напасти. Вытащил клинок. Пока я добирался до цели, то прижимался ближе к эскарпу и держал курс на север.

Пригнулся пониже, когда подошел к краю, и огляделся.

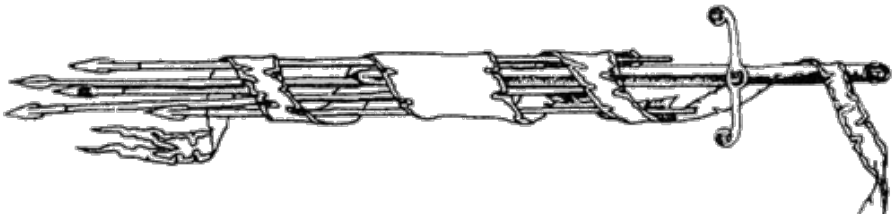
Красного сияния не было. И затемненной фигуры тоже. Скальное углубление выглядело пустым. Нигде поблизости не было ничего подозрительного. Мог ли он опять телепортироваться? А если мог, то отчего?

Я поднялся и обошел скальный подъем. Продолжал двигаться в том направлении. Попытался еще раз почувствовать Талисман, и на этот раз установил с ним слабый контакт — где-то справа от меня и выше, кажется.

Бесшумно, настороженно я двинулся туда. Почему он оставил свое убежище? Лучшую позицию для себя Брэнд вряд ли сумел бы найти. Если не…

Я услышал пронзительный крик и проклятия. Два разных голоса. Я побежал.

XI



Я миновал нишу и продолжал путь. За нишей поднималось вверх что-то вроде тропинки. Я прошел по ней до упора.

Я еще никого не видел, но с каждым шагом присутствие Талисмана ощущалось сильнее. Справа послышался звук шагов, я посмотрел туда, но никого не увидел. С той стороны ощущение

Талисмана было слабее, поэтому я продолжил подъем, забирая вправо.

Как только я приблизился к вершине и черный провал Хаоса раскрылся за ней, послышались голоса.

Я не смог разобрать, о чем говорили, но, судя по тону, явно кто-то кого-то убеждал.

Приблизившись к гребню, я сбавил темп, пригнулся и осмотрел склон скалы.

Рэндом стоял чуть впереди меня, с ним были Фиона и лорды Чантри и Фелдэйн. Все, кроме Фионы, держали оружие, словно собирались сражаться, но стояли абсолютно спокойно. Они смотрели в сторону обрыва — на выступ скалы чуть выше их и, наверное, метрах в пятнадцати, — туда, где начиналась бездна.

Там стоял Брэнд и держал перед собой Дейрдре. Дейрдре была без шлема, волосы дико растрепаны, а Брэнд приставил к ее горлу кинжал. Похоже, что он уже слегка пустил ей кровь. Я отшатнулся.

Я услышал, как Рэндом тихо сказал:

— Больше мы ничего не можем сделать, Фи?

— Я могу держать его там, — сказала она, — и с такого расстояния могу приостановить его попытки контролировать погоду. И все. У него есть настройка на Талисман, а у меня нет. И Талисман находится ближе к нему. Все, что я могу предпринять, он может легко парировать.

Рэндом покусал нижнюю губу.

— Положите оружие, — крикнул Брэнд. — Сейчас же, или Дейрдре умрет.

— Убей ее, — сказал Рэндом, — и потеряешь единственное, что сохраняет тебе жизнь. Убей сейчас — и я покажу тебе, куда я положу оружие.

Брэнд что-то пробормотал еле слышно. Затем:

— О'кей. Я начинаю ее калечить.

Рэндом сплюнул.

— Валяй! — сказал он. — Она способна регенерировать, как и любой из нас. Сперва поищи угрозу, которая что-нибудь значит, или заткнись и сражайся!

Брэнд был неподвижен. Я подумал, что лучше не обнаруживать своего присутствия. Должно быть что-то, что я могу сделать. Я отважился еще на один взгляд, сфотографировал мысленно площадку, снова присел. Слева было несколько крупных камней, но надежда на них была слаба. А возможности незаметно подкрасться к Брэнду из-за спины я не видел.

— По-моему, придется рискнуть и броситься на него, — услышал я голос Рэндома. — Больше вариантов я не вижу. А вы?

Прежде чем кто-нибудь ему ответил, произошла странная вещь. День начал разгораться ярче.

Я осмотрелся по сторонам в поисках источника света, затем поискал наверху.

Облака были неподвижны, сумасшедшее небо выкидывало свои фокусы где-то за их границей. Тем не менее свет источали именно облака. Они побледнели и теперь наливались жаром, словно скрывали солнце. В тот момент, когда я на них посмотрел, свечение стало особенно заметным.

— Чем это он теперь занимается? — спросил Чантри.

— Ничем, насколько я понимаю, — сказала Фиона. — Я не верю, что это его рук дело.

— Тогда чьих?

Ответа я не расслышал, или его просто не было.

Я следил, как разгораются облака. Вот самое большое и яркое вроде как закрутилось, будто чем-то встревоженное. Внутри него вскидывались и успокаивались фигуры. Размытые очертания начали обретать некую форму.

Подо мной, на поле, затихли звуки сражения. Сама буря словно онемела, как только видение стало набирать силу. Что-то определенно формировалось в свечении над нашими головами — черты чьего-то огромного лица.

— Не знаю, я же вам говорила, — услышал я, как ответила кому-то Фиона.

Прежде чем изображение на облаке закончило обретать форму, я сообразил, что там, в небе, лицо моего отца. Ловкий трюк, ничего не скажешь. Я понятия не имел, как это вообще можно сделать.

Лицо двигалось, как если бы отец окидывал нас всех взглядом. В выражении лица была боль и, кажется, беспокойство. Яркость усилилась. Губы чуть шевельнулись.

Когда на меня снизошел его голос, то прозвучал он скорее как при обычной беседе, а не оглушающим раскатом грома, которого я ожидал.

— Я отправляю вам это послание, — сказал он, — прежде чем возьмусь за починку Образа. К тому времени, как вы его получите, я уже или чего-то добьюсь, или потерплю неудачу. Послание будет предшествовать волне Хаоса, которая должна сопутствовать моей попытке. У меня есть основания считать, что для меня эта попытка может оказаться фатальной.

Взгляд его, казалось, обежал поле.

— Радуйтесь или скорбите, как угодно, — продолжил отец, — потому что это либо начало, либо конец. Как только я закончу работу, то пошлю Талисман Закона Корвину. Я поручил ему

принести Талисман на поле битвы. И все ваши усилия кончатся ничем, если не отвратить волну Хаоса. Но с помощью Талисмана, в том месте, где он окажется, Корвин сумеет сберечь вас, если волна все же пройдет.

Я услышал смех Брэнда. Звучал он явно безумно.

— С моим уходом, — продолжал голос, — проблема наследования ляжет на вас. У меня были свои мысли на этот счет, но теперь я вижу, что все это — тщетно. Поэтому у меня нет другого выхода, как предоставить выбор рогу Единорога. Дети мои, не могу сказать, что вы всегда меня радовали, но, думаю, и я был не лучше. Пусть так и будет. Я оставляю вас с моим благословением, и, поверьте мне, это не простая формальность. А теперь я начинаю движение по Образу. Прощайте.

Лицо его стало блекнуть, светились теперь одни облака. А скоро все исчезло вообще. Поле окутала неподвижность.

— …И вы что, не видите, — услышал я голос Брэнда, — что Талисмана у Корвина нет? Бросьте оружие и убирайтесь к дьяволу. Или заберите его с собой и убирайтесь. Мне все равно. Оставьте меня одного. У меня есть чем заняться.

— Брэнд, — сказала Фиона, — ты можешь сделать то, что отец хотел от Корвина? Ты можешь использовать Талисман, чтобы заставить волну пройти мимо.

— Мог бы, если б хотел, — сказал он. — Да, я мог бы отогнать ее в сторону.

— Ты прославишься, если сделаешь это, — мягко сказала она. — Мы все будем тебе благодарны. Все тебе простим. Простим и забудем. Мы…

Брэнд дико расхохотался.

— *Ты* простишь *меня*? — сказал он. — Ты, которая оставила меня в той башне? Которая воткнула мне в бок нож? Спасибо, сестра. Очень мило с твоей стороны, что ты предложила меня простить, но извини — пожалуй, я откажусь.

— Ну ладно, — сказал Рэндом, — чего ты хочешь? Извинений? Богатств и сокровищ? Высокой должности? Всего сразу? Хорошо, все это у тебя будет. Но ты играешь в глупую игру. Давай покончим с ней и пойдем домой. Сделаем вид, что все это дурной сон.

— Да, покончим. Давай, — отозвался Брэнд. — Начните с того, что бросьте оружие. Затем Фиона освободит меня от чар, а вы все делаете «кругом-марш» на север. Давайте, или я убью Дейрдре.

— Тогда, я думаю, тебе лучше отойти подальше, убить ее и приготовиться к схватке со мной, — сказал Рэндом, — потому что она все равно умрет, если мы отпустим тебя. Все мы умрем.

Я услышал хмыканье Брэнда.

— Ты правда думаешь, что я намерен дать вам умереть? Вы мне нужны… и столько вас, сколько мне удастся спасти. И Дейрдре, надеюсь, тоже. Вы единственные, кто оценит мою победу. Я сохраню вас во всеобщем распаде, который вот-вот начнется.

— Я тебе не верю, — сказал Рэндом.

— Тогда подумай об этом, секунда у тебя еще есть. Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я захочу утереть вам носы. Я хочу, чтобы вы были свидетелями того, что я делаю. Вот поэтому-то мне и нужно ваше присутствие в моем новом мире. А теперь убирайтесь отсюда.

— Ты будешь иметь все, что хочешь, и нашу благодарность в придачу, — начала Фиона, — если просто…

— Идите!

Я знал, что тянуть больше нельзя. Хочу я этого или нет, но сделать ход мне придется. Еще я знал, что все равно не успею вовремя. У меня не было выбора, кроме как воспользоваться Талисманом как оружием против Брэнда.

Я потянулся к Талисману и ощутил его присутствие. Закрыл глаза и воззвал к своим силам.

Жарко. Жарко, настойчиво думал я. Он сжигает тебя, Брэнд. Он заставляет каждую молекулу твоего тела вибрировать быстрее и быстрее. Ты почти что превратился в живой факел.

Я услышал крик Брэнда.

— Корвин! — кричал он. — Прекрати! Где бы ты ни был! Я убью ее! Вот, смотри!

Не переставая просить о том, чтобы Талисман сжег Брэнда, я поднялся на ноги. Я смотрел на него с расстояния, которое нас разделяло. Одежда на Брэнде начала дымиться.

— Прекрати! — крикнул он, поднял кинжал и полоснул Дейрдре по лицу.

Я вскрикнул, перед глазами все поплыло. Я потерял над Талисманом контроль. Зато Дейрдре — левая ее рука была окровавлена, — когда Брэнд заносил кинжал, чтобы ударить еще, впилась в его ладонь зубами. Затем рука ее высвободилась, и сестра воткнула ему меж ребер локоть и попыталась вырваться.

Как только Дейрдре дернулась в сторону и наклонила голову, мелькнула серебристая вспышка. Брэнд охнул и выронил кинжал. Из его горла торчала стрела. Другая прилетела мгновением позже и торчала теперь из груди Брэнда, чуть правее Талисмана.

Брэнд, издав булькающий звук, шагнул назад. Но ступать там было некуда — только в бездну.

Глаза Брэнда расширились, когда он начал заваливаться на спину. Затем его правая рука метнулась вперед и вцепилась в волосы Дейрдре. Я уже бежал, истошно крича, хотя знал, что не успею.

Дейрдре издала стон, выражение ужаса застыло на ее измазанном кровью лице. Она потянулась ко мне…

Брэнд, Дейрдре и Талисман исчезли за гранью, пропали, были — и их не стало…

По-моему, я попытался броситься следом, но Рэндом меня перехватил. В конце концов ему пришлось меня ударить, и все куда-то провалилось.

Когда я пришел в себя, то лежал на каменистой земле далеко от края уступа, возле которого упал. Кто-то свернул мой плащ и подложил мне под голову. Первое, что я увидел, было вращающееся небо, напомнившее мне мой сон о колесе в тот день, когда я встретил Дейрдре. Я чувствовал присутствие остальных, слышал их голоса, но даже не повернул головы. Я просто лежал и смотрел на мандалу в небе и думал о своей потере. Дейрдре… она значила для меня больше, чем вся остальная семья вместе взятая. И я уже ничего не мог поделать. Вот так. Сколько раз я желал, чтобы она была не моей сестрой. И все же я примирился с этим — да, пусть сестра, все равно мои чувства никогда бы не изменились, но… ее больше нет, и эта мысль значила для меня больше, чем предстоящее разрушение

мира.

Но от настоящего никуда не денешься. Пусть с исчезновением Талисмана все кончено. И все же… Я потянулся, пытаясь нащупать его присутствие, где бы он ни был, но — ничего. Тогда я стал подниматься, чтобы видеть, как далеко продвинулась волна Хаоса, но внезапно чья-то ладонь толкнула меня назад.

— Отдохни, Корвин, — это был голос Рэндома. — Ты совсем разбит. Ты так выглядишь, словно только что прополз сквозь ад. Для тебя ничего интересного там нет. Успокойся.

— А при чем тут мое здоровье? — отозвался я. — Чуть раньше или чуть позже — какая разница?

Я опять попытался встать, и на этот раз рука двинулась, чтобы меня поддержать.

— Тогда ладно, — сказал Рэндом. — Хотя смотреть тут и правда не на что.

Наверное, он был прав. Сражение, похоже, закончилось, кроме отдельных небольших очагов, где враг еще пытался сопротивляться; да и эти стычки быстро сошли на нет — бойцы или были убиты, или захвачены в плен, все двигались в одном направлении, отступая перед приближающейся волной, которая уже охватила дальний край поля. Вскоре наша высотка будет запружена всеми выжившими с обеих сторон. Я посмотрел за наши спины. Из скрытой темнотой цитадели никаких войск больше не прибывало. Сможем ли мы уйти туда, когда волна в конце концов нас накроет? И что потом? Бездна? Похоже, так.

— Скоро, — пробормотал я, думая о Дейрдре. — Скоро…

Почему бы и нет?

Я наблюдал за грозовым фронтом, вспыхивающим, вбирающим все в себя, меняющимся. Да, скоро. Раз уж Талисман ушел вместе с Брэндом…

— Брэнд… — сказал я. — Кто же его все-таки достал той стрелой?

— На эту заслугу могу претендовать я, — ответил знакомый голос, услышать который я никак не мог ожидать.

Я повернул голову и всмотрелся. На камне сидел человек в зеленом. Возле него на земле лежали лук и колчан. Он сверкнул зловещей улыбкой в мою сторону.

Это был Кэйн.

— Будь я проклят, — сказал я, потирая челюсть. — Забавная штука приключилась со мной по дороге на твои похороны.

— Да. Я слышал об этом. — Он рассмеялся. — Ты когда-нибудь убивал сам себя, Корвин?

— В последнее время нет. Как тебе это удалось?

— Пошел в подходящую тень, — сказал он, — подстерег там

тень самого себя. Вот и готовый труп. — Кэйн пожал плечами. — Жуткое ощущение. Никому такого не пожелаю.

— Но зачем? — сказал я. — Зачем подтасовывать свою смерть и пытаться обвинить в этом меня?

— Я хотел докопаться до корня зла в Янтаре, — сказал Кэйн, — и вырвать его. Я думал, самое выгодное для этого — уйти в подполье. А что лучше, чем убедить всех, что я мертв? В конце концов у меня это получилось, как видите. — Он сделал паузу. — Хотя Дейрдре мне жаль. Но у меня не было выбора. Это был наш последний шанс. Я думал, что он не успеет утащить ее с собой.

Я отвернулся.

— У меня не было выбора, — повторил он. — Надеюсь, ты это понимаешь?

Я кивнул.

— Но зачем было создавать впечатление, что тебя убил я? — спросил я.

К тому времени подошли Фиона и Блейс. Я приветствовал их обоих и повернулся обратно к Кэйну за ответом. Блейса я тоже хотел порасспрашивать, но он мог подождать.

— Ну? — сказал я.

— Я хотел убрать тебя с дороги, — сказал он. — Я ведь по-прежнему думал, что за всем этим стоял ты. Ты или Брэнд. Я ограничил круг подозреваемых вами двумя. Я даже думал, что вы здесь можете быть замешаны оба — особенно с его стараниями вернуть тебя.

— Ты все понял наоборот, — сказал Блейс. — Брэнд пытался держать его подальше. Он узнал, что его память возвращается, и…

— Знаю, — ответил Кэйн, — но тогда все выглядело именно так. Я хотел, чтобы Корвин опять посидел в темнице, пока я разыскиваю Брэнда. Затем я залег на дно и подслушивал по Козырям все разговоры — надеялся найти нить к месту, где Брэнд скрывается.

— Это то, что имел в виду Папа? — сказал я.

— Что? — спросил Кэйн.

— Он намекал, что на Козырях «жучок».

— Не понимаю, как он мог узнать. Я научился быть полностью пассивным при этом. Я научился сдавать их и легонько касаться в тот момент, когда чувствовал хоть малейший контакт. Потом, когда он возникал, я переносил внимание на говорящих. Однажды, выйдя так на вас, я даже обнаружил, что могу иногда проникать в ваши мысли, даже когда вы не пользуетесь Козырями… если вы достаточно отвлечены, а я не позволял себе

никакой реакции.

— И все же он знал.

— Это наверняка возможно, — сказала Фиона, и Блейс кивнул.

Рэндом подошел ближе.

— Что ты имел в виду, когда спрашивал про бок Корвина? — поинтересовался он. — Откуда ты вообще мог узнать, если не…

Кэйн только кивнул. Я увидел вдалеке Бенедикта и Джулиэна; они стояли вместе и обращались к своим войскам. Но после молчаливого кивка Кэйна я мгновенно про них забыл.

— Ты? — прохрипел я. — Ты пырнул меня?

— Выпей, Корвин, — сказал Рэндом, передавая мне свою флягу. Это было разбавленное вино. Я с трудом глотнул. Жажда была нестерпимой, но я остановился после нескольких хороших глотков.

— Рассказывай, — сказал я.

— Ладно, за мной ведь должок, — сказал Кэйн. — Когда я узнал из мыслей Джулиэна, что ты привел Брэнда обратно в Янтарь, то решил, что первоначальная догадка была верной, — что вы с Брэндом заодно. Это значило, что вас обоих следовало уничтожить. Той ночью я использовал Образ, чтобы спроецироваться в твои комнаты. Там я попытался убить тебя, но ты двигался слишком быстро и каким-то образом ухитрился козырнуться оттуда, прежде чем у меня появился еще один шанс.

— Ну у тебя и глаза, будь они прокляты, — сказал я. — Если ты мог перебирать наши мысли, ты что, не мог разглядеть, что я не тот, за кого ты меня принимаешь?

Кэйн покачал головой.

— Я мог прощупывать только поверхностные мысли и реакции на непосредственное окружение. И то не всегда. И я слышал твое проклятие, Корвин. И оно стало реальностью. Я видел его повсюду вокруг нас. Я чувствовал, что мы все будем в гораздо большей безопасности, если вы с Брэндом исчезнете с пути. Я знал, на что он способен — по его поступкам незадолго до твоего возвращения. Хотя тогда я не мог до него добраться — из-за Джерарда. Затем Брэнд стал сильнее. Позже я предпринял еще одну попытку, но она провалилась.

— Когда это? — спросил Рэндом.

— Когда под обвинение попал один Корвин. Я замаскировался. В том случае, если Брэнду, как и Корвину, удалось бы сбежать, я не хотел, чтобы Брэнд знал, что я все еще в рейде. Я использовал Образ, чтобы спроецироваться в его комнаты, и попытался его прикончить. Мы оба были ранены — ну и кровищи там натекло! — но он тоже ухитрился козырнуться.

Затем я вошел в контакт с Джулиэном и присоединился к нему в этой битве, потому что Брэнд явно должен был показаться здесь. Я прихватил стрелы с серебряными наконечниками, потому что был более чем уверен, что он уже не такой, как мы. Я хотел убить его быстро и сделать это издалека. Я напрактиковался в стрельбе из лука и пошел по его следу. И наконец нашел. Теперь все говорят, что на твой счет я ошибался, так что полагаю, стрела, предназначенная тебе, уйдет неиспользованной.

— Премного благодарен.

— Я даже могу попросить у тебя прощения.

— Было б неплохо.

— С другой стороны, я думал, что был прав. Я поступал так, чтобы спасти остальных.

Я так и не дождался от него извинений, потому что как раз в этот момент весь мир, казалось, был потрясен трубным звуком — громким, протяжным, идущим словно отовсюду. Мы озирались в поисках источника.

Кэйн встал и ткнул пальцем.

— Там! — сказал он.

Взгляд мой проследил его жест. Завеса грозового фронта была прорвана с северо-запада, в точке, где из нее исторгалась черная лента дороги. Там на черном коне появился призрачный всадник и затрубил. Все случилось за миг до того, как звуки достигли нас. Мгновением позже к нему присоединились еще два трубача — тоже бледные и тоже верхом на черных конях. Они подняли свои трубы и оглушительно затрубили.

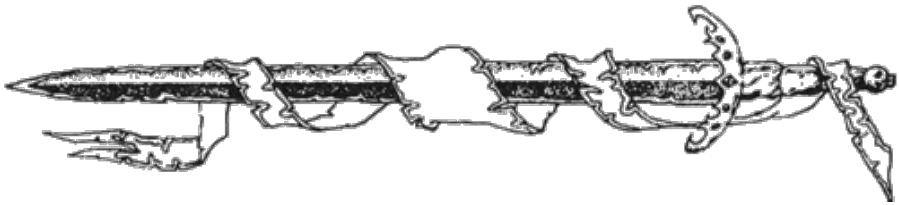
— Что это может быть? — спросил Рэндом.

— По-моему, я знаю, — сказал Блейс, и Фиона кивнула.

— И что? — спросил я.

Но они не ответили. Всадники двигались вперед по черной дороге, и все больше и больше появлялось их на черном пути.

XII



Я смотрел. Великое молчание повисло над вершинами. Войска замерли, не сводя взгляда с процессии. Даже пленные из Дворов, окруженные сталью оружия, смотрели туда.

Ведомый бледными трубачами, шел большой отряд

всадников на белых конях, в руках — знамена, некоторые я не узнал; впереди — человекообразная тварь несла Янтарный штандарт с Единорогом. За ними следовали музыканты, некоторые из них играли на инструментах, каких я никогда раньше не видел.

За музыкантами длинной колонной маршем шли рогатые человекоподобные твари в легких доспехах, и примерно каждый двадцатый нес перед собой огромный факел, подняв его высоко над головой. Затем послышался низкий звук — медленный ритмичный раскат на фоне пения труб и игры музыкантов, — и я понял, что это поет пехота. Кажется, прошло бесконечно много времени, пока эта толпа текла по черной дороге, но за все это время ни один из нас даже не шелохнулся, даже не заговорил. Они прошли с факелами и знаменами, с музыкой и пением, и в конце концов дошли до края бездны и пошли дальше по едва заметному продолжению той темной дороги; их факелы теперь парили над тьмой, освещая им путь. Музыка стала громче, несмотря на расстояние; все больше голосов присоединялось к хору, потому что новые и новые воины выходили из полыхающего грозового фронта. Прокатился случайный раскат грома, но не смог заглушить пения; не смогли и ветры — они только набрасывались на факелы, стремясь их задуть. Это было словно гипноз. Словно бесконечные дни и годы я смотрю на эту процессию и слушаю мелодию, которую я наконец узнал.

Внезапно из грозового фронта выплыл дракон, за ним еще один и еще. Зеленые, золотые и черные, подобно старому железу, — я смотрел, как они парят на ветру, поворачивая головы, чтобы развесить огненные вымпелы. В блеске молний драконы были ужасны и великолепны, и не было им числа. Под ними шли небольшие стада белого скота, животные вскидывали головы, ревели и били копытами землю. Рядом мелькали всадники, щелкая длинными черными бичами.

Затем прошла процессия истинно звериных войск из тени, с которой Янтарь иногда торговал; грузные, чешуйчатые, когтистые, они играли на чем-то, что напоминало волынки, — истошные ноты доносились до нас, и звуки переполнял пафос.

И эти шли маршем, и снова были факелоносцы, и еще войска, и еще — из теней далеких и близких, — и у каждого войска свои цвета. Мы смотрели, как они проходят и извилистой дорогой идут в далекое небо, словно мигрирующие светляки, а целью их была та черная цитадель, что зовется Дворами Хаоса.

Казалось, этому не будет конца. Я потерял всякий счет времени. Но странное дело — пока все это тянулось, грозовой фронт оставался на прежнем месте. Я даже перестал ощущать

себя, зачарованный шествием, что двигалось мимо нас. Я знал, такое событие никогда больше не повторится. Яркие летучие твари мчались над колоннами, а темные парили еще выше.

Там были призрачные барабанщики, существа из чистого света и стая летающих машин; я увидел всадников, полностью убранных в черное, верхом на различных бестиях; виверны, казалось, зависали[31] на долю секунды в небе, подобно огням фейерверка. И звуки — стук копыт и топот шагов, пение и вопли волынок, барабанная дробь и трубы — вздымались омывающей нас могучей волной. И дальше, дальше, прочь по мосту тьмы извивалась процессия; огни очерчивали теперь громадную ее часть, видимую на огромном расстоянии. Затем, когда мой взгляд вновь скользнул по рядам, еще одна фигура вышла из-за мерцающей занавеси. Это была повозка, убранная черным, и везли ее черные кони. На каждом ее углу поднимался шест, горящий синим огнем, а на повозке лежало то, что могло быть лишь гробом, покрытым нашим флагом с Единорогом. Повозкой правил горбун, убранный в пурпурные и оранжевые одежды, и даже на таком расстоянии я понял, что это Дваркин.

Вот, значит, как, подумал я. *Не знаю, почему, но каким-то образом все сходится — сходится, что именно на Старую Родину ты сейчас держишь путь. Много чего я мог бы тебе сказать, пока ты был жив. Кое-что я сказал, но лишь немногие из важных слов были произнесены. Ныне все кончено, ибо ты мертв. Мертв, как все те, кто ушел до тебя туда, куда вскоре уйдем и мы, оставшиеся. Мне жаль. Только после всех этих лет в другом облике и другом лице, которые ты принял, я наконец узнал тебя, стал тебя уважать, даже дошел до того, что ты стал мне нравиться… хоть ты и был увертливым старым ублюдком и в новом облике тоже. Было ли «я» Ганелона все-таки настоящим тобой или это была лишь другая форма, надетая удобства ради, Меняющий Облик Старец? Я никогда этого уже не узнаю, но мне нравится думать, что я видел тебя таким, каким ты был, что я встретил кого-то, кто мне нравился, кого-то, кому я мог доверять, и что это был ты. Хотел бы я узнать тебя получше, но благодарен и за это…*

— Отец?.. — тихо сказал Джулиэн.

— Он хотел, чтобы после смерти его увезли за пределы Дворов Хаоса, во тьму, из которой не возвращаются, — сказал Блейс. — Так мне однажды обмолвился Дваркин. За пределы Хаоса и Янтаря, туда, где не правит никто.

— Да, это правда, — сказала Фиона. — Но есть ли где-нибудь порядок за той стеной, сквозь которую они проходят? Или буря будет продолжаться вечно?

Если у него получилось, то это всего лишь вопрос перехода, и

мы вне опасности. Но если нет…

— Это неважно, — сказал я, — получилось у него или нет. Потому что у меня получилось.

— Что ты имеешь в виду?

— По-моему, он потерпел поражение, — сказал я, — и был уничтожен раньше, чем сумел восстановить Образ. Когда я увидел, как приближается эта буря — а я ее испытал на своей шкуре, — то понял, что вряд ли сумею добраться сюда вовремя с Талисманом, который он послал мне после своей попытки. Брэнд всю дорогу пытался его у меня отобрать — чтобы создать новый Образ, он так сказал. Позже эти его попытки родили во мне идею. Когда я увидел, что все остальное провалилось, то воспользовался Талисманом, чтобы самому создать новый Образ. Это было самое трудное, что я когда-либо делал, но у меня получилось. Обломки соединятся вновь, когда пройдет эта волна, — спасемся мы или нет. Но Брэнд украл Талисман, едва я завершил Образ. Когда я пришел в себя после его нападения, то сумел воспользоваться новым Образом, чтобы спроецироваться сюда. Так что Образ существует, несмотря ни на что.

— Корвин, — сказала Фиона, — а если у Папы все получилось?

— Не знаю.

— Но Дваркин мне говорил, — сказал Блейс, — что два удаленных друг от друга Образа не могут существовать в одной и той же Вселенной. Те, что в Ратн-Я и Тир-на Ног’т, не считаются — они отражения нашего…

— И что случится, если они окажутся вместе? — сказал я.

— Наверно, произойдет раскол, основание нового бытия…

— А как это может отразиться на нас?

— Либо полная катастрофа, либо вообще ничего, — сказала Фиона. — Возможно и то, и другое.

— Тогда мы приходим опять к тому, с чего начали, — сказал я. — Либо все скоро рухнет, либо останется стоять.

— Похоже, что так, — сказал Блейс.

— Какая разница? После того, как волна доберется сюда, нас все равно здесь уже не будет, — сказал я. — А она доберется.

Я снова посмотрел на похоронный кортеж. Всадников за повозкой прибавилось, за ними маршировали барабанщики. Следом — вымпелы, факелы, длинная череда пеших солдат. До нас по-прежнему доносилось пение, а далеко-далеко за бездной процессия, похоже, уже достигла черной цитадели.

…Я ненавидел тебя так долго, обвинял тебя в стольких грехах. А ты, несмотря на это, даже захотел видеть меня королем, работа, к которой — теперь мне ясно — я точно не

подхожу. Я понимаю, что, наверно, действительно для тебя что-то значил. Этого я никогда не скажу другим. Достаточно, что я сам это знаю. Но никогда я не смогу снова подумать о тебе так же, как думал раньше. Твой образ расплывается. Я вижу лицо Ганелона там, где следовало быть твоему. Он был моим товарищем. Он ради меня рисковал своей жизнью. Он был тобой, но другим тобой — тобой, которого я не знал. Скольких жен и врагов ты пережил? Много ли было у тебя друзей? Думаю, нет. Но было слишком много такого, чего мы никогда о тебе не знали. Никогда не думал, что увижу твой уход. Ганелон — отец — старый друг и враг, я говорю тебе «прощай». Ты присоединился к Дейрдре, которую я любил. Ты сохранил свою тайну. Покойся в мире, если такова твоя воля. Я дарю тебе эту увядшую розу, которую пронес через ад. Я бросаю ее вслед за тобой в бездну. Пусть она остается с тобой, как и эти скрученные цвета в небе. Мне тебя будет не хватать…

Шествие иссякает. Последний участник марша выходит из-за завесы и уходит прочь. Молнии все еще вспыхивают, дождь все еще поливает, а гром гремит. Тем не менее ни один участник процессии, насколько я помню, не выглядел вымокшим. Я стою на краю бездны, смотрю, как они проходят. На руке у меня чья-то ладонь. Сколько она там пролежала, не знаю. Теперь, когда все прошли, я начинаю сознавать, что грозовой фронт опять приближается.

Небо, вращаясь, похоже, подтащило к нам черную свою половину. Слева от меня голоса. Разговаривают, наверно, уже давно, но слов я не слышу. Я осознал, что меня трясет, что все у меня болит, что я едва стою на ногах.

— Пойди и приляг, — сказала Фиона. — Для одного дня в семье и так много потерь.

Я позволил увести себя от края.

— А что изменится? — спросил я. — Сколько у нас, по-твоему, времени?

— Мы не будем сидеть тут и ждать, — сказала Фиона. — Перейдем темный мост и двинемся ко Дворам. Мы уже проломили их оборону. Буря так далеко не зайдет. Я думаю, она остановится здесь, у бездны. Все равно мы должны видеть Папин уход.

Я кивнул:

— Похоже, выбор у нас невелик — лишь исполнить долг до конца.

Я опустился на землю и вздохнул. Сейчас я чувствовал себя даже слабее, чем раньше.

— Твои сапоги… — сказала Фиона.

— Да.

Она стащила их с моих ног. Ноги горели огнем.

— Спасибо.

— Принесу тебе что-нибудь поесть.

Я закрыл глаза. Задремал. Слишком много образов играли внутри моей головы, чтобы составить из них какой-нибудь связный сон. Сколько это продолжалось, не знаю, но древний рефлекс выудил меня из дремы при звуке приближающихся копыт. Затем по прикрытым векам скользнула тень.

Я открыл глаза и увидел закутанного с ног до головы всадника. Молчаливого, неподвижного. Я всмотрелся.

Оглянулся назад. Ни одного угрожающего жеста, но в холодном взгляде сквозила неприязнь.

— Здесь лежит герой, — произнес тихий голос.

Я ничего не сказал.

— Сейчас я легко могу прирезать тебя.

Тогда я узнал его, этот голос, хотя понятия не имел о причине такого ко мне отношения.

— Я нашла Бореля до того, как он умер, — сказала она. — И он рассказал, как подло ты одолел его.

Тут я не сдержался, не смог совладать с этим. Сухой смешок пробежал по губам. Было бы из-за чего расстраиваться. Я мог бы рассказать, что Борель был гораздо лучше снаряжен и был гораздо свежее меня, и что он сам меня нашел, желая сразиться. Я мог бы ей рассказать, что не признаю никаких правил, когда на кон поставлена моя жизнь или что не рассматриваю войну как игру. Я много чего мог ей рассказать, но если она этого не понимает или не хочет понимать, то никакой разницы не будет. Кроме того, ее чувства ко мне и так уже были ясны.

Так что я просто высказал одну из великих избитых истин:

— В общем-то, на эту историю можно смотреть и не с одной только точки зрения.

— Мне хватает той, какая у меня есть, — сказала она.

Я подумал, не пожать ли плечами, но те слишком ныли.

— Ты стоил мне двух самых значимых людей в моей жизни, — сказала она затем.

— Да? — сказал я. — Мне тебя жаль.

— Ты оказался не тем, в кого меня приучили верить. Я видела тебя действительно великой фигурой — сильным, и… понимающим, и иногда ласковым. Благородным…

Буря, — теперь уже почти близкая, полыхала у нее за спиной. Я придумал что-то грубое и сказал. Дара пропустила это мимо ушей, будто бы не расслышав.

— Теперь я ухожу, — сказала она, — к моему народу. Ты выиграл битву… но вот там лежит Янтарь. — Она указала на бурю. Я мог только смотреть. Не на гневающуюся стихию. На нее. — Сомневаюсь, что там хоть что-то осталось от новой моей

привязанности, от которой я могла бы отречься, — продолжала она.

— А как насчет Бенедикта? — спросил я негромко.

— Не надо… — сказала Дара и отвернулась. Помолчала. Затем: — Не думаю, что мы когда-нибудь встретимся вновь, — добавила она, и лошадь унесла ее прочь в направлении черной дороги.

Циник мог бы решить, что она просто решила соединить свою судьбу с тем, что она теперь рассматривала как победившую сторону, раз уж Дворы Хаоса уцелеют. Я не знаю. Я мог думать только о том, что увидел, когда она махнула рукой. Капюшон сдвинулся, и я мельком увидел то, чем она стала. Там, среди теней, было не человеческое лицо. Но я не отвернул головы и смотрел, пока она не ушла. Дейрдре, Брэнд, отец тоже ушли, а теперь, когда ушла Дара, мир совсем опустел… Что бы от него ни осталось.

Я лег и вздохнул. Что, если плюнуть на все и остаться здесь, когда уедут другие? Подождать, когда буря сметет меня, и уснуть… растаять? Я подумал о Хьюги. Переварю ли я его бегство от жизни так же, как его плоть? Я так устал, что это казалось самым простым…

— Вот, Корвин.

Я вновь задремал, но лишь на мгновение. Опять рядом была Фиона, с едой и фляжкой. С ней был кто-то еще.

— Не хотела прерывать аудиенцию, — сказала она. — Так что я подождала.

— Слышала? — спросил я.

— Нет, но могу догадаться, — сказала Фиона, — раз уж она ушла. Держи.

Я проглотил немного вина, от хлеба с мясом тоже не отказался. Несмотря на черные мысли, пища показалась мне вкусной.

— Скоро двинемся, — сказала Фиона, бросая взгляд на бушующий грозовой фронт. — Ехать сможешь?

— Думаю, да, — сказал я.

Отпил еще вина.

— Слишком много всего случилось, Фи, — сказал я. — Меня уже ничто не трогает. Я вырвался из клиники теневого мира. Хитрил с людьми и убивал людей. Подсчитывал и сражался. Отвоевал назад память и пытался выправить свою жизнь. Нашел семью и понял, что люблю ее. Примирился с отцом. Сражался за королевство. Попытался сделать все, что умел, чтобы не дать миру распасться. А теперь получается, что все это ни к чему, и у меня даже не хватает силы преодолеть свое безразличие. Я

онемел. Прости меня.

Фиона поцеловала меня.

— Мы еще не разбиты. И ты опять станешь собой, — сказала она.

Я покачал головой:

— Это как в последней главе «Алисы»[32]… Если я крикну: «Вы всего лишь колода карт!», то чувствую, что все мы взлетим в воздух пригоршней раскрашенных картинок. Я с вами не пойду. Оставь меня здесь. Все равно я только джокер.[33]

— Сейчас я сильнее тебя, — сказала Фиона. — Ты едешь.

— Это нечестно, — тихо сказал я.

— Кончай с едой, — сказала она. — Еще есть немного времени.

Пока я этим занимался, Фиона продолжала:

— Тебя ждет твой сын Мерлин, он просил о встрече. Если хочешь, я его позову.

— Пленный?

— Не совсем. Он не был в сражении. Он прибыл совсем недавно — спрашивал, можно ли тебя видеть.

Я кивнул, и Фиона отошла. Я оставил еду и взялся за вино. Что-то я слишком нервничаю. Что сказать подросшему сыну, о чьем существовании я узнал лишь недавно? Интересно, какие у него чувства ко мне? Знал ли он о решении Дары? И как мне с ним себя вести?

Я смотрел, как он приближается, отделившись от сбившихся в кучу родственников. Интересно, почему они оставили меня одного? Чем больше будет у меня посетителей, тем яснее будет, почему меня предоставили самому себе. Интересно, не задерживают ли отход из-за меня? Влажный ветер усиливался. Приближаясь, Мерлин не сводил с меня глаз; лицо его не выражало ничего особенного. Интересно, как Дара чувствует себя сейчас, когда ее пророчество о разрушении, похоже, исполнилось? И насколько прочны ее родственные узы с этим мальчиком? Интересно… много чего интересно.

Мерлин наклонился, чтобы пожать мне руку.

— Отец… — сказал он.

— Мерлин.

Я заглянул ему в глаза. Поднялся на ноги, по-прежнему сжимая его ладонь.

— Не вставай.

— Все нормально.

Я прижал его к себе, затем отпустил.

— Я рад, — сказал я. Затем: — Выпей со мной.

Я предложил ему вина отчасти из-за нехватки слов.

— Спасибо.

Мерлин взял фляжку, отпил немного и передал обратно.

— Твое здоровье, — сказал я и тоже сделал глоток. — Прости, что не могу предложить тебе кресло.

Я снова опустился на землю. Он сделал то же самое.

— Никто из остальных, кажется, толком не знает, чем ты занимался, — сказал он, — кроме Фионы, которая сказала только, что это было очень трудно.

— Неважно, — сказал я. — Я рад, что забрался так далеко, пускай даже по этой причине, если не нашлось другой. Расскажи мне о себе, сын. Что ты? Как ты? Как с тобой обходилась жизнь?

Мерлин отвернулся.

— Я еще не так долго прожил, чтобы многое сделать, — сказал он.

Мне было любопытно, обладает ли он способностью менять облик, но я удержался от расспросов на эту тему. Нет смысла искать отличия между нами, когда я только что его встретил.

— Понятия не имею, на что это похоже, — сказал я, — вырасти во Дворах.

Мерлин улыбнулся — впервые за это время.

— А я понятия не имею, на что это похоже в других местах, — отозвался он. — Я же был там белой вороной, и на меня слишком много обращали внимания. Меня учили обычному джентльменскому набору — магии, оружию, ядам, верховой езде, танцам. Мне говорили, что когда-нибудь я буду править в Янтаре. Я так понимаю, что в основном это пустые слова, правильно?

— В обозримом будущем это кажется маловероятным, — сказал я.

— Хорошо, — ответил он. — Это единственное, чего я не хочу.

— А чего ты хочешь?

— Хочу пройти Образ в Янтаре, как сделала мама, и получить власть над Тенью. Мне хотелось бы походить по теням и увидеть побольше необычных вещей, ну и… вообще. Как ты думаешь, я это могу?

Я сделал еще глоток и передал вино ему.

— Вполне возможно, — сказал я, — что с Янтарем покончено. Все зависит от того, удалось ли твоему деду то дело, которое он пытался совершить… а его больше нет, чтобы рассказать, что же случилось. Тем не менее так или иначе, но Образ есть. Если мы переживем эту демоническую бурю, обещаю, что найду тебе Образ, научу тебя и прослежу, как ты будешь его проходить.

— Спасибо, — сказал Мерлин. — А ты расскажешь о своей дороге сюда?

— Потом, — сказал я. — Что тебе говорили обо мне?

Он отвернулся.

— Меня учили многое не любить в Янтаре, — наконец сказал он. Затем, после паузы: — Меня учили уважать тебя как отца. Но напоминали, что ты на вражеской стороне, — еще одна пауза. — Я помню то патрулирование, когда ты пришел сюда, и я нашел тебя после твоей стычки с Кваном. У меня были смешанные чувства. Ты тогда только что убил того, кого я знал, и все же… я не мог не залюбоваться твоим боевым стилем. Я видел свое лицо в твоем. Это было странно. Я захотел узнать тебя лучше.

Небо полностью повернулось, и нас теперь окружала тьма; цветные полосы плавали над Дворами. Ровное приближение полыхающего грозового фронта лишь подчеркивало этот сумрак. Я наклонился вперед, потянулся за сапогами, начал натягивать. Скоро пора начинать отступление.

— Нам придется продолжить нашу беседу у тебя дома, — сказал я. — Самое время сматываться от бури.

Мерлин повернулся, посмотрел на разбушевавшиеся стихии, затем оглянулся на бездну.

— Я могу вызвать дымку, если ты хочешь.

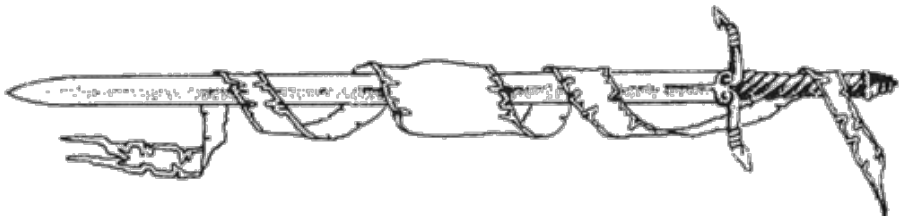
— Один из этих плавающих мостов, по которому ты ехал, когда мы встретились?

— Да, — ответил он. — Они самые удобные. Я…

Со стороны столпившихся родственников раздался крик. Я посмотрел туда, но ничего угрожающего, похоже, не назревало. Так что я встал на ноги и сделал к ним несколько шагов, Мерлин — следом за мной.

Затем я увидел ее. Белую фигуру, бьющую копытами воздух и поднимающуюся из бездны. Передние копыта наконец ударились о кромку обрыва, и она вышла вперед, а затем замерла, разглядывая всех нас, — наша Единорог.

XIII



На мгновение все боли и усталости улетучились. Рассматривая изящную белую фигурку, которая стояла перед нами, я ощутил слабое проклевывание надежды. Мысленно я хотел броситься к ней, но что-то более сильное удерживало на

месте в ожидании.

Сколько времени мы так стояли, сказать не могу. Внизу, на склонах, войска готовились к переходу. Пленные были связаны, кони навьючены, вооружение собрано. Но эта огромная армия, готовящаяся к маршу и приводящая в порядок свой хлам, вдруг замерла. Было неестественно, что они так быстро узнали, но все головы, что я мог видеть, повернулись туда, к Единорогу на обрыве, сияющей на фоне свирепого неба.

Я вдруг понял, что ветер за моей спиной утих, хотя гром продолжал греметь и грохотать, а всполохи молний кидали передо мной танцующие тени.

Я вспомнил совсем другое время, когда я видел Единорога — при выкапывании тела Кэйна-из-Тени, в день, когда проиграл поединок с Джерардом. Я подумал о некоторых легендах, которые слышал… Сможет ли она и в самом деле помочь нам?

Единорог сделала шаг вперед и остановилась.

Она была столь прекрасна, что мне было тепло просто оттого, что смотрю на нее. И вызывала она чуть саднящее чувство светлой непреходящей грусти; она была сама красота, красота той силы, что следует принимать в малых дозах. И каким-то образом я ощущал неестественный разум в ее снежной головке. Мне так сильно хотелось коснуться ее, но я знал, что не смогу.

Она кинула взгляд по сторонам. Этот взгляд осветил меня, и я отвернулся бы, если б был в состоянии. Однако это оказалось невозможно, и я вернул ей взгляд, в котором прочел понимание вне пределов моего разума. Как будто она знала обо мне все и в это мгновение постигла все мои недавние испытания — наблюдая, понимая, возможно, симпатизируя. На миг я почувствовал, что вижу некую жалость и могучую любовь, отражающуюся в ее глазах, — и, наверное, чуть-чуть смеха.

Затем она отвела взгляд, и связь оборвалась. Я непроизвольно вздохнул. В это мгновение, во вспышке молнии, мне почудилось, что я уловил отблеск какого-то сияния вокруг ее шеи.

Она приблизилась еще на шаг и теперь смотрела на толпу моих родственников, к которым я направлялся. Она опустила голову и негромко заржала. Стукнула по земле правым передним копытом.

Я почувствовал рядом с собой Мерлина. Подумал о том, что потерял бы, если бы мир умер здесь.

Единорог сделала несколько танцующих шагов вперед. Вытянула шею и опустила голову. Казалось, что ей не нравилась мысль о приближении к столь большой группе людей.

При следующем ее шаге я вновь заметил мерцание, и еще. Крошечная красная искра горела среди ее меха пониже шеи. Она

несла Талисман Закона. Как она его добыла, я понятия не имел. Да и не важно. Если бы она отдала его нам, я чувствовал, что смог бы отвратить бурю — или, по крайней мере, прикрыть нас от нее, пока все не пройдет.

Но одного этого взгляда было достаточно. Она больше не обращала на меня внимания. Медленно, осторожно, как будто готовая умчаться стрелой при малейшем движении, она приблизилась к тому уступу, где стояли Джулиэн, Рэндом, Блейс, Фиона, Лльюилл, Бенедикт и несколько придворных.

Тогда мне следовало сообразить, что происходит, но я не понял. Я просто следил за изящными движениями зверя, пока она выбирала путь, обойдя группу по периметру.

Она еще раз остановилась и опустила голову. Затем тряхнула гривой и припала на передние колени. Талисман Закона слетел с шеи и повис на ее витом золотом роге. Кончик рога почти коснулся человека, перед которым она преклонила колени.

И вдруг мысленным взором я увидел в небесах лицо нашего отца, и его слова донеслись до меня: «С моим уходом проблема наследования ляжет на вас… У меня нет другого выхода, как предоставить выбор рогу Единорога».

Шепоток пробежал по стоящим, из чего я понял, что та же самая мысль, должно быть, пришла и в головы остальным. Тем не менее Единорог не шевельнулась при этом, но осталась неподвижной, белой статуей, кажется, даже не дышала.

Медленно Рэндом протянул вперед руки и снял Талисман с ее рога. До меня донесся шепот брата:

— Спасибо, — сказал он.

Джулиэн вынул из ножен клинок и положил к ногам Рэндома, преклонив колено. Затем — Блейс, Бенедикт и Кэйн, Фиона и Лльюилл. Я подошел и присоединился к ним. То же сделал мой сын.

Рэндом долго стоял молча. Затем:

— Я принимаю вашу клятву в верности, — сказал он. — Теперь подымитесь, все.

Как только мы это сделали, Единорог повернулась и умчалась. Она проскакала вниз по склону и вмиг исчезла из вида.

— Никогда не ожидал, что случится нечто подобное, — сказал Рэндом, все еще держа Талисман перед глазами. — Корвин, ты можешь взять эту штуку и остановить бурю?

— Она теперь твоя, — сказал я, — и я не знаю, насколько обширно возмущение Тени. И в общем, в моем нынешнем состоянии я могу не продержаться так долго, чтобы обезопасить нас. По-моему, это станет твоим первым королевским поступком.

— Значит, ты покажешь мне, как это делается. Я думал, что

для настройки нужен Образ.

— Думаю, нет. Брэнд заметил, что человек, который уже настроен, может настроить другого. С тех пор я немного подумал над этим и полагаю, что знаю, как это сделать. Давай отойдем куда-нибудь в сторону.

— О'кей. Пошли.

В его голосе и походке появилось уже нечто новое. Внезапная роль тут же начала накладывать изменения. Интересно, каким королем и королевой станут они с Виалль. Это слишком. Мысли словно взорвались. Слишком многое случилось за слишком короткий срок. Я не мог удержать в голове все последние события, связать их воедино. Мне просто хотелось заползти куда-нибудь и поспать часок. Вместо этого я пошел за Рэндомом туда, где еще курился небольшой костер.

Рэндом пошевелил ветки в огне и подбросил пригоршню прутьев. Затем уселся поближе к нему и кивнул мне. Я подошел и сел рядом.

— Об этих королевских поступках, — сказал он. — Что мне делать, Корвин? Это свалилось на меня, застав врасплох.

— Делать? Вероятно, выполнять работу, и очень хорошо, — отозвался я.

— Думаешь, было много обид?

— Если и были, их не показали, — сказал я. — Ты — хороший выбор, Рэндом. Так много случилось за последнее время… Папа действительно прикрывал нас, может быть, больше, чем следовало. Трон — определенно не лакомый кус. У тебя впереди до черта тяжелой работы. Я думаю, остальные придут к пониманию этого.

— А ты сам?

— Я мечтал о троне лишь потому, что его хотел Эрик. Я не понимал этого тогда, но это правда. Это был приз в игре, в которую мы играли годами. Цель вендетты, правда. И я убил бы его ради трона. Теперь я рад, что он нашел иную смерть. У нас было куда больше сходства, чем различия, — он и я. Долгое время я не сознавал этого. Но после его смерти я продолжал искать любые причины, чтобы не попасть на трон. В конце концов меня осенило, что это на самом деле совсем не то, чего хочу я. Добро пожаловать на трон. Правь хорошо, брат. Я уверен, это действительно будет хорошо.

— Если Янтарь еще существует, — сказал он, помолчав. — Я попробую. Давай займемся Талисманом. Эта буря подобралась до неприятности близко.

Я кивнул и взял из его пальцев камень. Я держал его за цепь перед огнем. Свет проходил насквозь, внутреннее пространство

камня казалось чистым.

— Наклонись поближе и смотри в Талисман вместе со мной, — приказал я.

Рэндом повиновался, и, пока мы оба разглядывали камень, я сказал ему: «Думай об Образе» — и принялся сам думать о нем, пытаясь вызвать в голове его петли и вихри, бледные тлеющие линии.

Кажется, я заметил легкий отблеск в центре камня. Я всмотрелся, пока думал о его разворотах и поворотах, Вуалях… Я представил поток, который проносится сквозь меня каждый раз, когда я прохожу этим сложным путем.

Изъян в камне стал более отчетлив.

Я вложил в него свою волю, обращаясь к Талисману из последних сил, стремясь обрести полную ясность. Как только это произошло, меня охватило знакомое ощущение. То же, что владело мной в тот день, когда я сам настроился на Талисман. Я только надеялся, что сейчас достаточно силен, чтобы вновь пройти через это.

Я протянул руку и сжал плечо Рэндома.

— Что ты видишь? — спросил я его.

— Что-то вроде Образа, — сказал он, — только у него, кажется, три измерения. Он лежит на дне красного моря…

— Тогда идем со мной, — сказал я. — Мы должны идти к нему.

И вновь ощущение движения, сначала парение, затем падение с возрастающей скоростью к никогда не видимым полностью изгибам Образа внутри Талисмана. Почувствовав рядом присутствие брата, я пожелал, чтобы мы пошли вперед, и рубиновый жар, что окружал нас, потемнел, наливаясь чернотой чистого ночного неба. Этот странный Образ рос с каждым глухим ударом сердца. В чем-то процесс оказался более легким, чем раньше, — наверное, потому что я уже был настроен.

Ощущая рядом Рэндома, я повел его дальше, пока разрасталась знакомая система, проявлялась точка старта. Пока мы двигались в том направлении, я еще раз постарался объять этот Образ, весь, целиком, и еще раз потерялся в том, что выглядело его многомерными извилинами. Огромные кривые и спирали и завязанные узлами узоры кружили вокруг нас. Ощущение ужаса, которое я испытывал раньше, накрыло меня, и я ощутил, что и Рэндома тоже.

Мы прошли дальше к участку у начала и нырнули в него. Пока мы вплетались в матрицу света, повсюду вокруг было лишь мерцающее свечение, вспыхивающее искрами. На этот раз мой разум был полностью высосан процессом, и Париж казался

слишком далеким…

Подсознательное воспоминание очертило мне наиболее трудные участки, и здесь я задействовал желание — волю, если так больше нравится, — чтобы поторопить нас на ослепительном пути, безрассудно вытягивая силы из Рэндома, чтобы подстегнуть процесс.

Мы словно шли по светящимся внутренностям огромной и хитроумно изогнутой спиралью раковины. Только наш поход был

беззвучен, и сами мы — освобожденные от телесной оболочки точки разума.

Наша скорость, казалось, постоянно возрастала, как и головная боль, которой я не помнил по первому путешествию в узоре. Наверное, она была результатом моей усталости или попытки излишне поторопить события. Мы ломились сквозь барьеры; нас окружали ровные, текучие стены свечения. Я чувствовал, что становлюсь легче, у меня кружилась голова. Но я не мог позволить себе ни роскоши обморока, ни движения помедленнее, если буря так близко, как я помнил. И вновь, по-прежнему сожалея, но я вытянул силы из Рэндома, — на этот раз просто чтобы оставить нас в игре. Мы летели вперед.

Сейчас я не испытал ни покалывания, ни огненного ощущения формирующегося бытия. Должно быть, результат настройки. Первоначальный проход должен был обеспечить мне небольшой иммунитет в этом отношении.

Спустя безвременной интервал мне показалось, что Рэндом спотыкается. Наверное, я слишком много высосал у него энергии. Я задумался, оставлю ли я Рэндому достаточно сил, чтобы справиться с бурей, если и дальше стану опираться на него. Я решил больше из него ресурсов не тянуть. Мы здорово продвинулись по пути. Если что, Рэндом, наверное, сумеет продолжить и без меня. Мне просто нужно держаться, — это лучшее, что я сейчас могу. Лучше здесь потеряюсь я, чем мы оба.

Мы неслись дальше, ощущения бунтовали. Вновь головокружение. Я направил волю только на наше продвижение, а все остальное силой изгнал из головы. Казалось, мы приближаемся к цели, когда началось затемнение, которого — судя по моему опыту — быть не должно. Я подавил панику.

Это было нехорошо. Я чувствовал, что теряю сознание. Так близко! Я был уверен, что мы почти дошли. Так легко было бы…

Все поплыло прочь от меня. Последнее ощущение: Рэндом забеспокоился.

Под ногами у меня мерцало что-то оранжевое и красное. Угодил ли я в некую астральную преисподнюю? Я продолжал всматриваться, пока восприятие медленно не реанимировалось. Свет был окружен тьмой и…

Голоса, знакомые…

Все прояснилось. Я лежал на спине, ногами к костру.

— Все в порядке, Корвин. Все в порядке.

Это говорила Фиона. Я повернул голову. Фиона сидела на земле возле меня.

— Рэндом? — сказал я.

— С ним тоже все в порядке… отец.

Справа сидел Мерлин.

— Что случилось?

— Рэндом вытащил тебя назад, — сказала Фиона.

— Настройка наладилась?

— Он думает, да.

Я с трудом сел. Фиона попыталась уложить меня обратно, но я все равно сел.

— Где он?

Она указала взглядом.

Я посмотрел и увидел Рэндома. Он стоял спиной к нам метрах в тридцати на скальном уступе, лицом к буре. Она теперь была очень близко, и ветер трепал его одежды. Линии молний перекрещивались перед ним. Гром гудел почти постоянно.

— Сколько… он там? — спросил я.

— Всего несколько минут, — отозвалась Фиона.

— Столько прошло… после нашего возвращения?

— Нет, — сказала она. — Ты долго был без сознания. Рэндом сначала поговорил с остальными, затем приказал войскам отходить. Бенедикт увел их всех к черной дороге. Они переправляются.

Я повернул голову.

На черной дороге было движение — темные колонны, направляющиеся к цитадели. Газовые полосы плавали между нами; на дальнем краю тлело несколько искр, вокруг темной, как ночь, громадины. Небо над головами полностью повернулось, и нас накрывала темная сторона. Вновь я ощутил то странное чувство: будто давно-давно был здесь и видел, что не Янтарь, а это — истинный центр мироздания. Я ухватился за призрак воспоминания. Он исчез.

Я обыскал простреленный молниями мрак вокруг себя.

— Все они… ушли? — сказал я сестре. — Ты, я, Мерлин, Рэндом… мы единственные, оставшиеся здесь?

— Да, — сказала Фиона. — Теперь хочешь последовать за ними?

Я покачал головой.

— Я остаюсь здесь с Рэндомом.

— Так и знала, что ты это скажешь.

Я встал на ноги, как только поднялась она. Так же поступил Мерлин. Фиона хлопнула в ладоши, и к ней иноходью подбежала белая лошадь.

— В моей заботе ты больше не нуждаешься, — сказала она. — Так что я пойду к остальным во Дворы Хаоса. Там, у скал, привязаны лошади. — Фиона махнула рукой. — Ты едешь,

Мерлин?

— Я останусь с моим отцом и королем.

— Так тому и быть. Надеюсь, скоро увидимся.

— Спасибо, Фи, — сказал я.

Я помог ей сесть в седло и посмотрел, как она уезжает.

Потом подошел к костру и вновь сел возле огня. Я смотрел на Рэндома, который стоял, неподвижный, лицом к буре.

— Тут куча еды и вина, — сказал Мерлин. — Хочешь, я принесу тебе немного?

— Хорошая мысль.

Буря была так близко, что я дошел бы до нее за пару минут. И все же я не мог сказать, дают ли какой-нибудь эффект усилия Рэндома. Я тяжело вздохнул и позволил мыслям течь свободно.

Кончено. Так или иначе, вся моя борьба, начиная с Гринвуда, завершена. Больше нет нужды в отмщении. Нет. У нас есть неповрежденный Образ, может, даже два. Причина наших бед, Брэнд — мертв. Любой остаток моего проклятия будет смыт мощными конвульсиями, сотрясающими Тень. И я сделал все, что мог, чтобы поспособствовать этому. Я нашел друга в отце и пришел к согласию с ним в его собственном «я» перед самой его смертью.

С явного благословения Единорога у нас новый король, и мы поклялись ему в верности. Как мне казалось, искренне. Я примирился со всей семьей. Я чувствовал, что исполнил свой долг. Сейчас меня ничто никуда не направляло. Всем делам — конец, и я был как никогда близок к покою. Имея столько за плечами, я чувствовал, что если бы мне пришлось сейчас умереть, то в общем — нормально. Я не стал бы протестовать так бурно, как в любое другое время.

— Ты далеко отсюда, отец.

Я кивнул, потом улыбнулся. Взял немного еды и начал есть. Я ел и наблюдал за бурей. Все еще слишком рано для полной уверенности, но кажется, что она больше не движется.

Я слишком устал, чтобы спать. Или чтобы делать вообще что-то. Боли мои утихли, и удивительное оцепенение охватило меня. Я чувствовал, будто закутан в теплый хлопок. События и воспоминания продолжали оттикивать во мне ментальным секундомером. Вполне удовлетворяющее ощущение.

Я закончил есть и подкинул веток в огонь. Отхлебнул вина и понаблюдал за бурей — словно заиндевелое окно, за которым беснуется фейерверк. Жизнь была хороша. Если у Рэндома получится отогнать ураган, завтра же поеду во Дворы Хаоса. Что меня ждет там, не могу сказать. Наверное, они могут стать гигантской ловушкой. Засадой. Обманкой. Я отогнал эту мысль.

Сейчас это было как-то неважно.

— Ты начал рассказывать о себе, отец.

— Да ну? Не припоминаю, что я говорил.

— Мне бы хотелось узнать о тебе побольше. Расскажи.

Я прицокнул и пожал плечами.

— Тогда это. — Он показал рукой. — Весь этот конфликт. Как он начался? Каково было твое участие? Фиона рассказала мне, что ты много лет, без памяти, жил в Тени. Как ты вернул память, и нашел остальных, и вернулся в Янтарь?

Я хмыкнул. Посмотрел на Рэндома и на бурю еще разок. Сделал глоток вина и закутался от ветра в плащ.

— Почему нет? — сказал я затем. — Если ты способен переварить длинные истории, то пожалуйста… Полагаю, лучше начать с Гринвудской частной больницы, на тени Земля — тени моего изгнания. Да…

XIV

Пока я рассказывал, небо повернулось один раз, и повернулось снова. Выстояв против бури, Рэндом взял верх. Буря

разбилась перед нами, расслоившись, словно рассеченная топором гиганта. По обоим фронтам она откатилась назад и в конце концов умчалась на север и юг, увядая, стихая, исчезая. Ландшафт, скрывавшийся под ее брюхом, уцелел, но с него исчезла черная дорога. Хотя Мерлин утверждал, что в этом нет никакой проблемы, ибо, когда настанет время нам преодолевать пропасть, он вызовет полосу дымки.

Сейчас Рэндом ушел: напряжение, обрушившееся на него, было колоссальным. Во сне он уже не выглядел таким, как обычно, — нахальным младшим братом, которого мы обожали изводить, — ибо на лице у него появились морщины, которых я раньше не замечал, знаки некоего долга, на которые я не обращал внимания. Возможно, мое зрение было окрашено недавними событиями, но Рэндом казался как-то благороднее и сильнее. Не замешала ли какую-нибудь алхимию его новая роль? Указанный Единорогом, помазанный бурей, — казалось, он действительно обрел королевский облик, даже в дремоте.

Я ухитрился поспать — так же, как сейчас дремал Мерлин, — и это доставило мне невероятное удовольствие и ощущение уникальности этого утеса на ободе Хаоса, откуда можно оглянуться на спасшийся мир, на мир, что был отмыт, мир, который продолжал существовать…

Мы могли пропустить Папино погребение, его отбытие в безымянные края за пределами Дворов. Печально, но не было сил поспешить. И все же я увидел пышную сцену его ухода, и большую часть его жизни сохранил в себе. Я сказал ему «прощай». Он понял бы. И ты прощай, Эрик. Спустя столько времени я говорю тебе так. Если б ты дожил до этого дня, ненависть между нами иссякла бы. И когда-нибудь мы даже могли бы стать друзьями — ведь все причины для раздоров исчезли. Из всех ты и я были самыми похожими в семье. Исключая, в каком-то смысле, Дейрдре и меня… Но по этому поводу слезы мы пролили давным-давно. Еще раз прощай, самая дорогая мне сестра, ты всегда будешь жить в моем сердце.

И ты, Брэнд… С горечью я вспоминаю тебя, безумный брат. Ты чуть не уничтожил нас. Ты почти сбросил Янтарь с его возвышенного насеста на груди Колвира. Ты готов был разнести вдребезги всю Тень. Ты чуть не разбил Образ и не переустроил вселенную на свой лад. Ты был безумен и зол, и ты так близко подошел к воплощению своих желаний, что я дрожу даже сейчас. Я рад, что тебя больше нет, что стрела и бездна заявили на тебя права, что тебе больше не марать своим присутствием миры людей, не гулять в сладком воздухе Янтаря. Как бы мне хотелось, чтобы ты никогда не был рожден или, раз уж случилось не так, —

чтобы ты умер пораньше. Хватит! Мне унизительно размышлять так. Будь мертв и не тревожь более мои мысли.

Я растасовываю вас, как карты, мои братья и сестры. Такое обобщение болезненно, но я мирюсь с ним, и вы… я… мы… кажется, изменились, и прежде, чем я вновь вольюсь в водоворот событий, мне нужен прощальный взгляд.

Кэйн, ты мне никогда не нравился, и я по-прежнему не верю тебе. Ты оскорбил меня, предал и даже ударил кинжалом. Забудь все. Мне не нравятся твои методы, хотя на этот раз у меня нет сомнений в твоей верности. Значит, мир. Пусть новое правление начнется с чистого листа между нами.

Лльюилл, ты обладаешь твердостью характера, которую недавняя ситуация не пожелала испытывать. И я этому рад. Приятно иногда выйти из конфликта не втянутым в него.

Блейс, для меня ты по-прежнему окаймлен светом — блистательный, бурный и опрометчивый. За первое — мое уважение, за второе — улыбка. А последнее, похоже, утеряно навсегда. Хорошо. Держись в будущем подальше от заговоров. Они тебе не к лицу.

Фиона, ты изменилась больше всех. Принцесса, я хочу разменять старое чувство на новое, раз уж мы впервые стали друзьями. Прими мою нежность, колдунья. Я признателен тебе.

Джерард, медлительный, преданный брат, наверное, не все мы изменились. Ты стоял, подобный скале, и хранил то, во что верил. Пусть впредь тебя будет труднее одурачить. И пусть никогда мне не понадобится снова с тобой сражаться. Выходи в море на своих кораблях и вдыхай чистый, соленый воздух…

Джулиэн, Джулиэн, Джулиэн… Может, я никогда по-

настоящему не знал тебя? Нет. Должно быть, пока я был в беспамятстве, зеленая магия Ардена смягчила прежнее тщеславие, оставив гордость, для которой основания были всегда, и что-то, что я вынужден назвать честностью, — не связанное с милосердием, будь уверен, — но добавляющее к твоим достоинствам несколько штрихов, о которых невозможно отзываться пренебрежительно.

И Бенедикт — боги знают, ты стал мудрее, пока время выжигало свой путь к энтропии, и все же в своем знании людей ты по-прежнему пренебрегаешь отдельными экземплярами этого вида. Наверное, теперь, когда битва завершена, я наконец увижу твою улыбку. Отдыхай, воин.

Флори… Милосердие, говорят, начинается с дома. Сейчас ты выглядишь не хуже, чем раньше. Это всего лишь сентиментальная мечта — смотреть на тебя и других, как делаю я, подбивая баланс или ища кредиты. Сейчас мы не враждуем друг с другом — и этого уже более чем достаточно.

И некто, одетый в черное и серебряное, с серебряной розой у плеча? Ему хотелось бы думать, что он чуть-чуть, но познал истину, что он омыл глаза в некоем чистом источнике, что он отполировал идеал-другой. Неважно. Может, он по-прежнему всего лишь острый на язык, лезущий во все двери, владеющий в совершенстве лишь убогим искусством выживания и слепой — каким когда-то его знала темница — к тонким оттенкам иронии. Неважно, пусть все идет как идет, пусть будет как будет. Может, он так меня никогда и не порадует.

Кармен, *voulez-vous venir avec moi?*[34] Нет? Тогда и ты прощай, Принцесса Хаоса. А могло быть все весьма забавно.

Небо поворачивается вновь, и кто может сказать, на какие дела прольется свет сквозь его цветные стекла? Пасьянс был роздан и разложен. Там, где нас было числом девять, остались семеро и король. Однако с нами Мерлин и Мартин, новые игроки в намечающейся игре.

Силы мои возвращаются, а пока я смотрю на пепел и обдумываю путь, который избрал. Путь впереди интригует меня, путь из преисподней к аллилуйе. Я получил обратно глаза, память, семью. И Корвин всегда будет Корвином, даже в Судный День.

Мерлин пошевелился, и это хорошо. Пора идти. Надо еще кое-что сделать.

После победы над бурей последнее, что сотворил Рэндом, когда вместе со мной подчерпывал силу из Талисмана, — связался с Джерардом через Козырь. Карты, они снова холодны, и тени снова стали сами собой. Янтарь стоит как прежде. Годы

минули с тех пор, как мы покинули его, и еще больше может пролететь, прежде чем я вернусь. Другие, должно быть, уже козырнулись домой, как и Рэндом, приступивший к своим обязанностям. А я должен посетить Дворы Хаоса, во-первых, потому что намеревался сделать это, а во-вторых, потому что там я могу быть нужен.

Мы собрали пожитки, Мерлин и я, и скоро он вызовет тонкую, как жгут, дорогу.

А когда тут все будет закончено и когда Мерлин пройдет Образ и уйдет, чтобы провести заявку на свои миры, назреет еще одно путешествие, которое я должен предпринять. Я должен поехать туда, где посадил ветвь старого Игга, посетить дерево, в которое она превратилась. Я должен увидеть то, что стало с Образом, который я начертал под курлыканье голубей с Елисейских Полей. Если это приведет меня в иную вселенную, а так, по-моему, и будет, я должен пойти туда, чтобы увидеть, как я сработал ее.

Дорога парит перед нами, поднимаясь к Дворам вдалеке. Время пришло. Мы сели в седла и двинулись вперед.

Сейчас мы едем сквозь тьму по дороге, чем-то смахивающей на марлю. Вражеская цитадель, побежденное государство, ловушка, дом предков… Посмотрим. На балконах и парапетах зубчатой стены — слабое поблескивание. Может быть, мы даже успеем на похороны. Я распрямил спину и проверил клинок в ножнах. Скоро мы будем там.

Прощай и привет, как всегда.

Козыри Судьбы

И снова — Джуди

I

Нет хуже, чем ждать и догонять, ну а ждать, когда кто-то придет и тебя прихлопнет, — все равно что терпеть занозу в заднице. Но наступает тридцатое апреля[35], и никуда ты уже не

денешься, потому что так бывало всегда. Чтобы до этого допереть, мне потребовалось не год и не два, но теперь я знаю дату. Раньше я всегда заматывался с делами и не успевал хоть что-то предпринять заранее. Но теперь с работой покончено. И то, что сегодня должно случиться, — единственное, из-за чего я еще не уехал. Я чувствовал, что просто обязан найти ответ до отъезда.

Я выбрался из постели, прошел в ванную, принял душ, почистил зубы, в общем, все как всегда. Вру, не все — сегодня обошлось без бритья: я снова был в бороде. В этот раз я не слишком душил накатившую ниоткуда тревогу, не то что три года назад таким же апрельским утром, когда, проснувшись с головной болью, еще не понимая зачем, я распахнул окно, а после, выйдя из спальни, обнаружил, что кухня полна газа: до отказа вывернутые горелки, и ничего похожего на огонь. Или ровно через год после этого — я жил тогда на другой квартире, и утром, еще даже не рассвело, меня поднял слабый запах дыма: оказывается, в доме начался пожар. Но привычка привычкой, а от лампочек я все-таки держался подальше и, если нужен был свет, не давил на выключатели, как обычно, а включал их легким щелчком: черт знает, а вдруг они наполнены какой-нибудь взрывоопасной дрянью. К счастью, ничего такого не произошло.

Обычно я ставлю время на кофеварке заранее. Но сегодня — случай особый: сегодня мне не хотелось кофе, который сварен не у меня на глазах. Я поставил свежую воду и, дожидаясь, когда она закипит, проверил на всякий случай вещи. Все более или менее ценное — одежда, книги, картины, часть инструментов, несколько сувениров и прочее в том же духе — было уложено в два средних размеров ящика. Ящики я запечатал. А смена одежды, свитер, чтиво — чтобы не слишком скучать в пути, пачка дорожных чеков — это пошло в рюкзак. По дороге я заброшу хозяину ключ, чтобы тот впустил грузчиков. И ящики переедут на склад.

На утренней пробежке сегодня придется поставить крест.

Пока я с чашкой в руке переходил от окна к окну и украдкой, чтобы не рисковать, заглядывал вниз на улицу и на дома напротив (в прошлом году кто-то пробовал достать меня из винтовки), я вспомнил, как это случилось со мной в первый раз, семь лет назад. Был ясный весенний полдень, я шел по улице — просто, без всякой цели, — когда летевший в мою сторону грузовик вдруг вывернул с дороги на тротуар и, подскочив на бордюре, едва не впечатал меня в кирпичную стену. Я чудом успел отпрыгнуть и откатиться в сторону. Водитель отдал концы, так и не придя в сознание. Вроде бы простая случайность — один из тех причудливых случаев, что время от времени бывают в жизни у каждого.

Но в тот же день через год, когда вечером, припозднившись, я шел домой от своей подружки, на меня накинулись трое — один с ножом, у двух других по куску трубы; могли бы, между прочим, для вежливости сперва попросить у меня бумажник.

То, что от них осталось, я сложил у дверей соседней лавки грамзаписи, и, хотя всю дорогу домой происшествие не выходило из головы, только на следующий день до меня наконец дошло: ведь была же годовщина прошлогодней истории с грузовиком. Но даже и тогда я списал все на странное совпадение. На следующий год бомба, пришедшая по почте и уничтожившая половину соседской квартиры, заставила меня призадуматься: а не приходится ли на этот сезон некая стохастическая деформация окружающей меня реальности. И события предыдущих лет превратили предположение в убеждение.

Итак, кто-то, раз в год пытаясь меня убить, получает от этого удовольствие. Попытка проваливается, дальше следует годовая пауза. Что может быть проще? Это выглядело почти игрой.

Но в этом году я тоже хотел сыграть. Главной трудностью было то, что он, она или оно, похоже, никогда не присутствовали при самом покушении, предпочитая оставаться в тени и используя всякие хитрости или же подставных лиц. Я буду называть эту личность Z (иногда взамен «змеи подколодной», а иногда вместо «засранца» в собственной своей космологии), потому что переменную X так затаскали, что просто уже не хочется связываться со всякими там затертыми криптонимами.

Я сполоснул чашку, кофейник и убрал их на полку. Потом взял сумку и сделал квартире ручкой. Мистера Муллигена у себя не было, а может, он еще не проснулся, так что, перед тем как выйти из дома и позавтракать в забегаловке по соседству, я бросил ключ в хозяйский почтовый ящик.

Машин на улице почти не было, а те, что были, вели себя вполне скромно. Я медленно шел, прислушиваясь и приглядываясь. Судя по приятному утру, день обещал быть славным. Я надеялся все быстро уладить и успеть еще им насладиться, когда покончу со своим делом.

До забегаловки я добрался без приключений. Занял место возле окна. Когда подошел официант, чтобы принять заказ, я увидел бредущую вдоль по улице знакомую фигуру. Это был Льюк Рейнар[36], бывший мой однокурсник, а до последнего времени — еще и приятель по работе: шесть футов ростом, рыжие волосы, довольно симпатичная рожа, несмотря на артистически сломанный нос, или, вернее, благодаря ему, с голосом и манерами торговца, каковым он, собственно говоря, и был.

Я постучал по стеклу, он заметил меня и, помахав рукой, свернул и вошел в заведение.

— Мерль, я так и думал. — Он подошел к столу, похлопал меня по плечу, сел и выхватил из моих рук меню.

— Я заходил к тебе, но ты уже убежал — вот я и подумал, а вдруг ты здесь?

Он опустил глаза и принялся изучать меню.

— С чего ты взял? — спросил я.

— Может быть, вы хотите подумать, что заказать, тогда я

приду попозже, — предложил официант.

— Нет, — сказал Льюк и назаказывал сразу целую гору. Я скромно прибавил к его заказу свой. Затем он ответил на мое «с чего ты взял»:

— Потому что ты — человек привычки.

— Привычки? — переспросил я. — Вряд ли еще когда-нибудь я соберусь здесь поесть.

— Знаю, — ответил он, — но обычно — если напряг — ты всегда так поступал. Перед экзаменами… я же помню… или вообще — когда из-за чего-нибудь беспокоился.

Я хмыкнул. Вероятно, он прав, хотя раньше я ничего похожего не замечал. Я вертел пепельницу со штамповкой в виде головы единорога — уменьшенным вариантом такого же, только из цветного стекла в простенке возле дверей.

— Не могу сказать почему, — наконец объявил я. — А что, есть еще причина, которая заставляет тебя думать, будто меня что-то беспокоит?

— Я вспомнил твою паранойю по поводу тридцатого апреля из-за пары несчастных случаев.

— Если б только пары. Просто обо всех я тебе никогда не рассказывал.

— Значит, ты в это веришь?

— Да.

Он пожал плечами. Подошел официант и налил нам по чашке кофе.

— О'кей, — согласился наконец Льюк. — А сегодня? Было?

— Не было.

— Это плохо. Надеюсь, крыша у тебя от этого не поедет?

Я отхлебнул кофе.

— Без проблем.

— Хорошо. — Он перевел дыхание и потянулся. — Слушай, я вернулся в город только вчера…

— И как съездил? Удачно?

— Неплохо. Даже привез кое-какие заказы.

— Отлично.

— Ну… в общем… я был на работе — отмечался насчет прибытия, — и мне сказали, что ты уволился.

— Да. Еще месяц назад.

— Миллер пробовал до тебя дозвониться, но, похоже, твой телефон отключен. Он даже заходил пару раз, но тебя не было дома.

— Плохо дело.

— Он хочет, чтобы ты вернулся.

— Мне там больше делать нечего.

— Погоди. Сперва выслушай, что они хотят тебе предложить. Брэйди дали пинка под зад и спустили с лестницы. Ты теперь новый глава Проекта. Представляешь? Двадцатипроцентная надбавка к окладу. Вот это он и просил меня тебе передать.

Я равнодушно хмыкнул.

— Звучит неплохо. Но я уже сказал — с этим покончено.

— О-о! — Глаза Льюка блеснули; он понимающе улыбнулся. — Значит, тебе и правда что-то удалось подцепить. Он тоже, между прочим, интересовался. Ну, раз так, то о'кей. Но ты уж ему скажи, что тебе предложили эти ребята — это мне тоже тебе велено передать. Он попробует заплатить больше.

Я покачал головой.

— Думаю, ничего не получится. С этим кончено. Хватит. Возвращаться я не хочу. И вообще я не собираюсь больше ни на кого работать. Завязано. Вот где они уже у меня сидят, эти компьютеры.

— Но ты же действительно сечешь в этом деле будьте-нате. Что, хочешь преподавать?

— Нет.

— Ладно, ну его к бесу! Но ведь что-то делать ты собираешься? Слушай, а может, ты получил наследство?

— Хорошо бы. Нет, просто думаю немного попутешествовать. Я слишком долго сидел на месте.

Льюк допил кофе. Затем откинулся на спинку стула и, сложив руки на животе, чуть опустил глаза. Некоторое время он сидел молча. Потом:

— Ты сказал, покончено. С чем, я не понял? С работой, с этим городом или с чем-то еще?

— Извини, теперь я не понял.

— У тебя интересно получается исчезать… еще с колледжа, я же помню. Вдруг куда-то уходишь, а потом так же внезапно появляешься. И никогда толком об этом не говоришь. Похоже, ты живешь двойной жизнью. Я угадал? А?

— Не знаю, о чем ты.

Льюк улыбнулся.

— Знаешь, знаешь. — И, услышав молчание в ответ, добавил: — В общем, удачи… в чем бы там ни было.

Всегда ему не сиделось на месте, всегда ему что-то было необходимо делать, вот и сейчас — пока мы приканчивали вторую чашку, он нервно крутил на пальце кольцо с ключами, постукивая и побрякивая металлом и синим камешком на брелке. Прибыл завтрак, и какое-то время мы молча его поглощали.

Потом Льюк спросил:

— «Звездная вспышка» еще у тебя?

— Нет. Продал. До последнего фала, — ответил я. — Работа, ты ж понимаешь. Я был так занят, что плавать просто не было времени. А смотреть, как она стоит без дела, — не могу. Тяжко.

Льюк кивнул.

— Хреновато дело. Помнишь, в школе — как мы лихо проводили время под ее парусами. И потом. Вот бы по старой памяти еще разок выйти на ней.

— Да.

— Скажи, ты видел Джулию в последнее время?

— Нет, с тех пор как мы с ней разбежались — ни разу. Я думаю, она все еще с этим парнем, как его — Рик? А ты?

— Прошлым вечером.

— Как ее занесло?

Льюк пожал плечами.

— Она была в нашей компании… а потом нас раскидало кого куда.

— И как она?

— Такая же, как и раньше. Хорошенькая. О тебе спрашивала. Еще дала мне вот это, просила передать тебе.

Он вытащил из-под куртки конверт и протянул мне. Конверт был запечатан, на нем значилось мое имя, написанное рукой Джулии. Я разорвал конверт и прочел:

> «Мерль,
>
> я ошибалась. Я знаю, кто ты такой, и становится опасно. Мне необходимо тебя увидеть. У меня есть кое-что, что нужно тебе. Это очень важно. Пожалуйста, позвони или зайди как только сможешь.
>
> Люблю,
>
> Джулия».

— Спасибо. — Я раскрыл рюкзак и положил письмо под клапан.

Я не знал, что и думать, слишком все было туманно. В высшей степени. Но надо было с этим что-то решить — потом. Джулия мне все еще нравилась — больше, чем хотелось об этом думать. Но вот хочу ли я ее видеть опять — в этом я не был уверен. Интересно, что она имела в виду, когда уведомляла, что знает, кто я такой?

Я выбросил ее на время из головы. Сидел смотрел, как по улице пробегают машины, пил кофе и вспоминал, как впервые встретил Льюка в Фехтовальном клубе в наш выпускной год. Он был тогда невероятно хорош.

— Все еще фехтуешь? — спросил я.

— Бывает. А ты?

— Временами.

— А кто лучше, так мы с тобой и не выяснили.

— Сейчас некогда, — сказал я.

Льюк усмехнулся и пару раз сделал выпад ножом в мою сторону.

— Да, пожалуй. Когда едешь?

— Думаю, завтра. Разгребу кое-какие дела — и двину.

— И куда?

— Не знаю, куда-нибудь. Еще не решил.

— Ты точно свихнулся.

— Обычно это называется Wanderjahr[37]. Не успел в свое время, теперь хочу наверстать.

— Звучит и правда красиво. Может, как-нибудь я тоже попробую.

— Все может быть. Хотя я думал, что свой ты использовал по частям.

— Ты про что?

— Я здесь не единственный, кто пропадает надолго.

— А, это. — Льюк отмахнулся. — Это бизнес, а не удовольствие. Пришлось заключить несколько сделок, чтобы оплатить счета. Собираешься навестить своих?

Странно — почему он об этом спрашивает? Ни один из нас никогда раньше не заговаривал о родителях, только в самых общих чертах.

— Не думаю, — сказал я. — А твои-то как?

Перехватив мой взгляд, он удерживал его какое-то время, застывшая на лице улыбка стала чуточку шире.

— Трудно сказать. Как-то не созванивались.

Я улыбнулся тоже.

— Знакомое чувство.

Мы справились наконец с едой и выпили наш прощальный кофе.

— Так ты не поговоришь с Миллером? — спросил Льюк.

— Нет.

Он снова пожал плечами. Официант принес чек, и Льюк взял его первым.

— За мой счет, — сказал он. — В конце концов, кто из нас работает?

— Спасибо. С меня ужин. Где ты остановился?

— Сейчас. — Он потянулся к карману, достал картонку со спичками и кинул мне. — Вот. Мотель «Нью-Лайн».

— Скажем, я зайду где-то в шесть?

— О’кей.

Он расплатился, мы вышли на улицу и расстались.

— Увидимся, — сказал он.

— Ага.

Пока, Льюк Рейнар, пока. Странный ты человек. Мы знали друг друга почти восемь лет. Весело проводили время. Соревновались кое в каких видах спорта. Бывало, чуть ли не каждый день бегали вместе трусцой. Оба были в одной команде. Назначали порой свидания одним и тем же девчонкам. И вот прошло время — и снова меня мучает вопрос: кто же на самом деле этот сильный, смышленый, скрытный, так похожий на меня человек. Между нами явно была какая-то связь, но какая — я так до конца и не понимал.

Я отправился на стоянку возле своего дома и, прежде чем швырнуть вещи в машину и завести двигатель, проверил под капотом и днищем. Ехал я медленно, провожая долгими взглядами все, что когда-то было свежо и ново — давно, восемь лет назад, — и всему говоря «прощай». За последнюю неделю я сказал это уже всем людям, кто хоть что-то для меня значил. Всем, кроме Джулии.

Я чувствовал, что все откладываю это прощание: всегда мешали какие-нибудь дела. Нет, сейчас или вообще никогда, тем более — появился повод. Я заехал на стоянку у магазина и заметил телефон-автомат, но, когда набрал ее номер, ответа не получил. Я подумал, что она, должно быть, снова работает полную смену с утра, но с таким же успехом можно было предположить, что она принимает душ или ушла за покупками. Я решил сам съездить и посмотреть. Тем более это близко. И что бы она обо мне ни думала, это будет хороший предлог, чтобы увидеть ее в последний раз.

Несколько минут я кружил по окрестным улицам, прежде чем заметил площадку, где можно было припарковаться. Поставив и заперев машину, я вернулся на угол и повернул направо. День стал чуть-чуть теплее. Где-то надрывались собаки.

Я прошагал по кварталу к большому викторианскому дому[38], что когда-то переделали в многоквартирный. С того места, где я стоял, окон Джулии видно не было. Она жила на последнем этаже, и окно выходило на противоположную сторону. Пока я шел по дорожке к дому, я пытался не дать воли воспоминаниям, но попробуй их удержи. Мысли о времени, проведенном вместе, нахлынули на меня вновь и потянули за собой забытые было чувства. Я остановился. Глупо было сюда приходить. Глупо волноваться о том, без чего ты вполне мог обходиться. И все-таки…

Дьявольщина! Я хотел увидеть ее еще раз. И назад поворачивать не намерен. Я одолел ступени и прошел через

главный вход. Дверь с треском хлопнула.

Та же самая парадная. Та же фиалка в горшке — усталая, как и прежде; та же пыль — на листьях, на шкафчике перед зеркалом в позолоченной раме; сколько раз отражало оно наши объятия, и всегда чуть-чуть искаженно. Зарябило мое отражение, когда я проходил мимо.

Я поднялся по лестнице, устланной зеленым ковром. Где-то завыла собака.

Первая площадка не изменилась. Я прошел по короткому коридору, мимо полинялых гравюр и помнящего седую древность стола, повернул и стал взбираться по второй лестнице. На половине пролета я услышал сверху царапанье и странный какой-то звук — будто по паркетному полу прокатилась бутылка или ваза. И вновь, кроме тишины, ничего, только изредка задувал сквозняк где-то со стороны карнизов. Внутри заныло от смутного предчувствия, и я прибавил шагу. На верхней площадке я остановился, прислушался — все как будто было в порядке, но, сделав очередной вдох, я почувствовал необычный запах. Что это могло быть — пот, плесень, или пахло влажной землей? Единственное, в чем я не сомневался, что это органика.

Тогда я приблизился к двери Джулии и выждал пару секунд. Запах здесь как будто бы стал сильнее, но никаких новых звуков я не услышал.

Я тихонько поскреб по темному дереву. Мгновение мне казалось, что внутри кто-то возится, но только мгновение. Я постучал еще.

— Джулия? — позвал я. — Это я — Мерль.

Ничего. Я постучал громче.

За дверью что-то с грохотом повалилось. Я дернул. Заперто.

Тогда, рванув изо всех сил, я выдрал ручку и всю дверную механику с потрохами. И тут же отодвинулся влево, за край двери со стороны петель и за косяк. Протянул левую руку и — кончиками пальцев, легонько — надавил на дверную панель.

Когда дверь приоткрылась на несколько дюймов, я замер. За порогом все было тихо, а в щели между дверью и косяком был виден лишь участок стены, кусок пола с узкими акварельными бликами, краешек красной софы и зеленый ковер. Я толкнул дверь еще. Все то же самое, только лучше видно. И запах сильнее.

Я сделал полшага вправо и плавным усилием надавил на дверь.

Ничегоничегоничего…

Потом я увидел ее и отдернул руку. Она была там. Лежала поперек комнаты. Вся в крови…

Кровь была на полу, на ковре, а у ближнего угла слева —

сплошь одно кровавое месиво. Мебель вся вверх ногами, разодранные подушки…

Я сдержался и не бросился вперед сразу.

Я сделал медленный шаг, второй, мои чувства были настороже. Перешагнул порог. В комнате — ничего. Никого. Фракир туго стянула мое запястье. Наверно, мне надо было что-то сказать, но крыша у меня в тот момент съехала совсем.

Я подошел и стал возле нее на колени. Меня замутило. От дверей не было видно, что не хватало половины лица и правой руки. Она не дышала, и ее сонная артерия была неподвижна. Персикового цвета халат на ней был разорван и окровавлен; шею охватывала голубая нить ожерелья. Кровь, что попала за край ковра, была размазана по паркету. Отпечатки следов были не человеческие, явно здесь побывала какая-то большая, хорошо откормленная, длиннотелая тварь, к тому же трехпалая и с когтями.

Сквозняк, — отметил я уголком сознания: тянуло из спальни, что была за моей спиной, из открытой двери, — вдруг ослабел, запах, наоборот, усилился. Опять бешено запульсировало на запястье. Хотя сзади не доносилось ни звука. Стояла абсолютная тишина, но я знал, что тварь там.

С колен я перекатился на корточки, на ходу развернулся…

На меня смотрела страшных размеров пасть, набитая нехилых размеров зубами; их окружала кровавая оторочка губ. Все это принадлежало собакоподобной твари, весу в которой было несколько сотен фунтов, не меньше; тело ее покрывала грубая, словно заплесневелая желтоватая шерсть. Уши больше походили на колонию грибка. А широко распахнутые желто-оранжевые глаза обещали похороны.

Нисколько не сомневаясь в ее намерениях, я швырнул в нее дверной ручкой, которую все это время, оказывается, не выпускал из рук. Она шарахнула тварь по костяному гребню над левым глазом, но та, по-моему, даже и не почувствовала. Все так же без единого звука тварь прыгнула на меня.

И не было даже секунды перемолвиться словом с Фракир…

Люди, работающие на бойне, знают, что на лбу у животных существует такая точка, которую можно найти, мысленно проведя две линии: одну — от правого уха к левому глазу и другую — наоборот, от левого уха к правому глазу. Смертоносный удар наносится на дюйм-два выше точки пересечения линий получившегося креста. Меня этому научил дядя. Хотя на бойне он никогда не работал. Просто знал, как убивать.

Так что, когда тварь прыгнула, я кувыркнулся вперед и в сторону и нанес хороший удар в то самое место. Но эта скотина

оказалась подвижней, чем я рассчитывал, и когда ее достал мой кулак, она уже отпрянула. Ее шейные мышцы погасили силу удара.

Правда, впервые за это время она подала голос — взвизгнула. Помотав головой, зверюга довольно шустро сделала разворот и снова кинулась на меня. Теперь из ее груди вылетал глухой раскатистый рык, а прыжок был уже высоким. Я знал, что увернуться от нее у меня не получится.

Но дядя успел меня научить, как хватать собаку за складки на шее — с боков и под челюстями. Для большой собаки нужна хорошая хватка, хватать нужно как следует и наверняка. Но в эту секунду особого выбора у меня не было. Если я попробую пнуть ее и промажу, зверюга как пить дать оттяпает мне ногу.

Когда мы сошлись вплотную, руки мои, как змеи, рванулись вперед и вверх, и я кинулся к ней в объятия. Я был уверен, что тварь намного тяжелее меня, и мне пришлось хорошенько просчитать момент сил.

Я уж было совсем подумал, что останусь без пальцев или даже без кисти, но, к счастью, угадал ниже челюсти, ухватил зверюгу за складки и крепко сжал. Я продолжал держать руки вытянутыми и напрягся, наклонившись вперед. Меня тряхнуло от мощи ее броска, но хватка моя не ослабла, и я погасил удар.

Пока я слушал ее рычание и разглядывал слюнявую пасть — она была где-то в футе от моего лица, — неожиданно до меня дошло, что все, что я до этого делал, делалось почти бессознательно. Ведь собаку можно ударить башкой обо что-то твердое, что будет под рукой: сонные артерии у них так глубоко запрятаны, что полагаться на прямое давление, чтобы вывести тварь из строя, — затея слишком опасная. Зверина была сильна, и пальцы у меня уже стали соскальзывать от яростных ее изворотов. А еще, пока я старался удержать ее пасть подальше от своего лица и одновременно продолжал задирать ее вверх, пришла и другая мысль: если тварь встанет на задние лапы и вытянется, то, пожалуй, будет выше меня. Я мог бы попробовать пнуть ее в мягкое брюхо, но тогда, вероятно, мне не удастся удержать равновесие, а заодно и ослабнет хватка, и пах мой будет открыт для ее зубов.

Но тварь выскользнула из моей левой руки, и у меня не было больше выбора, кроме как помочь себе правой или потерять ее навсегда. Так что я изо всех сил оттолкнул чудище от себя и вновь отступил назад. Я искал оружие, любое оружие, но под рукой, как назло, не было ничего подходящего.

Она бросилась снова, нацелившись на мою глотку, но двигалась слишком быстро и высоко, чтобы я исхитрился еще раз

попасть ей в голову. Я вообще не успевал убраться с ее дороги.

Передние лапы твари были на уровне моей грудной клетки, и я надеялся, что мой дядя был прав и на этот счет, когда я сжал их изо всех сил и, подныривая в развороте, упал на одно колено, одновременно опустив подбородок и отведя голову, чтобы избежать ее челюстей и защитить горло. Кости твари хрустнули и затрещали, когда я все это проделывал, а голова ее сразу же опустилась, чтобы атаковать мои запястья. Но я уже поднимался, отталкиваясь от нее и резко вставая.

Тварь перекатилась через спину, крутанулась и почти встала на лапы. Но когда когти ее царапнули пол, она издала что-то среднее между рычанием и всхлипом и завалилась вперед.

Я собрался было еще раз ударить ее по черепу, когда зверюга поднялась на ноги, двигаясь неожиданно резво, во всяком случае намного быстрее, чем я ожидал. Она тут же подняла правую переднюю лапу и удерживала теперь равновесие на трех остальных, по-прежнему зло рыча и не сводя с меня своего взгляда; с ее нижней челюсти стекала слюна. Я чуть-чуть сдвинулся влево, уверенный, что, несмотря ни на что, тварь бросится на меня еще раз, и согнулся, заняв позицию, которой меня никто не учил, — должны же, в конце концов, иногда посещать человека оригинальные мысли.

Теперь, когда тварь накинулась на меня, двигалась она уже медленнее. Пожалуй, я даже сумел бы прицелиться и двинуть ей по черепу. Хотя не знаю, пробовать я не рискнул. Я еще раз схватил тварь за шею, а насчет того, что мне делать дальше, — тут опыт у меня уже был. Да и всего-то мне нужна была какая-то пара секунд — за это время она у меня не вырвется. Не останавливая ее движения, я повернулся в низком наклоне и, подтолкнув ее изо всех сил, слегка подправил траекторию зверя.

Зверюга перевернулась в воздухе и ударилась спиной об окно. Со звоном и треском она вывалилась наружу, прихватив с собой большую часть рамы и занавеску с карнизом.

Я услышал, как она грохнулась тремя этажами ниже. Когда я поднялся и заглянул вниз, она лежала на бетонной площадке патио[39], где мы с Джулией часто посреди ночи тянули пиво; тело твари еще несколько раз дернулось и затихло.

Я вернулся к Джулии и взял ее руку в свою. Наконец я почувствовал, насколько я переполнен гневом. Явно, кто-то стоит за всем этим. Опять Z? И это очередной его апрельский подарок? Я чувствовал — да, так оно и есть; я хотел расправиться с Z, как только что расправился с тварью, сотворившей все это. И у Z должна быть причина. Должен быть хоть намек на причину.

Я поднялся, сходил в спальню за одеялом и накрыл им

Джулию. Машинально — обыскивая квартиру — стер отпечатки пальцев с валявшейся на полу дверной ручки.

Их я нашел на каминной полке между часами и пачкой записей по оккультизму. Я коснулся их, ощутил холод и в это мгновенье понял, что все гораздо серьезнее, чем я думал. Они должны были быть моими — ведь Джулия действительно говорила, что у нее есть что-то нужное мне, — но это были не мои; в чем-то я узнавал их, тасуя; в чем-то они загоняли меня в тупик. Карты — это были они. Козыри, похожие и не похожие на те, которые я когда-либо видел раньше.

Колода была неполной. Всего несколько карт. Странные, очень странные это были карты. За окном уже завывала сирена; я быстро сунул их в боковой карман. С пасьянсом можно и подождать.

Я скатился с лестницы и вылетел через заднюю дверь, к счастью, ни на кого не наткнувшись. Фидо все еще лежал там[40], где упал, и все соседские собаки обсуждали это событие. Я взял по пути все ограды и потоптал все клумбы, какие были, задними дворами срезая к боковой улице, где осталась моя машина.

Минутой позже я был уже за мили оттуда и пытался выскрести из памяти кровавые отпечатки лап.

II

Я ехал прочь от Залива[41], пока не попал в тихое, спокойное место, поросшее густыми деревьями. Там я остановил машину, вылез и пошел дальше пешком.

Шел я довольно долго, наконец неподалеку заметил пустынный небольшой сквер. Я присел на скамейку, вынул Козыри и внимательно их рассмотрел. Несколько карт показались чем-то знакомыми, но другие совершенно сбивали с толку. На одну я смотрел слишком долго и, кажется, услышал пение сирен[42]. Я отложил карты в сторону. Я не узнавал руки мастера. И это меня пугало больше всего.

Я вспомнил рассказ об известном на весь мир токсикологе, который нечаянно проглотил яд, от которого не было противоядия. Самое первое, что он у себя спросил: принял ли он смертельную дозу? Он заглянул в классический труд, который сам же и написал несколькими годами раньше. Да, принял — его собственная книга утверждала именно так. Он пролистал другую — человек, который ее написал, был по уровню не ниже его. Если

верить этой, другой, получалось, он принял только половину того, что необходимо, чтобы справиться с человеком такой массы тела, как у него. И вот он сел и принялся ждать, надеясь, что ошибся все-таки он.

Я чувствовал себя точно так же, потому что всегда считал, что в картах разбираюсь неплохо. Я думал, что знаю работу каждого, кто мог делать подобные вещи. Я выбрал одну из карт, в ней было какое-то странное, неуловимое, почти знакомое очарование — изображала она небольшой, поросший травой луг, он выступал в тихое озеро, а справа виднелся кусочек чего-то яркого, блестящего, неопределенного. От моего резкого выдоха на мгновение карта покрылась туманом — тогда я щелкнул по ней ногтем. Она ответила звоном стеклянного колокольчика, ожила. Тени поплыли и запульсировали — дело близилось к вечеру. Я провел над картой ладонью, и она вновь застыла — и снова озеро, трава, день.

Очень далеко отсюда. Поток времени течет там быстрее, не то что здесь. Интересно.

Я вытащил старую трубку, которой иногда баловался, набил ее, запалил, попыхтел и стал размышлять. Карты действовали прекрасно, они не были умелой подделкой, и хотя я не понимал их предназначения, главной сейчас заботой было не это.

Сегодня — тридцатое апреля, и я снова встретился со смертью лицом к лицу. И по-прежнему мне придется противостоять тому, кто ведет игру с моей жизнью. Опять на этот раз вместо Z кто-то действовал по его доверенности. И уничтожил я не просто собачку. И еще карты… где Джулия их достала и почему хотела, чтобы они обязательно оказались у меня? Карты и эта собака — явно примета силы, более могущественной, чем бывает у обычных людей. Все это время я думал, что просто навлек на себя внимание какого-то психа, с которым легко мог бы справиться на досуге. Но то, что произошло этим утром, — заставляло посмотреть на дело совсем с другой стороны. Это значило, что где-то у меня до черта врагов.

Я даже вздрогнул. Мне захотелось еще раз побеседовать с Льюком, чтобы он как можно подробней пересказал мне, о чем они с Джулией говорили вчерашним вечером; а вдруг она сказала что-то такое, что дало бы хоть какую-то ниточку. Еще мне хотелось вернуться и снова обыскать ее квартиру. Но этот пункт из повестки придется вычеркнуть. Как раз когда я оттуда отъезжал, к дому подваливали копы[43]. Так что какое-то время туда не сунешься.

Рик. Рик Кински, парень, с которым она встречалась после нашего с ней разрыва. Я знал его только внешне: тощий, с

усиками, типичный «умник» — толстые очки и все, что в таких случаях полагается. Он был управляющим в книжной лавке, я заходил к нему пару раз. Это все, что я о нем знал. Может быть, он сумеет мне рассказать о картах. И о том, как Джулию угораздило влипнуть в историю, стоившую ей жизни.

Я еще немного поразмышлял, затем отложил карты. Всё — карточные дурачества в сторону. Успеется. Сейчас мне была нужна информация — и как можно больше.

Я направился обратно к машине. Пока я шел, возникла мысль: а ведь тридцатое апреля еще не кончилось. Возможно, Z не считает стычку сегодня утром прямым ударом по мне. В таком случае у него еще море времени повторить попытку. И потом я чувствовал, что, если начну подбираться ближе, Z забудет о всяких датах и вцепится в мою глотку, как только найдет к ней дорогу. Я решил отныне, пока этот проклятый вопрос продолжает оставаться открытым, вообще не снимать защиту и жить как в осаде. А все мои силы надо направить на то, чтобы вопрос закрыть. И похоже, само мое благополучие требовало, чтобы враг был уничтожен, и чем скорее, тем лучше.

А может, стоит пойти поискать совета? Я задумался. Если и так, то у кого? Существовала жуткая куча всего, чего я еще мог не знать о своем наследстве…

Нет. Еще нет, решил я. Следует рискнуть и справиться самому. Но одно дело — хотеть. А знать, как за это взяться, — тут нужна была практика. Там, откуда я родом, надо всегда быть готовым улаживать сволочные вопросы.

Я поехал, высматривая телефонную будку и пытаясь не вспоминать о Джулии — о той Джулии, какой я видел ее в последний раз. С запада нагнало немного тучек. На запястье потикивали часы, рядышком с невидимой Фракир. Международные сообщения по радио были безрадостны, как всегда.

Я затормозил у аптеки и воспользовался телефоном[44], чтобы позвонить Льюку в мотель. В номере его не было. Тогда у стойки я заказал клубный сэндвич и молочный коктейль[45] и попробовал позвонить еще. Результат был прежний.

О’кей. Отловлю позже. Я направился в город. «Полистай-ка» — кажется, так называлась лавка, в которой работал Рик.

Проезжая мимо, я увидел, что там открыто. Я припарковался парой кварталов выше и вернулся пешком. Теперь, когда я снова был в городе, приходилось держаться настороже, но никаких признаков слежки я не заметил.

Пока я шел, меня обдало холодным ветром, обещающим близкий дождь. Через окно лавки я разглядел Рика. Он сидел за

высокой конторкой и читал книгу. Больше в лавке не было никого.

Маленький колокольчик над дверью доложил о моем приходе. Рик оторвал взгляд от книги. Потом выпрямился, и, пока я шел на него, глаза у него делались все шире и шире.

— Привет, — сказал я, на мгновение задержав шаг. — Рик, я не знаю, помнишь ты меня или нет?

— Ты — Мерль Кори, — тихим голосом сказал он.

— Точно, — сказал я, наваливаясь на конторку. Он отодвинулся. — Мне нужна кое-какая помощь с твоей стороны. А именно — небольшая информация.

— Какая?

— По поводу Джулии.

— Слушай, — заволновался он, — я к ней даже близко не подходил, пока вы с Джулией были вместе.

— Да? Нет-нет, ты не понял. Это меня не интересует. Мне нужны сведения посвежее. Она пыталась дозвониться до меня всю эту неделю, и…

Рик покачал головой.

— За последнюю пару месяцев я от нее ничего не слышал.

— То есть как?

— А так. Мы с ней не встречались. Видишь ли, у нас разные интересы.

— С ней было все в порядке, когда вы… перестали встречаться?

— Вроде да.

Я посмотрел ему прямо в глаза, он моргнул. Мне это не понравилось. «Вроде да». Я видел, что он немного побаивается меня, поэтому решил надавить.

— Что ты подразумевал под «разными интересами»? — спросил я.

— Знаешь, она была… немного странная, что ли, — сказал Рик.

— Не знаю. Расскажи.

Рик облизнул губы и отвернулся.

— Не хочу нарываться на неприятности, — сказал он.

— Я тоже. Так что там было?

— Ну, — сказал он, — она была напугана.

— Напугана? Чем?

— Н-ну… Тобой.

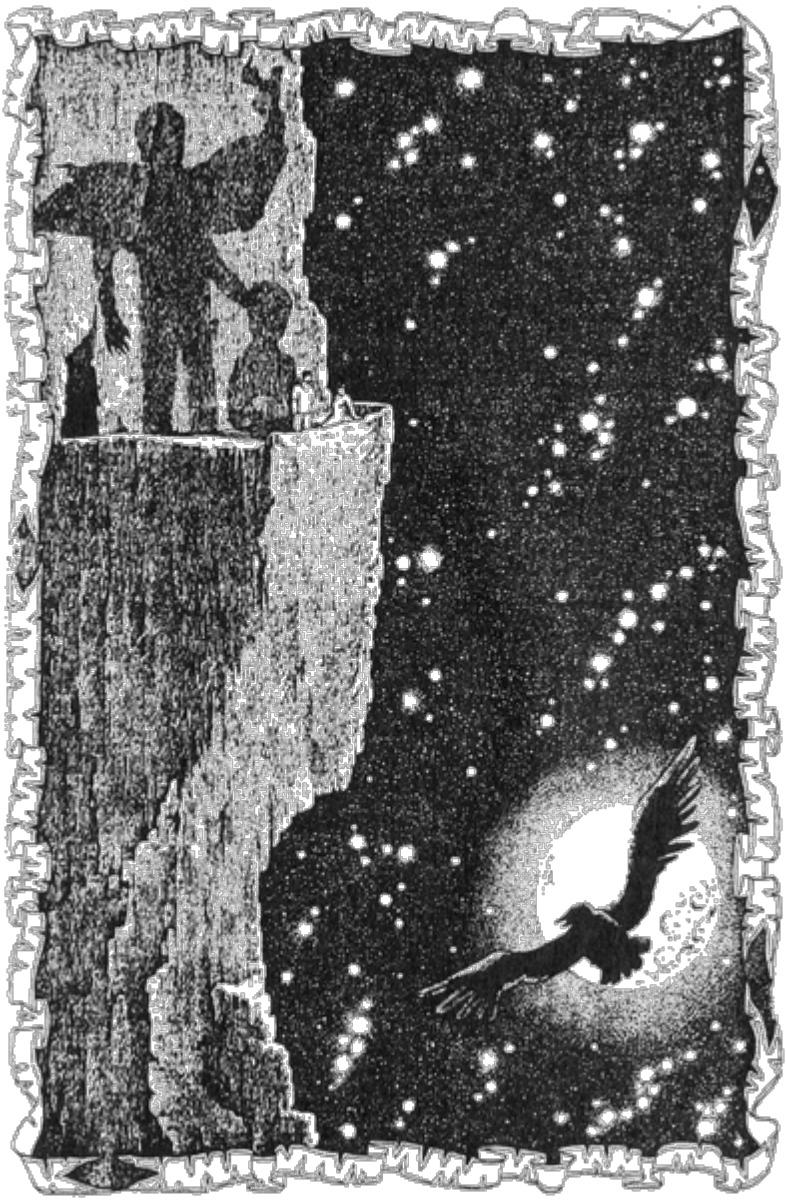
— Мной? Это смешно. Я никогда ничего такого не делал. И что же она сказала?

— Она никогда об этом не говорила в открытую, просто всякий раз в ее разговорах всплывало твое имя. Затем она

увлеклась всеми этими забавными штуками.

— Ты меня запутал, — сказал я. — Окончательно. Говоришь, она стала странная? Увлеклась какими-то забавными штуками? Какими штуками? Что происходило? Я вообще ничего не понимаю, а понять очень хочется.

Рик поднялся и, бросив взгляд в мою сторону, направился в глубину лавки; я так понял, что мне надо пойти за ним. Я пошел.



Он замедлил шаг, проходя мимо секции, где стояли книги по

народному врачеванию, экологическому земледелию, боевым искусствам, лекарственным травам и уходом за ребенком на дому, но не стал задерживаться и прошел дальше в секцию оккультизма.

— Вот, — сказал он, останавливаясь у книжных полок. — Она брала кое-что домой, а когда возвращала, каждый раз брала еще больше.

Я пожал плечами.

— И это все? Странным это трудно назвать.

— Но она на самом деле всем этим здорово увлеклась.

— Этим многие увлекаются.

— Ты не даешь мне договорить, — сказал Рик. — Начала она с теософии, даже смоталась на собрание местной группы. Но довольно быстро это ей надоело, а тут как раз она повстречала каких-то людей со связями в этих кругах. И скоро она уже крутилась вокруг суфистов, последователей Гурджиева[46], познакомилась с каким-то приблудным шаманом.

— Интересно, — сказал я. — А йогой она не увлекалась?

— Йогой — нет. Я ее спрашивал, но она сказала, что ищет силы, а не самадхи[47]. В общем, она все больше и больше заводила странных знакомств. Атмосфера для меня стала слишком жидкая, так что я сказал «до свидания».

— Почему, интересно? — задумчиво спросил я.

— Вот, — сказал он, — взгляни-ка.

Он кинул мне какую-то черную книгу и сразу же отступил назад. Я поймал. Это была Библия. Я раскрыл ее на странице с выходными данными.

— И что здесь особенного?

Он вздохнул.

— Ничего. Извини.

Рик взял у меня книгу и поставил на полку.

— Подожди минуту. — Он вернулся к конторке и взял оттуда табличку с надписью: «Только что вышел. Откроемся в —»; под этим был циферблат с подвижными стрелками. Он отметил стрелками полчаса и повесил табличку на дверь, чтобы было видно снаружи через стекло. Затем задвинул засов и жестом позвал меня за собой.

В конторе, куда мы прошли, был стол, пара кресел и картонные упаковки с книгами. Рик уселся за стол и кивнул мне на ближайшее кресло. Я сел. Затем он включил автоответчик, сдвинул в сторону пачку бланков и деловых писем с торговой книги, открыл ящик и вынул бутылку «кьянти».

— По стаканчику? — спросил он.

— Спасибо, не откажусь.

Рик поднялся и шагнул через открытую дверь в маленькую туалетную комнату. Взял с полки пару стаканов, сполоснул их, принес, поставил на стол, наполнил и один подтолкнул ко мне. Стаканы были из «Шератона».

— Извини за Библию, — сказал он, поднимая стакан и делая глоток.

— У тебя был такой вид, словно я должен был провалиться в сопровождении клубов дыма.

Он кивнул.

— Я на самом деле уверен, что причина, из-за которой она искала силу, как-то связана с тобой. Ты занимаешься оккультизмом?

— Нет.

— Она даже иногда говорила, что ты можешь оказаться сверхъестественным существом.

Я рассмеялся. Спустя мгновение Рик — тоже. Потом сказал:

— Я не знаю. В мире столько странного. Конечно, большинство всего этого — ерунда, но…

Я пожал плечами.

— Кто знает? Так ты думаешь, она искала какую-нибудь систему-методику, которая дала б ей силу защититься от меня?

— У меня сложилось такое впечатление.

Я сделал глоток вина.

— Это не имеет смысла, — сказал я.

Сказав это, я понял, насколько мои слова могли оказаться правдой. И если Джулия из-за меня ступила на ту дорожку, где в конце концов ее поджидала смерть, значит, я тоже отчасти несу за это ответственность. Я вдруг почувствовал тяжесть душевной боли.

— Давай рассказывай, что там еще у тебя осталось, — сказал я.

— В общем, мне хватило этого с головой. Я устал от людей, которые только и делали, что пережевывали всю эту космическую муру, и откололся.

— Это все? Так нашла она нужную систему, нужного гуру[48]? Что было потом?

Рик сделал большой глоток и уставился на меня.

— Мне она действительно нравилась, — сказал он.

— Не сомневаюсь.

— Таро, Каббала, Золотая Заря, Кроули, Форчун[49] — вот во что она влезла потом.

— И осталась?

— Не знаю точно. Думаю, да. Об этом я узнал уже позже.

— Значит, ритуальная магия?

— Похоже на то.

— Кто ею занимается?

— Многие.

— Я имею в виду, на кого из них она вышла? Это ты знаешь?

— Думаю, Виктор Мелман.

Рик выжидающе посмотрел на меня. Я покачал головой.

— Извини, такого не знаю.

— Странный человек, — задумчиво сказал он, делая глоток. Потом откинулся в кресле, закинув руки за голову и выставив вперед локти. Взгляд его был направлен в туалетную комнату. — Я… я слышал, как говорили… разные люди… некоторым из них я вполне доверяю… что он действительно кое-чего достиг и что-то реальное у него есть, что он познал некое просветление, был инициирован, обладает некой силой и вообще он чуть ли не великий учитель. Но у него всякие там проблемы с ego[50], без них никогда такие дела не обходятся. Все имеет свою изнанку. Я даже слышал, что это не его настоящее имя и что на него имеется материал в полиции, и уж скорее он Мэнсон, нежели Волхв[51]. Впрочем, не знаю. Номинально он художник — его работы и на самом деле довольно хороши. Их покупают.

— Ты с ним встречался?

Молчание, затем:

— Да.

— И как он тебе?

— Не знаю. Ну… что-то мне в нем не нравится. Не могу сказать точно — что.

Я поболтал стаканом.

— А тебе-то что от него было надо?

— Так, была мысль немного у него поучиться. Только он меня отвадил.

— Значит, и ты в это дело влез. Я думал…

— Ни во что я не влезал, — оборвал Рик. — Когда-то я пробовал заниматься то тем, то другим — вот что я имею в виду. Каждый проходит через разные фазы. Я тоже хотел достичь, расширить, приблизиться. Кто не хочет? Но так и не смог. — Он снова сел как сидел и хорошенько приложился к стакану. — Иногда я чувствовал, что был близок, что сила есть, есть видение, что я почти могу дотронуться или увидеть. Почти. Затем все исчезало. Дерьмо все это. Только себя обманывать. Хотя я тоже иногда думал, что это у меня уже есть. Но проходит несколько дней, и понимаешь, что опять солгал сам себе.

— У тебя это было до Джулии?

Он кивнул.

— Да. Может, именно это и держало нас какое-то время

вместе. Мне ведь и до сих пор нравится трепаться про всю эту чушь собачью, хотя я в нее уже не верю ни на грош. Но она так серьезно к этому относилась, а я — наоборот, не чувствовал особого желания вновь пойти по этой дорожке.

— Ясно.

Рик осушил стакан и наполнил снова.

— Все это одни разговоры, — сказал он. — Есть бесконечное множество способов лгать себе, давать рациональные объяснения вещам, которые его не имеют, а настоящей магии в мире просто не существует.

— Поэтому ты и запустил в меня Библией?

Он фыркнул.

— С тем же успехом могли подвернуться Веды или Коран[52]. Было бы интересно увидеть, как ты исчезаешь в огненной вспышке. Но не прошло.

Я улыбнулся.

— Как мне найти Мелмана?

— Сейчас… где-то у меня это было. — Рик глянул в сторону стола и открыл ящик. — Вот.

Он вытащил небольшую записную книжку и пролистал. Списал адрес на каталожную карточку и дал мне. Потом сделал глоток вина.

— Спасибо.

— Это его студия, но он там и живет, — добавил Рик.

Я кивнул и поставил стакан.

— Спасибо за информацию.

Он поднял бутылку.

— Еще вина?

— Благодарю, не надо.

Рик пожал плечами и наполнил свой стакан до краев. Я поднялся.

— Знаешь, это и правда грустно, — сказал он.

— Что грустно?

— Насчет магии. Что ее нет, никогда не было и, вероятно, уже не будет.

— Ну, насчет «грустно», думаю, здесь ты ошибаешься, — сказал я.

— Мир был бы во много раз интереснее.

— Ага.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Сделай одолжение, — сказал он.

— Что?

— Поставь по пути стрелки на три часа и захлопни дверь посильней.

— Непременно.

Я оставил его одного и сделал как он просил. Небо стало темнее, ветер пробирал холодом. Я дошел до угла и еще раз попытался дозвониться до Льюка, но он по-прежнему где-то шлялся.

Мы были счастливы. День стоял потрясающий. Погода была просто чудо, и все, что мы делали, получалось. Тот вечер мы провели в одной забавной компании, а после устроили себе поздний обед в очень даже приличном местечке, на которое натолкнулись чисто случайно. Мы засиделись за выпивкой, единственно что проклиная, так это день — за то, что он так быстро кончался. Затем мы решили: раз уж пошла полоса удач, то надо, чтобы она продлилась подольше. И мы поехали на другой пляж, попустынней: посидели, поплескались в воде, посмотрели на луну, понюхали ветра. Долго-долго. Затем я кое-что сделал, чего я вроде как обещал себе никогда не делать. Интересно, а Фауст думал, что прекрасное мгновение стоит души?[53]

— Идем, — сказал я, бросая пивную банку в мусорный ящик и ловя Джулию за руку. — Прогуляемся.

— Куда? — спросила она, когда я поставил ее на ноги.

— В Страну Фейери[54], — отозвался я. — Выдуманные владения стародавних времен. Эдем. Пошли.

Смеясь, она позволила взять себя за руку, и мы пошли вдоль берега туда, где пляж делался уже, поджимаемый высокими ограждениями набережной. Луна была щедра и желта, море пело мою любимую песню.

Рука в руке мы прошагали мимо утесов, где быстрый изгиб дороги увел нас от полоски песка. Я поискал глазами пещеру, которая скоро должна была нам открыться, узкую и высокую…

— Пещера, — сказал я мгновением позже. — Давай залезем.

— Там же темно.

— Ну и что, — сказал я, и мы вошли.

Лунный свет провожал нас еще шагов шесть. Но я уже заметил поворот налево.

— Сюда, — позвал я.

— Здесь темно!

— Темно. Ты просто держись за меня. Все будет нормально.

Еще пятнадцать-двадцать шагов, и справа забрезжил свет. Я вел ее к тому повороту, и дорога делалась все светлее.

— Мы заблудимся, — тихо сказала она.

— Со мной — нет.

Света прибавилось. Дорога сделала еще один поворот, и, одолев последний участок, мы вышли у подножия горы вблизи низких верхушек леса; утро было в разгаре, над деревьями стояло

солнце.

Она замерла, синие глаза распахнулись.

— Здесь день! — сказала она.

— Tempus fugit[55], — ответил я. — Идем.

Некоторое время мы шли по лесу, слушая птиц и ветер, — я и темноволосая Джулия, — а затем я провел ее через каньон зеленых трав и разноцветных скал, рядом с потоком, который скоро перешел в реку.

Мы двигались вдоль реки, пока неожиданно не вышли к обрыву; река здесь срывалась вниз, разбрасывая радуги и туманы. Мы стояли, а перед нами открывалась огромная долина, и сквозь утро и прозрачную дымку мы увидели город из шпилей и куполов, позолоты и хрусталя.

— Где… мы? — спросила она.

— Просто свернули за угол, — сказал я. — Идем.

Я повел ее влево, затем вниз по тропе, которая снова вывела нас к утесу, а потом нырнула под водопад. Тени и алмазные бусины… рев, по мощи приближающийся к тишине…

Наконец мы попали в туннель, поначалу в нем было сыро, но с подъемом сырость ушла. Он вывел нас мимо открывшейся слева галереи в ночь, и — звезды, звезды, звезды… Распахнулись бесконечные дали, они сверкали невиданными созвездиями, света их было достаточно, чтобы мы отбрасывали тени на стену за нашими спинами. Она прислонилась к низкому парапету, кожа ее была из драгоценного мрамора, голова опущена вниз.

— Внизу они тоже есть, — сказала она. — И вверху и внизу! Под нами ничего, одни звезды. И по сторонам…

— Да. Здорово, правда?

Мы долго стояли так и смотрели, пока я не уговорил ее уйти и не повел по туннелю дальше.

На этот раз он привел нас к руинам античного амфитеатра под вечереющим небом. Плющ обвивал скамьи и потрескавшиеся колонны. Тут и там лежали разбитые статуи, будто сброшенные землетрясением. Весьма живописно. Я решил, что ей это понравится, и был прав. Мы свернули — посидеть и поговорить. Акустика здесь была замечательная.

Так мы шли с ней, рука в руке, по тысячам тысяч дорог под меняющими свой цвет небесами, пока не вышли к тихому озеру, где, склонившись над дальним берегом, готовилось закатиться солнце. Справа мерцало нагромождение скал. Мы добрались до небольшой прогалины, где подушками лежал мох и рос папоротник.

Я обнял ее, и так мы стояли долго, а ветер в деревьях звенел мелодией лютни, контрапунктом невидимым птицам[56]. Потом

я расстегнул на ней блузку.

— Прямо здесь? — сказала она.

— Мне здесь нравится. А тебе?

— Здесь прекрасно. О'кей. Подожди минуту.

Мы любили друг друга, пока нас не накрыли тени. Скоро она заснула, как я того пожелал.

Я наложил на нее чары, чтобы до поры до времени она продолжала спать, потому что начал уже подумывать, а не глупость ли я сморозил, затеяв все это путешествие. Потом оделся, одел ее и взял на руки. Возвращался я коротким путем.

На пляже, с которого мы стартовали, я положил Джулию на песок и вытянулся рядом. Скоро я уснул тоже.

Мы так и не просыпались, пока не взошло солнце и нас не поднял шум голосов и плеск купающейся неподалеку компании.

Джулия села и уставилась на меня.

— Эта ночь… Она не могла быть сном. Но и наяву этого тоже быть не могло? Ведь так?

— Согласен, — ответил я.

Джулия сдвинула брови.

— С чем согласен? — спросила она.

— С завтраком, — сказал я. — Давай поедим. Идем?

— Подожди минуту, — она положила ладонь мне на руку. — Случилось что-то, чего не бывает. Что это было?

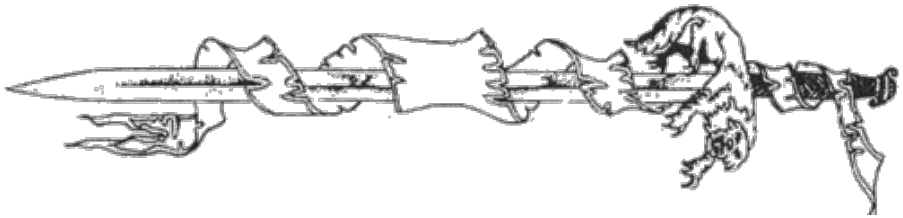
— Зачем разрушать магию разговорами? Пойдем лучше пожуем.

После этого она часто расспрашивала меня, но я был тверд как кремень и на все ее приставания отвечал отказом. Глупо, все было глупо. Не надо мне было водить ее на эту прогулку. Ведь именно из-за этого и случился тот наш последний спор, приведший к окончательному разрыву.

И теперь, управляясь с рулем машины и размышляя о том самом случае, я додумался еще до одной вещи, и то, что мне пришло в голову, было гораздо большим, чем моя глупость. Я любил ее — вот что это была за мысль — любил и люблю по-прежнему. Не возьми я ее тогда на прогулку или хотя бы скажи ей: «Да» — когда она обвинила меня потом в колдовстве, Джулия не пошла бы никогда той дорогой, которую выбрала, не стала бы искать силы — чтобы себя защитить. Она была бы жива.

Я прикусил губу и заплакал. Я врезался в затормозившую передо мной машину и разбил фару. Если я убил ту, которую любил, то и обратное не так уж неверно — в этом я был уверен.

III



Мир мой съежился от печали и гнева, и это раздражало меня больше всего. Такое чувство, что печаль и гнев парализуют мою память о временах счастливых, о друзьях, мирах, вещах и

поступках. Зажатый в тисках разбуянившихся, неуспокоенных эмоций, я словно сплющился по одному из измерений своей свободы. Отчасти это, конечно, из-за того, что я заранее отказался от многих вариантов разрешения ситуации, нарушив в какой-то мере свободу воли. Мне это сильно не нравится, потому что всегда наступает такой момент, после которого подобная ситуация выходит из-под контроля. И я начинаю чувствовать себя так, будто капитулировал перед некой разновидностью детерминизма, и это злит меня еще больше. В результате — порочный круг: злость подпитывает эмоции, которые мною движут, а любой мой порыв усиливает злость. Простейший способ разорвать этот круг — предпринять лобовую атаку, чтобы уничтожить его причину. Способ более трудный подразумевает философский подход и заключается в отступлении и восстановлении потерянного контроля. Обычно предпочтительнее способ тот, что потрудней, — второй. При лобовой атаке ведь, не ровён час, можно и шею сломать.

Поставив машину в первом же подходящем месте, я опустил стекло и раскурил трубку. Я поклялся не уезжать из города, пока не возьму себя в руки. Всю жизнь меня терзает склонность слишком близко все принимать к сердцу. Похоже, это семейное. Но на прочих родственников я походить не хотел. Слишком много они попортили себе крови таким стилем жизни. По большому счету принцип «все или ничего» хорош, если ты всегда побеждаешь, но уж если случится вляпаться во что-то из ряда вон, то или высокая трагедия, или по меньшей мере драма на этом пути тебе обеспечены точно. И именно сейчас все симптомы такого расклада были налицо. Следовательно, я — дурак. Я повторял это себе до тех пор, пока не поверил.

Тогда я прислушался к моему более спокойному «я», которое вполне со мной согласилось: да, действительно, ты — дурак, потому что: первое — не принимал в расчет свои чувства, когда можно было их отрегулировать; второе — потому что во главу угла ставил силу, отрицая ее последствия; третье — потому что все это время ни разу не попытался задуматься о странной природе своего врага; и последнее — даже теперь слишком уж ты несерьезно относишься к предстоящей встрече. Не стоило выволакивать на белый свет Виктора Мелмана и пытаться выбить из него правду. Я решил действовать осторожно, все время подстраховываясь. Простой жизнь никогда не бывает, сказал я себе. Сиди спокойно и думай, думай и перестраивайся.

Я почувствовал, как напряжение постепенно уходит. И так же медленно мир опять стал большим, и в его границах я увидел еще один возможный ответ: на самом деле Z меня знает, знает хорошо

и даже может устраивать события так, чтобы я, отбросив в сторону разум, поддавался мгновенным порывам. Нет уж, на прочих родственников я походить не хочу…

Так я сидел и думал — долго думал, — прежде чем завести мотор и медленно отправиться в путь.

Это было мрачное кирпичное здание в четыре этажа высотой, стоявшее на углу. Стены со стороны переулка и улицы расписаны тут и там непристойностями, намалеванными краской из баллончиков. Пока я медленно прогуливался под окнами, я успел прочитать граффити[57], заметил несколько выбитых стекол и обнаружил пожарную лестницу. Между тем начинал накрапывать мелкий дождик. Два нижних этажа, согласно вывеске возле лестницы в маленьком холле, куда я зашел, занимала складская компания Брута. Воняло мочой, а на пыльном подоконнике справа лежала пустая бутылка из-под «Джека Дэниэльса»[58]. К облупившейся стене прилепились два почтовых ящика. На одном было написано: «Компания Брута», на втором — инициалы «В. М.». Оба были пустые.

Я пошел вверх по лестнице, ожидая, что она заскрипит. Лестница промолчала.

В холл на втором этаже выходили четыре двери — все четыре без ручек и заперты. Через матовые стекла вверху виднелись очертания чего-то, напоминающего коробки. За дверьми все было тихо.

На следующем пролете меня поджидал сюрприз в виде дремлющей черной кошки. Она выгнула спину, показала зубки, зашипела, потом развернулась и, взбежав по лестнице, пропала из виду.

На следующей площадке тоже было четыре двери — три из них явно не открывались который год, четвертая, выкрашенная в черный, сверкала от шеллака. На ней — небольшая латунная табличка с надписью «Мелман». Я постучал.

Ответа не было. Я несколько раз повторил попытку, но результат был тот же. Изнутри вообще не доносилось ни звука. Похоже, это были жилые комнаты, а студия — должно быть, под застекленной крышей — находилась на четвертом этаже. Так что я врубил заднюю передачу и двинулся к последнему пролету.

Добравшись до верха, я увидел, что одна из четырех дверей чуть-чуть приоткрыта. Я остановился, какой-то миг прислушиваясь. Из-за двери доносились слабые шорохи. Я подошел и несколько раз постучал. Откуда-то изнутри раздался внезапный вздох. Я толкнул дверь.

Он стоял футах в двадцати от меня под большим окном

дневного света и смотрел в мою сторону — высокий, широкоплечий мужчина с темными глазами и бородой. В левой руке он держал кисть, а в правой палитру. Одет он был в перепачканный красками фартук, который прикрывал джинсы, и клетчатую спортивную рубашку. На холсте за его спиной проступал набросок того, что когда-нибудь могло стать мадонной с младенцем. Картин вокруг вообще было великое множество, все они стояли к стене лицом или были чем-то прикрыты.

— Привет, — сказал я. — Вы и есть Виктор Мелман?

Он кивнул — не нахмурясь, не улыбнувшись, — положил палитру на стол рядом, а кисть сунул в бутыль с растворителем. Затем поднял влажную тряпку и вытер руки.

— А вы? — спросил Мелман, отбрасывая в сторону тряпку и вновь поворачиваясь ко мне лицом.

— Мерль Кори. Вы знали Джулию Барнс.

— Не отрицаю, — ответил он. — Вы использовали прошедшее время, это, видимо, означает…

— Ее больше нет. Я хочу с вами об этом поговорить.

— Хорошо, — сказал Мелман, развязывая фартук. — Тогда спустимся вниз. Здесь негде сесть.

Он повесил фартук на гвоздь у двери и вышел наружу. Я вышел за ним. Он повернулся и, прежде чем спуститься по лестнице, запер студию. Движения его были плавными, почти грациозными. Я слышал, как барабанит по крыше дождь.

Тем же самым ключом Мелман отпер темную дверь этажом ниже. Распахнув ее, он шагнул в сторону, жестом приглашая меня войти. Я вошел, пересек коридор, что вел мимо кухни, забитой пустыми бутылками, грудами посуды и картонками из-под пиццы. Едва не лопающиеся мешки с мусором подпирали буфет; пол в некоторых местах, казалось, был залит чем-то липким, а запах стоял как на фабрике специй, соседствующей со скотобойней.

Гостиная, куда я вошел, была просторной, с парой удобных на вид черных диванчиков, поставленных друг против друга; между ними пролегло поле битвы восточных ковров и разнообразных столиков, на каждом из которых стояло несколько переполненных пепельниц. В дальнем углу у стены, покрытой красным тяжелым драпом, стоял замечательный концертный рояль. Еще здесь было огромное количество низеньких книжных шкафов, заполненных оккультными принадлежностями и пачками журналов, наваленных рядом с ними, на них и на полу вплотную к нескольким легким креслам. Что-то похожее на угол пентаграммы[59] чуть выглядывало из-под самого большого ковра. Спертые запахи воскурений и «дури» тянулись по гостиной лохмотьями. Справа от меня была арка, ведущая еще в одну

комнату, слева — закрытая дверь. На некоторых стенах висели картины на полурелигиозные темы — я решил, что это его работы. Что-то было в них от Шагала[60]. Картины вполне ничего.

— Присаживайтесь.

Мелман кивнул на легкое кресло. Я сел.

— Пива хотите?

— Нет, спасибо.

Он уселся на ближайший диван, сложил ладони и уставился на меня.

— Что случилось? — спросил он.

Я посмотрел на него.

— Джулия Барнс занялась оккультизмом, — сказал я. — И пришла к вам узнать об этом побольше. А этим утром она умерла при очень необычных обстоятельствах.

Левый уголок его рта слегка дернулся. Сам он продолжал сидеть как сидел.

— Да, она интересовалась такими вещами, — сказал он. — Ко мне она приходила за наставлениями — и получила от меня что хотела.

— Я хочу знать, почему она умерла.

Мелман продолжал внимательно меня изучать.

— Время ее истекло, — сказал он. — В конце концов это случается с каждым.

— Она была убита зверем, которого не существует в этом мире. Что вы об этом знаете?

— Вселенная — место гораздо более странное, чем кажется большинству из нас.

— Так вы знаете или нет?

— Я знаю вас, — сказал Мелман; впервые за все это время на лице его показалась улыбка. — Разумеется, она говорила о вас.

— Как это понимать?

— Я знаю, — ответил он, — что вы сами осведомлены в подобных вопросах. И даже более чем слегка.

— А именно?

— У Искусства есть способ в нужное время сводить вместе нужных людей, когда работа в разгаре.

— И это все, что вы обо всем этом думаете?

— Я это знаю.

— Откуда?

— Это было обещано.

— Так вы что, меня ждали?

— Да.

— Интересно. Тогда, может быть, расскажете поподробней?

— Я бы предпочел показать.

— Вы говорите, было что-то обещано. Как? И кем?

— Все это скоро станет ясно.

— А смерть Джулии?

— Скажем, и это тоже.

— И каким же образом вы рассчитываете осчастливить меня таким просветлением?

Мелман улыбнулся.

— Я просто хочу, чтобы вы кое на что взглянули, — сказал он.

— Ладно. Я готов. Покажите.

Мелман кивнул и встал.

— Это здесь, — объяснил он, поворачиваясь и направляясь к закрытой двери.

Я поднялся и пошел за ним через комнату.

Он полез за ворот рубашки и, достав оттуда цепочку, снял ее через голову. Я увидел на ней ключ. Он отпер им дверь.

— Заходите, — сказал он, распахивая ее и отступая в сторону.

Я вошел. В небольшой комнате было темно. Мелман щелкнул выключателем, и из плоского светильника над головой полился неяркий голубой свет. Теперь я мог разглядеть, что здесь было одно окно, прямо напротив меня, и оно было закрашено черным. Мебели никакой не было, не считая нескольких подушек, в беспорядке валявшихся на полу. Часть стены справа скрывалась под черным занавесом. Другие стены были пустыми.

— Я смотрю, — сказал я.

Мелман хмыкнул.

— Погодите минутку, — посоветовал он. — Есть у вас какое-нибудь представление о том, что меня в первую очередь интересует в оккультных искусствах?

— Вы — каббалист, — сказал я.

— Да, — признал он. — Как вы догадались?

— В восточных дисциплинах люди имеют склонность сбиваться в плотную кучу, — заявил я. — Но каббалисты, кажется, всегда распускают слюни.

Мелман фыркнул, потом сказал:

— Вопрос в том, что для вас действительно важно.

— Это точно.

Он пнул подушку на середину комнаты.

— Присаживайтесь, — сказал он.

— Я постою.

Мелман пожал плечами.

— Ладно, — сказал он и тихо забормотал.

Я ждал. Спустя какое-то время, все еще приглушенно бормоча, Мелман подошел к черному занавесу. Одним быстрым движением отодвинул его, и я посмотрел туда.

Мне открылась картина с каббалистическим Древом Жизни[61], представляющая десять сефир в некоторых из их келипотических аспектов. Выполнена она была замечательно, и ощущение чего-то знакомого, которое поразило меня, пока я ее разглядывал, не утихало. Это была не стандартная поделка из какого-нибудь магазина, специализирующегося на подобных вещах, а, похоже, вполне оригинальная картина. Хотя по стилю она не походила ни на одну из работ, висящих в соседней комнате. И все же она была мне знакома.

Чем больше я в нее всматривался, тем меньше у меня оставалось сомнений: я был уверен — нарисована она той же рукой, что рисовала Козыри, которые я нашел у Джулии.

Мелман в это время продолжал свои завывания.

— Ваша работа? — спросил я его.

Мелман мне не ответил. Вместо этого он подошел и показал на третью сефирот, ту, которую называют Бинах. Я посмотрел на нее. Кажется, она изображала мага перед черным алтарем и…

Нет! Я не мог в это поверить. Не может…

Я почувствовал контакт с фигурой. Это уже был не символ. Маг был реален, он вызывал меня. Вот, еще больше расплывшись, он обрел три измерения. Комната вокруг меня стала таять. Я был почти…

Там.

Это было сумеречный уголок — небольшая прогалина в корявом лесу. Отливающий кровью свет стекал на плиту, которая лежала передо мной. Маг — с лицом, скрытым капюшоном и тенью, — орудовал на камне какими-то предметами, руки его двигались слишком быстро, чтобы я мог уследить какими. Откуда-то все еще слышалось слабое песнопение.

Под конец маг взял в правую руку один из предметов и поднял. Это был черный кинжал из обсидиана[62]. Левую руку он положил на алтарь и смел все остальное на землю.

Только теперь он посмотрел на меня.

— Иди сюда, — сказал он.

Я улыбнулся глупой простоте его требования. Но затем почувствовал, как ноги сами, против желания, выполняют приказ, и понял, что в этих сумерках на меня наложили заклятие.

Я мысленно поблагодарил одного из своих дядюшек, который обитал в самом отдаленном из доступных воображению мест, и заговорил на тари, сплетая собственное заклинание.

Истошный крик, будто уханье ночной птицы, разорвал воздух.

Мага это не отвлекло, да и ноги не освободились от наваждения, но я сумел поднять руки. Я так и держал их, не опуская, и когда они коснулись переднего края алтаря, я объединил свои силы с силой, вызванной моим заклинанием. Я дал рукам согнуться в локтях.

Маг замахнулся клинком, целя по пальцам, но бесполезно. Я уже всем весом навалился на камень.

Алтарь перевернулся. Маг суетливо задергался, пытаясь от него увернуться, но алтарь ударил его по одной ноге — а может, и по обеим сразу. Тут же, как только маг рухнул, я почувствовал, как заклятье спадает с меня. Я вновь мог нормально двигаться, и голова моя была ясная.

Только я перепрыгнул через разбитый алтарь и потянулся к магу, как он прижал колени к груди и покатился в сторону. Я кинулся следом, а он так все и кувыркался по небольшому склону, потом проскочил между двумя поставленными вертикально камнями и пропал в лесной темноте.

Добравшись до границы поляны, я увидел глаза, сотни свирепых глаз, сверкающих повсюду из тьмы. Пение стало громче и, кажется, ближе; похоже, оно раздавалось прямо у меня за спиной.

В мгновенье я повернулся.

Алтарь по-прежнему был разбит. За ним стояла еще одна закутанная фигура, намного больше, чем первая. Она-то и распевала знакомым голосом. Фракир задергалась у меня на запястье. Я почувствовал, как вокруг меня воздвигается стена из заклятья, но на этот раз я был готов. Мое слово принесло ледяной ветер, который смел заклинание прочь, развеял его как дым. Одежды бились вокруг меня, меняя покрой и цвет. Пурпурное, серое… плащ темен, светлы штаны, накрахмалена грудь рубашки. Черны мои сапоги, и широк мой пояс с заткнутыми за него печатками, серебряная Фракир сплелась в браслет на левом

запястье, видимая теперь и сверкающая. Я поднял левую руку, а правой прикрыл глаза, когда вспыхнул свет.

— Замолкни, — сказал я тогда. — Ты меня раздражаешь.

Пение стихло.

Капюшон слетел с головы, и я увидел испуганное лицо Мелмана.

— Ладно. — заявил я. — Хотел меня получить — получи, помоги тебе небеса. Ты сказал, что мне все станет ясно. Не стало. Проясни.

Я сделал шаг в его сторону.

— Говори! — сказал я. — Легко или с трудом, но говорить я тебя заставлю. Степень легкости выбирать тебе.

Он запрокинул голову и взревел:

— Хозяин!

— Можешь сколько хочешь вызывать своего хозяина. Я подожду. Он тоже ответит мне.

Мелман повторил свой зов, но ответа не было. Тогда он рванул оттуда, но я подготовился к этому главным своим заклинанием. Деревья сгнили и попадали раньше, чем он успел добраться до них, а затем они взлетели, подхваченные могучим ветром, возникшим там, где следовало быть неподвижности. Ветер сжал прогалину в круг — серо-красный, — выстраивая неодолимую стену, краями уходящую в бесконечность. Мы обретались на круглом островке среди ночи — несколько сотен метров от сих до сих, и граница медленно сжималась.

— Что-то не идет твой хозяин, — сказал я, — и тебе к нему не уйти. Так что он тебе не поможет. Никто тебе не поможет. Это мир высшей магии, и ты оскверняешь его своим присутствием. Знаешь, что там, за ветром? Хаос. И если ты не расскажешь мне о Джулии и своем хозяине, и еще о том, почему ты осмелился меня сюда привести, я отдам тебя Хаосу прямо сейчас.

Мелман отпрянул от стены Хаоса и повернулся ко мне лицом:

— Я все тебе расскажу, только забери меня обратно в квартиру.

Я помотал головой.

— Если ты меня убьешь, то ничего не узнаешь.

Я пожал плечами:

— В таком случае я заставлю тебя говорить при помощи боли. А потом отдам Хаосу.

Я двинулся на него.

— Подожди! — Он поднял руку. — Ты оставишь меня живым, если я расскажу все?

— Никаких сделок. Говори.

Ветер летел по кругу, и наш остров становился все меньше и

меньше. Полуслышные, невнятные голоса бубнили под ветряной оболочкой, и там плавали фрагменты зыбких образований. Мелман отодвинулся от пылящей по сторонам круга земляной крошки.

— Ладно, — сказал он громко. — Да, Джулия приходила ко мне, я уже говорил это, и я действительно научил ее кое-каким вещам — но не тому, чему учил бы ее год назад, а кое-чему другому, тому, что сам узнал только недавно. К тому же мне было приказано учить ее так.

— Кем приказано? Кто твой хозяин?

Мелман скорчил гримасу.

— Он не настолько глуп, чтобы называть свое имя, — сказал он, — ведь тогда я сам смогу обрести над ним власть. Как и ты, он не человек, а существо из какой-то иной плоскости.

— Это он дал тебе картину с Древом?

Мелман кивнул.

— Да, и она действительно переносит меня к каждой из сефирот. Магия в тех местах срабатывает. Я обрел силу.

— А Козыри? Их тоже сделал он? Он дал их тебе, чтобы ты передал Джулии?

— Ничего я не знаю ни о каких Козырях, — сказал он.

— Вот об этих! — закричал я, вынул из-под плаща колоду и, развернув веером, словно фокусник-любитель, сделал шаг к Мелману. Я ткнул его в них и несколько мгновений держал у его лица. Потом убрал — раньше, чем у него появилась идея, что они могли предоставить ему возможность для бегства.

— Я никогда раньше их не видел, — сказал он.

Земля продолжала непрерывно выветриваться в нашем направлении. Мы отошли ближе к центру.

— И ты послал эту тварь, которая убила ее?

Мелман неистово затряс головой.

— Я не посылал. Я знал, что она умрет, ведь он сказал, что именно это приведет тебя ко мне. Еще он сказал, что зверь из Нецаха убьет ее… но я его никогда не видел и не вызывал.

— А почему он хотел, чтобы ты встретился со мной? И зачем было приводить меня сюда?

Мелман дико расхохотался.

— Зачем? — переспросил он. — Конечно, чтобы убить тебя. Он сказал, что если я принесу тебя в жертву здесь, то обрету твои силы. И еще, что ты — Мерлин, сын Преисподней и Хаоса, и что я стану величайшим из магов, если смогу здесь убить тебя.

Мир вокруг нас уже сократился в лучшем случае до сотни метров в диаметре и быстро продолжал уменьшаться.

— Это правда? — спросил Мелман. — Обрел бы я силу, если

бы у меня все получилось?

— Сила как деньги, — ответил я. — Ее можно добыть, если хорошо разбираешься в своем деле и если это единственное, чего ты хочешь в жизни. Ну, а насчет того, обрел бы ты ее или нет… Не думаю.

— Я говорю о смысле жизни. Ты знаешь.

Я покачал головой.

— Только дурак уверен, что жизнь имеет всего один смысл, — сказал я. — Ладно, хватит об этом! Опиши своего хозяина.

— Я никогда не видел его.

— Что?

— То есть, конечно, видел, но как он выглядит — не знаю. Он всегда ходил в капюшоне и в черном плаще. И вдобавок носил перчатки. Я даже не знаю, какого цвета у него кожа.

— Как вы встретились?

— Однажды он появился у меня в студии. Я просто обернулся, а он стоял там. Он предложил мне силу, сказал, что обучит меня всему в обмен на службу.

— Откуда ты знал, что он мог дать тебе силу?

— Он взял меня в путешествие по другим мирам.

— Понятно.

Жизненное пространство нашего островка стало размером с большую гостиную. Голос ветра был то насмешлив, то становился жалобен, пугающ, печален, гневен. Окружающий пейзаж постоянно менялся. Почва содрогалась без передышки. Свет по-прежнему отливал гибелью. Какая-то часть меня хотела убить Мелмана прямо сейчас, но если он и правда не тот, из-за кого пострадала Джулия…

— Твой хозяин говорил, почему хочет моей смерти? — спросил я.

Мелман облизнул губы и посмотрел на подступающий Хаос.

— Он сказал, что ты — его враг, — объяснил он, — но никогда не говорил почему. И еще он сказал, что это произойдет сегодня, что он хочет, чтобы это произошло сегодня.

— А почему сегодня?

На лице Мелмана промелькнула улыбка.

— Думаю, потому, что сегодня Walpurgisnacht[63], — отозвался он, — хотя об этом он вообще-то не упоминал.

— И это все? — сказал я. — Он никогда не говорил, откуда он?

— Однажды промелькнуло что-то насчет Крепости Четырех Миров, как нечто важное для него.

— И у тебя не было ощущения, что он просто использует

тебя?

Мелман усмехнулся.

— Конечно, он меня использовал, — сказал он. — Все мы кого-то используем. На этом держится мир. Но он заплатил за это знаниями и силой. И, по-моему, его обещание еще может быть выполнено.

Казалось, он вглядывался во что-то у меня за спиной. Древнее трюка в мире не существует, но все же я оглянулся. Конечно, там никого не было. Я тут же обернулся обратно к Мелману.

В руке у него был черный кинжал. Должно быть, припрятанный в рукаве. Замахиваясь, Мелман кинулся на меня — рот его уже был раскрыт для очередных песнопений.

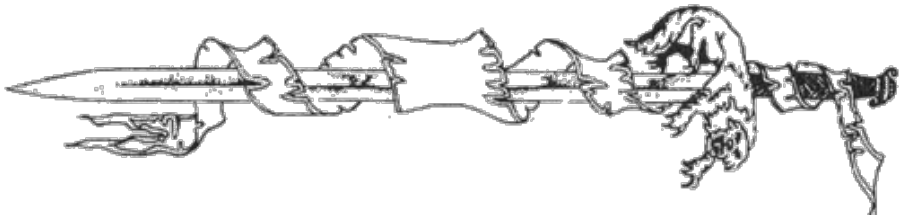
Я отступил назад и закрутил его в свой плащ. Он распутался, отлетел в сторону, полоснул кинжалом по воздуху, развернулся и приблизился вновь. На этот раз он держался низко, пытаясь обойти меня сзади, губы его по-прежнему шевелились. Я ударил ногой, целя по руке с кинжалом, но Мелман ее отдернул. Тогда я захватил левый край своего плаща и намотал его себе на руку. Когда он ударил снова, я заблокировал выпад и сжал ему бицепс. Пригибаясь и увлекая его вперед, я поймал правой рукой его левое бедро, затем выпрямился и, подняв Мелмана высоко в воздух, отшвырнул назад.

И только развернувшись после броска, внезапно сообразил, что наделал. Слишком поздно. Все внимание было сосредоточено на противнике, а за быстрым, все перемалывающим движением ветра я не следил. Край Хаоса оказался гораздо ближе, чем я рассчитывал, а у Мелмана времени хватило лишь на то, чтобы судорожно прохрипеть какие-то проклятия, прежде чем смерть забрала его туда, где петь ему уже не придется.

Я тоже выругался: ведь был же уверен, что могу выжать из него много больше; мне осталось только покачать головой от досады, стоя в центре своего уменьшающегося мира.

День еще не кончился, а я уже успел встретить самую свою памятную Walpurgisnacht.

IV



Обратная дорога тянулась долго. По пути я переоделся.

Выход из лабиринта обрел форму узкого переулка между парой грязных кирпичных зданий. По-прежнему шел дождь, а день близился к вечеру. Через дорогу на краю лужи света, льющегося из неразбитого фонаря, я увидел свою

припаркованную машину. На миг я затосковал по сухой одежде, которая лежала там, в чемодане, затем вновь направился к вывеске «Склады Брута».

В конторе на первом этаже горел слабый свет, отбрасывая тусклые блики в противоположный темный проход. Я пропер вверх по лестнице, окончательно вымокший и в меру настороже. Повернув ручку, я толчком открыл дверь квартиры. Зажег свет, вошел и задвинул дверной засов.

Беглый осмотр показал, что в квартире никого нет, и я сменил свою вымокшую рубашку на одну из рубашек Мелмана. Брюки его были слишком велики в талии и немного для меня длинноваты. Чтобы не промочить Козыри, я переложил их в нагрудный карман.

Шаг второй. Я принялся методично обшаривать квартиру. Через несколько минут в запертом ящике столика возле кровати я наткнулся на оккультный дневник. В нем царил такой же порядок, как и во всей квартире: записи шли с ошибками, многие слова вычеркнуты, на страницах пятна от пива и кофе. На первый взгляд обычная повседневная тягомотина вперемежку с размышлениями и мечтами. Я пролистал его, пытаясь разыскать место, где были заметки о том, как он встретил своего хозяина. Нашел, просмотрел. Изложено было длинно — в основном подогретые энтузиазмом словоизвержения по поводу работы Древа, которое он получил. Я решил оставить это на потом и уже было отложил дневник, когда, в последний раз перелистывая страницы, обнаружил коротенькую поэму. В стиле Суинберна[64], сверх меры символичные и полные экстаза строчки сразу притянули мой взгляд: «…бесконечны тени Янтаря, и каждая с его предательским отливом». Стихи так себе, но мысль очевидна. Она еще более усилила чувство незащищенности, которое меня охватило, и подстегнуло поиски. Мне вдруг страшно захотелось убраться отсюда подальше и как следует все обдумать.

Больше сюрпризов комната не преподнесла. Я оставил ее в покое, набрал пачку старых газет, запихал в ванну, поджег, а когда выходил, открыл по пути окно. Потом вынес из святилища картину с Древом Жизни, вернулся и добавил к костру. Выключил в ванной свет и, уходя, закрыл дверь. Что касается вопросов искусства, то здесь я критик свирепый.

Затем я сунулся к книжным полкам и начал бестолково рыться в пачках бумаг. Я уже наполовину разобрался со второй грудой, когда зазвонил телефон.

Мир, казалось, остановился, зато мысли поскакали как бешеные. Ну конечно. Сегодня же день, когда я, как предполагалось, найду дорогу сюда и буду убит. А уж если

такому предположению суждено было превратиться в факт, то он бы уже наверняка имел место. Так что вполне могло оказаться, что это звонит Z, чтобы узнать, не пора ли публиковать некролог. Я повернулся и глазами отыскал телефон, на затененной стене возле спальни. И тут же решил — отвечу. Двигаясь к телефону, я позволил ему сделать еще два-три звонка — это где-то двенадцать-восемнадцать секунд, — а сам, пока шел, решал, как бы мне получше ответить: то ли вставить какую-нибудь ядовитую фразочку с оскорблением и угрозой, то ли прикинуться шлангом и посмотреть, что можно узнать полезного. Хотя первое доставит удовольствия больше, благоразумие, которое вечно ломает кайф, выбрало второй путь, а заодно подкинуло идею, чтобы я ограничился невразумительным шамканьем, жалобой, что, мол, ранен и еле-еле дышу. Наконец я поднял трубку, чтобы услышать Z и по голосу попробовать выяснить, знаю я его или нет.

— Да? — сказал я.

— Ну? Это сделано? — донеслось в ответ.

Ох уж эти мне местоимения! Говорила женщина.

С полом вышла осечка, но вопрос задан правильно. Хоть здесь повезло.

Тяжело дыша, я выдавил из себя:

— Да…

— В чем дело?

— Ранен, — прохрипел я.

— Что-то серьезное?

— Думаю, да. Здесь… у меня… кое-что. Лучше прийти… посмотреть.

— Что такое? Что-нибудь от него?

— А? Не могу говорить. Голова кружится. Приходи.

Я повесил трубку и улыбнулся. Сыграно, пожалуй, неплохо. Было такое чувство, что она у меня в кармане.

Я прошел через гостиную к тому самому креслу, в котором сидел раньше, пододвинул один из столиков с большой пепельницей, уселся и набил трубку. Самое время отдохнуть, запастись терпением и немного подумать.

Уже где-то через мгновение появилось знакомое ощущение — будто бы слегка покалывало электрическим током. Я мигом поднялся на ноги, пепельница перевернулась — окурки пулями разлетелись по сторонам, — и снова я проклинал свою глупость, дико озираясь вокруг.

Вот! На фоне красных драпировок возле рояля. Обретая форму…

Я подождал, пока очертания не стали четкими, затем изо всех сил швырнул пепельницу.

Мгновением позже она уже была здесь — высокая, темноглазая, с каштановыми волосами, — держа в руке что-то очень похожее на автоматический пистолет тридцать восьмого калибра.

Пепельница саданула ее в живот, и она с резким выдохом переломилась в поясе.

Я оказался рядом с ней раньше, чем она выпрямилась.

Выдернул из руки пистолет и швырнул его через комнату. Затем схватил ее за запястья, развернул и крепко впечатал в ближайшее кресло. В левой руке у нее все еще был зажат Козырь. Я вырвал его. На нем была эта самая комната — нарисовано в том же стиле, что и Древо и карты в моем кармане.

— Ты кто? — рявкнул я.

— Джасра, — выплюнула она, — покойник! — Последнее относилось ко мне.

Голова ее с широко разинутым ртом метнулась вперед. Я почувствовал, как влажные губы коснулись тыльной стороны моего левого предплечья; я все еще продолжал прижимать ее правое запястье к ручке кресла. Через секунду я почувствовал там мучительную боль. Это был не укус — в мое тело будто вогнали раскаленный гвоздь.

Я выпустил ее руку и отдернул свою. Движение получилось слабым и каким-то странно замедленным. Холодное покалывание сползло к ладони и поднялось к плечу. Рука повисла плетью и не ощущалась совсем — будто бы ее не было. Женщина легко выскользнула из моих рук и, с улыбкой дотронувшись кончиками пальцев до моей груди, легонько толкнула.

Я упал навзничь. Я был до смешного слаб и полностью потерял контроль за своими движениями. Грохнувшись на пол, боли я не почувствовал никакой, но чтобы повернуть голову и посмотреть на женщину, которая уже была на ногах, — тут мне пришлось здорово потрудиться.

— Наслаждайся, — сказала она. — Когда ты очнешься, остаток твоего краткого существования будет болезненным.

Она ушла с линии моего взгляда, а мгновением позже я услышал, как она снимает телефонную трубку.

Я был уверен, что звонит она Z, и нисколько не сомневался в том, что она мне только что поведала. Ладно, по крайней мере хоть встречусь с таинственным художником…

Художником! Я подергал пальцами правой руки. Они по-прежнему могли шевелиться, только медленно. Собрав по крупицам остатки воли, что еще оставались у меня, я попытался поднять руку к груди. Движение давалось медленно, слабенькими рывками. Хорошо, что упал я на левый бок и спина скрывала мои

вялые потуги от женщины, которая справилась со мной мимолетом, шутя.

Рука дрожала и, похоже, стала двигаться еще медленнее, когда добралась до нагрудного кармана. Прошло, по-моему, не одно столетие, пока я нащупал краешек карт. В конце концов одна отделилась от остальных и я сумел вынуть ее настолько, чтобы увидеть. Голова у меня уже вовсю кружилась, а глаза застилал туман. Я не был уверен, что смогу выполнить переход. Будто из далекого далека долетал до меня голос Джасры, пока она с кем-то говорила по телефону, но слов было не разобрать.

Я собрал остатки внимания и сосредоточил на карте. Это была Сфинкс[65], она сидела на задних лапах на синем скальном уступе. Я потянулся к ней. Если у меня не получится, то при второй попытке я просто потеряю сознание.

Я почувствовал холодок и увидел, что Сфинкс вроде как слегка шевельнулась на своем сиденье из камня. И потом — ощущение падения в черную волну, вздыбившуюся стеной на моем пути.

И все.

В себя я приходил долго. Сознание возвращалось по каплям, но руки и ноги по-прежнему оставались свинцовыми, а взгляд туманным. Жало у дамочки, похоже, было смазано

нейротропиком. Я попытался пошевелить пальцами рук и ног, но был не совсем уверен, что мне это удалось; тогда я попробовал делать быстрые и глубокие вдохи. Так или иначе, это сработало.

Спустя какое-то время я услышал то, что поначалу мне показалось ревом. Чуть погодя он сделался тоном ниже, и я сообразил, что это собственная моя кровь гремит в ушах. Еще немного спустя я почувствовал биение сердца, и зрение стало ясным. Свет, тьма и бесформенность сложились в песок и скалы. Повсюду на теле я ощутил маленькие очажки холодка. Меня кинуло в дрожь, но это скоро прошло, и я понял, что могу двигаться. Но слабость была такая, что с этим я решил обождать. Не сейчас.

Потом я услышал звуки — похрустывание, легкое шевеление; они доносились откуда-то сверху и спереди. Еще я почуял необычный запах.

— Скажи, ты уже проснулся? — раздалось оттуда же, откуда шли звуки.

Я решил, что еще не совсем готов для утвердительного ответа, поэтому не ответил. Я ждал, когда в тело мое вольется побольше жизни.

— Послушай, я серьезно — дай мне как-нибудь знать, слышишь ты меня или нет. Мне бы хотелось начать.

Любопытство в конце концов пересилило здравомыслие, и я поднял голову.

— Вот! Так я и знала!

Надо мной, на голубовато-сером уступе, сидела Сфинкс — цвет ее тоже был голубым, тело — львиное, большие оперенные крылья плотно сложены по бокам, лицо — ни мужское, ни женское — смотрело вниз на меня. Сфинкс облизнулась, оскалившись грозным частоколом зубов.

— Начать что? — спросил я, медленно приподнимаясь и делая несколько глубоких вдохов.

— Загадки, — ответила Сфинкс, — то, что у меня получается лучше всего.

— Пойду посмотрю, нет ли дождя, — сказал я, ожидая, когда перестанет колоть в руках и ногах.

— Извини. Но я вынуждена настоять.

Я потер укушенное предплечье и воззрился на эту тварь. Большая часть историй, которые я помнил о Сфинксах, кончалась тем, что Сфинксы сжирали людей, если у тех не получалось найти ответ на загадку.

— Я в твои игры не играю, — ответил я, покачав головой.

— В таком случае ты проигрываешь по определению, — отозвалась она; мышцы на ее плечах стали вздуваться.

— Стой, — сказал я, поднимая руку. — Мне нужно пару минут, чтобы восстановить силы, а то я не слишком хорошо себя чувствую.

Она снова успокоилась и сказала:

— Ладно. Тогда поступим по правилам. Пять минут. Дай мне знать, когда будешь готов.

Я встал на ноги и начал потягиваться и делать взмахи руками. За этим занятием я быстро обежал глазами окрестности.

Мы находились на песчаном арройо[66], утыканном тут и там оранжевыми, серыми и голубыми скалами. Каменная стена, на уступе которой устроилась Сфинкс, круто поднималась передо мной, примерно футов на двадцать пять; другая стена, по высоте такая же, как и эта, находилась сзади меня на том же расстоянии, что и первая. Справа от меня русло круто взбиралось вверх, слева оно шло более полого. Растительности почти не было — несколько колючих кустов виднелись среди расселин и трещин. Казалось, был час, граничащий с сумерками. На небе бледно-желтого цвета никакого солнца не наблюдалось. Я слышал далекий ветер, но сюда он, видно, не долетал. Было прохладно, но нельзя сказать чтобы холодно.

Поблизости на земле я заметил камень размером с небольшую гантель. Два незаметных шага — пока я продолжаю потягиваться и работать руками, — и камень уже возле моей правой ноги.

Сфинкс прокашлялась.

— Ты готов? — спросила она.

— Нет, — сказал я. — Но уверен, что тебя это не остановит.

— Ты прав.

Я почувствовал, что сейчас зевну, и ничего не смог с собою поделать.

— Кажется, тебе немного не хватает должного духа, — заметила Сфинкс. — Ну так вот: в пламени я поднимаюсь из земли. Ветер набрасывается на меня, а воды — стегают плетью. Скоро я буду наблюдать за всеми вещами в мире.

Я ждал. Прошла, наверно, минута.

— Ну? — не выдержав, сказала она.

— Что ну?

— У тебя есть ответ?

— На что?

— На загадку, на что же еще!

— Я ждал. Но вопроса ведь никакого не было, одни только заявления. Как же я могу дать ответ, если не знаю, что за вопрос.

— Это освященная временем форма. Вопрос заключен в контексте. Очевидно, он означает: «Что я такое?»

— Точно так же он может и означать: «Кто похоронен в могиле Гранта?» Ну ладно. Ты спрашиваешь, что это может быть? Феникс, конечно. Вьет гнездо на земле, поднимается над ним в пламени сквозь воздух и облака на огромную высоту…

— Неверно.

Сфинкс улыбнулась и пошевелилась.

— Стой, — сказал я. — Почему неверно? Ответ подходит. Это, может быть, не тот ответ, которого тебе хочется, но зато он подходит к требованиям.

Сфинкс покачала головой.

— В этих ответах окончательный авторитет — я. Я решаю.

— Значит, ты жульничаешь.

— Нет, не жульничаю!

— Я выпил половину содержимого фляжки. Она стала наполовину полной или наполовину пустой?

— И то и другое.

— Правильно. Тут то же самое. Если годится больше одного ответа, тебе придется скушать их все. Это как волны и частицы. [67]

— Такой подход мне не нравится, — заявила Сфинкс. — Он открывает много поводов для двусмысленности. Он может испортить дело загадывания загадок.

— Это уж не моя вина, — сказал я, сжимая и разжимая ладони.

— Но вопрос интересный.

Я энергично кивнул.

— Но следует быть только одному ответу.

Я пожал плечами.

— Мы живем в не очень-то идеальном мире, — предположил я.

— Хм.

— Можем просто назвать это ничьей, — предложил я. — Никто не проигрывает, никто не выигрывает.

— Я нахожу это эстетически неприятным.

— Зато прекрасно применяется в куче игр.

— К тому же я немного проголодалась.

— Вот где правда, оказывается, сидела.

— Но я справедлива. Я служу правде, только на свой манер. Твое упоминание о ничьей позволяет взглянуть на это дело по-новому.

— Хорошо. Я рад, что ты меня понимаешь…

— Сыграем тай-брейк. Загадывай свою загадку.

— Это глупо, — сказал я. — Нет у меня никаких загадок.

— Значит, надо быстро какую-нибудь придумать. Это

единственный выход из нашего тупика — или я засчитываю тебе проигрыш.

Я согнул руки и сделал несколько глубоких наклонов. Ощущение было такое, будто тело горело в огне. Еще оно становилось сильнее.

— О'кей, — сказал я. — О'кей. Подожди секунду.

Что за черт…

— Что такое — зеленое и красное, и ходит по кругу, по кругу, по кругу?

Сфинкс два раза моргнула, затем нахмурилась. Я использовал последовавшее за этим время для глубоких вдохов и бега на месте. Огонь притих, в голове стало чище, пульс выровнялся…

— Ну? — сказал я спустя несколько минут.

— Я думаю.

— На здоровье.

Я немного побоксировал с тенью. Сделал несколько изометрических упражнений. Небо стало еще темнее, и по правую сторону от меня появилось несколько звезд.

— Мне, конечно, не очень приятно тебя торопить, — сказал я, — но…

Сфинкс фыркнула.

— Я все еще думаю.

— Наверно, нам стоило ограничить время.

— Я не собираюсь тянуть слишком долго.

— Ничего, если я отдохну?

— Валяй.

Я вытянулся на песке и закрыл глаза, но перед тем, как заснуть, пробормотал Фракир охранное слово.

Я проснулся от дрожи, света в глаза и гуляющего по лицу ветерка. Потребовалась пара секунд, чтобы сообразить, что сейчас утро. Небо слева светлело, справа таяли звезды. Хотелось пить. И есть тоже.

Я протер глаза. Поднялся на ноги. Нашел расческу и пробежался ею по волосам. Сфинкс сидела все там же.

— …И ходит по кругу, по кругу, по кругу, — бормотала она.

Я прочистил глотку. Никакой реакции. Животина смотрела мимо. Я подумал: а что, если просто смыться…

Нет. Взгляд уже был на мне.

— Доброе утро, — приветливо сказал я.

В ответ — короткий оскал зубов.

— Хорошо, — сказал я, — мне потребовалось меньше времени, чем тебе. Если не ответишь сейчас, то мне играть уже неинтересно.

— Мне твоя загадка не нравится, — сказала наконец Сфинкс.

— Извини.

— Какой ответ?

— Сдаешься?

— Придется. Какой ответ?

Я поднял руку:

— Постой. Такие вещи следует делать в надлежащем порядке. Сначала я получу ответ на твою загадку, потом ты — на мою.

Она кивнула.

— В этом есть что-то от справедливости. Ну ладно — Крепость Четырех Миров.

— Что?

— Это ответ. Крепость Четырех Миров.

Я подумал о словах Мелмана.

— Почему? — спросил я.

— Крепость лежит на перекрестке миров четырех стихий; там она поднимается в пламени из земли и подвергается нападению вод и ветров.

— А что это за чушь насчет «наблюдать за всеми вещами в мире»?

— Может, это надо понимать в прямом смысле, а может, это относится к имперским планам хозяина. Или и то и другое вместе.

— А кто хозяин?

— Не знаю. Эта информация не есть суть ответа.

— Тем не менее где ты отхватила эту загадку?

— От одного путешественника, несколько месяцев назад.

— А почему ты из всех загадок выбрала именно эту?

— Она остановила меня, значит, загадка хорошая.

— А что стало с путешественником?

— Он ушел своей дорогой несъеденный. На загадку мою он ответил.

— Как его звали?

— Он все равно не сказал бы.

— Опиши его, пожалуйста.

— Не могу. Он скрывал себя под одеждой.

— А больше он ничего не сказал о Крепости Четырех Миров?

— Нет.

— Ну, — сказал я, — пожалуй, я последую его примеру и пойду прогуляюсь.

Я повернулся и направился к склону справа.

— Подожди!

— Чего? — спросил я.

— Твоя загадка, — сказала Сфинкс. — Я дала тебе ответ на

свою. Теперь ты должен сказать мне, что значит — зеленое, красное, и ходит по кругу, по кругу, по кругу.

Я глянул под ноги и осмотрелся. Вот он, мой камень в форме гантели. Я сделал несколько шагов и встал рядом с ним.

— Арбуз в мясорубке.

— Что?

Мускулы ее вздулись, глаза сузились, а зубов, похоже, сделалось еще больше. Я сказал несколько слов Фракир и почувствовал, как Сфинкс шевелится, пока я наклоняюсь и подхватываю правой рукой камень.

— Вот так, — сказал я. — А это наглядное тому подтверждение…

— Подленькая загадка! — возвестила Сфинкс.

Левым указательным пальцем я сделал перед собой в воздухе два быстрых движения.

— Что ты делаешь? — спросила Сфинкс.

— Рисую линии от твоих ушей к глазам, — сказал я.

Примерно в ту же секунду, с запястья соскользнув на ладонь и извиваясь среди моих пальцев, Фракир сделалась видимой. Взгляд Сфинкса дернулся к ней. Я поднял камень на уровень правого плеча. Один конец Фракир повис свободно, извиваясь на моей вытянутой руке. Фракир начала наливаться светом, потом засверкала раскаленной серебряной проволокой.

— По-моему, наш спор завершился вничью, — объявил я. — Как ты думаешь?

Сфинкс облизнула губы.

— Да, — сказала она, вздыхая. — Полагаю, ты прав.

— Тогда я желаю тебе хорошо провести день, — сказал я.

— Да. Жаль. Очень хорошо. Доброго дня. Но прежде чем ты уйдешь, могу я спросить твое имя — для протокола?

— Почему нет? — сказал я. — Я — Мерлин из Хаоса.

— А, — сказала Сфинкс. — Значит, кто-нибудь пришел бы за тебя отомстить.

— Возможно.

— Тогда самым лучшим будет расстаться. Иди.

Я долго пятился, прежде чем повернуться и пойти вверх по правому склону. Так и шел, оставаясь настороже, пока вовсе не убрался оттуда. Но погони не было.

Я припустил трусцой. Хотелось пить и что-нибудь съесть, но вряд ли я найду завтрак в этой безлюдной каменистой стране под лимонным небом. Фракир вновь свернулась кольцами и исчезла. Я взялся за глубокие вдохи-выдохи, направляясь на пару десятков градусов в сторону от восходящего солнца.

В волосах моих ветер, глаза в пыли… Я двигался к груде

больших камней, прошел в тени между ними. Небо над головой стало зеленым. Оставив камни позади, я вышел на более рыхлую равнину, вдали — мерцание, несколько облаков поднимаются слева.

Двигаясь ровным шагом, добрался до небольшого подъема, одолел, спустился по дальнему склону гребня, где колыхались редкие травы. Вдалеке — роща с верхушками деревьев, смахивающими на швабры… Я направился к ней, шуганув небольшое создание с оранжевым мехом, что прыгнуло через мою тропу и умчалось влево. Мгновением позже мимо меня промелькнула со звуком, похожим на стон, темная птица и направилась в ту же сторону. Я торопился дальше, небо продолжало темнеть.

Зеленое небо, зеленая трава — все гуще, гуще… Крепкие порывы ветра с неровными промежутками… Деревья ближе… Пение, льющееся с ветвей… Разбегающиеся по небу облака…

Напряжение из мышц уходит, его сменяет привычная упругая сила… Ступая по палым, продолговатым листьям, я миную первое дерево… Прохожу среди темнокорых стволов… Путь, которым я двигаюсь, хорошо утоптан, это уже тропа со следами ног… странных ног… Тропа спускается, делает изгиб, становится шире, опять сужается… Почва по сторонам вздымается… деревья поют голосом скрипки на басовой струне… Лоскутья неба среди бирюзовых листьев… Полосы облаков змеятся серебристыми реками… Небольшие пучки голубых цветов появляются на стенах по сторонам тропы… Стены поднимаются выше моей головы… Тропа становится каменистой… Я спешу дальше…

Тропа моя раздается вширь, постепенно идет на спуск… Еще до того, как я увидел или услышал воду, я чувствую ее запах… Теперь осторожно среди камней… Здесь чуть медленнее… Я поворачиваю и вижу поток, по обе стороны — высокие скалистые берега, метр-другой береговой линии перед подъемом…

Опять сбавляя шаг возле булькающего, искрящегося потока… Вдоль его змеящегося русла… Изгибы, повороты, высокие деревья над головой, лезут корни из стены справа, серо-желтые осыпи среди слоистой основы…

Уступ мой расширяется, стена становится ниже… Больше песка, камни под ногами все реже… Ниже, еще ниже… На уровне головы, на высоте плеча… Еще один поворот, дальше покатый склон… На уровне пояса… Зеленолистные деревья повсюду вокруг меня, синее небо над головой, далеко справа плотно утоптанная тропа… Я взбираюсь на склон, иду…

Деревья и кусты, птичьи трели, прохватывающий ветерок… Я втягиваю воздух, шагаю шире… Перехожу деревянный мост, шаги

отдаются эхом, ручей скрывается с глаз, оставив в залог прохладу да поросшие мхом валуны… Справа от меня низкая каменная стена… Впереди катит фургон…

По обе стороны полевые цветы… Звук далекого смеха отражается эхом… Ржание лошади… Скрип телеги… Поворот влево… Дорога шире… Тень и солнечный свет, тень и солнечный свет… Пестро, пестро… Слева река, разливаясь, искрясь… Пелена дыма над холмом — не этим, другим…

Я сбавляю скорость, приближаясь к вершине. Дохожу до нее уже шагом, сбиваю с одежды пыль, приглаживаю ладонью волосы, в руках и ногах покалывает, легкие работают, как насос, полосы пота меня холодят. Я сплевываю песок. Подо мной, справа — деревенская гостиница, несколько столов на широкой, грубо срубленной веранде, фасадом на реку; еще несколько столов — в саду рядом. Привет-привет, настоящее время. Я прибыл.

Спустившись вниз, я отыскал колонку у дальнего края здания, вымыл лицо и руки — левое предплечье все еще ныло и немножко горело там, где меня приласкала Джасра. Затем я прошел к веранде и занял небольшой стол, помахав женщине из обслуги, которую заметил внутри. Немного погодя она принесла мне овсянку, сосиски, хлеб, масло и яйца, земляничное варенье и чай. Все это я быстро прикончил и попросил повторить. На втором круге я вновь почувствовал себя в норме, сбросил обороты и уже вовсю наслаждался едой, наблюдая, как мимо течет река.

Вот тебе и отдохнул, называется. Я предвкушал некое праздное путешествие, долгий, ленивый отпуск, раз теперь я вроде как не при деле. Единственное, что меня задерживало, — маленькая закавыка с Z, то, с чем, как мне казалось, разделаться можно запросто. А в результате я влип во что-то, чего не понимал, во что-то жуткое и опасное. Прихлебывая чай и чувствуя, как день вокруг становится все теплее, я мог бы, конечно, расслабиться, дать себя убаюкать минутному ощущению покоя. Но я-то знал — все это преходяще. Не могло быть настоящего отдыха, и ни о какой безопасности для меня не могло быть и речи, пока загадка Z не будет решена. Оглядываясь на случившееся, я понял, что ради освобождения, ради разрешения этого дела полагаться лишь на свои реакции нет уже никакого смысла. Пришло время составить план.

Задача выяснить личность Z и убрать его с дороги получила в списке того, что надо узнать и сделать, один из высших приоритетов. Еще выше в списке стояло — установить, какие у Z мотивы. Мое заблуждение насчет того, что здесь действует примитивный псих, растаяло окончательно. Слишком хорошо у Z было поставлено дело, и к тому же он обладал некоторыми

весьма необычными способностями. Я принялся ворошить прошлое в поисках возможных кандидатов. Но хоть и успел припомнить несколько достаточно одаренных, чтобы такое организовать, ни один из них не был особенно дурно против меня настроен. Тем не менее в том странном дневнике Мелмана Янтарь упомянут был. А раз так, то теоретически дело это из личного переходило в разряд семейного и, как я полагал, ставило меня перед неким обязательством привлечь к нему внимание всех остальных. Но поступить так — все равно что клянчить о помощи, сдаться, заявить, что я не сумел устроить собственные дела. А угроза моей жизни была моим личным делом. Джулия была моим делом. Месть за нее тоже будет моим делом. Мне пришлось еще немного обо всем этом подумать…

Колесо-Призрак?

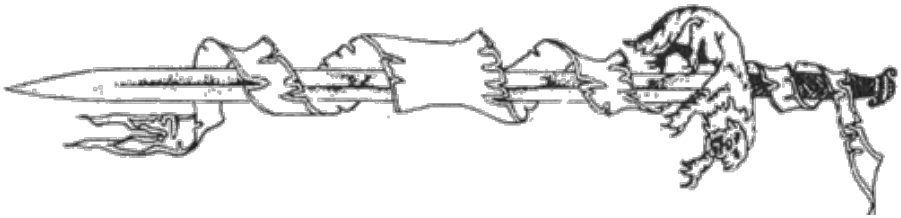
Я обмусолил и отстранил эту мысль, потом снова вернулся к ней. Колесо-Призрак… Нет. Пока не опробовано. Еще доделывается. Единственная причина, по которой оно вообще пришло мне на ум, заключалась в том, что Колесо было моим домашним любимцем, главным моим достижением в жизни, сюрпризом для всех остальных. Я просто искал легкий путь. Нет, пожалуй, надо заняться изучением фактов, и чем больше их будет, тем лучше, а это значит, что сначала мне придется эти факты найти.

Колесо-Призрак…

Сейчас мне нужно как можно больше информации. У меня были карты и дневник. С Козырями я больше дурачиться не хотел, раз уже первый из них оказался чем-то вроде ловушки. Надо еще раз пробежаться по дневнику, хотя, по первому впечатлению, он был слишком уж субъективным, чтобы чем-то помочь. И, пожалуй, стоит вернуться к Мелману и окончательно все проверить, на тот случай, если я что-нибудь пропустил. Затем придется отыскать Льюка и выяснить, не сможет ли он мне еще чего рассказать — хоть что, хоть пустяк — все могло оказаться ценным. Да…

Я набрал в легкие воздуха и потянулся. Еще немного понаблюдал за рекой и, закончив с чаем, отправил Фракир за деньгами, чтобы заплатить за еду, и выбрал более-менее соответствующие. Затем вернулся к дороге. Время пятилось назад.

V



Было уже далеко за полдень, когда я трусцой пробежал вверх по улице и остановился возле своей машины. Я еле узнал ее. Машина была вся в пепле, пыли и мокрых пятнах. Сколько ж меня тут не было? Я не стал прикидывать перепад во времени между здесь и там, но выглядела машина так, будто простояла здесь

около месяца. Хотя, похоже, ее не трогали. Никто из вандалов не…

Взгляд мой уплыл за капот и дальше. Здания, где квартировали покойный Виктор Мелман и «Склады Брута», больше не было. На углу торчал обгорелый, покореженный скелет дома с двумя уцелевшими полуразрушенными стенами. Я направился к ним.

Прогуливаясь, я изучил то, что осталось. Обуглившиеся останки давно остыли и лежали на земле мертвой кучей. Серые полосы и наведенные сажей круги фейери[68] говорили, что вода, которая набралась внутрь, уже испарилась. Запах гари тоже почти не чувствовался.

Интересно, а не от моего ли огня в ванне случился пожар? Нет, не думаю. У меня был небольшой костерок, и я его хорошо упрятал, так что вряд ли огонь пошел дальше.

Пока я там все разглядывал, мимо меня прокрутил педалями паренек на зеленом велосипеде. Через несколько минут он вернулся и остановился возле меня, шагах в десяти. Выглядел он лет на десять.

— А я видел, — сказал мальчишка. — Видел, как горело.

— Когда это было? — спросил я.

— Три дня назад.

— А от чего?

— Что-то на складе, что-то воспло…

— Воспламеняющееся?

— Ага, — сказал он со щербатой улыбкой. — Кажись, сами и подожгли. Из-за страховки.

— Правда?

— Угу. Папа сказал, должно быть, дела шли плохо.

— Это бывает, — ответил я. — А в огне кто-нибудь пострадал?

— Думали, художник сгорел, который жил наверху, потому что его не нашли. Но не видели никаких костей, ничего такого. Хороший огонь был. Долго горело.

— Ночью или днем?

— Ночью. Я вон оттуда смотрел. — Он показал на дом через улицу, в той стороне, откуда я пришел. — Столько воды на него вылили.

— А ты видел, из дома кто-нибудь выходил?

— Не знаю. Я потом стал смотреть, когда уже здорово горело.

Я кивнул и пошел к машине.

— Как вы думаете, а патроны взорвались бы в том огне? — спросил вдруг мальчишка.

— Конечно, — ответил я.

— Нет, они не взорвались.

Я вернулся.

— Ты это о чем?

Он уже рылся в кармане.

— Мы с ребятами вчера тут играли, — объяснил паренек, — и нашли кучу патронов.

Я увидел на его раскрытой ладони несколько цилиндриков из металла.

Как только я сделал шаг в его сторону, он присел и поставил один цилиндрик на мостовую. Потом неожиданно подхватил с земли камень и занес его над предметом.

— Не надо! — закричал я.

Камень ударил по гильзе — и ничего не произошло.

— Тебя же могло поранить… — начал я, но паренек меня перебил.

— Не-а. Эти гады никак не взрываются. Тот розовый порошок можно даже в огонь насыпать. Есть спички?

— Розовый порошок? — спросил я, пока он колошматил камнем по гильзе и вытряхивал из нее розовую пудру.

— Вот, — сказал он. — Смешно, да? Я думал, порох серый.

Я присел на колени и дотронулся до порошка. Растер его между пальцами. Понюхал. Даже попробовал на язык. Черт его знает, что это могло быть.

— Не врубаюсь, — сказал я ему. — Даже не горит, говоришь?

— Никак. Мы положили немножко на газету и сунули в огонь. Так он только плавится и течет.

— У тебя нет парочки лишних?

— Ну… есть.

— Отдашь за один «зеленый»?

Паренек показал мне все свои зубы, включая дырки между ними, пока рука его шарила в кармане джинсов. Я послал Фракир в Тень за заначкой и вынул из пачки доллар. Мальчонка, сграбастав деньги, вручил мне взамен два покрытых копотью «дубль-тридцатых».

— Спасибо, — сказал он.

— На здоровье. А еще что-нибудь интересное попадалось?

— Не-а. Одна зола.

Я забрался в машину и уехал. Я загнал ее на первую же мойку, которая встретилась по пути, потому что дворники только размазали грязь по ветровому стеклу. Пока рубиновые щупальца хлестали вокруг меня в море пены, я проверил, при мне ли еще картонка со спичками, которую дал мне Льюк. При мне. Это хорошо. Снаружи был телефон.

— Алло. Мотель «Нью-Лайн», — ответил молодой мужской голос.

— У вас пару дней назад зарегистрировался Льюкас Рейнар, — сказал я. — Я хочу знать, не оставил ли он что-нибудь для меня. Меня зовут Мерль Кори.

— Минуточку.

Пауза. Шебуршание.

Затем:

— Да, оставил.

— И что там?

— Пакет. Он запечатан. Я бы не хотел…

— Понятно. Я скоро заеду.

Я поехал дальше. Человека с похожим голосом я нашел за столом в вестибюле. Я назвался и заявил права на конверт. Клерк — худощавый блондинчик с щетинистыми усами — с секунду меня рассматривал. Потом сказал:

— Вы увидите мистера Рейнара?

— Да.

Он открыл ящик и вытащил небольшой коричневый конверт, в котором что-то лежало. На нем были написаны имя Льюка и номер комнаты.

— Он не оставил адреса, — объяснил клерк, вскрывая конверт, — а горничная нашла это кольцо на шкафчике в ванной, после того как он съехал. Вы ему передадите?

— Конечно, — ответил я и забрал у него кольцо.

Я расположился в комнате отдыха. Кольцо было из красноватого золота с синим камнем. Я не помнил, чтобы Льюк когда-нибудь такое носил. Я надел кольцо на безымянный палец левой руки; кольцо пришлось в самую пору. Я решил носить его, пока не передам Льюку.

Я развернул письмо, написанное на бланке мотеля, и прочитал:

> Мерль,
>
> жаль, что не получилось с обедом. Я ждал-ждал. Надеюсь, у тебя все о'кей. Утром я отваливаю в Альбукерке. Дня три пробуду там. Затем — в Санта-Фе, тоже дня три. И там, и там остановлюсь в «Хилтоне».[69] Есть кое-что, о чем хотелось бы с тобой переговорить. Пожалуйста, дозвонись.
>
> Льюк.

Хм.

Я позвонил своему турагенту и выяснил, что если потороплюсь, то успеваю вылететь в Альбукерке еще дневным

рейсом. А коль скоро разговор предполагался не телефонный, а с глазу на глаз, то так и сделал. Я заехал в контору, забрал билет, выложив за него наличными, поехал в аэропорт и сказал своей машине «прощай», пока ставил ее на стоянку. Было очень сомнительно, что я когда-нибудь увижу ее опять. Я закинул рюкзак на плечо и двинулся к терминалу.

Дальше все пошло просто и гладко. Лишь только я увидел, как земля подо мной проваливается, я понял, что на этой фазе моего существования действительно можно поставить точку. Как и часто до этого, все было совсем не так, как хотелось. Я думал не затягивать с делом Z, а развязаться с ним как можно скорее или вообще о нем позабыть. А затем посетить людей, которых хотел увидеть, и задержаться в некоторых местах, что интересовали меня уже довольно давно. Затем я бы прошел через Тень для последней проверки Колеса-Призрака, а после направил свой путь под более яркие небеса своего существования. Теперь же мои планы перевернулись — а все из-за того, что Z и смерть Джулии были как-то связаны между собой, да плюс сюда припуталась сила откуда-то из Тени, и этого я просто не понимал.

Последнее беспокоило меня больше всего. Кто знает, не рою ли я сам себе могилу и не подставляю ли заодно под удар друзей и близких из-за собственной гордости? Я хотел уладить все сам, под дружественными небесами, но чем больше я по этому поводу размышлял, тем большее впечатление производили силы противника, с которыми я столкнулся, и тем сильнее угнетала малочисленность моих знаний относительно Z. Было б нечестно не дать знать остальным… раз они, как и я, в опасности. С другой стороны, так хотелось поймать эту тварь самому и отдать им в подарок. Может, я так и сделал бы, но…

Проклятье. Мне придется им рассказать. Если Z до меня все-таки доберется и после переключится на них, им нужно об этом знать. И если это часть какой-нибудь более фундаментальной гадости, им тем более нужно знать. Как бы ни претила мне эта мысль, сказать им придется.

Я наклонился вперед, и моя рука повисла над рюкзаком, стоящим под сиденьем спереди. Нет, решил я, с этим можно и обождать, пока не поговорю с Льюком. Я был вне города и, пожалуй что, вне опасности. Существовала возможность получить пару ниточек от Льюка. Хотя, с другой стороны, перед тем как излагать ему эту историю, лучше бы иметь информации побольше. Нет, подожду немного.

Я вздохнул. Взял у стюардессы стаканчик и сделал глоток. Ехать в Альбукерке на нормальный манер, машиной, было бы слишком долго. Срезать угол через Тень не получилось бы,

потому что я никогда не был там раньше и не знал, как найти город. Плохо. Мне бы хотелось быть там со своей машиной. Льюк, вероятно, сейчас в Санта-Фе.

Я отхлебнул еще и стал рассматривать облака. Наконец я нашел такое, что формой было под стать моему настроению, тогда я вытащил книжку и читал ее до тех пор, пока мы не пошли на посадку. Когда я вновь глянул в иллюминатор, то какое-то время не видел внизу ничего, кроме горных гряд. Хриплый голос

заверил меня, что погода приятная. Я задумался об отце.

Я промаршировал мимо сувенирной лавки, набитой индейскими украшениями, мексиканскими горшками и пошловатыми сувенирами, нашел телефон и позвонил в местный «Хилтон». И узнал, что Льюк уже выехал. Тогда я позвонил в «Хилтон» в Санта-Фе. Он действительно был уже там, но когда ему попробовали перезвонить в номер, Льюка на месте не оказалось. Я зарезервировал комнату для себя и повесил трубку. Женщина в справочном сказала, что я мог бы доехать рейсовым автобусом, отправляющимся до Санта-Фе меньше чем через час, и показала, где купить билет. Санта-Фе — один из немногих столичных городов, где нет аэропорта, это я где-то вычитал.

Пока мы держали курс на север по 1-25, где-то среди удлиняющихся теней в окрестностях Сандия-Пик Фракир чуть-чуть сдавила мое запястье, но миг спустя давление опять ослабло. Снова. Потом еще. Я быстро оглядел небольшой автобус, выискивая опасность, о которой меня предупредили.

Я сидел на задних местах. Впереди, рядом с кабиной, расположилась пара среднего возраста, разговаривающая с техасским акцентом: количество побрякушек из бирюзы и серебряных украшений, которое было на них, прямо-таки подавляло; ближе к середине сидели три пожилые женщины, беседующие о каких-то нью-йоркских делах; через проход от них — молодая парочка, очень занятая друг другом; два молодых человека с теннисными ракетками сидели по диагонали позади них и болтали что-то про колледж; за ними — читала монахиня. Я вновь посмотрел в окно и не увидел ничего особо опасного ни на шоссе, ни рядом. Я не хотел привлекать к себе внимание, что случилось бы непременно, попробуй я нащупать источник опасности.

Так что я, потирая запястье, сказал одно слово на тари, и предупреждения прекратились. И хотя остаток поездки прошел спокойно, случившееся меня встревожило; впрочем, время от времени не обходилось и без ложных тревог — такое тоже бывало, просто из-за природы нервных систем. Наблюдая за полосами красного сланца и красно-желтой земли, мелькающими за окнами, разглядывая арройо с перекинутыми через них мостами, далекие горы и спускающиеся к дороге склоны, поросшие пиниями[70], я не переставал размышлять. Z? Это он где-то там сзади? Выжидает, следит непонятно как? И если это правда — то почему? Не можем ли мы просто сесть и обсудить все за пивом? А вдруг все дело в каком-то недоразумении?

Я чувствовал, что это не недоразумение. Но с меня бы

хватило просто выяснить, в чем дело, даже если б мы ничего не смогли решить. Я даже готов заплатить за пиво.

Свет закатного солнца отразился слепящим блеском от снежных полей Сангре-де-Кристос[71], пока мы въезжали в город; тени скользнули по серо-зеленым склонам, большинство зданий, попавшихся на глаза, были оштукатурены. Когда я шагнул из автобуса к дверям «Хилтона», было градусов на десять прохладнее, чем когда я высадился в Альбукерке. Но я ведь набрал две тысячи футов высоты, и было на час с четвертью ближе к вечеру.

Я зарегистрировался и отыскал свой номер. Попробовал прозвониться к Льюку, но ответа не получил. Тогда я принял душ и переоделся в другой костюм. Затем позвонил еще, но по-прежнему без ответа.

Я был голоден и надеялся пообедать с Льюком.

Я решил отыскать бар и немного развлечься пивом, затем повторить попытку. Я надеялся, что никаких важных свиданий у Льюка на этот день не намечено.

Мистер Бразда, к которому я подошел в вестибюле поинтересоваться, что здесь у них и где, оказался управляющим. Он спросил, как мне мой номер, мы обменялись несколькими любезностями, и он показал коридор, ведущий куда я хотел. Я устремился в том направлении, но цели достичь не успел.

— Мерль! Какого дьявола ты здесь делаешь? — донесся знакомый голос.

Я повернулся и вытаращил глаза на Льюка, который только что вошел в вестибюль. Потный и улыбающийся, он был одет в пыльный «камуфляж» и ботинки, армейское кепи, на лице — полоски от сажи. Мы пожали руки, и я сказал:

— Хотел с тобой поговорить.

Затем:

— Что ты делал? Куда-то завербовался?

— Нет, весь день проторчал на Пекос[72], — ответил он. — Я всегда так поступаю, когда не разъезжаю по дорогам. Очень хорошо действует.

— Как-нибудь попробую, — сказал я. — Теперь, кажется, моя очередь платить за обед.

— Это верно, — ответил он. — Но, надеюсь, ты позволишь мне принять душ и переодеться? Встретимся в баре через двадцать минут. О’кей?

— Ладно. Пока.

Я пошел дальше по коридору и наконец добрался до нужного места. Помещение было средних размеров, сумрачное, прохладное, публики здесь было хоть отбавляй, и размещалась

она в двух соединенных друг с другом залах с низкими удобными на вид креслами и небольшими столиками.

Юная парочка только что освободила угловой столик слева — выпивку они забрали с собой, — чтобы последовать за официанткой в соседний обеденный зал. Я занял их место. Чуть позже подошла официантка из бара, и я заказал пиво.

Так вот посиживая, потягивая пивко и плавая мыслями над извращенно спланированными событиями последних дней, я вскорости обратил внимание, что одна из фигур, то и дело мелькавших мимо, явно имеет на меня какие-то виды. Она приблизилась и остановилась рядом, расположившись с тыла от меня — достаточно далеко, так что я лишь краешком глаза мог отметить чье-то навязчивое присутствие.

Фигура тихо заговорила:

— Прошу прощения. Могу я задать вопрос?

Я повернул голову и увидел тощего коротышку с латиноамериканской внешностью, волосы и усы его отсвечивали сединой. Для местного бизнесмена он был довольно хорошо одет и подстрижен. Я заметил выщербленный передний зуб, когда он в меня стрельнул улыбкой (вышло это как простое подергивание) — первый признак того, что у человека пошаливают нервишки.

— Меня зовут Дэн Мартинес, — сказал он, не предлагая руки. Глянул на кресло напротив меня. — Мог бы я присесть на минуту?

— А в чем дело? Если вы что-то продаете, то меня это не интересует. Я вообще-то жду человека и…

Он покачал головой.

— Нет, ничего такого. Я знаю, что вы ждете человека… мистера Льюка Рейнара. Дело, вообще-то говоря, касается и его.

Я указал на кресло.

— О'кей. Садитесь и задавайте свой вопрос.

Мартинес так и сделал: сел, сцепив ладони и положив их на стол между нами. Наклонился вперед.

— Я подслушал ваш разговор в вестибюле, — начал он, — и у меня сложилось впечатление, что вы очень хорошо его знаете. Не могли бы вы мне сказать, сколько времени вы знаете его?

— Если это все, что вы хотите узнать, — ответил я, — то около восьми лет. Мы вместе кончали колледж и несколько лет после этого работали в одной и той же компании.

— «Гранд Дизайн», — объявил он. — Компьютерная фирма в Сан-Франциско. А до колледжа вы его не знали, а?

— Думаю, вы уже и так разузнали достаточно много, — сказал я. — Что вам все-таки надо? Вы что, коп?

— Нет, — сказал он, — ничего подобного. Уверяю вас, я не собираюсь доставить неприятности вашему другу. Я просто стараюсь избавить от них себя. Позвольте просто спросить вас…

Я покачал головой.

— Никаких расспросов. Я не намерен говорить с незнакомыми людьми о моих друзьях без особых на то причин.

Он расцепил ладони и широко их развел.

— Я не хочу прятаться за кулисами, — сказал он, — я же знаю, что вы все равно ему об этом расскажете. На самом деле мне даже нужно, чтобы вы рассказали. Он знает меня. И я хочу, чтобы он знал, что я повсюду хожу и о нем спрашиваю, понимаете? Это действительно для его блага. Черт возьми, я даже его друга прошу об этом, ведь так? То есть человека, который, чтобы помочь ему, наверняка солжет мне. Да мне ничего особенного не нужно — просто самые обычные сведения…

— Мне тоже ничего особенного не нужно: только знать — почему вы хотите эти сведения получить?

Мартинес вздохнул.

— О'кей, — сказал он. — Он предложил мне… на пробу, понимаете ли… возможность очень интересного вложения. Это большая сумма денег. И есть элемент риска, как в большинстве предприятий по созданию новых компаний в областях, где очень высокая конкуренция. Но возможная прибыль делает это предложение соблазнительным.

Я кивнул.

— И вы хотите знать, честный человек Льюк или нет?

Он хмыкнул.

— Меня не слишком это интересует, — сказал он. — Единственное, что меня тревожит, сможет ли он доставить продукцию без обмана.

Его манера говорить кого-то мне напоминала. Я постарался вспомнить — кого, но не смог.

— А-а, — сказал я, отхлебнув пива. — Я сегодня немного не в себе. Извините. Конечно же, это касается компьютеров.

— Конечно.

— Вы хотите знать, не может ли его нынешний работодатель накрыть его, если он впутается — что бы он там с собой ни привез — в левый бизнес?

— Ну, в общем, да.

— Сдаюсь, — сказал я. — Для ответа на этот вопрос вам нужен другой человек, не я. Интеллектуальная собственность — это слишком хитрая область права. Я не знаю, что он продает, и не знаю, откуда это поставляется, — Льюк много с кем имеет дело. И потом — простите, я же не знаю, какие у вас самих

отношения с законом.

— Я вообще не имел в виду ничего подобного, — сказал он, улыбаясь.

Я улыбнулся в ответ.

— Итак, ваше сообщение принято.

Мартинес кивнул и начал подниматься.

— Ох, еще одно, — сказал он.

— Да?

— Не упоминал ли он какие-нибудь страны, — начал он, заглядывая мне прямо в глаза, — под названием Янтарь или Дворы Хаоса?

Он не мог не заметить моей испуганной реакции, хотя подумал наверняка о другом. Я был уверен, что он мне не поверил, когда услышал мой правдивый ответ.

— Нет, такого я от него никогда не слыхал. А почему вы об этом спрашиваете?

Мартинес покачал головой и, оттолкнув свое кресло, сделал шаг от стола.

— Неважно. Спасибо, мистер Кори. Нус а дхабжун дуилша.

Он был уже за углом. Я вскочил.

— Подождите! — крикнул я во весь голос, так что все на миг замолчали и повернули головы в мою сторону.

— Эй, Мерль! Не убегай! Я уже здесь!

Я повернулся. Льюк как раз входил через дверь позади меня; его волосы еще не успели высохнуть после душа. Он приблизился, хлопнул меня по плечу и опустился в кресло, которое только что занимал Мартинес. Пока я снова усаживался в свое, Льюк кивнул на недопитое пиво.

— Мне одно такое же, — сказал он. — Господи, как пить хочется!

Затем:

— Куда это ты так рванул, когда я входил?

Не очень-то мне хотелось описывать недавнюю встречу, во всяком случае из-за ее странного окончания. Но, похоже, Мартинеса он не видел.

Итак:

— Собрался в сортир.

— Это вон туда, — сказал Льюк, кивая в том направлении, откуда он появился. — Я только что проскочил мимо.

Взгляд Льюка переместился вниз.

— Скажи, это кольцо, которое у тебя…

— А, да, — сказал я. — Ты оставил его в мотеле. Я прихватил его для тебя, когда забирал письмо. Вот, держи…

Я потянул за кольцо, но оно не слезало.

— Кажется, застряло. Забавно. Наделось оно довольно легко.

— Может, палец распух, — сказал Льюк. — Должно быть, это из-за высоты. Мы находимся достаточно высоко.

Он сделал знак официантке и заказал пива, а я тем временем все крутил кольцо.

— Наверно, мне придется тебе его просто продать, — сказал Льюк. — Хорошая сделка.

— Посмотрим, — ответил я. — Через минуту приду.

Он вяло приподнял и уронил руку, пока я выметался.

В «удобствах» никого не оказалось, так что я произнес слово, которое освободило Фракир от связывающего заклинания, наведенного мной в автобусе. Она тут же зашевелилась. Прежде чем я успел отдать следующую команду, Фракир замерцала, раскручиваясь и становясь видимой, заползла по тыльной стороне ладони и обвилась вокруг безымянного пальца. С изумлением я наблюдал, как палец потемнел и заныл от ее упорного сжатия.

Освобождение последовало быстро, и мой палец теперь выглядел так, будто на него намотали нитку. До меня дошло. Я прокрутил кольцо вверх по резьбе, вычерченной на коже. Фракир снова зашевелилась, будто собираясь покорежить палец, и я выдал ей щелчок.

— О'кей, — сказал я. — Спасибо. Иди на место.

Кажется, она на мгновенье замешкалась, но воли моей оказалось достаточно и без более официальных приказов. Фракир отступила по ладони назад, вновь обвила запястье и исчезла.

Я сделал все, что хотел, и вернулся в бар. Усаживаясь, передал Льюку его кольцо и отхлебнул пива.

— Как это ты его снял? — спросил он.

— С мылом, — ответил я.

Льюк завернул кольцо в носовой платок и положил в карман.

— Тогда, полагаю, получить что-нибудь с тебя взамен не удастся.

— Думаю, да. А сам ты его носить не собираешься?

— Нет, это подарок. Знаешь, я, правда, не ожидал, что ты появишься на местных подмостках, — сказал он, зачерпывая пригоршню орешков из плошки, появившейся, пока меня не было. — Я подумал, может, ты просто мне позвонишь, когда получишь письмо, и мы что-нибудь спланируем на потом. Хотя я рад, что ты не позвонил. Кто знает, когда бы вышло это «потом». Видишь ли, у меня есть кой-какие планы, и они начали осуществляться быстрее, чем я думал… вот об этом я и хотел с тобой поговорить.

Я кивнул.

— У меня тоже есть о чем с тобой поговорить.

Он вернул мне кивок.

Еще в туалетной я твердо решил воздержаться от упоминания о Мартинесе, главным образом из-за того, о чем он говорил и на что намекал. Хотя, по большому счету, расклад не выглядел так, будто при этом я мог выгадать для себя какие-то дополнительные преимущества, — просто всегда, когда я с кем-нибудь говорю — пусть даже с друзьями, — я чувствую себя гораздо уютнее, если имею про запас информацию, а собеседник не знает, что она у меня есть. Так что я решил и сейчас придерживаться этого метода.

— Итак, будем цивилизованными и отложим все важное на после обеда, — сказал Льюк, сосредоточенно разрывая салфетку и сминая клочки. — А после пойдем куда-нибудь, где мы сможем поговорить спокойно.

— Мысль хорошая, — сказал я. — Хочешь пообедать здесь?

Он покачал головой.

— Здесь я уже обедал. Кормят вполне прилично, но душа требует перемен. За углом есть одно местечко. Давай я схожу и узнаю, есть ли у них свободный столик.

— О'кей.

Он залпом проглотил свое пиво и отвалил.

…И эта фраза о Янтаре. Кто такой, черт возьми, Мартинес? Необходимость выяснить это была вовсе не пустым любопытством, — мне было совершенно ясно, что он вовсе не тот, за кого себя выдавал. Последние его слова были на тари, моем родном языке. Почему это так и почему это должно быть так, я понятия не имел. Я проклял собственное бездействие, пустившее ситуацию с Z на самотек, да еще так надолго. Все это было в чистом виде плодами моей самонадеянности. Я никак не мог предугадать, что события запутаются в такой клубок. Конечно, они пошли мне на пользу, но радости я от этого не испытывал.

— О'кей, — вылетев из-за угла, сказал Льюк и, покопавшись в кармане, швырнул на стол деньги за выпивку и закуску. — Место для нас есть. Допивай и пошли.

Я допил и пошел за ним. Он провел меня коридорами в вестибюль, оттуда — наружу, и по переходу вывел с другой стороны гостиницы. Мы вышли в благоухающий вечер и через стоянку прошли к аллее, что тянулась вдоль Гвадалупе-стрит. Оттуда до места, где мы пересекли Аламеда, было рукой подать. Там мы дважды перешли улицу и прошагали мимо большой церкви, затем на следующем углу повернули направо. Льюк показал на ресторан под названием «La Tertulia»[73] через улицу и чуть впереди.

— Вот, — сказал Льюк.

Мы опять перешли мостовую и добрались до входа. Это было низкое здание из сырцового кирпича, типично испанское, почтенное и все какое-то элегантное внутри. Мы начали с кувшина сангрии, заказали polio adova[74], хлебный пудинг и много чашек кофе, поддерживая соглашение не говорить во время обеда ни о чем серьезном.

Пока мы ели, с Льюком дважды здоровались какие-то парни, проходившие через комнату, оба раза они задерживались у стола, чтобы выдать несколько любезностей.

— Ты что, знаешь в этом городе каждого? — спросил я его чуть позже.

Он хмыкнул:

— Я тут много работал.

— Правда? Городишко, кажется, не из крупных.

— Да, но это лишь кажется. Это столица штата. Здесь куча народа, покупающего то, что мы продаем.

— Так ты много катаешься?

Льюк кивнул.

— Это одна из самых горячих точек в моем круизе.

— Когда ты успеваешь заниматься своими делами, если всю дорогу шатаешься по лесам?

Он выглянул из-за небольшого редута, который возвел перед собой из посуды. Улыбнулся.

— Это так — маленькое развлечение, — сказал Льюк. — Я устал от городов и контор. Иногда нужно позволить себе сбежать и побродить немного, или поплавать на каноэ или каяке[75], или что-нибудь в этом роде — иначе крыша поедет. Кроме шуток, это одна из причин, по которой я устроил свой бизнес именно в этом городе, — быстрый доступ к куче приятных уголков для таких мероприятий.

Льюк отпил кофе.

— Знаешь, — продолжил он, — такая приятная ночь, что мы просто обязаны покататься. Ты тоже должен ощутить то, про что я тебе только что рассказывал.

— Звучит заманчиво, — сказал я, потягиваясь и оглядываясь в поисках официанта. — Только много ли мы увидим? По-моему, уже слишком темно.

— Нет. Луна выйдет, звезды появятся, воздух — чистоты необыкновенной. Увидишь.

Я взял счет, оплатил, и мы вышли. Да, действительно, поднялась луна.

— Машина на гостиничной стоянке, — сказал он, когда мы двинули вдоль по улице. — Нам сюда.

Он нашел фургон сразу же, как только мы вышли на стоянку,

отпер его и жестом предложил мне забираться. Мы отъехали, свернули за первый же угол, проследовали по Аламеда до Пасео, свернули направо вверх по холму по улице под названием Отеро и по другой к Гайд-парк-роуд. Там движение было уже совсем слабым. Мы проехали знак, говоривший, что мы направляемся к горнолыжному склону.

Пока мы петляли, двигаясь в основном вверх, я почувствовал, как напряжение уходит. Скоро мы оставили позади все признаки человеческого жилья, вокруг были только ночь и покой. Никаких уличных фонарей. Я отдыхал, отрешившись от Z и всего на свете.

Я глянул на Льюка. Он сосредоточенно смотрел вперед на дорогу, брови нахмурены. Тем не менее он почувствовал мой взгляд, потому что тоже расслабился и выстрелил в меня улыбкой.

— Кто начнет первым? — спросил он.

— Валяй, — сказал я.

— О'кей. Когда мы недавно утром разговаривали о том, что ты оставляешь «Гранд Ди», ты сказал, что не собираешься больше ни на кого работать и преподавать тоже не предполагаешь.

— Это верно.

— Ты сказал, что просто хочешь попутешествовать.

— Ага.

— Чуть позже мне пришла в голову одна мысль.

Льюк взглянул в мою сторону, но я продолжал молчать.

— Мне стало интересно, — сказал он, немного выждав, — не мог ли ты поискать работу… или, к примеру, основать собственную компанию, или найти покупателя на что-нибудь, что у тебя есть на продажу. Ты понимаешь, о чем я?

— Ты думаешь, я что-то нашел — такое, чего ни у кого еще нет, — и не захотел отдавать «Гранд Дизайн».

Льюк хлопнул по сиденью рядом с собой.

— Всегда знал, что ты не дурак, — сказал он. — Итак, ты ушел в свободное плавание, чтобы иметь достаточно времени все доделать. Затем отлавливаешь покупателя, у которого кусок хлеба с маслом побольше.

— Осмысленно, — сказал я, — если б и вправду все было так. Но это не тот случай.

Льюк хмыкнул.

— Ладно, — сказал он. — То, что я работаю на «Гранд Ди», не делает из меня их прихвостня. Ты обязан об этом знать.

— Я это знаю.

— И я спрашиваю не просто из любопытства. На самом деле у меня совсем другие намерения. Мне бы очень хотелось увидеть, как ты поднимешься, и поднимешься мощно.

— Спасибо.

— Я мог бы даже помочь тебе кое-чем — серьезно помочь — в этом деле.

— Я начинаю улавливать, Льюк, но…

— Просто выслушай меня, хорошо? Хотя нет, сначала ответь на один вопрос, если, конечно, хочешь: ты ведь ничего ни с кем не подписывал в этом районе, правда?

— Нет.

— Сомневаюсь я. Вообще-то это было бы немного преждевременно с твоей стороны.

Теперь деревья по обочинам были выше, ночной бриз немного свежее. Луна казалась больше и ярче, чем была внизу в городе. Мы миновали еще несколько поворотов, осилили длинную череду «русских горок», поднимаясь выше и выше. Время от времени я замечал мелькающий по левую руку крутой обрыв. Ограждения не было.

— Слушай, — сказал Льюк. — Я не пытаюсь ни во что вмешиваться. Я не прошу тебя что-то делать в память о прежних днях и тому подобное. Это — одно, а бизнес — совсем другое, хотя никогда не вредно делать дела с кем-то, про кого знаешь, что ему можно верить. Вот тебе парочка примеров из жизни. Если у тебя действительно есть какой-то фантастический проект, я уверен, ты сможешь задорого продать его куче народа… если будешь действовать осторожно, дьявольски осторожно. Но вот что я тебе скажу. Как только ты это сделаешь, твой золотой шанс уплывет. Если ты действительно хочешь подбить концы в работе, начинай со своей собственной группы. Посмотри на «Apple»[76]. Если в твоей идее на самом деле есть за что ухватиться, значит, ты всегда ее сможешь продать, причем за гораздо большие бабки, чем те, которые ты получишь, разбазаривая идею по мелочам. Ты, может быть, крутой спец в проектах, зато я знаю рынок. И я знаю людей — по всей стране — людей, которые мне верят достаточно, чтобы дать нам денег, денег — чтобы увидеть, как все это будет раскручено и вынесено на продажу. Дерьмо! Я не собираюсь торчать всю жизнь в «Гранд Ди». Возьми меня — и финансами мы, считай, обеспечены. Ты гонишь продукт, а я погоню дело. Вот единственный способ сварганить что-нибудь крупное.

— Ух ты, — вздохнул я. — Да, парень, это действительно звучит красиво. Но ты идешь по следу бездельника. Мне нечего продавать.

— Кончай! — сказал он. — Ты знаешь, что со мной можно честно. Даже если ты наотрез отказываешься идти по этой дороге, я не намерен доставать тебя разговорами. Приятелей своих я никогда не опускал. Я просто думаю, что ты совершишь ошибку,

если не доделаешь все сам.

— Льюк, я имел в виду только то, что сказал.

Он немного помолчал. Затем я опять почувствовал на себе его взгляд. Когда я посмотрел на него, то увидел, что он улыбается.

— О чем ты хочешь спросить? — сказал я.

— Что такое Колесо-Призрак?

— Что?

— Совершенно секретно, тайное тайных, проект Мерля Кори. Колесо-Призрак, — ответил он. — Компьютерный проект, замешанный на дерьме, которого никто раньше не видел. Жидкие полупроводники, криогенные резервуары, плазма…

Я рассмеялся.

— Мой бог! — сказал я. — Это шутка, вот что это такое. Просто безумное хобби. Это была проектная игра — машина, которую никогда нельзя построить на Земле. Ну, может быть, какую-то часть и можно. Но она не будет работать. Это что-то вроде рисунков Эсхера[77] — на бумаге выглядит замечательно, но в реальной жизни невыполнимо.

Затем, поразмыслив с минуту, я спросил:

— Откуда ты вообще об этом узнал? Я никогда никому не говорил.

Льюк прочистил горло, пока вписывался в еще один поворот. Луна добралась до вершин деревьев. На ветровом стекле появилось несколько капель влаги.

— Ну, насчет того, что ты все держал в секрете, — это уж как сказать, — ответил Льюк. — Всякий раз, когда я бывал у тебя, твой стол и чертежная доска были завалены рисунками, графиками, записками. Не хочешь, а заметишь. Большинство из них было помечено: «Колесо-Призрак». А ничего подобного в «Гранд Ди» я у тебя не замечал, поэтому и решил, что этот проект ты делаешь для своего удовольствия и как пропуск в светлое завтра. Ты никогда не производил на меня впечатление непрактичного мечтателя. Так ты уверен, что не обманываешь меня?

— Если бы мы прямо сейчас засели и построили с тобой все, что уже спроектировано, — ответил я честно, — эта штука с жутко загадочным видом уже торчала бы рядышком с нами и ни хрена бы не делала.

Льюк покачал головой.

— Отдает упрямством, — сказал он. — На тебя не похоже, Мерль. Какого черта ты тратил время, конструируя машину, которая не может работать?

— Упражнение по теории дизайна… — начал я.

— Извини, но это дерьмо собачье, — сказал он. — Ты хочешь

сказать, что во вселенной нет такого места, где бы эта чертова штука не стала бы выпендриваться?

— Я этого не говорил. Я пытаюсь тебе объяснить, что сконструирована она для работы в причудливых, чисто гипотетических условиях.

— О-о. Другими словами, если я найду какое-нибудь похожее местечко, в другом, например, мире, то мы сможем подняться?

— Ну… да.

— Таинственности тебе не занимать, Мерль. Ты в этом уверен?

— Угу.

— Еще одна мечта обратилась в дерьмо. Ну что ж… Скажи, есть в этом что-нибудь новое, что реально приспособить «к здесь и сейчас»?

— Нет. Здесь она работать не сможет.

— И все-таки что такого особенного в ее работе?

— Куча теоретического хлама, включающая пространство, время и некоторые понятия о ребятах по имени Эверетт и Уилер[78]. Она поддается лишь математическому объяснению.

— Ты уверен?

— Да вообще-то какая разница? У меня нет продукта, у нас нет компании. Извини. Скажи Мартинесу со товарищи, что эта дорога ведет в тупик.

— Да? А кто такой Мартинес?

— Один из твоих потенциальных инвесторов в «Кори и Рейнар, Инкорпорейтед», — сказал я. — Дэн Мартинес — средних лет, низкорослый, прилично выглядит, на переднем зубе щербинка…

Льюк нахмурился.

— Мерль, я ни черта не врубаюсь, о ком ты говоришь.

— Этот тип подошел ко мне, пока я ждал тебя в баре. Похоже, он о тебе много чего знает. То, что он спрашивал, примерно похоже на одну из немногих ситуаций, которые ты только что описал. И я так понял по его поведению, будто ты уже подкатывался к нему по поводу инвестиций в дело.

— Понятно, — ответил он. — Я такого не знаю. Чего же ты раньше мне не сказал?

— Он смылся, а потом ведь у нас был уговор — никаких дел до обеда. И вообще, откуда я знал, что это так важно. Тем более он сам попросил меня поведать тебе, что он интересуется тобой.

— Что его интересовало конкретно?

— Не мог ли ты осуществить поставку незаложенного компьютерного хозяйства и удержать инвесторов от суда — вот что я понял из разговора.

Льюк хлопнул рукой по баранке.

— Бессмыслица какая-то, — сказал он. — Причем полная.

— Я еще подумал, что, может быть, его специально наняли провести расследование — или просто припугнуть тебя и дать знать, что с людьми, о которых ты говорил, ну, теми, которые в это дело вложились, следует вести себя честно.

— Мерль, ты думаешь, я такой идиот, что потратил зазря кучу времени, выкапывая инвесторов, прежде чем не удостоверился, есть ли во что вкладывать деньги? Кроме тебя, я ни с кем об этом не говорил и, думаю, вообще больше говорить не буду. Кто он, по-твоему, такой? Чего ему было надо?

Я покачал головой, но вспомнил те несколько слов на тари.

Почему нет?

— Еще он спросил, не слышал ли я, чтобы ты когда-нибудь упоминал страну под названием Янтарь.

Когда я это сказал, Льюк смотрел в зеркало заднего обзора и так дернул баранку, что машина внезапно вильнула.

— Янтарь? Это что, шутка?

— Нет.

— Странно. Тогда, скорее всего, совпадение…

— Что?

— На прошлой неделе я слышал упоминание о стране грез под названием Янтарь. Но никому ни разу не повторял. Это была просто пьяная болтовня.

— Кто? Кто это сказал?

— Один знакомый художник. Мозги набекрень, но парень очень талантливый. Его зовут Мелман. Мне вполне нравится, как он рисует, я даже купил кое-что из его работ. Я заехал посмотреть, не сделал ли он чего новенького, пока меня не было в городе. Картин никаких не было, но я все равно просидел у него допоздна, мы разговаривали, пили и курили ту дрянь, которая у него была. Он здорово набрался под занавес и стал говорить о магии. Я имею в виду не карточные трюки. Всякие ритуалы, понимаешь?

— Да.

— Ну, а чуть погодя он мне кое-что показал из этого репертуара. Может, все потому, что я тоже сильно поддал, но, честное слово, получалось у него будьте-нате — он левитировал[79], вызывал столбы огня, заклинал, материализовал чудищ. Наверное, в том, что он мне подсунул, была «промокашка»[80]. Но убей меня, это было весьма похоже на правду!

— Угу.

— Короче говоря, — продолжал Льюк, — он упоминал что-то

вроде города-архетипа. Не могу сказать, на что он в его речах был больше похож — на Содом с Гоморрой или на Камелот[81], — каких только прилагательных он не использовал. Он называл этот край Янтарем и сказал, что управляется он семьей полупсихов, сам город населен ублюдками и каким-то людом, чьи предки пришли из других мест века назад. Тени семьи и города вроде бы действуют в большинстве основных легенд, ну и тому подобная чепуха. Я так и не выяснил, то ли это была такая метафора — он вообще ими сыпал напропалую, — или же он и на самом деле во все это верит. От него я и услышал про эти края.

— Интересно, — сказал я. — Мелман умер. А дом его сгорел несколько дней назад.

— Я не знал. — Он опять заглянул в зеркало. — Вы были знакомы?

— Встречались… после того, как ты уехал в последний раз. Кински сказал, что Джулия у него бывала, и я ходил выяснять, что он может рассказать о ней. Видишь ли… ну… Джулия умерла.

— Как это случилось? Я видел ее на прошлой неделе.

— Самым жутким образом. Ее убило какое-то странное животное.

— Господи!

Льюк вдруг затормозил и съехал с дороги на широкую обочину. За ней начинался довольно крутой, поросший деревьями склон. Среди стволов вдалеке я разглядел крошечные огоньки города.

Льюк вырубил двигатель и погасил фары. Потом вынул из кармана «дарэмовскую» табачную пачку и принялся скручивать сигарету. Я мельком увидел, что он снова смотрит на зеркало.

— Что это ты так часто в него заглядываешь?

— Я почти уверен, что всю дорогу от «Хилтона» за нами едет машина. Большей частью она держалась в нескольких поворотах позади. А сейчас, похоже, исчезла.

Он зажег сигарету и открыл дверь.

— Выйдем подышим воздухом.

Я пошел за ним, и несколько минут мы стояли, разглядывая открывшийся перед нами простор; лунный свет лился так ярко, что тени некоторых деревьев почти дотягивались до нас. Льюк бросил сигарету и затоптал.

— Дерьмо! — сказал он. — Слишком все это запутано! Я знал, что Джулия водится с Мелманом, о’кей? Я пошел ее проведать вечером после того, как встречался с ним, о’кей? Я даже передал ей небольшой пакет, который он просил ей отдать, о’кей?

— Карты, — сказал я.

Льюк кивнул.

Я вытащил их из кармана и протянул ему. Он глянул на них мельком в том сумраке, который нас окружал, и опять кивнул.

— Они, — сказал он. Затем: — Тебе она все еще нравилась, так ведь?

— Да, наверное, нравилась.

— Ох, дьявол, — вздохнул он. — Ладно. Есть некоторые вещи, о которых мне придется тебе рассказать, дружище. Не все из них покажутся тебе приятными. Погоди минуту, я их должен немного разложить по полочкам. Ты уже впутал меня в одну большую проблему — или я сам впутался, поскольку кое-что для себя уже решил.

Льюк пнул камешки, и они покатились с холма.

— О'кей, — сказал он. — Во-первых, отдай мне карты.

— Зачем?

— Я хочу разорвать их на конфетти.

— Черта с два ты это сделаешь. Зачем?

— Они опасны.

— Это я уже знаю. И буду держать их крепко.

— Ты не понимаешь.

— Так объясни.

— Это не так-то просто. Мне придется решить, что я могу сказать, а что нет.

— Почему бы просто не рассказать мне все?

— Не могу. Поверь мне…

Как только прозвучал первый выстрел — пуля срикошетила от камня справа от нас, — я повалился на землю. Льюк — тот падать не стал. Он побежал зигзагами к роще деревьев по левую руку, откуда раздалось еще два выстрела. В ладони у него что-то блеснуло, и он это уже держал перед собой.

Льюк сделал три выстрела. Наш противник — еще один. После второго выстрела Льюка я услышал, как кто-то сдавленно вскрикнул. К тому времени я был на ногах и бежал туда с камнем в руке. После третьего выстрела я услышал шум упавшего тела.

Я добрался до Льюка, когда он уже переворачивал тело, и успел заметить, как нечто вроде легкого облачка голубого или серого тумана вылетело изо рта мужчины, поднялось над его выщербленным зубом и уплыло прочь.

— Что это была за чертовщина? — спросил Льюк, пока оно уплывало.

— Ты тоже видел? Не знаю.

Льюк посмотрел вниз, на обмякшую фигуру с темным пятном, расплывающимся по груди на рубашке; рука Льюка все еще продолжала сжимать револьвер тридцать восьмого калибра.

— Не знал, что ты носишь оружие, — сказал я.

— Когда бываешь на дороге столько, сколько я, поневоле начнешь вооружаться, — ответил он. — Я покупаю новый в каждом городе, куда приезжаю, а при выезде продаю. Из — за службы безопасности в аэропортах. Полагаю, что этот уже продать не удастся. Я никогда не видел этого парня, Мерль. А ты?

Я кивнул:

— Это Дэн Мартинес, человек, про которого я тебе рассказывал.

— Надо же, — сказал он. — Дело запутывается все больше. Может, мне стоит уйти в монастырь к дзен-буддистам и убедить себя, что все это не так важно[82]. Я…

Вдруг Льюк стукнул себя пальцами по лбу.

— Ого, — сказал он затем. — Мерль, ключи в замке зажигания. Садись в машину и езжай сейчас же в отель. Оставь меня здесь. Скорее!

— Что происходит? Что…

Он поднял курносый автоматический пистолет и направил ствол на меня.

— Ну же! Заткнись и уходи!

— Но…

Льюк опустил дуло и всадил пулю в землю между моих ступней. Затем прицелился мне в живот.

— Мерлин, сын Корвина, — сказал он сквозь сжатые зубы, — если ты сейчас же не свалишь, ты — покойник!

Я внял совету, устроив салют из гравия и оставив несколько полос плавленой резины, когда выходил из лихого поворота. Прогромыхал по холму и пробуксовал по кривой направо. На следующем повороте влево я сбавил скорость. Затем остановился.

С дороги я съехал на левую обочину, к подножию утеса, сминая земляничную поросль. Я вырубил фары и двигатель и поставил машину на ручной тормоз. Тихо открыл дверь и, выскользнув наружу, так же тихо ее притворил. В таких местах звуки разносятся далеко.

Я пошел назад, придерживаясь правой обочины — более темной. Было очень тихо. Я свернул первый раз и направился к следующему повороту. Что-то летало между деревьями. Кажется, сова. Приближаясь ко второму повороту, я был вынужден пойти медленнее — только бы не наделать шума.

Тот последний поворот я преодолел уже на всех четырех, воспользовавшись прикрытием — камнями и листвой. Затем я остановился и осмотрел участок, где стояли мы с Льюком. В поле зрения — ничего. Я медленно и осторожно приблизился, готовый замереть, пригнуться, зарыться носом в землю или удариться в

бега — как потребует ситуация.

Все было недвижно, кроме ветвей на ветру. Никого.

Я приподнялся и продолжил движение, все так же медленно и все так же прячась.

Пусто. Он куда-то делся. Я продвинулся еще, вновь остановился и прислушивался по меньшей мере минуту. Ни один звук не выдал никакого движения.

Я пересек прогалину, где упал Мартинес. Тело исчезло. Я обошел весь участок, но не смог найти ничего, что дало бы мне хоть какой-то намек относительно того, что случилось сразу после моего ухода. Я подумал: а может, крикнуть, — но так и не смог подыскать причину, зачем, собственно, мне кричать. Ну, не смог — и не смог.

Без приключений я вернулся к машине, залез внутрь и поехал в город. Что же, черт возьми, происходит? Но сколько я ни ломал голову, на ум так ничего и не пришло.

Я оставил фургон на стоянке возле отеля, почти в том же самом месте, где он был припаркован раньше. Затем я вошел в отель, дошел до комнаты Льюка и постучал в дверь. На самом деле ответа я ждать не собирался, но приличия вроде как требовали выполнить некоторые предварительные действия, прежде чем взломать дверь и войти.

Я был осторожен и вышиб только замок, оставив саму дверь и косяк нетронутыми, потому что мистер Бразда, похоже, был славным парнем. Это отняло чуть больше времени, но поблизости никого не было. Я протянул руку внутрь, зажег свет, окинул комнату быстрым взглядом и поспешно скользнул внутрь. Несколько минут я стоял и прислушивался, но из коридора не доносилось никаких звуков.

Голо и одиноко. Чемодан на полке, пустой. Одежда висит в шкафу — в карманах ничего, кроме двух картонок спичек, ручки и карандаша. Еще кое-какие вещи и нижнее белье — в ящике. Туалетные принадлежности — в несессере или аккуратно разложены по местам. Больше ничего особенного. На ночном столике экземпляр «Стратегии» Б. Х. Лиделла Гарта[83], закладка — примерно на трех четвертях книги.

«Камуфляж» был брошен в кресле, рядом стояли пыльные ботинки, а возле них валялись носки. Внутри ботинок ничего, кроме пары эластичных бинтов. Я пошарил в карманах рубашки, те поначалу показались пустыми, но затем мои пальцы обнаружили в одном из них несколько небольших белых бумажных шариков. Сбитый с толку, я некоторые из них развернул. Таинственные секретные послания? Нет… Какой

смысл зарабатывать паранойю, тем более вскоре несколько коричневых крошек сами ответили на вопрос. Табак. Это были обрывки папиросной бумаги. Очевидно, он сворачивал самокрутки, когда бродил по этим диким местам. Я вспомнил несколько прогулок вместе с ним в прошлом. Никогда он не был таким опрятным.

Я осмотрел штаны. В одном боковом кармане лежала влажная банданна[84], в другом — расческа. Правый передний карман пустой, в левом завалялся одинокий патрон. Повинуясь импульсу, я сунул его в карман, затем пошел посмотреть за ящиками и под матрасом. Я даже заглянул в туалетный бачок. Ничего. Ничего, что объяснило бы его странное поведение.

Оставив ключи от машины на ночном столике, я ушел и вернулся в свой в номер. Меня не заботило, что он догадается о моем вторжении. Эта мысль мне даже понравилась. Меня обозлило, что Льюк рылся в моих бумагах о Колесе-Призраке. К тому же он задолжал мне чертовски подробное объяснение о своем поведении в горах.

Я разделся и принял душ, лег в кровать и потушил свет. Если бы мне нравилось оставлять улики, я б оставил Льюку записку, но, кроме всего прочего, я очень сильно подозревал, что он уже не вернется.

VI

Он был плотно скроенным коротышкой с лицом, чуть подпорченным нездоровым румянцем, темные волосы были тронуты сединой и немного просвечивали на макушке. Я сидел в кабинете его полудеревенского дома в северном пригороде Нью-Йорка, потягивал пиво и пересказывал ему свои проблемы. За окном стояла ветреная, вся в звездах ночь, и слушатель из него был хороший.

— Значит, говоришь, на следующий день Льюк так и не показался, — сказал он. — А письмо? Письма он тебе не прислал?

— Нет.

— Что ты делал в тот день? Только подробно.

— Утром я обыскал его комнату. Там все было точно так же, как когда я ее оставил. Я специально посмотрел на полке для писем. Ничего, как я и говорил. Затем я позавтракал и проверил еще раз. Опять ничего. Потом я довольно долго гулял по городу. Вернулся чуть позже полудня, съел ленч и опять наведался к нему

в комнату. То же самое. Тогда я позаимствовал ключи от его машины и поехал на то место, куда мы ездили ночью. Никакого намека на что-нибудь необычное, хотя был день и света вокруг хватало. Я даже спустился по склону вниз и походил вокруг. Ни тела, ничего. Я поехал обратно, положил на место ключи, до обеда мотался вокруг отеля, а потом позвонил вам. После того, как вы согласились меня принять, я заказал билет и пораньше лег спать. Утром доехал рейсовым автобусом до Альбукерке, а оттуда самолетом сюда.

— Утром проверял ты его комнату?

— Да. Ничего нового.

Он покачал головой и вновь зажег трубку.

Его звали Билл Ротт, он был другом моего отца, а заодно и его адвокатом, когда отец жил здесь. Вероятно, он был единственным человеком на Земле, кому папа доверял, и я ему тоже верил. За восемь лет я побывал у него несколько раз, — самый последний, и самый несчастливый — полтора года назад во время похорон его жены Элис. Я рассказал ему историю отца, как сам услышал ее из его собственных уст у порога Дворов Хаоса: у меня создалось впечатление, что отец хотел, чтобы Билл знал об этих событиях. Должно быть, мой папа чувствовал: он должен по-своему расплатиться за всю ту помощь, что Билл ему оказал. И тот, похоже, и вправду поверил и понял. Но ведь папу он знал гораздо лучше, чем я.

— Я тебе уже говорил, насколько ты похож на отца.

Я кивнул.

— Даже не в наружности дело, — продолжал он. — Пока он жил здесь, у него была привычка возникать нежданно-негаданно, подобно пилоту подбитого истребителя. Я никогда не забуду ту ночь, когда он явился верхом на коне с мечом у пояса и заставил меня искать пропавшую кучу компоста.

Билл хмыкнул.

— Теперь вдруг ты являешься с рассказом, который вынуждает меня поверить, будто ящик Пандоры открылся вновь[85]. Почему бы тебе, как всякому приличному молодому человеку, не прийти ко мне, скажем, по вопросам развода? Или чтобы я составил тебе завещание или, к примеру, оформил какую-нибудь доверенность? Или, там, соглашение о партнерстве? Словом, что-нибудь в этом роде. Так нет, все выглядит так, будто это очередная проблема Карла[86]. Даже то дело, которым я занимался когда-то для Янтаря, кажется по сравнению с этим весьма спокойным и добропорядочным.

— Вы имеете в виду Соглашение… когда Рэндом послал Фиону с копией Пакта о согласии к Суэйвиллу, Королю Хаоса, ее

— чтобы переводить, а вас, чтобы поискать лазейки?

— Да, именно его, — сказал он. — Хотя к завершению дела я выучил ваш язык и чуть не сломал свой. Затем Флори захотелось вернуть свою библиотеку — тоже, между прочим, та еще работенка, — а потом разгорелось древнее пламя — то ли воссоединения, то ли мести, я так и не понял. Хотя платили мне хорошо. Я даже дом купил на Палм-Бич[87]. Затем… о, дьявол. Пока я работал там, я начал уже подумывать, а не добавить ли мне на визитной карточке: «Юрисконсульт при Дворе Янтаря». Но такую работу понять еще можно. Я во все времена делал что-то подобное и на земном уровне. Но в твоем деле замешаны черная магия и внезапная смерть, которая, кажется, всю дорогу сопутствовала твоему отцу. Меня это до смерти пугает, и я даже не знаю, что тебе посоветовать.

— Ну, черная магия и внезапные смерти — это тоже, полагаю, по моей части, — заметил я. — Хотя, вы правы, они могли слишком сильно зачернить мои мысли. Вы смотрите на вещи совсем по-иному, нежели я. По определению, слепое пятно — это то, чего вы не осознаете. Что я мог бы здесь упустить?

Билл отхлебнул пива и опять зажег свою трубку.

— О’кей, — сказал он. — Твой приятель Льюк… он откуда?

— Откуда-то со Среднего Запада, что-то такое он говорил: Небраска, Айова, Огайо — в общем, там.

— М-м. Чем занимался его родитель?

— Он никогда об этом не говорил.

— Есть у него братья? Сестры?

— Не знаю. И об этом он тоже не говорил.

— И тебя это ни разу не удивило? За все восемь лет, которые вы знакомы, — ни словом не обмолвиться о своей семье или о родном городе?

— Нет. В конце концов, о своих я тоже не говорил ни разу.

— Это неестественно, Мерль. Ты вырос в странных землях и не мог о них говорить. У тебя были причины менять тему разговора и избегать подробностей. У него, очевидно, — тоже. И еще — когда ты появился, ты даже не знал точно, как ведет себя большинство людей. Но неужели ты вообще им не интересовался?

— Интересовался, конечно. Но он уважал мою скрытность. И я не мог ему в этом уступить… Можно сказать, у нас было своего рода молчаливое соглашение, что такие темы мы не затрагиваем.

— Как вы познакомились?

— Мы были на первом курсе, и у нас было много занятий по одним и тем же предметам.

— И вы оба были в городе новичками, оба не имели друзей. Ты сразу же почувствовал в нем такого же…

— Нет. Сначала мы почти не разговаривали. Мне казалось, что он надутый индюк, который считает себя в десять раз лучше любого другого. Мне он не нравился, и, соответственно, я — ему.

— Почему?

— То же самое он думал про меня.

— Итак, вы лишь со временем сообразили, что оба были не правы?

— Нет. Оба мы были правы. Мы и узнали-то друг друга благодаря этой нашей взаимной неприязни. Если я делал что-то… ну, выдающееся, он пытался меня каждый раз переплюнуть. И наоборот. Мы дошли до того, что занимались одним и тем же спортом, назначали свидания одним и тем же девушкам, старались побить друг друга по всем статьям.

— И?..

— Где-то в процессе этого мы начали уважать друг друга. Когда мы оба вышли в финал Олимпиады, что-то переломилось. Помню, как мы стали хлопать друг друга по спине и смеяться, а потом пошли вместе обедать, и всю ночь просидели за разговором, и он сказал, что и кучи дерьма не дал бы за эти Олимпиады, а я сказал, что даже и этого бы не дал. Он сказал, что просто хотел показать мне, что он лучше, а теперь ему это вообще не важно. Он решил, что мы оба друг друга стоим и что следует оставить вопрос как есть. Я чувствовал в точности то же самое и сказал ему это. Вот тогда мы и стали друзьями.

— Это я могу понять, — сказал Билл. — Это особый вид дружбы. Вы друзья в определенных обстоятельствах.

Я рассмеялся и сделал глоток.

— А у других не так?

— Поначалу — да, так. В некоторых случаях — всегда так. Ничего неправильного в этом нет. Просто ваша дружба кажется более специфичной, чем у большинства.

Я медленно кивнул.

— Может быть.

— Ладно, мы все еще далеки от сути. Итак, двое парней сблизились так, как вы… и скрывают при этом друг от друга свое прошлое.

— Полагаю, вы правы. Что же из этого следует?

— Ты — не нормальное человеческое существо.

— Нет, я — нет.

— Но я не уверен, что Льюк — нормальное.

— Тогда какое?

— Это уж вопрос по твоей части.

Я кивнул.

— Кстати, — продолжал Билл, — в этом деле меня вот еще

что беспокоит.

— Что?

— Этот парень Мартинес. Он отправился следом за вами в какую-то глухомань, подкрался, открыл огонь. За кем он охотился? За вами обоими? Только за Льюком? Или же за тобой?

— Не знаю. Трудно сказать, кому из нас предназначался первый выстрел. Но потом он стрелял в Льюка — потому что Льюк стрелял в него, и он просто защищался.

— Это верно. Но если он — Z или его агент, зачем он затеял этот разговор в баре?

— Теперь у меня возникает такое впечатление, что весь этот его треп — просто хитро подстроенная уловка для его заключительного вопроса: знает ли Льюк об Янтаре.

— И твоя реакция даже более, чем утвердительный ответ, дала ему повод подумать, что тот знает.

— Ну, Льюк — он явно об этом знает… хотя бы судя по тому, как он обратился ко мне под занавес разговора. Вы думаете, он действительно стрелял в кого-то из Янтаря?

— Все может быть. Но ведь Льюк не из Янтаря?

— Я никогда не слышал о ком-нибудь, на него похожем, в те времена, которые провел в Янтаре после войны. И у меня была куча лекций по генеалогии. Мои родственники становятся вроде кумушек на посиделках, когда дело доходит до копания в подобных вещах, — хотя, по сути, они не могут даже точно решить, кто старше, потому что некоторые из них родились в различных потоках времени. Но уж в дотошности им зато не откажешь… В Хаосе, между прочим, к этому относятся гораздо спокойнее.

— Хаос! Вот именно! У тебя же достаточно родственников на той стороне! Может…

Я покачал головой.

— Не получается. Там я знаю о семье даже больше. По-моему, так я знаю просто всех, кто способен манипулировать Тенью и умеет ее пересекать. Льюк — к ним не относится и…

— Подожди минуту! Во Дворах ведь есть люди, которые могут ходить в Тени?

— Да. Или оставаться в одном месте и переносить к себе разные предметы из Тени. Это вроде изнанки…

— Я думал, чтобы обрести такую силу, надо сперва пройти Образ.

— Там есть эквивалент, который называется Логрус[88]. Это нечто вроде непредсказуемого лабиринта. Он все время перемещается. Очень опасен. Временно сбивает с катушек. Не очень-то веселая штука.

— Так ты его что, прошел?

— Да.

— И Образ тоже?

Я облизнул губы, вспоминая.

— Да. И чуть не откинул сандалии. Сугуи думал, что меня пришибет, но Фиона считала, что я смогу его одолеть, если она поможет. Я был…

— Кто такой Сугуи?

— Он — Мастер Логруса. И к тому же мой дядя. Он считал, что Образ Янтаря и Логрус Хаоса несовместимы, что я не могу нести в себе образы и того и другого одновременно. Рэндом, Фиона и Джерард сводили меня посмотреть на Образ. Затем я снесся с Сугуи и дал посмотреть ему. Он сказал, что они кажутся антитетичными[89], в основе своей несовместимы, и что меня вообще уничтожит при попытке его пройти или Образ изгонит из меня изображение Логруса — но первое вероятней. А Фиона сказала, что Образ способен заключить в себя все на свете, даже Логрус, и из того, что она успела узнать о Логрусе, он способен проложить себе путь вокруг чего угодно, даже Образа. В общем, они оставили все на меня, а я знал, что Образ пройти мне придется. Что я и сделал. Я прошел его и по-прежнему несу в себе Логрус, так же как и Образ. Сугуи признал, что Фиона была права, и он пришел к выводу, что это идет от моих родителей. Хотя она с ним не согласилась…

Билл поднял руку.

— Обожди минуту. Я не понимаю, как ты привел своего дядю Сугуи в подвалы Янтарного Замка для мгновенной оценки и сравнения.

— У меня есть набор Козырей Хаоса, наподобие Янтарных, для связи с родственниками из Хаоса.

Он покачал головой.

— Все это прекрасно, но мы отклоняемся. Есть еще кто-нибудь, кто умеет ходить по Тени? Или, может быть, есть какие-нибудь другие способы ее преодолевать?

— Да, способы есть. Существуют магические существа, вроде единорога, которые могут просто бродить где захотят. И можно идти сквозь Тень следом за идущим по Тени или за магическим существом, пока можешь проследить его путь, неважно, кто ты такой. Что-то вроде Томаса Рифмача из баллады[90]. Один идущий по Тени может провести за собой целую армию. А есть еще обитатели различных Теневых королевств, непосредственно примыкающих к Янтарю и Хаосу. И там появляются могущественные колдуны, просто из-за близости этих миров к центрам сил. Некоторые из колдунов, посильнее, становятся

адептами в этом деле… но их образы Образа или Логруса всегда уступают настоящим, так что они никогда не бывают настолько же хороши. Но, с другой стороны, им не нужна инициация, чтобы входить в Тень. Границы раздела Тени там самые легкопроходимые. Мы даже торгуем с этими королевствами. И проложенными маршрутами со временем ходить все легче и легче. Хотя сойти с них сложнее. Но известно, что по ним проходили даже большие отряды с разбойными намерениями. Вот почему мы и установили патрули. Джулиэн — в Ардене, Джерард — на море, и так далее.

— А еще способы есть?

— Ну… теневая буря.

— Что это?

— Такое природное явление, — правда, оно мало изучено. Лучшее сравнение, какое приходит в голову, — тропическая гроза. Одна из теорий связывает их происхождение с волнами, расходящимися из Янтаря и Хаоса, которые формируют природу теней. Как бы то ни было, когда поднимаются подобные бури, они могут пронестись над большим количеством теней, прежде чем выдохнутся. Иногда они вызывают множество разрушений, иногда почти ничего. Но пока длится такая буря, вместе с ней чего только не переносится.

— И люди?

— Такое тоже случалось.

Билл прикончил пиво. Я — вдогонку — свое.

— А что с Козырями? — спросил он. — Кто-нибудь мог узнать, как ими пользоваться?

— Да.

— Сколько существует колод?

— Я не знаю.

— Кто их делает?

— Во Дворах есть несколько мастеров. Я тоже выучился там. В Янтаре это Фиона и Блейс… и, по-моему, они научили Рэндома…

— Эти колдуны, о которых ты говорил… из соседних королевств… Мог бы кто-то из них сделать козырную колоду?

— Мог, конечно, но их Козыри не обладали бы такой силой. Я так понимаю: чтобы делать Козыри должным образом, надо сначала пройти инициацию либо Образом, либо Логрусом. Хотя кое-кто, наверное, смог бы сделать такую вот неполноценную колоду и даже попытался бы ею воспользоваться — может быть, даже избегнув при этом смерти или какого-нибудь лимбо[91] и иногда попадая туда, куда направлялся.

— А колода, которую ты нашел у Джулии?

— Эти — настоящие.

— Как же ты это объяснишь?

— Кто — то из мастеров обучил кого-то еще, кого-то очень способного, но я о таком никогда не слышал. Вот и все.

— Понятно.

— Боюсь, что толку от моих рассказов не много.

— Но все это мне нужно знать, чтобы с чего-то начать думать, — ответил Билл. — Иначе как я могу наметить возможные направления расследования? Как ты еще насчет пива?

— Подождите.

Я закрыл глаза и вызвал изображение Логруса — меняющегося, всегда меняющегося. Придал форму желанию, и две плавающие линии внутри фантома стали ярче и толще. Я медленно двинул руками, имитируя их волнистость, подергивание. В конце концов линии и мои руки, кажется, превратились в одно, и, раскрыв ладони, я протянул обе линии вперед, наружу сквозь Тень.

Билл прочистил горло.

— Э… Что это ты там делаешь, Мерль?

— Ищу кое-что, — отозвался я. — Минутку.

Линии так и будут тянуться через бесконечность Тени, пока не наткнутся на объект моего желания, — или пока не лопнет бы мое терпение или сосредоточенность. Но скоро я ощутил подергивания — словно бились две рыболовные лески.

— Вот, — сказал я и быстренько их смотал.

В каждой руке у меня было по бутылке холодного пива. Одну я передал Биллу.

— Вот что я имел в виду под изнанкой теневых прогулок, — сказал я, делая несколько глубоких вдохов и выдохов. — Я послал в Тень за парой бутылок пива. Сэкономил вам на походе на кухню.

Он уставился на оранжевую этикетку с необычной зеленой надписью.

— Не узнаю сорта, — сказал он, — не говоря уже про язык. Ты уверен, что его можно пить?

— Да, я заказал самого настоящего.

— Э-э… а ты не подумал заодно прихватить открывашку?

— Ой! Извините. Я…

— Все нормально.

Он поднялся, прошел на кухню и принес открывашку. Когда он вскрывал первую, она закипела пеной, и ему пришлось подержать бутылку над корзинкой для мусора, пока та не успокоилась. То же самое он проделал и со второй.

— Предметы могут быть немного потревожены, когда быстро

перетаскиваешь их таким способом, — объяснил я. — Обычно я добываю себе пиво по-другому, поэтому и забыл…

— Все в порядке, — ответил Билл, промокая руки носовым платком…

Затем попробовал пиво.

— А что — пиво хорошее, — сказал он. — Интересно… Нет, ничего.

— Чего — ничего?

— Не мог бы ты притащить сюда пиццы?

— Вам с чем? — спросил я.

На следующее утро мы предприняли долгую прогулку вдоль извилистого ручья, который встретили на задах какого-то фермерского участка, принадлежащего соседу и клиенту Билла. Шли мы медленно, Билл с палкой в руке и трубкой во рту продолжал расспросы предыдущего вечера.

— На кое-что из того, что ты мне сказал, в свое время не обратили должного внимания, — заявил он, — потому что меня больше интересовали прочие аспекты ситуации. Ты говоришь, что вы с Льюком действительно помирились на Олимпиаде, а потом выбыли из соревнований?

— Да.

— В каких видах вы состязались?

— Легкая атлетика — бег на различные дистанции, прыжки, метание. Мы оба были бегунами, и…

— И его время было близко к твоему?

— Чертовски близко. Впрочем, иногда бывало наоборот.

— Странно.

— Что?

Берег стал круче, и по камням мы перешли на другую сторону, где тропа оказалась на несколько футов шире и дорога шла относительно ровно и была хорошо утоптана.

— Мне думается, это больше, чем просто совпадение, — сказал он. — Этот парень в спорте был почти так же хорош, как и ты. Из всего, что я слышал, мне известно, что вы, жители Янтаря, в несколько раз сильнее, чем обычное человеческое существо, из-за хитрого метаболизма, которому вы обязаны своей необычайной выносливостью, быстрым восстановлением сил и регенерацией организма. Как это Льюку удалось сравняться с тобой на соревнованиях такого высокого уровня?

— Он — хороший спортсмен и всегда держал себя в форме, — ответил я. — Здесь есть и другие такие же — очень сильные и быстрые.

Билл покачал головой. Мы пошли по тропе дальше.

— С этим я не спорю, — сказал он. — Только слишком уж всего много для простого совпадения. Парень прячет свое прошлое на твой манер, а потом оказывается, что на самом деле ему все о тебе прекрасно известно. Скажи, он действительно хорошо разбирается в искусстве?

— А?

— В искусстве. Он на самом деле настолько интересуется искусством, чтобы заняться еще и коллекционированием?

— О-о. Да. Обычно мы довольно регулярно посещали всякие вернисажи и музейные выставки.

Билл фыркнул и, ударив палкой по камешку, скинул его в поток.

— Ну, — сказал он, — это ослабляет один пункт, но едва ли меняет картину в целом.

— Не понимаю…

— Кажется странным, что он тоже был знаком с тем сумасшедшим художником-оккультистом. Хотя, когда ты сказал, что тот парень был хорошим художником, а Льюк действительно собирал картины, — ситуация стала менее странной.

— Ему незачем было говорить мне, что он знаком с Мелманом.

— Верно. Но все это плюс его физические возможности… Я просто выстраиваю дело на косвенных доказательствах, но у меня такое предчувствие, что этот парень сильно отличается от других.

Я кивнул:

— Несколько раз со времени прошлой ночи я сам приходил к тому же выводу. Если он действительно не отсюда, тогда откуда, черт побери?

— Значит, эту линию расследования мы исчерпали, — сказал Билл, заводя меня за поворот и останавливаясь, чтобы посмотреть, как с заболоченного берега на той стороне потока поднимается стайка птиц. Он несколько раз обернулся назад, в сторону, откуда мы пришли, затем: — Скажи мне… это совершенно не относится к нашему делу… какой у тебя… э-э… ранг?

— Что вы имеете в виду?

— Ты сын принца Янтаря. Кем это тебя делает?

— Вы имеете в виду титулы? Я — герцог Западных болот и эрл Колвира.

— Что это значит?

— Что я не принц Янтаря. Никто не побеспокоится устраивать против меня интригу или там вендетту из-за наследования…

— Хм.

— Что вы имеете в виду под «хм»?

Билл пожал плечами.

— Я много читал по истории. Никто не может чувствовать себя в безопасности.

На это пожал плечами я.

— Последнее, что я слышал: на домашнем фронте все спокойно.

— Ну, хоть здесь хорошая новость.

Еще несколько поворотов привели нас к широкой полосе из галечника и песка, спокойно взбирающейся футов, наверное, на тридцать и упирающейся в крутую насыпь высотой в семь или восемь футов. Я отметил, что вода поднимается здесь довольно-таки высоко, судя по обнаженным корням деревьев, растущим на гребне обрыва. Билл присел в их тени на валун, к обрыву спиной, и вновь раскурил трубку. Я устроился поблизости на другой, от него слева. Плеск и журчание воды действовали успокаивающе, и мы сидели так и смотрели, как временами на ней загораются искры.

— Хорошо, — сказал я чуть погодя. — Красивое место.

— Угу.

Я глянул на него. Билл смотрел туда, откуда мы пришли.

Я понизил голос:

— Что там?

— Мне показалось, что за нами кто-то идет, — прошептал он.

— Может, сходить посмотреть?

— Не надо. По-моему, ничего особенного. День прекрасный, а здесь всегда любит прогуливаться народ. Просто я подумал, если мы несколько минут подождем, он или покажется, или же мы узнаем, что он пошел куда-то еще.

— Как он выглядел?

— Не знаю. Не разглядел. Думаю, волноваться не стоит. Это все последствия твоего рассказа — а может быть, паранойя. Я еще не решил, что именно.

Я выудил свою трубку, набил ее и зажег, пока мы сидели и ждали. Но никто так и не показался.

В конце концов Билл поднялся и потянулся.

— Ложная тревога, — сказал он.

— Пожалуй.

Он снова пошел вперед, а я зашагал рядом.

— Потом, эта барышня Джасра — что-то она мне сильно не нравится, — сказал он. — Говоришь, она вроде бы козырнулась в комнату? И во рту у нее было жало, которое загнало тебя в силки?

— Все правильно.

— А раньше тебе не встречался кто-нибудь вроде нее?

— Нет.

— Есть какие-нибудь предположения?

Я покачал головой.

— И почему вдруг Вальпургиева ночь? Я понимаю, что для психа такие даты имеют значение, и я понимаю, что люди, придерживающиеся различных примитивных религий, придают огромную важность дням смены времен года. Но Z, кажется, слишком хорошо играет в свою игру, чтобы считаться душевнобольным. А что до другого…

— Мелман считал, что это важно.

— Да, но его просто впутали в это дело. Я бы, наоборот, удивился, если бы он не выступил с таким заявлением, намеренно или нет. Он же признал, что его хозяин никогда с ним не откровенничал. Это была его собственная идея. Ты единственный, кто разбирается в данной области. Скажи мне, имеет ли какое-либо значение и можно ли обрести какую-то реальную силу, если убить кого-то твоей крови именно в это время года?

— Ничего такого я не слышал. Но, естественно, есть много вещей, про которые я не слышал. У меня ведь не такой опыт по сравнению с большинством адептов. Но куда это вы все клоните? Говорите, будто не думаете, что он сдвинутый, но саму идею Вальпургиевой ночи не принимаете при этом всерьез.

— Не знаю. Я просто думаю вслух. И то и другое звучит для меня зловеще, вот и все. Между прочим, Французский Иностранный легион тридцатого апреля дает всем отпуск, чтобы напиться, и еще пару дней после, чтобы протрезветь. Это годовщина Камеронской битвы — одного из самых их главных триумфов.[92] Но сомневаюсь, что стоит принимать это в расчет.

— А почему Сфинкс? — неожиданно спросил Билл. — Почему Козырь переносит тебя куда-то, где надо соревноваться во всяких идиотских загадках, а иначе тебе оторвут голову?

— Я сильно подозреваю, что именно последнее и предполагалось.

— Я тоже. Но это совсем уже странно. Знаешь что? Держу пари, что все Козыри — вроде этого. Все своего рода ловушки.

— Может быть.

Я потянулся в карман за Козырями.

— Оставь, — сказал Билл. — Не будем нарываться на неприятности. Может, тебе стоит их припрятать, хотя бы на какое-то время. Я могу положить их в сейф у себя в конторе.

Я рассмеялся.

— В сейф? Нет уж, спасибо. Я хочу иметь эти карты при себе. Может, найдется способ проверить их, не рискуя.

— Ты — специалист, тебе виднее. Но скажи мне, пожалуйста, что-нибудь может проникнуть с карты сюда, когда тебя нет?

— Не может. Они так не работают. Чтобы действовать ими, требуется внимание. И немалое.

— Ну хоть что-то. Я…

Билл опять оглянулся. Сюда кто-то шел. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулак.

Затем я услышал, как Билл облегченно выдохнул.

— Порядок, — сказал он мне. — Я его знаю. Это Джордж Хансен. Он сын того малого, которому принадлежит ферма. Привет, Джордж!

Приближающаяся фигура помахала в ответ. Джордж оказался среднего роста и довольно коренастым на вид. Волосы его были песочного цвета. Он был одет в «левисы» и майку с «Grateful Dead», за левый рукав засунута пачка сигарет. Выглядел он лет на двадцать.

— Привет, — сказал парень. — Шикарный денек, правда?

— Это точно, — ответил Билл. — Вот мы и гуляем, а не сидим дома.

Взгляд Джорджа перебежал на меня.

— Я тоже, — сказал он, шуруя зубами по нижней губе. — Правда, хороший день.

— Это Мерль Кори. Он ко мне в гости заехал.

— Мерль Кори, — повторил Джордж и выставил вперед руку. — Привет, Мерль.

Я ответил рукопожатием. Ладонь была у него влажная и холодная.

— Надеюсь, тебе это имя знакомо?

— Э… Мерль Кори, — снова повторил он.

— Ты знал его отца.

— Да? О, точно!

— Сэм Кори, — закончил Билл и стрельнул в меня взглядом поверх плеча Джорджа.

— Сэм Кори, — повторил Джордж. — Ну и ну! Рад познакомиться. Надолго в наши края?

— На несколько дней, наверно, — ответил я. — Я и не знал, что вы были знакомы с отцом.

— Хороший человек, — сказал он. — Вы откуда?

— Из Калифорнии, но я от нее устал.

— А куда теперь?

— Вообще-то говоря, за границу.

— Европа?

— Дальше.

— Здорово. Мне тоже иногда хочется попутешествовать.

— Может быть, еще доведется.

— Может быть. Ну, я пошел. Счастливой прогулки! Рад был с вами познакомиться, Мерль.

— И я.

Он отступил назад, помахал, повернулся и пошел прочь.

Когда я глянул на Билла, то заметил, что тот дрожит.

— В чем дело? — прошептал я.

— Я знаю этого мальчика с детства, — сказал он. — Как, по-твоему, он не на наркотиках?

— Во всяком случае, они не той категории, из-за которых приходится прокалывать себе руку. Я не заметил ни одного следа. И он не казался особенно накачавшимся.

— Верно, но ты не знаешь его так, как я. Он выглядел очень… ну, каким-то другим. Я совершенно неожиданно назвал твоего папу Сэмом — что-то мне в парне показалось не то. Оттенок речи, осанка, походка… Трудно передать. Я ждал, что он меня поправит, тогда бы я пошутил насчет наступающей старости. Но ведь он меня не поправил! Он принял имя как должное. Мерль, это страшно! Он действительно хорошо знал Карла Кори — твоего отца. Твой папа любил держать участок в порядке, но не

слишком себя утруждал подметанием и сгребанием листьев. Со школы Джордж годами делал за него всю работу во дворе. Он знал, что его зовут не Сэм.

— Тогда я не понимаю.

— И я, — сказал он, — и мне это не нравится.

— Итак, он вел себя странно… и вы полагаете, это он преследовал нас?

— Да, теперь полагаю. Слишком много совпадений со времени твоего появления тут.

Я повернулся:

— Пойду за ним. Попробую разобраться.

— Нет. Не надо.

— Я не сделаю ему ничего плохого. Есть другие способы.

— Пусть лучше считает, что он нас одурачил. Возможно, это придаст ему смелости на что-то решиться или что-то сказать, что окажется нам полезным. Иначе все, что ты делаешь — пусть даже осторожно или с помощью магии, — может позволить ему, или кому-то еще, понять, что мы его раскусили. Пусть катится, и скажи спасибо, что мы предупреждены.

— В этом есть смысл, — согласился я. — О'кей.

— Давай вернемся и поедем в город на ленч. Мне нужно заехать в контору забрать кое-какие бумаги и позвонить. А в два часа мне нужно повидаться с клиентом. Можешь взять машину и поездить вокруг, пока я не раскручусь с делами.

— Хорошо.

Пока мы шагали назад, я не переставал удивляться. Кое о чем я Биллу все-таки не сказал. На данный момент не было причин говорить ему, что я ношу невидимый плетеный шнурок, обвитый вокруг левого запястья и обладающий некоторыми весьма необычными способностями. Одна из этих способностей — предупреждать о гадких намерениях, направленных по моему адресу, как это было в присутствии Льюка почти целых два года, пока мы не стали друзьями. Какой бы ни была причина странного поведения Джорджа Хансена, Фракир не подала мне ни единого знака, что от него можно ждать опасности.

Хотя занятно… что-то в нем все-таки было. Эта манера говорить… То, как он произносил слова…

После ленча я отправился покататься, пока Билл разбирался с делами. Я направился к дому, где когда-то, очень давно, жил мой отец. Раньше я несколько раз проезжал мимо, но внутрь никогда не заглядывал. Не было особых причин. Я оставил машину на обочине там, где дорога шла на подъем, вышел и осмотрел дом. Билл сказал, что теперь здесь живет молодая пара с детьми… я и сам мог об этом догадаться, судя по разбросанным по двору

игрушкам. Мысленно попытался представить, каков бы я был, вырасти в таком доме. А что — представить такое, пожалуй, можно. Дом выглядел хорошо ухоженным, даже веселым. Я подумал, что люди здесь живут счастливо.

Интересно, где сейчас мой отец… если он вообще жив? Никто не может добраться до него через Козырь, хотя это еще ничего не доказывает. Есть много способов заблокировать карты. Один из таких способов, по мнению многих, объяснял молчание моего отца, но мне неприятно было об этом думать.

Ходил слух, что во Дворах Хаоса папа лишился ума из-за проклятий, наложенных на него моей матерью, и что сейчас он бесцельно блуждает по Тени. Что-нибудь сказать по этому поводу мама категорически отказалась. Еще был слух, что он ушел во вселенную, которую сам же для себя и создал, и назад уже никогда не вернется, что, по-видимому, и сделало его недосягаемым для Козырей. Еще слух гласил, что он просто погиб неизвестно где после отъезда из Дворов — некоторые из моих родственников даже заверяли меня, что видели, как он уезжал после краткого пребывания во Дворах. Но тогда, если слух о его смерти и верен, случилось это не во Дворах Хаоса. Другие же заявляли, что после того, как отец уехал, его видели в самых разных местах, вел он себя при встречах по-разному, но при этом всегда таинственно. Кто-то мне рассказывал, что отец путешествовал в компании с некой немой танцовщицей — крохотной, миловидной леди, с которой он общался языком жестов, — и что сам он тоже не очень-то разговорчив. Еще один доложил, что отец, пьяный, орал хриплым голосом песни в кантине, из которой он постепенно выгнал всех остальных клиентов, чтобы ему не мешали наслаждаться музыкой. Я не могу поручиться за достоверность хотя бы одного из этих рассказов. И мне пришлось достаточно повозиться, чтобы просто разобраться с этим ворохом сплетен. Я вообще не мог отыскать отца — не мог, даже вызывая Логрус, — хотя сделать это пытался не раз. Впрочем, если он был действительно далеко, силы моей концентрации запросто могло не хватить.

Другими словами, я не знал, где, черт возьми, находится мой отец, Корвин из Янтаря, и, похоже, вообще никто об этом не знал. И меня это сильно мучило, потому что всего-то раз мы поговорили с ним достаточно долго, — случилось это в день битвы Падения Образа у Дворов Хаоса, и он много чего мне тогда рассказал. Встреча изменила всю мою жизнь. Она натолкнула меня на решение оставить Дворы, чтобы набраться опыта и знаний в теневом мире, где так долго жил мой отец. Я почувствовал необходимость понять этот мир, если хочу лучше

понять отца. И я был уверен, что теперь-то уж наконец добился чего-то подобного, и даже большего. Но, увы, разговор с отцом продолжить было нельзя.

Я надеялся, что почти готов начать поиски отца иными способами — ведь проект «Колесо-Призрак» был практически завершен, — так ведь нет: эту дрянь угораздило попасть в вентилятор. Совершив путешествие через всю страну, укрывшись на месяц-другой у Билла, чтобы закончить с делами, я рассчитывал добраться до моей личной аномалии пространства и начать работу.

И начал бы… если бы не все это. И хочешь не хочешь, но, прежде чем я смогу заниматься поисками, придется сперва улаживать мои новые проблемы.

Я медленно проехался мимо дома. Из раскрытых окон слышались звуки музыки. А какая мне, собственно говоря, разница, что там теперь, за этими стенами. Жить маленькими загадками — всегда спокойнее.

Тем же вечером после обеда я вместе с Биллом сидел на веранде, пытаясь выжать из памяти еще что-нибудь этакое, на что бы следовало обратить его мысли. Так как я продолжал терпеть неудачи в этом занятии, он первым возобновил нашу многосерийную беседу.

— Вот еще что, — сказал он.

— Да?

— Помнится, Дэн Мартинес прервал разговор с тобой, сославшись на попытки Льюка найти инвесторов для некой компьютерной фирмы. Позже тебе пришло в голову, что все это просто могло оказаться ловким ходом, чтобы притупить твою бдительность, а затем сбить с толку вопросом о Янтаре и Хаосе.

— Да, так.

— Но это значит, что Льюк действительно собирался что-нибудь предпринять в этом направлении, во всяком случае он поднимал этот вопрос. Хотя сам он утверждал, что никаких переговоров с потенциальными инвесторами не вел и никогда не слышал о Дэне Мартинесе. И даже когда Льюк увидел потом мертвеца, он по-прежнему утверждал, что с Мартинесом они никогда не встречались.

Я кивнул.

— Значит, либо Льюк врал, либо Мартинес каким-то образом узнал его планы.

— Сомневаюсь, чтобы Льюк врал, — сказал я. — На самом деле я думал обо всем этом немного больше, чем вам могло показаться. Я ведь как-никак знаю его и не верю, чтобы Льюк рыскал в поисках инвесторов, не удостоверившись, что есть во что

вкладывать деньги. По-моему, он и здесь говорил правду. Больше похоже на то, что все случившееся до сих пор было лишь совпадением. У меня такое чувство, что Мартинес много чего знал насчет Льюка и просто хотел напоследок получить главное, чего добивался, — выяснить, знает ли Льюк о Янтаре и Дворах. Я думаю, что проницательности у Мартинеса хватало, и, имея на руках те сведения, которые у него были, да к тому же зная, что я работал на ту же компанию, что и Льюк, он быстренько сумел сляпать для меня правдоподобную версию.

— Думаю, такое возможно, — сказал Билл. — Но значит, когда Льюк и в самом деле…

— Мне начинает казаться, — оборвал я, — что история Льюка тоже была фальшивой.

— Не понимаю.

— Я подумал, а не состряпал ли он все так же, как и Мартинес, и с той же самой целью — чтобы это выглядело правдоподобным и он смог бы добыть немного нужной ему информации.

— Ты меня запутал. Какой еще информации?

— О моем Колесе-Призраке. Он хотел знать, что это такое.

— И что же, он был сильно разочарован, когда узнал, что это всего лишь упражнение по экзотическому проектированию, а о создании своей компании ты вообще не думал?

Билл поймал мою улыбку, пока я кивал в ответ. Потом сказал:

— Или все-таки это немного больше? — Затем: — Подожди. Не говори. Ты тоже ведь врал. Это что-то существующее на самом деле.

— Да.

— Наверно, мне даже спрашивать про это не стоит… если, конечно, ты не решишь, что это важно для дела, и сам не захочешь мне рассказать. Хотя если это действительно что-то важное и серьезное, из меня же все равно это могут вытянуть, сам понимаешь. Так что — подумай.

Я подумал. И какое-то время сидел, обмозговывая его предложение.

— То, что могут вытянуть, — это да, — сказал я наконец. — Всегда найдется какой-нибудь хитрый способ, который, уверен, вам никогда даже в голову не придет. Но вот чего я не понимаю, так это почему мой проект — как вы сказали — может оказаться важным для дела. Ведь, кроме меня, никто даже не знает, что это такое. Нет, хоть убей, не могу понять, каким образом это входит в уравнение. Кроме как в форме Льюкова любопытства. Так что я, пожалуй, последую вашему предложению и просто оставлю это

при себе.

— Ну и ладно, — сказал Билл. — Теперь вопрос об исчезновении Льюка…

В доме зазвонил телефон.

— Извини. — Билл поднялся и прошел в кухню.

Спустя несколько секунд я услышал, как он зовет:

— Мерль, это тебя!

Я встал и пошел отвечать. В дверях вопросительно посмотрел на Билла; он пожал плечами и покачал головой. Я быстро припомнил, где в его доме стоят два параллельных аппарата, ткнул пальцем сначала в Билла, потом в направлении кабинета и жестом изобразил, как снимаю телефонную трубку и прижимаю к уху. Он, слегка улыбнувшись, кивнул.

Я взял трубку и чуть-чуть подождал, пока не услышал щелчок. И только тогда ответил, надеясь, что звонивший не подумает, что я просто тяну с ответом.

— Алло, — сказал я.

— Мерль Кори?

— Это я.

— Мне нужна кое-какая информация, которую, по-моему, я могу у вас получить.

Голос был мужской, вроде бы знакомый, но не вполне.

— С кем я разговариваю? — спросил я.

— Простите. Этого я вам сказать не могу.

— Тогда, вероятно, то же самое будет моим ответом на ваш вопрос.

— Но задать вы мне его по крайней мере позволите?

— Валяйте.

— О’кей. Вы ведь друзья с Льюком Рейнаром?

Незнакомец немного помолчал.

— Можно сказать, что да, — ответил я, чтобы заполнить паузу.

— Вы слышали, как он упоминал о странах, именуемых Янтарь или Дворы Хаоса.

И опять скорее утверждение, чем вопрос.

— Может быть, — сказал я.

— Сами вы что-нибудь знаете об этих местах?

Ну, наконец-то вопрос.

— Может быть, — опять сказал я.

— Пожалуйста. Это серьезно. Мне нужно кое-что большее, чем «может быть».

— Простите. «Может быть» — это все, что вы получите, если не скажете, кто вы и почему хотите об этом знать.

— Я могу сослужить тебе великую службу, если ты будешь

честен со мной.

Я очень вовремя удержался, чтобы ответить, и почувствовал, как у меня заходится пульс. Последнее заявление было сделано на языке тари. Я продолжал молчать.

Затем:

— Ладно, не вышло. Опять я ничего толком не знаю.

— Чего вы не знаете? — сказал я.

— То ли он откуда-нибудь из тех краев, то ли вы.

— Если быть честным — в определенных рамках, конечно, — вам-то какое дело? — спросил я.

— Одному из вас грозит большая опасность.

— Тому, который из тех краев, или, наоборот, — другому? — спросил я.

— Этого я сказать не могу. Не могу позволить себе еще одну ошибку.

— Что вы имеете в виду? А в чем заключалась последняя ошибка?

— Может, вы все же скажете мне… хотя бы в целях самозащиты или чтобы помочь другу?

— Я, конечно, мог бы, — сказал я, — если б знал, в чем, собственно, дело. Но из всего, что я пока знаю, получается, что опасностью как раз можете оказаться вы.

— Уверяю вас, я только пытаюсь помочь тому, кому это нужно.

— Слова, слова, слова, — сказал я. — А что, если мы оба оттуда?

— О нет! — сказал собеседник. — Нет. Такого не может быть.

— Почему?

— Неважно. Что мне необходимо сделать, чтобы вы мне поверили?

— М-м. Подождите. Дайте подумать, — ответил я. — Отлично. Как вы насчет того, чтобы нам где-нибудь встретиться? Место называете вы. Я к вам приглядываюсь, и мы обмениваемся информацией, по частям, пока на стол не лягут все карты.

Возникла пауза.

Затем:

— Это единственный приемлемый для вас способ?

— Да.

— Дайте подумать. Я вам перезвоню.

— Еще одно…

— Что?

— Если один из нас — это я, то опасность, про которую вы говорите, она угрожает мне прямо сейчас?

— Думаю, да. До свидания.

Он повесил трубку.

Я ухитрился вздохнуть и выругаться одновременно, пока клал трубку. Похоже, люди, которым все-все про нас известно, полезли изо всех щелей.

В кухню вошел Билл, выглядел он озадаченно.

— Откуда — кем-бы-он-черт-побери-ни-был — он вообще узнал, что ты здесь? — были его первые слова.

— Этот вопрос я себе уже задал, — сказал я. — Придумайте что-нибудь новенькое.

— Ладно, сейчас придумаю. Если он согласится, ты действительно собираешься к нему ехать?

— Можете в этом не сомневаться. Я потому и предложил, что действительно хочу встретиться с этим парнем.

— Ты же сам говорил, что он может оказаться опасен.

— Все в порядке. Он ведь тоже рискует.

— Мне это не нравится.

— Думаете, я сильно счастлив? Но это самое лучшее, что у нас есть на сегодняшний день.

— Ну, раз ты так решил… Плохо, что мы не можем найти его заблаговременно.

— Вот и я про то же подумал.

— Слушай, а может, немного подтолкнуть его?

— Как?

— Похоже, он слегка нервничает, и не думаю, чтобы твое предложение ему понравилось больше, чем мне. Давай, когда он позвонит, нас здесь не будет. Не надо позволять ему думать, что тебе только и забот, что сидеть и ждать его звонка. Заставь подождать его. Иди достань себе где-нибудь свежую одежду, и съездим-ка мы с тобой на пару часиков в загородный клуб. Это сорвет наши планы налета на холодильник.

— Мысль хорошая, — сказал я. — У меня вообще-то каникулы. А чем это не отдых? Звучит, во всяком случае, здорово.

Обновив в Тени гардероб, я подровнял бороду, принял душ и оделся. Затем мы поехали в клуб и не торопясь пообедали на террасе. Вечер для этого выдался как на заказ — ароматный и полный звезд, он растекался лунным светом, как молоко. По молчаливому соглашению мы избегали обсуждать мою загадку. Похоже, Билл здесь знал почти каждого, так что уголок мне показался дружественным. Это был мой самый расслабленный вечер, что выпал за долгое время. Потом мы зашли в клубный бар выпить, и я выяснил, что это было одно из любимых папиных мест водопоя; отзвуки танцевальной музыки вплывали сюда из соседней комнаты.

— Да, хорошая была мысль, — сказал я. — Спасибо.

— De nada[93], — ответил он. — С твоим стариком мы частенько проводили здесь время. У тебя случайно нет…

— Нет, никаких вестей.

— Жаль.

— Я дам вам знать, когда он вернется.

— Конечно. Прости.

По дороге обратно никаких происшествий не было, нас никто не преследовал. Мы приехали чуть позже полуночи, пожелали друг другу спокойной ночи, и я прямиком отправился в свою комнату. Стянул с себя новую куртку, повесил в шкаф, сбросил с ног новые туфли и тоже оставил их там. Вернувшись в комнату, я заметил на подушке белый прямоугольник.

В два шага я пересек комнату и схватил записку.

ЖАЛЬ, ЧТО ТЕБЯ НЕ БЫЛО, КОГДА Я ЗВОНИЛ, — было написано большими печатными буквами. — НО Я ТЕБЯ ВИДЕЛ В КЛУБЕ И ЯСНО ПОНЯЛ, ЧТО ТЫ ХОТЕЛ ПРОВЕСТИ ВЕЧЕР ТАМ. ЭТО НАТОЛКНУЛО МЕНЯ НА МЫСЛЬ. ДАВАЙ ВСТРЕТИМСЯ В ТАМОШНЕМ БАРЕ ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ В ДЕСЯТЬ. Я БУДУ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЛУЧШЕ, КОГДА ВОКРУГ МНОГО НАРОДУ И НИКТО НАС НЕ СЛУШАЕТ.

Проклятье. Первым моим порывом было пойти и рассказать Биллу. Но мыслью, последовавшей за этим, было: все равно он не сможет ничего сделать, кроме как потерять сон, в котором он нуждался, вероятно, куда больше меня. Так что, сложив записку, я сунул ее в карман рубашки и повесил рубашку в шкаф.

И ни одного ночного кошмара, который бы оживил мой сон. Спал я глубоко и спокойно, зная, что в случае опасности Фракир меня разбудит. Проспал я даже больше, чем нужно, и это к лучшему. Утро было солнечным, пели птицы.

Поплескавшись и причесавшись, я смотался в Тень за свежими штанами и рубашкой и только потом спустился на кухню. На столе лежала записка. Записки меня уже утомили, но эта была от Билла. В ней говорилось, что ему ненадолго пришлось отвалить в город в свою контору, а мне следует не полениться и самому отыскать все, что сгодится для завтрака. Сам он скоро вернется.

Я заглянул в холодильник и наткнулся на несколько сдобных английских булок, кусок канталупы и стакан апельсинового сока[94]. Кофе, который я первым делом поставил вариться, поспел как раз к тому времени, когда я покончил с едой, и,

прихватив с собой чашку, я отправился на веранду.

Сидя там, я начал уже подумывать, а не оставить ли собственную записку и не сделать ли мне отсюда ноги. Мой таинственный корреспондент — очень даже возможно, что Z, — один раз звонил сюда сам и один раз после этого вламывался. Обсуждение, откуда Z узнал, что я здесь, на повестке дня не стояло. Это был дом моего друга, и, хотя я ничего не имею против того, чтобы некоторыми из проблем поделиться с друзьями, мне не нравилась идея подставлять Билла. Но вообще-то сейчас был день, а встреча назначалась на вечер. И у меня есть еще время принять какое-нибудь решение. Глупо сматываться сейчас. Пожалуй, лучше всего до тех пор ошиваться где-нибудь рядом. Я смог бы держать руку на пульсе событий и, если вдруг сегодня что-то случится, защитить Билла…

Внезапно мне взбрело в голову, будто кто-то, угрожая оружием, принуждает Билла писать записку, затем уволакивает его заложником, чтобы надавить на меня, добиваясь ответов на вопросы.

Я поспешил обратно на кухню и позвонил Биллу в контору. После второго звонка трубку снял Хорейс Крэйпер, его секретарь.

— Привет, это Мерль Кори, — сказал я. — Мистер Ротт у себя?

— Да, — отозвался тот, — но он сейчас занят с клиентом. Передать ему, чтобы он позвонил вам?

— Нет, это не так важно, — сказал я, — я попозже увижусь с ним сам. Не беспокойте его. Спасибо.

Я нацедил себе еще одну чашку кофе и вновь прошел на веранду. Такие дела, как это, плохо действуют на нервы. Я решил, что, если все не сложится этим вечером, надо ехать.

Из — за угла дома вынырнула фигура.

— Привет, Мерль.

Это был Джордж Хансен. Фракир чуть дернулась, как бы начиная предупреждать, а затем вдруг передумав. Странно все это как-то. Необычно.

— Привет, Джордж. Как дела?

— Нормально. Мистер Ротт дома?

— Боюсь, что нет. Ему пришлось ненадолго уехать в город. Думаю, к ленчу или чуть позже он вернется обратно.

— О-о. Несколько дней назад он просил меня зайти, когда я буду свободен, он хотел мне поручить какую-то работу.

Он подошел ближе и выставил ногу на ступеньку.

— Ничем не могу помочь. Мне он не говорил. Придется тебе перехватить его позже.

Джордж кивнул, открыл пачку сигарет, вытряхнул одну и

зажег, затем вновь закатал пачку в рукав футболки. На этот раз на нем была футболка с «Pink Floyd».

— Как тебе здесь? Нравится? — спросил он.

— Ничего. Хочешь кофе?

— Не откажусь.

Я поднялся и пошел внутрь.

— Немного сливок и сахара, — крикнул он мне вдогонку.

Я приготовил для него кофе, а когда вернулся на веранду, он уже сидел в кресле.

— Спасибо.

Отхлебнув кофе, Джордж сказал:

— Я знаю, что папу твоего звали Карл, хотя мистер Ротт сказал «Сэм». Должно быть, память пробуксовала.

— Или язык, — сказал я.

Он улыбнулся.

Что же мне такое напоминает эта его манера говорить? Голос был почти такой же, как по телефону вчерашним вечером, хотя тот был более сдержан и достаточно сильно замедлен, чтобы свести на нет любые попытки угадать его обладателя. И не это сходство меня встревожило.

— Он ведь был отставной боевой офицер? И что-то вроде правительственного консультанта?

— Да.

— Где он сейчас?

— Путешествует… за границей.

— Наверно, ты собираешься увидеться с ним во время своего путешествия?

— Надеюсь.

— Это было бы здорово, — сказал Джордж, затягиваясь сигаретой и отпивая из чашки. — А! Хорошо!

— Я не помню, чтобы когда-нибудь здесь тебя видел, — сказал он вдруг после этого. — Ты что, никогда не жил со своим папой, э?

— Нет, я вырос у матери и ее родственников.

— Должно быть, чертовски далеко отсюда, э?

Я кивнул.

— За границей.

— А как зовут твою мать?

Я чуть ему не сказал. Почему, сам не знаю. Но прежде чем у меня вырвалось, успел изменить имя на «Дороти».

Я бросил на него взгляд и смог заметить, как он поджал губы. Он явно следил за моим лицом.

— Почему ты спрашиваешь? — сказал я.

— Просто так. Или, можно сказать, по врожденной

склонности все вынюхивать. Моя мама была первой городской сплетницей.

Джордж засмеялся и глотнул кофе. Потом спросил:

— Ты здесь надолго?

— Трудно сказать. Думаю, что не очень.

— Ну, надеюсь, ты хорошо проведешь время. — Он разделался с кофе и поставил чашку на перила. Затем поднялся и, потянувшись, сказал: — Приятно было поговорить.

Сходя по лестнице, Джордж остановился на полдороге и обернулся:

— У меня такое чувство, что тебе грозит не близкий путь. Удачи.

— И тебе тоже, — ответил я. — Язык у тебя подвешен что надо.

— Спасибо за кофе. Пока.

— Да-да.

Он завернул за угол и исчез. Я просто не знал, как мне все это понимать, и после нескольких попыток сдался. Когда молчит вдохновение, быстро устает голова.

Я как раз готовил для себя сэндвич, когда появился Билл, так что пришлось делать два. Пока я этим занимался, он переоделся.

— Я думал, месяц будет полегче, — сказал он, жуя, — но это мой старый клиент, да к тому же у него неотложное дело, так что пришлось поехать. Что скажешь, если сегодня мы прогуляемся по ручью в противоположную сторону?

— Я не против.

Пока мы брели через поле, я рассказал ему о визите Джорджа.

— Нет, — сказал он. — Я не говорил ему, что у меня есть для него работа.

— Короче говоря…

— Полагаю, он приходил взглянуть на тебя. Из их дома хорошо видно, как я уезжаю.

— Хотел бы я знать, что ему было нужно.

— Если это для него важно, он еще вернется, чтобы спросить тебя.

— Но время бежит, — сказал я. — Завтра утром я решил уехать, может быть, даже ночью.

— Почему?

Пока мы шли вдоль ручья, я рассказал ему о записке, найденной прошлой ночью, и рандеву, назначенном на нынешний вечер. Еще я сказал Биллу, что не желаю подставлять его под случайный или намеренный выстрел.

— Ну не может же это быть настолько серьезно.

— Я уже все решил, Билл. Мне самому не нравится так вот резко обрывать нашу встречу, я ведь так давно вас не видел, но не рассчитывал на все эти трудности. А если уберусь я, вы же знаете, они исчезнут вместе со мной.

— Пожалуй, только…

Некоторое время мы продолжали разговор в том же духе, пока шагали вдоль русла. Затем мы вдруг оставили этот вопрос, как решенный, и вернулись к бесплодному перемалыванию моих загадок. По дороге я иногда оглядывался, но сзади никого не было. Временами я слышал какие-то звуки из зарослей на другом берегу, но это вполне могли быть животные, спугнутые нашими голосами.

Мы гуляли так больше часа, когда у меня возникло ощущение, что кто-то пробует мой Козырь. Я замер.

Билл остановился и повернулся ко мне.

— Что…

Я поднял ладонь.

— Междугородный звонок, — сказал я.

Мгновением позже я почувствовал первый признак контакта. А еще я услышал шорох в кустах на том берегу.

— Мерлин.

Это был голос Рэндома. Через несколько секунд я увидел его воочию, сидящего за столом в библиотеке Янтаря.

— Да? — ответил я.

Изображение обрело плоть, стало абсолютно реальным, как будто я смотрел через арку из другой комнаты. В то же самое время я по-прежнему видел все, что было вокруг меня, хотя окружающее все больше и больше уходило на периферию. Например, я видел Джорджа Хансена, вылезающего из кустарника на том берегу ручья и во все глаза глядящего на меня.

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся в Янтарь, — сказал Рэндом.

Джордж рванул в нашу сторону, плюхая по воде.

Рэндом вытянул вперед руку.

— Иди сюда, — сказал он.

Сейчас мои очертания должны были замерцать, и я услышал крик Джорджа:

— Стой! Подожди! Я должен пойти с…

Я протянул руку и сгреб Билла за плечо.

— Не могу оставить вас с этим придурком, — сказал я. — Идемте!

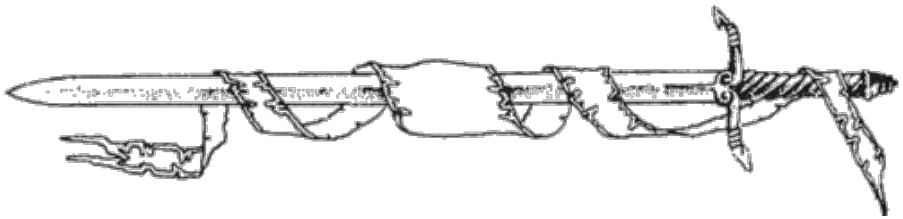
Другой рукой я сжал ладонь Рэндома.

— О’кей, — сказал я и шагнул вперед.

— Стой! — крикнул Джордж.

— Черта с два, — отозвался я, и мы оставили его обниматься с радугой.

VII



Когда мы на пару с Биллом шагнули в библиотеку, Рэндом выглядел озадаченным. Он поднялся на ноги — что вовсе не сравняло его роста с моим или же моего спутника — и все внимание обратил на Билла.

— Мерлин, кто это?

— Билл Ротт, ваш адвокат, — сказал я. — В прошлом вы имели с ним дело только через посредников. Я подумал, может, вам будет полезно…

Билл начал опускаться на одно колено с «Вашим Величеством» на устах, но Рэндом ухватил его за плечо.

— Не передергивай, — сказал он. — Не при Дворе.

Рэндом пожал Биллу руку, потом сказал:

— Зови меня просто Рэндом. Я давно собирался лично поблагодарить тебя за работу над Договором. Но все не было случая. Я рад, что мы с тобой встретились.

Мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы Биллу отказывала его речь, но сейчас он только и мог, что пялиться на Рэндома, на комнату, через окно — на башню, что высилась вдалеке.

И наконец:

— Это настоящее… — услышал я его шепот.

— На вас что, кто-нибудь нападал? — спросил меня Рэндом, пробегая ладонью по светлым взъерошенным волосам. — Надеюсь, твои последние слова прозвучали не в мой адрес.

— У нас возникла небольшая проблема, — ответил я. — Поэтому я и привел сюда Билла. Видишь ли, кто-то хочет меня убить, и…

Рэндом поднял ладонь.

— Давай пока без подробностей. Они понадобятся потом, но… но пусть это будет потом. На данный момент затевается больше гадостей, чем обычно, и ты вполне можешь быть к ним причастен. Но сначала я должен отдышаться.

Только сейчас на обычно молодом лице Рэндома стали заметны углубившиеся морщины, и я понял, что он держится на пределе.

— В чем дело? — спросил я.

— Кэйн мертв. Убит, — отозвался он. — Этим утром.

— Как это случилось?

— Он был в тени Дейга — это далекий порт, мы с ним торгуем. Он был там с Джерардом, они собирались продлить наше прежнее торговое соглашение. Его застрелили, прямо в сердце. Умер на месте.

— Лучника поймали?

— Лучника, как же! Стреляли из винтовки, с крыши. Стрелок сбежал.

— Я думал, порох здесь не срабатывает.

Он сделал быстрый жест, взметнув ладонь вверх.

— Возможно, Дейга находится достаточно далеко в Тени.

Никто не помнит, делались ли там пробы. Хотя твой отец однажды нашел вещество, которое срабатывает и здесь.

— Действительно. Я и забыл.

— Неважно, завтра похороны…

— Билл! Мерлин!

Моя тетя Флори — отвергнувшая все предложения Россетти[95], в том числе и предложение позировать ему, — вошла в комнату. Высокая, гибкая и во всем блеске, она заспешила к нам и поцеловала Билла в щеку. До этого я никогда не видел, чтобы он краснел. Со мной она проделала ту же процедуру, но меня это тронуло меньше: просто я помнил, как когда-то она была тюремщиком моего отца.

— Когда вы прибыли? — голос у нее был столь же прекрасен, как и она сама.

— Только что, — сказал я.

Она немедленно обвила нас обоих руками и попыталась увести из комнаты.

— Нам о стольком надо поговорить, — сказала она.

— Флори! — это от Рэндома.

— Да, брат?

— Ты можешь организовать для мистера Ротта полный тур, но Мерлин на ближайшее время мне будет нужен.

Мгновение она дулась, затем отпустила мою руку.

— Теперь ты знаешь, что такое абсолютная монархия, — объяснила она Биллу. — Наглядный пример, как развращает власть.

— Меня развратили еще до того, как я пришел к власти, — сказал Рэндом, — причем с лихвой. Я разрешаю тебе удалиться, сестра.

Она фыркнула и увела Билла прочь.

— Здесь тихо только тогда, когда она находит приятеля где-нибудь в Тени, — заметил Рэндом. — К несчастью, большую часть года она проводит дома.

Я прицокнул языком.

Он указал мне на кресло. Я сел. Затем он прошел к буфету.

— Вина?

— Спасибо, не откажусь.

Рэндом налил два бокала и один принес мне. Сам уселся в кресло от меня слева, нас разделял небольшой столик.

— А сегодня днем кто-то стрелял в Блейса, — сказал он, — в другой тени. И тоже попал, но не так метко. Стрелок сбежал. Блейс был с дипломатической миссией в дружественном королевстве.

— Тот же самый стрелок?

— Наверняка. Раньше с нами по соседству снайперы не водились. А теперь вдруг два, и оба разом? Нет, человек должен быть тот же. Или тот же заговор.

— Есть какие-нибудь наметки?

Рэндом покачал головой и пригубил вино.

— Я хотел поговорить с тобой без свидетелей, — сказал он затем, — прежде чем кто-то из наших до тебя доберется. Есть две вещи, о которых, я думаю, тебе надо знать.

Я отхлебнул вина и подождал, что он скажет дальше.

— Первая меня тревожит всерьез. После покушения на Блейса не похоже, что эта акция была направлена против Кэйна лично. Кто-то, кажется, имеет зуб против нас — или, по меньшей мере, против некоторых из нас. Вот и ты говоришь, что на тебя кто-то охотится.

— Я не знаю, есть ли здесь какая-то связь.

— И я не знаю. Но мне не нравится сам расклад, который просматривается в конечном счете. Больше всего я боюсь, что стоит за всем этим один — а может, и не один — из наших.

— Почему?

— Личная вендетта — не обязательно со смертельным исходом, хотя и такое возможно, — веками была для нас лучшим способом улаживать недоразумения, и чем она всегда отличалась, так это интригами. И результат был всегда один — общая сумятица, палки в колеса, увечья или изгнание другого и укрепление собственной позиции. В свалке за наследство все это достигло своего последнего пика. Хотя, когда на меня свалилась эта работа, которой я вот уж точно не добивался, мне казалось, что наконец-то все успокоилось. Я ведь и в самом деле не имел причин для вражды, а теперь я просто устал быть справедливым. Я знаю, какие здесь все недотроги. Хотя не думаю, что эти свары из-за меня или там из-за наследования. У меня не было никакой напряженки с кем-то из остальных, и мне всегда казалось, что они просто решили, что я — меньшее из возможных зол, и действительно сотрудничают в работе. Нет, я не думаю, что кто-то из них так сумасброден, чтобы возжелать мою корону. После того как решился вопрос с наследником, здесь действительно установились мирные отношения и добрая воля. Но вот что меня сейчас интересует больше всего — не мог ли вновь завязаться старый клубок, не принялись ли снова некоторые из нас за старые игры, чтобы удовлетворить личные амбиции. Я отказываюсь понимать, что происходит, — вся эта подозрительность, предосторожности, домыслы, недоверие, двурушничество. Это нас ослабляет, а ведь всегда существует угроза возможного нападения или что-то другое, ради чего нам необходимо быть сильными. Я

переговорил по этому поводу лично с каждым, и все, конечно, клянутся, что не знают ни про какие заговоры, интриги, вендетты, но я заметил, что они начали друг друга подозревать. Это вновь становится образом мыслей. И им вовсе не трудно было бы выкопать какие-нибудь из прежних обид на Кэйна, несмотря на тот факт, что, разделавшись с Брэндом, он спас все наши задницы. И на Блейса нашлись обиды, и вообще каждый сумел припомнить что-то про остальных.

— Значит, ты собираешься повязать убийцу, потому что из-за него рушится наш моральный облик?

— Ну да. Мне не нужны все эти злословия и охоты за недовольными. Это и так вот-вот выплеснется наружу, и, похоже, не за горами настоящие интриги, заговоры и вендетты, если их уже нет сейчас, и любое недопонимание может опять привести к насилию.

— Так ты думаешь, это кто-то из наших?

— В том-то вся и гнусь, что я сам стал таким же, как они! Я уже начинаю непроизвольно подозревать — рефлекс, одним словом. Может быть, и так, но на деле я не видел ни одного доказательства.

— А может, это кто-то посторонний?

Он расплел и вновь сплел ноги. Глотнул вина.

— Черт! Врагов у нас — легион. Но у большинства из них просто кишка тонка. Им всем известно, как мы поступим с ними, если выясним, что это они.

Рэндом сцепил ладони на затылке и уставился на ряды книг.

— Не знаю, как лучше сказать, — начал он чуть погодя, — но придется.

Я подождал еще.

Затем он выплеснул на одном дыхании:

— Болтают, что это Корвин, но я не верю.

— Нет, — ответил я тихо.

— Говорю тебе, я не верю. Твой отец слишком много для меня значит.

— Почему тогда кто-то должен верить?

— Ходят слухи, что он свихнулся. Ты это слышал. Что-то вроде того, как другие впадают в младенчество, он вернулся к прежнему состоянию ума, к тем дням, когда его отношения с Кэйном и Блейсом были менее чем сердечны… как, впрочем, и с любым из нас. Вот что говорят.

— Я в это не верю.

— Я просто хотел, чтоб ты знал: есть такой футбол.

— Никому не советую футболить в мою сторону.

Рэндом вздохнул.

— Хоть ты-то не начинай. Пожалуйста. Все и так расстроены. Не нарывайся на неприятности.

Я сделал глоток вина.

— Ты прав, — сказал я.

— Теперь я хочу послушать твою историю. Давай, осложни мою жизнь еще больше.

— О'кей. По крайней мере, у меня свежачок, — сказал я ему.

В общем, я вновь прошелся по своей повести. Времени она заняла много, и, когда я поставил точку, за окнами уже начало темнеть.

Рэндом прерывал меня лишь случайными уточнениями, но, выслушав мой рассказ, в оценке обстоятельств не удовлетворился методикой Билла.

Когда я закончил, Рэндом поднялся и зажег несколько масляных светильников. Мне казалось, что я слышал, как он при этом думает.

Наконец Рэндом сказал:

— Нет, Льюком ты задрал меня окончательно. Сам он вообще тут ни пришей ни пристегни. А вот леди с жалом меня чуть-чуть беспокоит. Кажется, я слышал что-то подобное, вот только подробностей вспомнить не могу. Ладно, само всплывет. Что я хочу знать, так это о твоем проекте Колеса-Призрака. Что-то меня в нем беспокоит.

— Расскажу обязательно, — пообещал я, — но подожди, я тут еще кое-что вспомнил.

— Что?

— В общем-то, примерно то же самое я рассказал и Биллу. Но есть кое-что, чего Билл не знает, просто тогда мне это не казалось таким уж важным. Я бы, наверно, и сейчас про это не вспомнил — столько мы сейчас наговорили, — если б не всплыло это дело со снайпером… и потом ты напомнил, что Корвин когда-то добывал заменитель пороха, срабатывающий здесь.

— Про это знают все, можешь не сомневаться.

— Я забыл тебе рассказать о патронах, они у меня с собой, в кармане — ко мне попали две штуки из руин того склада, где у Мелмана была студия.

— Ну и что в них особенного?

— В них нет пороха. Вместо этого какой-то розовый порошок — он даже не горит. По крайней мере, на тени Земля…

Я вытащил один из кармана.

— Похоже, это «тридцать-на-тридцать», — сказал он.

— Да, похоже.

Рэндом встал и дернул за плетеный шнур, что свисал возле одной из книжных полок.

Не успел он вернуться к креслу, как в дверь уже постучали.

— Войдите, — крикнул он.

Появился слуга в ливрее, молодой блондин.

— Что-то быстро, — сказал Рэндом.

Человек выглядел озадаченно.

— Ваше Величество, я не понимаю…

— Чего тут понимать? Я позвонил. Ты явился.

— Сир, я только что подошел. Меня послали сказать вам, что готовы подавать на стол, ждут вашу милость.

— Ах вот оно что. Скажи им, я скоро буду. Как только поговорю с человеком, которого вызвал.

— Хорошо, сир.

Слуга быстро поклонился и вышел.

— Слишком все это складно, чтобы быть правдой, — пробормотал Рэндом.

Чуть попозже появился еще один парень, он был постарше и одет попроще.

— Рольф, будь добр, спустись в арсенал, поговори с… кто там сейчас дежурит? Попроси его посмотреть коллекцию карабинов, ту, что у нас с тех пор, как Корвин пришел с ними на Колвир в день смерти Эрика. Узнай, нельзя ли там подыскать для меня «тридцать-на-тридцать» в приличном виде. Пусть он его почистит и пошлет наверх. Сейчас мы идем обедать. Можешь просто оставить оружие в том углу.

— «Тридцать-на-тридцать», сир?

— Да.

Рольф ушел. Рэндом поднялся и потянулся. Сунул в карман патрон, который я ему дал, и указал на дверь.

— Пойдем поедим.

— Хорошая мысль.

Обедали мы ввосьмером: Рэндом, Джерард, Флори, Билл, Мартин, которого вызвали в тот же день чуть раньше, Джулиэн, только что прибывший из Ардена, Фиона, явившаяся в Янтарь незадолго до нас откуда-то издалека, и я. Бенедикта ждали к утру, а Лльюилл — этим вечером, только позже.

Я сидел слева от Рэндома, Мартин — справа. Мартина я не видел давно, и меня мучило любопытство. Но атмосфера к беседе не располагала. Как только кто-нибудь заговаривал, все остальные демонстрировали необычайно пристальное внимание, далеко выходящее за рамки простой вежливости. Лично я при этом начинал себя чувствовать не в своей тарелке — полагаю, и Рэндом тоже, потому что он послал за Дроппой МаПантцем, придворным шутом, чтобы заполнить это тягостное молчание.

Поначалу Дроппе пришлось туговато. Он начал с жонглирования едой, поглощая ее по ходу дела, и так — до последней крошки, потом промокнул рот одолженной у кого-то салфеткой и закончил все это тем, что по очереди оскорбил каждого из присутствующих. После чего выдал заранее заготовленную пошлятину, которую я нашел забавной.

Билл, сидевший от меня слева, тихонько заметил:

— Я достаточно знаю тари, чтобы разобраться почти во всем, так вот — эта шуточка явно принадлежит Джорджу Карлину[96]! Откуда…

— Очень просто. Как только репертуар Дроппы начинает надоедать, Рэндом его отсылает в Тень прошвырнуться по разным клубам, — объяснил я, — чтобы набрать нового материала. Я понимаю так, что в Вегас он мотается регулярно. Рэндом иногда его даже сопровождает, чтобы поиграть в карты.

Чуть погодя обстановка несколько разрядилась и шутки Дроппы начали находить отклик. Когда он свалил за выпивкой, можно было уже чесать языком, не привлекая к себе внимания, и пошли застольные разговоры. Как только это произошло, из-за спины Билла выросла здоровущая рука и легла на мое плечо. Джерард откинулся в своем кресле и склонился в мою сторону.

— Мерлин, — сказал он, — рад тебя видеть. Слушай, когда будет случай, я бы хотел немного поговорить с тобой в частном порядке.

— Ну конечно, — ответил я, — только после обеда у нас с Рэндомом будут еще кое-какие дела.

— При первом удобном случае, — сказал он.

Я кивнул.

Прошли буквально секунды, и я почувствовал, как кто-то пытается добраться до меня через Козырь.

— Мерлин!

Это была Фиона. А ведь сидела на другом конце стола…

Тем не менее изображение ее прояснилось, и я ответил ей «да», а потом, посмотрев на нее, увидел, что она уставилась в свой носовой платок. Затем Фиона бросила на меня взгляд и, улыбнувшись, кивнула.

Одновременно я продолжал удерживать ее мысленный облик и услышал, как она говорит:

— Мне не хочется подавать голос — есть причины. После обеда ты наверняка куда-нибудь смоешься, и я просто хотела дать тебе знать, что нам с тобой надо будет обязательно прогуляться, или пойти на пруды покататься на лодке, или козырнуться на Кабру, или вместе взглянуть на Образ. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — Буду на проводе.

— Замечательно.

Контакт прервался, и когда я посмотрел на Фиону, она складывала платок, изучая тарелку перед собой.

Рэндом засиживаться не стал и, покончив с десертом, быстро поднялся, пожелал всем спокойной ночи и жестом приказал мне и Мартину сопровождать его.

Джулиэн, когда я проходил мимо, потрепал меня по волосам, пытаясь выглядеть при этом менее зловеще, чем обычно, и у него это почти получилось.

— Мы должны съездить в Арден, — сказал он, — скоро.

— Хорошая мысль, — сказал я ему. — Буду на проводе.

Мы оставили обеденный зал. В холле меня отловила Флори. У нее на буксире по-прежнему болтался Билл.

— Зайди ко мне на стаканчик, — сказала она, — прежде чем ляжешь спать. Или завтра на чай.

— Спасибо, — сказал я, — заскочу. В рабочем порядке.

Флори кивнула и выдала мне улыбку, которая в прошлом явилась причиной бесчисленных дуэлей и Балканского кризиса. [97] Затем она пошла дальше. Мы тоже.

Пока мы поднимались по лестнице в библиотеку, Рэндом спросил:

— И так все по очереди?

— Ты про что? — сказал я.

— Теперь они все назначают тебе любовные свидания?

— Ну, это пока еще только пристрелка, но, в общем, да.

Рэндом рассмеялся.

— Не думай, что они это так — от нечего делать. Вот увидишь, каждый из них кого-то подозревает. И заодно собирает подозрения других. На всякий случай, вдруг потом пригодится. К тому же наверняка они ищут себе союзников — а ты, на их взгляд, вариант вполне безопасный.

— Я хочу пообщаться со всеми. Просто стыдно, что все может так повернуться.

Рэндом безнадежно махнул рукой. Мы одолели лестницу, свернули в коридор и направились в библиотеку.

— Куда это мы? — спросил Мартин.

Он хоть и напоминал Рэндома, но выглядел не таким пронырой, да и ростом был повыше. И что там ни говори, но по-настоящему крутым парнем он никогда не был.

— Забрать карабин, — сказал Рэндом.

— Ух ты! Это зачем?

— Надо опробовать кое-какой боеприпас, который притащил Мерлин. Если выстрелит — к нашей жизни добавятся новые трудности.

Мы вошли в библиотеку. Масляные светильники по-прежнему горели. Карабин стоял в углу. Рэндом подошел к нему, выудил из кармана патрон и вложил его в казенник.

— О'кей. На чем будем пробовать? — задумчиво произнес он.

Потом отступил назад и огляделся.

— Ага! То, что надо!

Он приложил карабин к плечу, прицелился в доспех и нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел и звон металла. Доспех тряхнуло.

— Срань господня! Сработало! О Мать-Единорог, ну почему я? Я же всегда хотел мирного правления.

— Отец, можно мне? — спросил Мартин. — Я так давно хотел.

— Почему нет? — сказал Рэндом. — Мерлин, второй патрон у тебя с собой?

— Да, — сказал я, порылся в кармане и, вытащив еще два, передал их Рэндому. — Все равно один не сработает. Не знаю, где здесь какой, все перепуталось.

— Ладно.

Рэндом забрал патроны и зарядил винтовку. Потом передал оружие Мартину и начал объяснять действие. Вдали послышался шум тревоги.

— Сейчас на нас набросится вся дворцовая стража, — заметил я.

— Вот и хорошо, — сказал Рэндом, пока Мартин подносил карабин к плечу. — Немного хорошей муштры пойдет им только на пользу.

Карабин рявкнул, и доспехи зазвенели опять. На лице Мартина был испуг, он быстро отдал карабин Рэндому. Рэндом посмотрел на патрон, который оставался у него на ладони, воскликнул: «Какого черта!», зарядил карабин в последний раз и выстрелил.

Третий выстрел, визг рикошета — а тем временем стража уже добралась до лестничной площадки.

— Нет, не той я все-таки жизнью живу, — вздохнул Рэндом.

После того как Рэндом выразил благодарность страже за их достойное поведение во время учебной тревоги, а я мельком разобрал бурчание, что король, мол, нынче навеселе, мы вернулись в библиотеку, и Рэндом задал мне вопрос.

— Третий я нашел в кармане полевой куртки Льюка, — ответил я и объяснил ему, при каких обстоятельствах.

— Больше я не могу позволить себе не знать о Льюке Рейнаре, — в конце концов сказал Рэндом. — А ты сам — как ты

объясняешь то, что только что произошло?

— В здании, том, что сгорело, — начал я, — на самом верху жил Мелман, который хотел принести меня в жертву. Внизу находились складские помещения «Компании Брута». По-видимому, этот самый Брут и хранил боеприпасы такого рода. Льюк признался, что с Мелманом они были знакомы. К тому же у меня даже в мыслях не было, что может быть какая-то связь с Брутом и боеприпасами. Хотя сам факт, что все находилось под одной крышей, уже говорит сам за себя.

— Если дело у них достигло такого размаха, что потребовался целый склад, — сказал Рэндом, — то нам светят крупные неприятности. Я хочу знать, кто владел тем зданием… и кто владелец компании, если это разные люди.

— Это будет не трудно выяснить.

— Кого бы мне послать по этому делу? — Он задумался. Затем щелкнул пальцами и улыбнулся: — Флори, вот кто у нас возьмется за важную миссию во имя Короны.

— Звучит вдохновляюще, — сказал я.

Мартин улыбнулся на мои слова, а после покачал головой:

— Боюсь, я не понимаю, что происходит. А хотелось бы.

— Расскажи ему, — сказал Рэндом. — А я пока схожу к Флори, дам поручение. Она может поехать сразу после похорон.

— Да, конечно, — сказал я в спину уходящему Рэндому и вновь принялся за свою историю, редактируя ее по ходу для краткости.

Ни свежих озарений, ни новой информации — ничего такого, что я от Мартина ожидал, у него не было. Как я выяснил, последние несколько лет он провел в основном в условиях пасторальных. Я так понял, что вообще в деревню он влюблен больше, чем в город.

— Эх, Мерлин, — сказал он мне, — нет бы тебе пораньше приволочь этот кавардак в Янтарь. Ведь это нас всех касается.

«А может, все-таки Дворы Хаоса? — Я задумался. — Не оттуда ли выстрелила та винтовка? Ведь мишенями оказались Кэйн и Блейс. Правда, никто не вызывал меня во Дворы, чтобы сообщить о каких-либо инцидентах. И все же… Пожалуй, надо бы мне к этому делу подключить и других своих родственников».

— До недавнего времени все было много проще, — сказал я Мартину, — а после пошло-поехало — одно событие за другим, и я оказался слишком ими захвачен.

— А до этого… прошлые покушения на твою жизнь…

Я сказал:

— Я не стану звонить домой из-за прищемленного пальца. И никто так не делает. Тогда я не видел в них никакой связи.

Но я знал, что он прав, а я — нет. К счастью, вернулся Рэндом.

— Я так и не смог до конца вбить ей в голову, что это большая честь, — сказал он, — но она все сделает.

Мы немного поговорили еще, теперь уже на общие темы — в основном, что мы делали последние несколько лет. Я вспомнил любопытство Рэндома по поводу Колеса-Призрака и завел речь о проекте. Он тут же поменял тему, и я подумал, что это он приберегает для беседы с глазу на глаз. Вскоре Мартин начал зевать, заразил этим всех, и Рэндом решил пожелать нам спокойной ночи и позвонил слуге, чтобы мне показали комнату.

Я попросил Дика, который вел меня в отведенные мне покои, найти какие-нибудь чертежные принадлежности. Чтобы вернуться со всем, что мне было нужно, ему потребовалось около десяти минут.

Дорога обратно будет долгой и трудной, а я и без этого едва стою на ногах. Так что, усевшись за стол, я взялся сооружать Козырь — для бара в том самом загородном клубе, куда прошлым вечером меня водил Билл. Я работал, наверное, минут двадцать, прежде чем результат показался мне более или менее подходящим.

Дело оставалось только за разницей во времени, свойстве варьирующемся, ведь отношение два с половиной к одному между Янтарем и той тенью, в которой я не так давно обитал, было пропорцией приблизительной, основанной на чистой эмпирике. Так что вполне возможно, что рандеву с безымянным взломщиком я мог запросто прозевать.

Я отложил в сторону все, кроме Козыря. Поднялся из-за стола.

В дверь постучали. Отвечать не хотелось, но любопытство все-таки победило. Я пересек комнату, отодвинул засов и открыл дверь.

Там стояла Фиона, волосы ее были распущены — для разнообразия. На ней было изысканное вечернее платье зеленого цвета и небольшая драгоценная заколка, идеально подходящая к цвету ее волос.

— Привет, Фи, — сказал я. — Что привело тебя в наши края?

— Я почувствовала, что ты имеешь дело с некими силами, — ответила она, — и не хотела, чтобы с тобой что-нибудь случилось, пока мы не поговорим. Можно войти?

— Конечно, — сказал я, отступив в сторону. — Но я тороплюсь.

— Я знаю, но, наверно, могла бы тебе помочь.

— Как? — спросил я, закрывая дверь.

Она оглядела комнату и заметила Козырь, который я только что закончил. Задвинула на двери засов и подошла к столу.

— Очень хорошо, — сказала она, изучая мое творение. — Вот, значит, куда ты направляешься. Где это?

— Бар в одном из загородных клубов. Это там, откуда я к вам приехал, — ответил я. — В десять по местному в нем предполагается встреча с неизвестной стороной. Я надеюсь получить информацию о том, кто пытается меня убить и зачем, а заодно, возможно, что-нибудь разузнаю и о других делах, которые меня беспокоят.

— Иди, — сказала Фиона, — только оставь Козырь. Чтобы я могла пошпионить, и, если тебе нужна будет помощь, я помогу.

Я потянулся к Фионе и сжал ее ладонь. Затем занял позицию возле стола и сконцентрировал внимание.

Спустя несколько мгновений картинка обрела глубину и цвет. Я утонул в выплеснувшейся текстуре, и все надвинулось на меня, увеличиваясь, вытесняя мое нынешнее окружение. Взгляд искал часы на стене — я запомнил — они были справа от стойки бара…

9:48. Точнее и не придумаешь.

Теперь я видел посетителей, слышал их голоса. Я поискал точку прибытия поудобней. Ага, справа у края стойки возле часов никого. О’кей…

Я оказался там. И попытался убедить всех, что был там все время. Три посетителя быстро глянули в мою сторону. Я улыбнулся и ответил кивком. Прошлым вечером Билл познакомил меня с одним из них. Второго я тоже видел, но в тот раз с ним не разговаривал. Оба кивнули в ответ, чем, кажется, убедили третьего, что никакой я не призрак: он снова перевел свое внимание на даму, которая сидела напротив.

Вскоре ко мне подошел бармен. Он тоже помнил меня с прошлого вечера, потому что сразу спросил про Билла.

Взяв кружку, я направился к самому уединенному столику, сел и занялся пивом, спиной к стене, время от времени поглядывая на часы и наблюдая за двумя входами. Если бы я постарался, то сумел бы почувствовать присутствие Фионы.

Десять часов пришли и ушли. Как и несколько посетителей, новых и прежних. Никто из них, кажется, особо мной не интересовался, хотя лично я очень даже заинтересовался одной юной леди, без спутников, с белокурыми волосами и профилем как на камее, чем сходство и ограничивалось, потому что камеи улыбаются обычно не слишком часто, а леди улыбнулась, взглянув на меня во второй раз, перед тем как отвернуться. К черту, подумал я, почему мне вечно приходится влипать в ситуацию «жизнь-или-смерть»? При любых других

обстоятельствах я бы покончил с пивом, сходил взял еще, отпустил бы ей парочку комплиментов, а потом спросил, не хочет ли леди ко мне присоединиться. А тут…

Я взглянул на часы.

10:20.

Сколько же тебе еще выделить времени, таинственный голос? Может, просто признать, что это Джордж Хансен и что он отказался от встречи сегодня вечером, когда увидел меня тающим в воздухе? Интересно, эта леди — долго она еще будет здесь ошиваться?

Я тихо зарычал зверем. Не отвлекайся!.. Я изучил, насколько тонка ее талия, исследовал изгиб бедер, напряженную линию плеч…

10:25.

Я заметил, что моя кружка пуста. И отправился, чтобы наполнить по новой. Покорно я наблюдал за этим процессом.

— Вижу, что ты здесь один, — услышал я ее голос. — Ждешь кого-то?

От нее сильно пахло незнакомыми духами.

— Да, — сказал я. — Но похоже, что уже не дождусь.

— У меня та же проблема, — сказала она, и я повернулся к ней. Она опять улыбалась. — Мы могли бы подождать вместе.

— Пожалуй, я не против, — ответил я. — Охотнее проведу время с тобой.

Она забрала свою выпивку, и мы пошли к моему столу.

— Меня зовут Мерль Кори, — сказал я, как только мы с ней уселись.

— А меня — Мег Девлин. Раньше я тебя тут не встречала.

— Я здесь в гостях. А ты, насколько я понимаю, нет?

Она чуть качнула головой.

— Нет, к сожалению. Я живу в новом многоквартирном доме, это в паре миль отсюда, дальше по дороге.

Я кивнул, как будто знал, где это.

— Откуда ты? — поинтересовалась она.

— Из центра Вселенной, — сказал я и быстро добавил: — Сан-Франциско.

— О, я столько времени провела там. А чем ты занимаешься?

Я подавил внезапный порыв сказать ей, что я колдун, и вместо этого описал недавнюю работу на «Гранд Дизайн». Она в свою очередь рассказала, что была моделью, заведующей отделом в большом магазине, а потом — директором бутика.

Я посмотрел на часы. Десять сорок пять. Мег перехватила мой взгляд.

— По-моему, мы оба пролетели, — сказала она.

— Пожалуй, — согласился я, — но все же для соблюдения приличий мы обязаны подождать до одиннадцати.

— Да, наверное.

— Ты ела?

— Давно.

— Хочешь?

— Чуть-чуть можно. А ты?

— Угу, и, помнится, я даже видел, что народ здесь чем-то таким кормился. Пойду проверю.

Я узнал, что можно заказать сэндвичи, так что мы взяли пару и еще немного салата.

— Надеюсь, ужин твое свидание не включало? — спросил я.

— Про это не говорилось, так что мне все равно, — отозвалась она, откусывая.

Стрелка миновала одиннадцать. Я добил пиво и закуску, и больше мне не хотелось.

— По крайней мере, вечер не прошел совсем впустую, — сказала она, комкая салфетку и откладывая ее в сторону.

Я наблюдал за ее ресницами, потому что это было приятно. Макияжа на ней почти не было, или он был очень бледных тонов. Впрочем, какая разница? Я потянулся, чтобы накрыть ее ладошку своей, но она шлепнула меня по руке.

— Что ты собираешься делать вечером? — спросил я.

— О, немного потанцевать, малость выпить, может быть, прогуляться при лунном свете. Так, ничего серьезного.

— В соседней комнате музыка. Может, пойдем туда?

— Может, — сказала она. — Почему же мы не идем?

Когда мы выходили из бара, я услышал голос Фионы, скорее напоминающий шепот:

— Мерлин! Если ты выйдешь с картинки на Козыре, я потеряю с тобой связь.

— Подожди минуту, — сказал я Мег.

— Что? — переспросила она.

— Понимаешь… сперва мне надо… ну, в общем, выйти, — сказал я.

— Хорошая мысль. Пожалуй, я тоже прогуляюсь. Встретимся здесь, в холле, через пару минут.

В заведении было пусто, но на случай, если кто забредет, я все же занял кабинку. Нашел в колоде Козырь Фионы. Мгновением позже я до нее дотянулся.

— Слушай, Фи, — сказал я. — Похоже, сегодня никто не собирается проявиться. Но вечер обещает пройти приятно, и я, пожалуй, останусь немного повеселиться. Так что спасибо за помощь. Я просто вернусь чуть позже.

— Я не знаю, — сказала она. — Мне не нравится, что ты уходишь с незнакомым человеком в подобных обстоятельствах. Здесь где-нибудь может таиться опасность.

— Нет ее тут, — отозвался я. — У меня есть способ узнать о ней, и ничем таким здесь даже не пахнет. Кроме того, я уверен, что уже встречался с тем парнем и он отказался от своих намерений, когда я козырнулся. Все будет в порядке.

— Мне это не нравится, — сказала Фиона.

— Я — взрослый мальчик. И могу о себе позаботиться.

— Ты прав. Если возникнут проблемы, сразу же вызывай меня.

— Не возникнут. Можешь смело ложиться спать.

— И позвони, когда надумаешь возвращаться. Не беспокойся, что разбудишь. Я хочу сама привести тебя домой.

— О'кей, сделаю. Доброй ночи.

— Будь начеку.

— Я всегда начеку.

— Тогда доброй ночи.

Она прервала контакт.

Через несколько минут мы уже были на танцплощадке — кружась, болтая и касаясь друг друга. У Мег явно была сильная склонность вести партнера. А я что, против, черт меня побери? Время от времени я даже пробовал быть начеку, но ничего угрожающего не наблюдалось, кроме громкой музыки и внезапного смеха.

В одиннадцать тридцать мы проверили бар. Там сидело несколько парочек, но ее парня не было. И мне тоже никто не кивнул. Мы снова вернулись к музыке.

Чуть за полночь мы опять заглянули в бар — результат был тот же. Тогда мы сели за столик и заказали последнюю выпивку.

— Как было весело, — сказала Мег, кладя свою ладонь так, чтобы я мог положить на нее свою. Что я и сделал.

— Да, — отозвался я. — Хотел бы я, чтобы такое случалось почаще. Но завтра я уезжаю.

— И куда едешь?

— Снова в центр Вселенной.

— Жаль, — сказала она. — Тебя куда-нибудь подбросить?

Я кивнул:

— Куда-нибудь в твою сторону.

Мег улыбнулась и сжала мне руку.

— Хорошо, — сказала она. — Поедем, я сварю тебе кофе.

Мы взяли что выпить и направились к автомобильной стоянке, несколько раз по дороге останавливаясь, чтобы обняться. Я даже пытался опять держать ухо востро, но, кажется, на

стоянке, кроме нас, никого не было. Ее машина оказалась аккуратным маленьким красным «порше» с откидным верхом.

— Прошу. Хочешь сесть за руль? — спросила она.

— Нет, давай ты, а я буду следить за всадниками без головы.

— Что?

— Замечательная сегодня ночь, а мне всегда хотелось иметь шофера, который выглядел бы так, как ты.

Мы залезли в «порше», и Мег повела машину. Естественно, быстро. Чего и следовало от нее ждать. Дороги были пустынные, и на меня напало веселье. Я протянул руку и вызвал из Тени зажженную сигару. Сделал несколько затяжек и выбросил, когда мы с ревом переезжали мост. Стал вглядываться в созвездия, которые стали для меня привычными за последние восемь лет. Глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух. Постарался проанализировать свои ощущения и понял, что счастлив. Давно я себя не чувствовал так хорошо.

За вереницей деревьев, что поднялись впереди, мелькнули беспорядочные огни. Минутой позже, когда мы оставили позади поворот, я увидел, что свет исходит от небольшого жилого дома справа. Мег сбросила скорость и свернула к нему, как только мы с ним поравнялись.

Она припарковала машину на стоянке под номерами, и оттуда по обсаженной кустами аллее мы добрались до входа в здание. Мег открыла дверь, и мы через вестибюль прошли к лифтам. Подъем был коротким, и как только мы очутились в ее квартире, Мег действительно приготовила кофе.

По мне, так ничего лучше просто придумать было нельзя. Хороший кофе, и мы — я и она — сидим, потягиваем себе из чашек… Долго-долго…

Одно в конце концов привело к другому. Чуть позже мы обнаружили себя в спальне, одежда наша пристроилась на ближайшем кресле, и я поздравлял себя с тем, что встреча, ради которой я вернулся сюда, не состоялась. Мег была гладкая, теплая, мягкая, и во всех нужных местах ее было как раз впору. Тиски из бархата, мед… запах ее духов…

Мы лежали с ней, сморенные усталостью, — то временное блаженное состояние, на которое я не буду впустую тратить метафору. Я почувствовал, как ее волосы щекочут мне кожу, когда она потянулась и, чуть повернув голову, посмотрела на меня из-под полуопущенных век.

— Можно тебя спросить? — сказала она.

— Конечно.

— Как имя твоей матери?

Я почувствовал, будто бы чем-то острым проехались по

хребту. Но я хотел посмотреть, к чему это все приведет.

— Дара, — ответил я.

— А отца?

— Корвин.

Мег улыбнулась.

— Я так и думала, — сказала она, — но мне хотелось проверить.

— А мне вопросы задавать можно? Или ты играешь в одни ворота?

— Я знаю, о чем ты спросишь. Почему я спрашивала, ведь так?

— Мяч твой.

— Прости. — Она пошевелила ногой.

— Я так понимаю, что имена моих родителей что-то для тебя значат?

— Ты — Мерлин, — объявила она. — Герцог Колвира и Принц Хаоса.

— Вот ведь черт! — сказал я. — Кажется, любому в этой тени про меня известно! Вы что, все состоите в одном клубе или как?

— Любому — это кому? — быстро спросила она; глаза ее вдруг широко раскрылись.

— Парню по имени Льюк Рейнар, покойнику по имени Дэн Мартинес, одному местному по имени Джордж Хансен — вроде бы… И еще одному, тоже покойнику, по имени Виктор Мелман… Ну и как? Ты что-нибудь по их поводу можешь сказать?

— Да, опасен тот, который Льюк Рейнар. Я привела тебя сюда, чтобы предупредить о нем, если ты — именно тот.

— Что значит «именно тот»?

— Если ты тот, кем ты себя назвал. Сын Дары.

— Так предупреждай.

— Я и предупредила. Не доверяй ему.

Я сел и поправил под собой подушку.

— И чего же ему от меня надо? Моя коллекция марок? Дорожные чеки? Может, ты все-таки немножечко уточнишь?

— Он несколько раз пытался тебя убить в последние годы…

— Что? Как?

— В первый раз это был грузовик, который тебя чуть не задавил. На следующий год…

— Боги! Ты действительно знаешь! Даты, скажи мне даты, когда он пытался это сделать.

— Тридцатого апреля, всегда тридцатого апреля.

— Почему? Ты знаешь почему?

— Нет.

— Вот ведь дерьмо какое! Откуда ты все это знаешь?

— Я была рядом. И наблюдала.

— И не могла помочь?

— Не могла. Я не знала, кто из вас кто.

— Леди, вы меня запутали окончательно. Кто ты, к черту, такая, и каким местом ты ко всему этому пристегнута?

— Как и Льюк, я не то, чем кажусь на самом деле… — начала Мег.

И тут из соседней комнаты донесся резкий гудок.

— О нет! — сказала она и выпрыгнула из кровати.

Я бросился вслед за ней в прихожую и увидел, как она нажимает кнопку возле небольшой решетки и спрашивает:

— Алло?

— Милая, это я, — донеслось в ответ. — Я вырвался на день раньше. Впусти. У меня тут багаж, целая куча.

Ой-ей-ей.

Она отпустила кнопку и нажала другую, поворачиваясь ко мне.

— Муж, — сказала она, вдруг потеряв дыхание. — Тебе надо уходить. Пожалуйста! Там есть лестница!

— Но ты мне еще не все рассказала!

— Я рассказала достаточно. Пожалуйста, не создавай мне неприятностей!

— О'кей, — сказал я, заторопившись обратно в спальню, впрыгивая в штаны и засовывая ноги в сандалии.

Потом рассовал носки и нижнее белье по карманам и натянул рубашку.

— Этого мало, — сказал я. — Тебе известно больше, и мне это нужно знать.

— Это все, чего тебе хочется?

Я быстро поцеловал ее в щеку.

— Не совсем. Я еще вернусь.

— Не надо, — сказала она. — Я не буду той же. Мы снова встретимся, когда придет время.

Я направился к двери.

— Все это хорошо, конечно, — сказал я, открывая дверь. — Да не очень.

— Так и будет.

— Посмотрим.

Я проскочил через холл и толкнул дверь с надписью «Выход». Застегнул рубашку и, скатываясь по лестнице, заправил ее в штаны. Внизу я остановился, чтобы натянуть носки. Затем пригладил ладонью волосы и открыл дверь в вестибюль.

Никого не видно. Это хорошо.

Когда я покинул здание и уже двигался по дорожке, передо

мной затормозил черный «седан», и я услышал шум опускаемого стекла и увидел внутри загоревшуюся красную точку.

— Запрыгивай, Мерлин, — донесся знакомый голос.

— Фиона!

Я открыл дверцу и проскользнул внутрь. Мы сразу же взяли с места.

— Ну, это она и была? — спросила Фиона.

— Она была что? — спросил я в ответ.

— Той самой, на встречу с которой ты торопился в клуб.

А ведь действительно, в этом направлении я как-то не думал, пока не подсказала Фиона.

— Может, и была, — сказал я чуть погодя. — По-моему.

Она свернула на дорогу и повела машину в ту сторону, откуда мы приехали раньше.

— В какую же она играла игру? — спросила Фиона.

— Я бы и сам много отдал, чтобы знать.

— Расскажи, — сказала она, — и давай без скромностей — не надо ничего редактировать.

— Ну, ладно, — сказал я и выложил все как было.

Мы вернулись на стоянку у загородного клуба гораздо раньше, чем я закончил.

— Опять сюда? — спросил я.

— Я взяла здесь машину. Должно быть, она принадлежит кому-нибудь из друзей Билла. Раз взяла, надо отдать — в конце концов, могу я немного побыть в роли хорошей девочки?

— Ты воспользовалась Козырем, который я сделал для бара? — спросил я, указывая рукой в сторону заведения.

— Да, сразу же, как ты пошел танцевать. Я наблюдала за тобой почти час, в основном с террасы. И я, между прочим, предупреждала, чтобы ты был осторожен.

— Прости, меня грызет совесть.

— Я совсем забыла, что они не подают здесь абсента. Пришлось пить холодную «Маргариту».[98]

— И за это тоже прости. Значит, когда мы уехали, ты свистнула машину и рванула за нами?

— Да. Я ждала на парковке у ее дома и в основном поддерживала с тобой внешний контакт через твой Козырь. Если бы я почувствовала опасность, то сразу бы пришла за тобой.

— Спасибо. Ну и как тебе внешний контакт?

— Меня такие вещи не возбуждают, если ты это имеешь в виду. Мы же с тобой люди современные.

— Там было кое-что и поинтереснее этого.

— Оставь пока при себе, — сказала она. — Сейчас меня интересует только одно. У тебя случайно нет портрета этого

Льюка Рейнара?

— Может, и есть, — сказал я, запуская руку в карман за бумажником.

Я вытащил из бокового кармана трусы и продолжил свои исследования.

— Такой фасон, по крайней мере, не жмет и не сдерживает порывов, — оценила она находку.

Я достал бумажник и включил верхний свет. Пока я рылся, Фиона наклонилась ко мне и положила ладонь мне на руку. Наконец я нашел вполне приличного качества цветную карточку с Льюком. Мы с ним были сняты на пляже вместе с Джулией и девушкой по имени Гэйл, которой Льюк, как правило, назначал свидания.

Рука Фионы внезапно сжала мою, и она коротко и резко вздохнула.

— Что такое? — спросил я. — Ты его знаешь?

Она быстро мотнула головой — подозрительно быстро.

— Нет-нет, — сказала она. — Ни разу в жизни его не видела.

— Паршивая из тебя лгунья, тетушка. Кто это?

— Я не знаю, — сказала она.

— Брось! Ты чуть руку мне не сломала, когда увидела.

— Не дави на меня, — сказала она.

— От этого зависит моя жизнь.

— По — моему, от этого зависит кое-что большее, чем твоя жизнь.

— Ну так как же?

— Пусть пока все останется так, как есть.

— Извини, но меня это не устраивает. Я буду настаивать.

Фиона развернулась ко мне, выставив ладони вперед. Из-под ее ногтей с отлично сделанным маникюром начал вытекать дым. Фракир запульсировала у меня на запястье; это значило, что она порядком описалась и надеется исключительно на меня, раз уж дело дошло до этого.

Я сделал охранительный жест и решил пойти на попятную:

— О'кей, на сегодня хватит. Едем домой.

Она сжала пальцы, и дым исчез. Фракир успокоилась. Фиона вынула из сумочки колоду Козырей и вытасовала Янтарный.

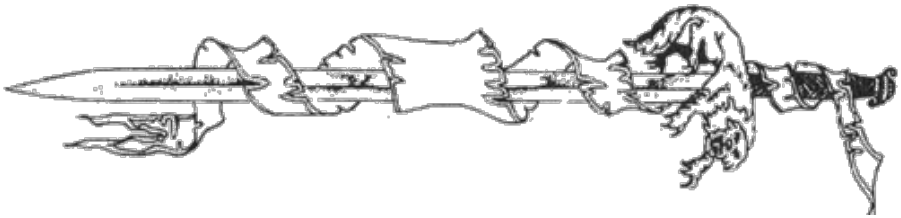
— Но раньше или позже — все равно я узнаю, — добавил я.

— Позже, — сказала она, пока вокруг нас вырастал Янтарь.

Что мне в Фионе нравится, так это то, что она совершенно не умеет скрывать своих чувств.

Я протянул руку и выключил верхний свет, как только Янтарь вокруг достаточно подрос.

VIII



Полагаю, мои мысли на похоронах мало чем отличаются от мыслей других людей. Как и у Блума из «Улисса»[99], они самые что ни на есть мирские. В остальное же время эти мысли странствуют неизвестно где.

На широкой береговой полосе у южного подножия Колвира стоит небольшая часовня, посвященная Единорогу. Таких, как она, несколько — они разбросаны по всему королевству по тем местам, где видели это священное животное. Для отпевания Кэйна здешняя оказалась наиболее подходящей, потому что он — как и Джерард — пожелал однажды покоиться после смерти в одной из прибрежных пещер у подножия горы, лицом к волнам, по которым он так часто и так подолгу плавал. Такую пещеру ему и приготовили, и после отпевания в часовне его с почестями перенесут туда. Утро было ветреное, туманное, с моря тянуло холодом, и в полулиге западнее от нас виднелось всего несколько парусов, двигающихся либо в порт, либо из порта.

Формально, я полагаю, обряд следовало выполнять Рэндому, раз уж его королевский ранг автоматически делал его верховным жрецом, но, кроме чтения начальной и заключительной частей о «Кончине Принцев» из «Книги Единорога», службу он поручил Джерарду — Кэйн ладил с Джерардом лучше, чем с кем бы то ни было из семьи. Итак, грохочущий голос Джерарда, зачитывающего длинные места службы со словами о море и непостоянстве всего на свете, заполнил тесное каменное пространство. Говорили, что Книгу сочинил сам Дваркин в дни своего безумия и эти длинные главы исходили впрямую от Единорога. Не знаю. Меня там не было. Еще говорили, что мы — потомки Дваркина и Единорога, что пробуждает несколько необычные мысленные образы. Хотя истоки всего имеют тенденцию растворяться в мифе. Кто знает? Меня тогда не было.

— …И все возвращается в море, — читал Джерард.

Я глазел по сторонам. Кроме семьи, народу набралось, наверное, человек пятьдесят, в основном городская знать, несколько торговцев, с которыми Кэйн был дружен, представители царств в некоторых ближайших тенях, где у Кэйна были как официальные дела, так и личные, и, конечно же, Винта Бэйль. Билл тоже захотел присутствовать на отпевании и стоял сейчас слева от меня. Справа стоял Мартин. Ни Фиона, ни Блейс не пришли. Блейс сослался на то, что ранен. Фиона просто куда-то пропала. Рэндом все утро ее проискал, но найти так и не смог. Джулиэн ушел с половины службы, чтобы проверить стражу, которую он поставил по всему берегу, поскольку кому-то вдруг взбрело в голову, что предполагаемый наемный убийца мог сорвать банк, когда на таком малом пространстве нас собралось так много. Это значило, что лесничие Джулиэна с короткими мечами, кинжалами, длинными луками или копьями рассыпаны были повсюду — то и дело мы слышали лай какой-нибудь из его адских гончих, которой тут же вторили несколько остальных, —

угрюмый, подавляющий волю лай, сливающийся в многоголосье с волнами, ветром и эхом над смертным миром.

Куда могла подеваться Фиона? Я терялся в догадках. Испугалась ловушки? Или что-то предпринимает в связи со вчерашней ночью? И Бенедикт… он прислал свои сожаления и приветы, упомянул о не терпящем отлагательств деле, которое помешало ему вернуться вовремя. Лльюилл просто не появилась, и ее не смогли достать через Козырь. Флори стояла впереди от меня чуть слева, понимая, что и в темном выглядит привлекательно. К ней я, наверно, несправедлив. Не знаю. Но сегодня она казалась более суетливой и задумчивой, чем обычно.

Когда служба закончилась, мы гуськом вышли наружу, четыре моряка несли гроб Кэйна, а мы образовали процессию, что потянулась к пещере с саркофагом. Большое число войск Джулиэна сомкнулось вокруг нас, составив вооруженный эскорт.

Пока мы так шли, Билл подтолкнул меня локтем и указал наверх в сторону Колвира. Я посмотрел туда и увидел фигуру в черном плаще с капюшоном, стоящую на уступе в тени утеса. Билл наклонился ко мне, чтобы я смог расслышать его за звуками флейт и струн.

— Это что, часть церемонии? — спросил он.

— Я, во всяком случае, про такую не знаю.

Вырвавшись из колонны, я прошел вперед. Через минуту-другую мы как раз будем под этой фигурой.

Я догнал Рэндома и положил ладонь ему на плечо. Он оглянулся, и я показал наверх. Он остановился и всмотрелся, прищурившись.

Его правая рука поднялась к груди, к Талисману Закона, который был на нем всякий раз, когда совершались действия подобного государственного значения. Тут же поднялся ветер.

— Стой! — крикнул Рэндом. — Остановить процессию! Всем стоять где стоите!

Тогда фигура пошевелилась, чуть-чуть, почти незаметно; голова ее повернулась, словно чтобы взглянуть на Рэндома. В небе над Колвиром, словно при кинотрюке, вскипали облака. Красный, пульсирующий жар вырывался из-под ладони Рэндома.

Внезапно фигура подняла голову вверх, рука ее нырнула под плащ, снова появилась оттуда и сделала быстрый взмах. Крошечный черный предмет мгновенье повисел в воздухе, затем ринулся вниз.

— Ложись! — заорал Джерард.

Рэндом не шевельнулся, когда попадали остальные. Он остался стоять, глядя, как из туч ударила молния и заиграла на камнях утеса.

Гром, что раздался следом, почти секунда в секунду совпал со взрывом, прогремевшим где-то над нами. Расстояние было слишком большим. Бомба исчезла раньше, чем долетела до нас, — хотя, похоже, продолжай мы вот так идти, она — как и рассчитывал террорист — упала бы под уступ и накрыла нас одним махом. Когда перед моими глазами перестали наконец плясать пятна, я снова посмотрел на утес. Темная фигура исчезла.

— Ты его достал? — спросил я у Рэндома.

Он пожал плечами и опустил руку. Талисман уже не пульсировал.

— Всем встать! — крикнул он. — Давайте завершим похороны!

Мы так и сделали. Больше никаких происшествий не было, и все кончилось как было задумано.

В мыслях — и, должно быть, не только у меня одного — я уже играл в любимую семейную игру, пока гроб помещали в склеп. Мог ли напавший на нас быть не пришедшим родственником? А если да, то кем? И какие мотивы у него для этого были? Где они сейчас — те, которых среди нас нет? И какое у них алиби? Может ли это быть сговором? Или здесь замешан чужак? А если так, то откуда у него доступ к местным взрывчатым веществам? Или оно привозное? Или кто-то местный набрел на нужную формулу? Если это все-таки посторонний, какие у него были мотивы, и откуда этот человек взялся? Не привел ли кто-то из наших наемника? И зачем?

Пока мы один за другим шли мимо склепа, я мельком подумал о Кэйне, но больше как о части некоей загадочной картинки, чем как о личности. Кэйна я не слишком хорошо знал. Но некоторые из наших и раньше мне говорили, что узнать его было не так-то просто. Он был циничен и несговорчив, в его характере отчетливо выделялась жилка жестокости. За все эти годы он обзавелся несколькими врагами и, казалось, этим гордился. Со мной он вел себя всегда на редкость прилично, но ведь мы с ним никогда не пересекались в делах. Так что мои чувства к нему были не так глубоки, как к большинству других. Джулиэн был из той же колоды, но с большим глянцем. И никто не мог уверенно сказать, что затаилось под этой вылощенной маской в какой-либо конкретный миг. Кэйн… Жаль, что я не знал тебя лучше. Наверняка с твоей смертью я чего-то лишился — и даже сам не понимаю чего.

На обратном пути, когда все двинулись во дворец, где ждала выпивка и закуска, я который раз подумал о том, насколько завязаны все мои проблемы на моих родственников. Я нутром чуял, что это так. И это при том, что на мелкие совпадения я

просто не обращаю внимания, а крупным не доверяю.

А Мег Девлин? Интересно, она о происшествии под утесом что-нибудь знает? Очень даже возможно. Муж там или не муж, решил я, а свидание у нас будет, это уж точно. Причем скоро.

Позже, в большом обеденном зале, под жужжание разговоров и позвякивание посуды, мне пришла на ум одна смутная возможность, и я решил немедленно реализовать ее. Уклонившись от холодной, хотя и заманчивой компании Винты Бэйль, третьей дочери какого-то мелкого придворного и последней пассии Кэйна, я двинул в дальнюю половину зала к небольшой группе, которая окружала Рэндома. Несколько минут я стоял, обдумывая, как бы к нему прорваться, но тут он сам заметил меня. Рэндом сразу же отделался от остальных, подошел ко мне и схватил за рукав.

— Мерлин, — сказал он, — сейчас мне некогда, но я хотел тебе сказать, что тот наш разговор не закончен. Я хочу встретиться с тобой еще раз, попозже — днем или вечером — как только освобожусь. Так что не убегай никуда, о'кей?

Я кивнул.

— Один короткий вопрос, — сказал я, когда Рэндом уже повернулся идти к остальным.

— Валяй, — сказал он.

— Есть ли сейчас на тени Земля, откуда я только что возвратился, кто-нибудь из жителей Янтаря с каким-либо агентурным заданием — все равно каким.

Рэндом покачал головой.

— У меня там агентов нет, и уверен, что и у остальных тоже. Имеются, конечно, по разным районам контакты с некоторыми людьми, но все они местные — вроде Билла.

Глаза его сузились.

— Что — то новенькое? — спросил он.

Я снова кивнул.

— Серьезно?

— Может быть, и серьезно.

— Жаль, что я не могу выслушать тебя прямо сейчас, но ничего не поделаешь — придется отложить на потом.

— Понимаю.

— Я за тобой пришлю, — сказал Рэндом и вернулся к оставленным собеседникам.

Заявление Рэндома в пух и прах разнесло то единственное объяснение, которое я смог придумать для Мег. А пойти проведать ее самому — если бы представился случай отсюда вырваться, — такое было пока попросту невозможно.

Я утешился лишней тарелкой. Через некоторое время в зал

вошла Флори, изучила по очереди все разбредшиеся по углам компании и, проделав путь между ними, устроилась на скамье у окна рядом со мной.

— С Рэндомом без аудиенции теперь не поговоришь, — сказала она.

— Ты права, — отозвался я. — Принести тебе что-нибудь выпить? Или поесть?

— Не сейчас. Может быть, ты мне поможешь? Ты же колдун.

Такое вступление мне не понравилось, но все-таки я спросил:

— В чем проблема?

— Я пошла в комнаты Блейса, чтобы узнать, не хочет ли он спуститься сюда. Так вот — там его нет.

— Наверно, была заперта дверь. Здесь почти все так делают.

— Да, заперта — изнутри. Похоже, он козырнулся. Когда мне никто не открыл, я взломала замок — сам понимаешь, раз уж на него были покушения.

— И что же тебе надо от колдуна?

— Ты можешь его выследить?

— Козыри следов не оставляют, — ответил я. — Но если бы даже и мог, не уверен, что стал бы. Он сам знает, что делает, и вряд ли ему понравится, если кто-то будет совать нос в его дела.

— А вдруг он замешан? В прошлом они с Кэйном были противниками.

— Если он замешан во что-то опасное для нас, тебе следовало бы радоваться, что он ушел.

— Итак, ты мне помочь не можешь… или не хочешь?

Я кивнул.

— Полагаю, и то и другое. Любое решение о его поиске должно исходить от Рэндома, разве не так?

— Может быть.

— Есть предложение — держи пока все при себе до разговора с Рэндомом. Какой смысл растравлять других пустыми догадками? Или давай я скажу, если хочешь. Все равно я буду сегодня с ним разговаривать.

— О чем?

Оп-паньки.

— Точно не знаю, — сказал я. — Он что-то хочет мне сказать. Или спросить.

Флори внимательно меня изучала.

— Мы ведь тоже вроде бы собирались устроить наш собственный маленький разговорчик, — сказала она затем.

— Кажется, он уже идет.

— О’кей. Можно мне послушать, что у тебя за проблемы на одной из моих любимых теней?

— Почему бы и нет? — И я вновь ринулся в краткий обзор этих проклятых событий. Хотя чувствовал, что этот рассказ — последний. Раз уж Флори об этом знает, история — я уверен — вскоре доберется до последней мышиной норы.

У нее не нашлось на эту тему никакой информации, которой она озаботилась бы поделиться со мной. Мы немного еще потрепались — в основном местные сплетни, — и она наконец решила пойти подкрепиться. Отбыла в направлении обеда и не вернулась.

Я поговорил еще кое с кем — о Кэйне и о моем отце. Но ничего нового не услышал. Между делом я был представлен некоторым из гостей, которых не встречал раньше. Я занес в память кучу имен и связей, раз уж мне больше нечем было заняться.

Когда все стали наконец расходиться, я зацепился взглядом за Рэндома и исхитрился выйти почти одновременно с ним.

— Потом, — сказал он, проходя мимо меня, и ушел с парочкой ребят, с которыми в этот момент разговаривал.

Так что я поплелся к себе и растянулся на кровати. Когда заваривается такая каша, отдыхаешь когда придется.

Вскоре я уснул и увидел сон…

Я шел по регулярному саду позади дворца. Со мной был кто-то еще, но кто это был, я не знаю. Это не казалось мне важным. Я услышал знакомое завывание, и внезапно совсем рядом со мной раздался рычащий звук. Взглянув в том направлении, поначалу я ничего не увидел. А потом как-то вдруг они оказались там — три большие собакообразные твари, точь-в-точь как та, что я прикончил в квартире Джулии. Они мчались на меня через сад. Вой продолжался, но явно исходил не от них. Твари только рычали и пускали слюну. Так же внезапно, как они появились, до меня дошло, что это всего лишь сон, и я его уже видел несколько раз до этого, но только воспоминания о нем терялись, стоило мне проснуться. И все же сознание того, что дело происходит во сне, нисколько не приглушило ощущение опасности, когда твари кинулись в мою сторону. Все три были окружены каким-то сиянием — бледным, неверным. Глядя мимо них, сквозь эти призрачные круги, я не увидел сада, но мельком различил лес. И странное дело — когда они взметнулись в прыжке, получилось так, будто они врезались в невидимую стену. Твари свалились на землю, после этого встали на ноги и ринулись на меня еще раз — и их отбросило снова. Они прыгали и рычали, они скулили и повторяли попытки. А я стоял невредимый будто бы под каким-то колоколом или внутри магического круга[100]. Добраться до меня они не могли. Потом завывание сделалось громче,

приблизилось и отвлекло от меня эту нечисть.

— Ого! — сказал Рэндом. — Надо было мне дать тебе какое-нибудь поручение, чтобы ты не мучился ночными кошмарами.

…И я очнулся, и лежал на кровати, и за окном моим была тьма — и я вдруг понял, что это Рэндом вызвал меня через Козырь и настроился на мой сон, когда наступил контакт.

Я зевнул и придумал ему ответ:

— Спасибо.

— Давай просыпайся. Поговорим, — сказал он.

— Хорошо. Ты где?

— Внизу. Маленькая гостиная к югу от главного зала. Пью кофе. Здесь нам никто не помешает.

— Жди через пять минут.

— Заметано.

Рэндом растаял. Я сел, свесил ноги с кровати, потом поднялся. Прошел через комнату до окна и распахнул его настежь. Вдохнул в себя свежий вечерний воздух осени. Весна на тени Земля, листопад в Янтаре — два любимых моих времени года. Мне бы радоваться, набраться бодрости. Но тут — наваждение ночи, оборванная гримаса сна — мне на мгновение показалось, что я снова слышу тот завывающий, гаснущий на последней ноте звук. Я вздрогнул и затворил окно. Наши сны слишком сильно на нас завязаны.

Я добрался до условленного места и плюхнулся на одну из кушеток. Рэндом дал мне наполовину одолеть чашку кофе, потом сказал:

— Расскажи мне о Колесе-Призраке.

— Это своего рода… парафизическое устройство наблюдения и библиотека.

Рэндом поставил чашку и склонил голову набок.

— А поподробнее? — спросил он.

— Ну, работа с компьютерами натолкнула меня на мысль, что основные принципы обработки данных можно задействовать там, где сам механизм компьютера работать не будет, и это может дать интересные результаты, — начал я. — Другими словами, мне пришлось разыскать соответствующую теневую структуру, где процессы остались бы довольно-таки постоянными, но где физическая конструкция, вся периферия, методика программирования и подача энергии имели бы другую природу.

— Ох, Мерлин, — сказал Рэндом. — У меня и так мозги набекрень.

— В общем, я сконструировал и построил прибор для обработки данных, подобрав для этого тень, где никакой обычный компьютер работать не будет. Потому что у меня все другое —

материалы, дизайн, другие источники питания. К тому же я выбрал место с иными законами физики, так чтобы прибор мог работать по другим принципам. Затем я сумел написать для него программное обеспечение, которое на тени Земля, где я жил, просто не заработало бы. Я уверен: то, что я сделал, — вещь действительно уникальная. Я назвал его Колесо-Призрак из-за некоторых особенностей его внешнего вида.

— Ты говоришь, это устройство наблюдения и библиотека. Что ты этим хочешь сказать?

— Оно листает Тень, словно книгу — или колоду карт, — сказал я. — Задаешь любые параметры, а устройство само отслеживает их. Я предполагал сделать сюрприз. Скажем, ты мог бы его использовать, чтобы установить, не мобилизуют ли свои силы наши возможные враги, или проследить развитие Теневой бури, или…

— Подожди минуту, — сказал он, поднимая руку. — Но как? Как это оно прыгает по теням? Что приводит его в действие?

— В конечном счете, — пояснил я, — оно создает эквивалент множества Козырей в один и тот же миг, потом…

— Стоп. Назад. Как ты мог написать программу для создания Козырей? Я думал, их может сделать только человек, который инициирован либо Образом, либо Логрусом.

— Но в данном случае, — сказал я, — машина сама принадлежит к такому же классу магических предметов, как, например, папин клинок, Грейсвандир. В проекте я воспользовался элементами самого Образа.

— И ты собирался сделать для нас сюрприз?

— Да, как только будет готово.

— А когда это будет?

— Не знаю точно. Мне нужно набрать некоторую критическую сумму данных, прежде чем программа заработает на полную мощность. Я давно уже запустил машину на эту задачу, но в последнее время у меня не было случая все проверить.

Рэндом налил себе еще кофе, сделал глоток.

— Я не понимаю, много ли это сэкономит времени и усилий, — сказал он чуть погодя. — Скажем, я чем-то заинтересовался в Тени. Я иду и исследую или посылаю кого-нибудь. Теперь, скажем, вместо этого я хочу использовать твою штуку. Все равно же мне надо будет пойти в то место, где ты ее хранишь.

— Нет, — сказал я. — Ты вызываешь удаленный терминал.

— Терминал? Вызываю?

— Именно.

Я достал Янтарные Козыри и вынул тот, что лежал самым

последним. Он изображал серебряное колесо на темном фоне. Я передал его Рэндому, и тот принялся его изучать.

— И как этим пользоваться?

— Так же, как всеми остальными. Хочешь вызвать его?

— Сам вызывай, — сказал он. — Я посмотрю.

— Ну ладно, — ответил я. — Правда, хоть я и отправил его по теням набирать данные, но сейчас он может еще и не знать всего, что необходимо.

— Да в общем-то я и не собираюсь особо его расспрашивать, просто хотелось посмотреть.

Я поднял карту и стал внимательно всматриваться, пронизывая ее мысленным взором. Спустя мгновение появился контакт. Я вызвал прибор к себе.

Раздалось слабое потрескивание, в воздухе запахло озоном, и одновременно передо мной материализовалось пылающее колесо футов восьми в диаметре.

— Уменьшить размер терминала, — приказал я.

Оно стало в три раза меньше, и на этом я приказал остановиться. Оно выглядело как бледная рамка для картины, внутри которой время от времени танцевали искры, и если смотреть сквозь центр, комната постоянно рябила.

Рэндом собрался протянуть к нему руку.

— Не надо, — остановил я. — Может ударить током. Я еще не всех «блох» отловил.

— Оно может пересылать энергию?

— Почему бы и нет. Плевое дело.

— Только после твоего приказа?..

— Ну конечно. Во-первых, ему приходится переносить энергию сюда, чтобы питать терминал, и потом через Тень, чтобы задействовать сканнеры.

— Я не про это. Может ли оно разрядить энергию в этот конец?

— Да. Если я дам приказ накопить заряд и выпустить его.

— И в каких пределах?

— Какие имеются в наличии.

— А что имеется в наличии?

— Ну, в теории — ресурс планеты. Но…

— Предположим, ты приказал ему появиться возле кого-нибудь здесь, накопить заряд и разрядить его на этого человека. Получается электрический стул?

— Думаю, что да, — сказал я. — Только оно не для этого предназначено…

— Да, Мерлин, вот уж действительно сюрприз так сюрприз. Не уверен только, что он мне по душе.

— Оно безопасно, — объяснил я. — И потом, никто ведь не знает, где оно находится. Там никого не бывает. И другого такого Козыря у меня нет. Так что ни один человек не сможет добраться туда. Я собирался сделать еще одну карту, для тебя, и показать, как управляться с этой штукой, когда все будет готово.

— Сначала мне надо хорошенько это обдумать…

— Призрак, по пяти тысячам вуалей Тени, считая от точки, где мы находимся, — сколько Теневых бурь существует на данный момент?

Ощущение было такое, будто голос шел из кольца:

— Семнадцать.

— Похоже на…

— Я дал ему свой собственный голос, — сказал я. — Призрак, покажи нам самую большую.

Что-то яростное и бесформенное наполнило изнутри кольцо.

— Мне пришла в голову еще одна мысль, — заявил Рэндом. — Предметы оно переносить умеет?

— Конечно, как всякий Козырь.

— Тот размер, который был у круга вначале, — это его предел?

— Нет. Если хочешь, его можно сделать намного больше. А можно меньше.

— Не хочу. Но допустим, ты его сделал больше… а затем сказал ему перенести эту бурю — ну, или там столько, сколько ее поместится?

— Ой-ей-ей! Даже не знаю. Оно, конечно, попробует. Думаю, это будет примерно так же, как если ты открываешь какое-нибудь гигантское окно.

— Мерлин, закрой его. Оно мне не нравится.

— Я же сказал, никто, кроме меня, не знает, где оно находится, и единственный способ, как до него добраться…

— Да понял я, понял. Скажи мне, может ли кто-то достичь его с помощью подходящего Козыря или просто найти?

— Ну, в общем, да. Я не стал вводить пароля из-за его недосягаемости.

— Малыш, эта штука может стать страшным оружием. Выключи его. Прямо сейчас.

— Не могу.

— То есть как это?

— Нельзя разгрузить ему память или отключить энергию с удаленного терминала. Чтобы это сделать, мне придется пройти туда, где он расположен.

— Тогда советую тебе собираться в дорогу. Я хочу, чтобы оно было выключено, пока в него не будет встроено побольше

предохранителей. И даже тогда… ну, посмотрим. Не очень-то я доверяю подобной силе. До тех пор, пока у меня не будет от нее какой-нибудь защиты. Эта штука может ударить почти без предупреждения. О чем ты думал, когда делал ее?

— Об обработке данных. Слушай, кроме нас с тобой…

— Всегда существует возможность, что кто-то наберется ума и отыщет способ закрутить его на себя. Знаю, знаю — ты влюблен в него, потому что это сделано твоими руками, — и высоко ценю твои намерения. Но все, проехали.

— Я ничем не обидел вас. — Голос принадлежал мне, но шел из колеса.

Рэндом уставился на него, потом посмотрел на меня, потом снова на колесо.

— Ох ты… не в этом дело, — обратился он к колесу. — Меня пугают твои возможности. Мерлин, выключи терминал!

— Закончить передачу, — приказал я. — Убрать терминал.

Колесо мгновение колыхалось, затем исчезло.

— Ты ожидал комментариев от этой хреновины? — спросил меня Рэндом.

— Нет. Для меня это был сюрприз.

— Что-то мне перестают нравиться все эти сюрпризы. Может быть, окружающая среда той тени и правда в чем-то меняет эту самую штуку. Мои пожелания тебе известны. Дай ей отдохнуть.

Я склонил голову.

— Как скажете, сир.

— Выруби ее. И не надо строить из себя мученика. Просто сделай и все.

— Я по-прежнему думаю, что все дело упрется в несколько новых предохранителей. Нет причин зарубать весь проект.

— Будь все поспокойней, — ответил он, — может, я бы и согласился. Но на нас сейчас валится столько дерьма — все эти снайперы, бомбисты, да плюс еще твой рассказ. Не хватает еще и этой головной боли.

Я поднялся:

— О'кей. Спасибо за кофе. Когда все сделаю, дам тебе знать.

Рэндом кивнул.

— Спокойной ночи, Мерлин.

— Спокойной ночи.

Проходя через Главный зал, я увидел Джулиэна. Он был в зеленом халате и разговаривал с двумя своими людьми. На полу меж ними лежало крупное мертвое животное. Я остановился и пригляделся. Это была одна из тех проклятых собак, которые мне приснились, — точно такая же, как и в квартире Джулии.

Я приблизился.

— Привет, Джулиэн. Что это? — спросил я.

Он покачал головой.

— Понятия не имею. Адские гончие только что убили тройку таких в Ардене. Я козырнул сюда этого парня с одним из трупов, чтобы показать Рэндому. Кстати, где он, не знаешь?

Я ткнул большим пальцем через плечо:

— В гостиной.

Джулиэн зашагал туда. Я подошел поближе и ткнул зверя ногой. Вернуться, что ли, и рассказать Рэндому, что с одним таким я однажды уже встречался?

Черт с ней, с этой зверюгой, решил я. Непонятно, пригодится ли такая моя информация.

Я вернулся к себе в апартаменты, чтобы переодеться. Затем заглянул на кухню и набил рюкзачок провизией. Я не чувствовал никакого желания с кем-либо прощаться и поэтому, чтобы спуститься в сад, воспользовался черной лестницей.

Темно. Звездно. Прохладно. Внезапно я почувствовал холодок, когда приблизился к тому месту, где во сне на меня напали собаки.

Ни воя, ни рыка. Ничего. Миновав неприятное место, я продолжил свой путь, направляясь к окраинам ухоженной части сада, туда, где сразу множество тропок выводят на более естественные ландшафты. Я пошел по второй слева. Этот путь был несколько длиннее того, которым я собирался пойти вначале, — но все равно тропинки должны потом пересечься, — к тому же по этой было легче идти, а я сердцем чувствовал, что этой ночью последнее для меня куда важнее. Неизвестно, какие колдобины могли ждать меня на другом пути.

Я бродил по гребню Колвира чуть ли не с час, прежде чем отыскал нужную тропу вниз. Тогда я остановился, попил воды и перед тем, как спуститься, пару минут передохнул.

Очень трудно уйти в Тень с Колвира. Чтобы сделать это без лишних забот, требуется удалиться подальше от Янтаря. Так что самое лучшее, что я мог сейчас сделать, — это топать и топать,

что в общем-то было неплохо, потому что ночь для прогулки выдалась просто чудо.

Я прошел уже добрую часть дороги, когда небо над головой осветилось и через Колвир перевалила луна, пролив свет на мой извилистый путь. Я зашагал быстрее. Не хотелось спускаться с горы, пока не рассветет.

Я был зол на Рэндома за то, что он не дал мне шанса объяснить цель своей работы. Если б не похороны Кэйна, я ни за что бы не вернулся в Янтарь, пока все как следует не отладил. В этот раз я не собирался даже упоминать Колесо-Призрак, а заикнулся о нем лишь потому, что проект мой пусть боком, но касался той загадочной цепи событий, которые меня захлестнули, и Рэндом захотел узнать всю историю целиком. О'кей. Ему не понравилось то, что он увидел, но рекламный показ был преждевременным. Теперь, если, как мне и велено, я вырублю Колесо, куча моих трудов пойдет просто псу под хвост, а то, что недавно начатая работа движется сейчас полным ходом, про это я уж и вовсе не говорю. Колесо-Призрак все еще сканирует Тень в фазе самообучения. Мне так и так надо его проверить — посмотреть, как оно действует, и, если придется, подкорректировать явные огрехи, которые просочились в систему.

Я травил себя этими мыслями, а тропа тем временем становилась все извилистее и круче.

Рэндом ведь не приказывал грохнуть все в прямом смысле. Он просто попросил меня выключить прибор. Так что я остановился на точке зрения, к которой пришел, и во всех будущих своих действиях решил полагаться исключительно на себя. И еще я решил, что у меня есть отсрочка и следует все проверить — пересмотреть системные функции и отладить программы, доведя их до уровня, который меня бы устроил. Затем я мог бы перевести данные в более постоянный статус — перед тем как выключить Колесо. Тогда ничего не потеряется; память будет в целости и сохранности, пока не придет время задействовать Колесо вновь.

Если ничего не случится…

Ну, а чтобы Рэндом был окончательно счастлив, подмонтирую несколько охранных систем, которые, по-моему, и на фиг никому не нужны. А потом свяжусь с Рэндомом, все ему покажу — вот тогда и посмотрим. Если он опять останется недоволен, Колесо можно выключить. Но, наверно, он будет «за». Стоит на эту тему подумать…

Так я шел и прокручивал воображаемую беседу с Рэндомом. К тому времени, когда луна подкатила к кульминации, я прошел уже большую половину склона. Идти стало явно легче. Я уже мог

почувствовать, насколько слабее здесь сила Образа.

Раз-другой я давал себе передышку, чтобы попить, и один раз, чтобы съесть сэндвич. Чем больше я размышлял над своей проблемой, тем вернее приходил к мысли, что, если я поступлю по-своему, Рэндом просто лопнет от ярости и наверняка даже откажется меня слушать. С другой стороны, я сам был на него зол.

Но дорога впереди была долгая — несмотря на все срезанные углы. Так что у меня еще масса времени, чтобы разложить все по полочкам.

Стало заметно светлее, когда я пересек последний скалистый участок склона и добрался до широкой тропы, уходящей от подножия Колвира на северо-запад. Затем я начал присматриваться к растущим передо мной деревьям. Ага, вот оно, то большое, со знакомой отметиной…

И тут одновременно с ослепительной вспышкой, от которой воздух будто бы зашипел, и с оглушительным, словно взорвалась бомба, ударом грома дерево раскололось. Это случилось не далее чем в сотне метров от места, где я стоял. Когда ударила молния, я прикрыл руками лицо, но еще какое-то время в ушах моих стоял треск поверженного ствола и эхо громового удара.

Потом я услышал крик:

— Возвращайся!

Я решил, что этот словесный гамбит направлен не иначе как на мою персону.

— Может, сначала поговорим? — поинтересовался я.

Но мне никто не ответил.

Я залег рядом с тропой в расщелине, затем потихонечку переполз дальше, где было побезопасней. Я вслушивался и всматривался, надеясь, что, кто бы ни был этот крикун, он хоть как-нибудь себя обнаружит.

Надежда оказалась напрасной, зато за следующие полминуты я успел осмотреть рощу и ту часть склона, по которой спускался. И понял, что мои перспективы не слишком-то обнадеживающие.

Я вызвал изображение Логруса, и две его линии стали мне вместо рук. Затем я протянул их вперед, не сквозь Тень, а по склону вверх, туда, где над кучей камней торчал один — вполне приличных размеров.

Крепко ухватившись за камень, я потянул его на себя. Он был слишком тяжел, чтобы так вот запросто дать себя сдвинуть с места, и я взялся его раскачивать. Сначала медленно, потом все сильнее. Наконец он поддался моим усилиям и закувыркался вниз. Он с силой врезался в кучу — и началось. Камни ударялись о камни, каменная лавина росла; отодвинувшись от греха

подальше, я увидел, как сорвались с места и покатились несколько камней покрупнее. Они первыми достигли изломанного края обрыва, откуда склон круто уходил вниз, и легли на самую кромку. А следом уже катилось целое поле камней; скала не выдержала, со стоном треснула и начала съезжать вниз.

Продолжая свое отступление, я почувствовал, как дрогнула подо мной земля. Но это был еще не финал. Обломки скалы подпрыгивали, скользили и падали в рощу. Я видел, как раскачиваются стволы, видел, как несколько деревьев упало. В ушах моих стоял треск, свист, хруст.

После того как все вроде бы успокоилось, я выждал еще полминуты. В воздухе висели облака пыли, половина рощи была повалена. Тогда я поднялся на ноги — Фракир раскачивалась на моем левом запястье — и направился к роще.

Я осторожно обошел ее, но там никого не было. Я влез на ствол упавшего дерева:

— Повторяю последний раз: не хочешь поговорить?

Нет ответа.

— О'кей, — сказал я, — на нет и суда нет. — И зашагал на север, в Арден.

Когда я пробирался по древнему Арденскому лесу, временами до меня доносились ржанье и конский топот. Не знаю, может быть, меня и преследовали, но всадники явно не собирались попадаться мне на глаза. Скорее всего, где-то рядом двигался один из патрулей Джулиэна.

Не это было важно. Скоро я заметил тропу и принялся за маленькие изменения, что уносили меня все дальше от любого, кто бы он там ни был.

Тень стала светлее, пропало коричневое, появилось желтое, деревья сделались чуть ниже… Чуть больше прорех в балдахине листвы… Нестройное птичье пение, странный гриб…

Мало-помалу характер леса переменился. И перемены давались тем все легче, чем дальше они уводили меня от Янтаря.

В просветы между стволами светило солнце. Синий цвет неба поблек… Деревья теперь все были зеленые, и большинство из них — молодые…

Я перешел на рысцу.

По небу ползла гряда облаков, топкая почва стала плотнее, суше…

Спускаясь вниз по холму, я прибавил шагу. Кругом, насколько хватало глаз, разливались травы. Деревья теперь не стояли сплошной стеной, они собирались в рощицы, стоящие

отдельными островками в волнующемся травяном море. Видно было ясно и далеко. Вдруг — шлепок, завеса из капель справа. Дождь.

До меня долетели раскаты грома, хотя по-прежнему ясно светило солнце. Я вдохнул полной грудью чистого и влажного воздуха и перешел на бег.

Трава отступила, земля потрескалась, в небе стало темно… По каньонам, арройо — повсюду вокруг меня мчались ливневые потоки… Водяные столбы обрушивались сверху на каменные террасы…

Я начал скользить и падать. Поднимаясь, я всякий раз ругал себя за то, что перестарался с перемещениями.

Облака раздвинулись, как театральный занавес, выглянуло лимонное солнце, и с неба цвета лосося заструились тепло и свет. Гром замер на половине раската, поднялся ветер…

Я взобрался на вершину холма и посмотрел вниз на разрушенную деревню. Запущенные, наполовину заросшие насыпи окаймляли разбитую главную улицу.

Небо блестело сланцем; я прошел деревню насквозь, медленно пробираясь через заледеневшие лужи и тычась невидящим взглядом по сторонам…

В небе висела копоть, снег был плотно утоптан, изо рта клубами вылетал воздух, когда я вошел в скелетообразный лес, где на ветках сидели окоченевшие птицы: гравюра.

Оскальзываюсь, качусь, съезжаю — внизу проталина и ручей… Снова вокруг меня все приходит в движение… Грязь под ногами и всплески зелени… Странные машины на далеком шоссе…

Свалка отбросов — воняющая, сочащаяся чем-то липким. Ржавчина, разложение… Прокладываю себе путь среди акров всей этой мерзости… Копошатся крысы…

Прочь… Чем быстрее перемещение, тем тяжелее дышать… Линия горизонта под шапкой смога… Дно дельты… Берег моря… Золотые столбы вдоль дороги… Деревенский озерный край… Бурая трава под зеленым небом…

Медленнее… Перекатывающиеся на ветру травы, река и озеро… Медленнее… Ветерок и трава, подобная волнам морским… Вытираю рукавом пот… Вбираю воздух… Теперь можно шагом…

Через поле я двигался уже не спеша, все просматривалось здесь почти до горизонта, значит, можно дать себе небольшой отдых. Ветер лениво шевелил травы. Близкое озеро было цвета темного лайма. В воздухе чем-то сладко пахло.

На мгновение мне показалось, что справа в стороне от меня

вспыхнул и погас свет, но когда я туда посмотрел, ничего необычного не заметил. Немного позже вдалеке явно послышался стук копыт. И снова я ничего не увидел. В этом и трудность с тенями — никогда не знаешь, что здесь существует реально; никогда не уверен, что именно надо искать.

Прошла минута-другая, и прежде, чем увидеть, я почувствовал запах.

Дым.

Через мгновение показался огонь. Длинная полоса пламени перерезала мне дорогу.

И снова голос:

— Сказано тебе — возвращайся!

Ветер относил огонь в мою сторону. Я повернулся, хотел отступить, но увидел, что огонь обходит меня с флангов. Чтобы настроиться на нужное состояние и перетасовать тени, необходимо время, которого у меня просто не было, и я решил, что прорвусь и так. Я сомневался, что сумею уложиться с настройкой.

Я побежал.

Линия пламени огибала меня слева и справа, описывая большой круг. Но я не стал останавливаться, чтобы восхититься этим великолепным зрелищем, — спину мне уже начинало поджаривать, а дым повалил гуще.

Но и за треском огня, мне казалось, я все еще слышу барабанную дробь копыт. Глаза у меня стали слезиться, а за полосами дыма едва можно было что-нибудь различить. И опять я не заметил никакого намека на того типа, что подстроил мне ловушку.

Нет, и все-таки я был прав — земля сотрясалась от нарастающих ударов копыт. Пламя полыхало все выше, все ближе были его языки.

Меня мучило любопытство, что это еще за напасть, но тут сквозь прореху в стене огня я увидел всадника на гнедом коне, скачущего прямо ко мне. Человек натянул поводья, но лошадь не очень-то была довольна бушующими вокруг языками пламени. Она оскалилась, закусила удила и несколько раз попыталась встать на дыбы.

— Скорей! Ко мне за спину! — крикнул всадник, и я быстро запрыгнул на лошадь.

Всадник оказался темноволосой женщиной. Толком ее лица разглядеть я так и не смог. Она ухитрилась развернуть лошадь в ту сторону, откуда примчалась, и резко тряхнула поводьями. Гнедой подался вперед и тут же встал на дыбы. Каким-то чудом мне удалось удержаться.

Когда передние копыта ударили по земле, лошадь заржала и метнулась к свету. Она почти забралась в огонь, но снова заржала.

— Проклятье! — услышал я голос всадницы; она яростно сражалась с поводьями.

Лошадь с громким ржанием опять поворотила от огня. Слюна вперемешку с кровью капала у нее изо рта. Круг уже замкнулся совсем, дым стоял плотной стеной, а до пламени было рукой подать. Помочь я ничем не мог, разве что выдать лошади пару резких пинков в бока, но тут она вновь пошла по прямой.

Теперь она нырнула в огонь немного левее, почти закричав от боли. Я понятия не имел, насколько широка полоса огня в этом месте. Почувствовал только, как мои ноги окатило жаром, и в нос ударил запах паленых волос.

Животное взревело опять, одновременно с ним закричала и всадница, а я вдруг понял, что удерживаться больше нет сил. Я почувствовал, что соскальзываю, и как раз в этот момент мы проломились сквозь огненное кольцо на выжженный, весь в дыму участок, который уже оставило пламя. Я упал среди горячих, обугленных комьев земли; вверх взлетел пепел. Я судорожно перекатился влево, закашлялся и крепко зажмурился, спасаясь от облаков пепла, оседающих мне на лицо.

Я услышал, как женщина застонала, с трудом встал на ноги и протер глаза. И сразу же увидел поднимающуюся с земли лошадь — она, должно быть, упала, подмяв под себя всадника. Лошадь тут же сбежала, потерявшись среди клубов дыма. Женщина лежала не двигаясь, и я поспешил к ней. Опустившись на колени, я смел искры с ее одежды и проверил дыхание и пульс. Пока я все это делал, она открыла глаза.

— Спина… сломана… кажется, — сказала она и закашлялась. — Не чувствую… много… Беги… если можешь… Оставь меня. Я умру… все равно.

— Нет, — сказал я. — Я тебя понесу. Здесь рядом должно быть озеро.

Я отвязал от пояса плащ и расстелил рядом с ней. Потом осторожно, по дюйму стал сдвигать женщину на него, завернул, чтобы защитить от пламени, и потащил в том направлении, которое, как я надеялся, было правильным.

Мы пробрались сквозь перебегающие с места на место лоскуты дыма и пламени. Глотку мою саднило, глаза извергали потоки слез, а штаны поджарило, когда я сильно шатнулся назад, упал на одно колено и почувствовал, как колено вдавилось в грязь. Но я не останавливался.

Наконец я достиг воды, зашел по пояс и, поддерживая

женщину на плаву, перевел дух. Наклонившись вперед, я откинул полу плаща, чтобы видеть лицо незнакомки. Глаза ее все еще были открыты, но взгляд был недвижен и устремлен в пустоту. И все же, прежде чем мне удалось нащупать на ее шее пульс, она сипло выдохнула, а после произнесла мое имя:

— Мерлин. — Голос вылетал с хрипом. — Я… прости…

— Ты мне помогла, а я не смог, — сказал я. — Это я должен просить прощения у тебя.

— Прости… не могу… больше… — продолжала она. — Нет смысла… с лошадьми. Они… за тобой гонятся.

— Кто?

— Хоть собак… отозвали. Но… огонь… это… кто-то… еще. Не знаю… кто.

— О чем ты говоришь? Я не понимаю.

Я плеснул ей на щеки немного воды, чтобы остудить жар. Под копотью и обожженными, спутавшимися волосами трудно было что-то сказать о ее лице.

— Кто-то… позади… тебя, — сказала она, голос ее слабел. — Кто-то… впереди. Не… знаю… о… них… Прости.

— Кто? — спросил я опять. — И кто ты сама? Откуда ты меня знаешь? Почему?..

Она слабо улыбнулась.

— …Спать с тобой. Теперь не могу. Ухожу…

Глаза ее закрылись.

— Нет! — крикнул я.

Лицо ее исказилось, когда она набрала воздуха для ответа. Затем выдохнула его вместе с шепотом:

— Просто… дай мне… здесь утонуть. Прощай…

Струйка дыма пролетела мимо ее лица. Я задержал дыхание и зажмурил глаза, когда за этой потянулась струя побольше, и нас накрыл дымовой вал.

Когда воздух наконец вновь расчистился, я внимательно ее осмотрел. Дыхания не было, пульса — тоже, сердце не билось. И не было рядом невыжженного, незатопленного участка, годного хотя бы для того, чтобы попробовать оказать ей первую помощь. Она умерла. Она знала, что умирает.

Я осторожно завернул ее в плащ, который стал теперь саваном. В последнюю очередь я накинул ей полу на лицо. Скрепил все пряжкой, которой обычно застегивал ворот. Затем пошел на глубокое место. «Просто дай мне здесь утонуть». Иногда мертвые тонут сразу, иногда плывут по течению…

— Прощай, леди, — сказал я. — Хотел бы я знать твое имя. Еще раз спасибо.

И отпустил. Вода забурлила, пошла кругами. Она исчезла.

Какое-то время я смотрел на пустынную поверхность воды, потом отвернулся и побрел прочь. Так много вопросов — и ни одного ответа.

Где-то кричала обезумевшая с перепугу лошадь…

IX

Немного часов и много теней спустя я снова сделал привал; небо на этот раз стало чистым, а гнилых стволов вокруг — совсем чуть-чуть. Я искупался в глубоком потоке, а после вызвал из Тени

свежую одежду. Почистившись и обсохнув, я отдыхал, сидя на берегу, и набивал брюхо едой.

Похоже, теперь каждый день для меня — тридцатое апреля. Словно все, кого б я ни встретил, меня знают, и каждый ведет хитрую двойную игру. Вокруг меня умирают люди, а всякого рода несчастья становятся обычным явлением. Я начинал чувствовать себя персонажем видеоигры. Что-то будет на этот раз? Я уже входил во вкус. Метеоритный поток?

Должен быть ключ. Наверняка должен. Безымянная леди, которая отдала жизнь, чтобы вытащить меня из огня, сказала, что кто-то идет за мной следом и что впереди меня есть кто-то еще. Что бы это значило? Стоит ли мне подождать преследователя, схватить и спросить его прямо в лоб, неважно, кто он — он, она или оно: какого черта? Что происходит? Или следует прибавить ходу, заловить второго и расспросить его? Будут ли ответы одинаковы? Или у каждого окажется свой? А может, дело ограничится дуэлью, чтобы утешить чью-то честь? Тогда я буду драться. Или взятка. Я заплачу. Все, что мне нужно, это ответ, вслед за которым наступит хоть на какое-то время мир и покой. Я хмыкнул. Мир и покой — очень уж отдает похоронным звоном. А впрочем, все это лишь мои догадки: чужая душа — потемки.

— Дерьмо! — сказал я неизвестно кому и швырнул камень в поток.

Потом поднялся и перешел речушку. И на другом берегу на песке прочитал слово: ВОЗВРАЩАЙСЯ. Я наступил на него и побежал.

Мир закрутился вокруг меня, пока я касался теней. Деревья и травы обратились в прах. Скалы стали булыжниками, они искрились и наливались светом…

Я бежал сквозь долину, составленную из призм под жутковатым пурпурным небом… Ветер, поющий среди камней, расцвеченных в радугу, эоловы струны[101]…

Шторма хлещут одежды… Небо из пурпурного становится лавандовым, бледно-лиловым… Резкие крики в звучных напевах… Земля трескается…

Быстрее.

Я — гигант. Тот же ландшафт, но теперь уже крошечный, где-то внизу у подошв… Словно циклоп, я перемалываю тлеющие под ногами камни…[102] Радужная пыль на сапогах, клочья облаков касаются моих плеч…

Атмосфера с каждым шагом густеет, становится почти жидкой, окрашивается в зеленый… Водоворот… Сковывает движения, бьюсь из последних сил…

Плыву… Замки — в самый раз для аквариума — проплывают

мимо… Стаями светляков набрасываются сверкающие торпеды… Я ничего не чувствую…

Зеленое становится синим… Густота уходит, легчает… Голубой дым… Воздух, будто наполненный воскурениями… Затухающий голос миллионов невидимых гонгов, звук тянется, не хочет обрываться… Я стискиваю зубы.

Быстрее.

Синее превращается в розовое, искрится… Кошачий язычок пламени… Еще один… Ласковое пламя танцует, словно морские водоросли… Выше поднимается, выше… Огненная стена гнется, трещит…

Шаги за спиной.

Не смотреть. Перемещение.

Небо раскалывается посередине, солнце прочеркивает кометой… Есть и нет… Еще раз. И еще. Три дня, помноженные на бесчисленные удары сердца… Я вдыхаю пряный воздух… Вихри огня, пурпурная земля приближается… Призма в небесах… Я мчусь вдоль русла пылающего потока по полю мха цвета крови, ноздреватому, заболоченному… Споры, что превращаются в драгоценные камни, падают, словно пули…

Ночь на латунной равнине, шаги эхом откликаются в вечности… Лязгают узловатые, похожие на кривошипы травы, металлические цветы притянуты к металлическим черенкам, черенки — к кронштейнам… Щелк, щелк, вздох… Только ли эхо у меня за спиной?

Я резко обернулся назад.

Что там за темная фигура спряталась за дерево-мельницу? Или это просто тени танцуют перед глазами?

Вперед. Сквозь стекло и наждачную бумагу, оранжевый лед, картины обесплоченной плоти…

Здесь нет солнца, лишь бледный свет… Нет земли… Только тонкие мосты и острова в воздухе… Мир — кристаллическая матрица…

Вверх, вниз и вокруг… Сквозь дыру в воздухе вниз по желобу…

Скольжение… К кобальтовому берегу неподвижного медного моря… Сумерки без звезд… Слабое мерцание отовсюду… Мертв, этот мир мертв… Синие скалы… Разбитые изваяния нечеловеческих существ… Ничего живого…

Стоп.

Я начертил вокруг себя на песке магический круг и оградил его силами Хаоса. Затем по центру расстелил новый плащ, вытянулся на нем и заснул. Мне снилось, что поднялись воды, чтобы промыть в моем круге брешь, и зеленое чешуйчатое

существо с пурпурными волосами и зубами острее бритвы выползло из моря по мою душу, возжаждав выпить из меня кровь.

Когда я проснулся, то увидел, что круг разрушен и зеленое чешуйчатое существо с пурпурными волосами и зубами острее бритвы лежит на берегу мертвое в полудюжине ярдов от меня. Фракир крепко стягивала его горло, и песок вокруг был изрыт. Спал я, похоже, крепко.

Я забрал свой шнурок-удавку и перешел по еще одному мосту через бесконечность.

На следующем этапе путешествия, когда я сделал свой первый привал, меня чуть не накрыло половодье. Но я уже не был таким беспечным и продолжал идти вперед достаточно долго, чтобы распрощаться с опасным местом. Потом было новое предупреждение — пылающими письменами на поверхности обсидиановой горы, — предлагающее мне отступить и возвращаться домой. Я попробовал вступить в разговор с невидимками, но мне никто не ответил.

Я шел, пока вновь не настало время поспать, и тогда я сделал привал в Почерневших Землях — неподвижных, серых, покрытых плесенью и туманом. Я отыскал себе удобную для обороны щель, укрепил ее против магии и уснул.

Позже — а насколько, не знаю, — дрема моя рассеялась от пульсирующей на запястье Фракир.

Я мгновенно отогнал сон и затем поинтересовался причиной. Снаружи все было тихо, а щель была не настолько широка, чтобы что-нибудь разглядеть сквозь нее. Но если Фракир поднимает тревогу — хотя и она не само совершенство, — основания для тревоги есть всегда. Я подождал-подождал и вызвал изображение Логруса. Когда он возник передо мной полностью, я приладил туда свою руку, будто надел перчатку, и потянулся через Тень…

Я редко ношу оружие длиннее кинжала. Дьявольски неудобно таскать на себе несколько футов стали, которая вечно тычется тебе в бок, цепляется за кусты и то и дело путается в ногах. Мой отец и большинство в Янтаре и Дворах потеют под этими тяжелыми жуткими штуками, но эти люди, наверно, сделаны из более крепкого материала, чем я. Я ничего не имею против их принципов. Я люблю фехтовать и много времени тренировался. Просто я нахожу неудобным все время таскать клинок на себе. Мне даже пояс сильно натирает. Я больше предпочитаю Фракир, ну и импровизацию. И все-таки…

Сейчас, похоже, настало тот момент, когда не вредно подержаться и за клинок. Я уже слышал шипение, будто рядом заработали кузнечные мехи, и царапанье откуда-то снаружи

слева, от устья щели.

Я тянулся сквозь Тень, разыскивая клинок. Тянулся, тянулся…

Проклятье. Я зашел далеко от любой из обрабатывающих металл культур, где анатомия бы походила на нашу и стадия исторического развития тоже бы была соответствующей.

Я продолжал тянуться, на лбу каплями проступил пот. Далеко, очень далеко. А звуки становились все ближе, громче, настойчивее.

Я слышал какое-то шебуршание, топот, пофыркивание. Рев.

Контакт!

Я почувствовал рукоять оружия у себя в ладони. Сжать и вызвать! Я вызвал его к себе, и тут же меня швырнуло на стену отдачей доставки. Я замешкался на мгновение, вытаскивая клинок из ножен, с которыми он попал мне в руки. И только у меня получилось, как снаружи все смолкло.

Я прождал десять секунд. Пятнадцать. Полминуты…

Ничего.

Я вытер ладони о штаны. Весь превратившись в слух. В конце концов приблизился к краю щели.

Перед входом ничего не было, только легкий туман, и, когда стало видно немного по сторонам, смотреть там тоже было особо не на что.

Еще один шаг…

Ничего.

Еще один.

Я стоял теперь на самом пороге. Наклонился и, высунув

голову, быстро глянул по сторонам.

Да. Слева что-то такое было — темное, низкое, неподвижное, наполовину скрытое туманом. Притаилось? Собирается прыгнуть на меня?

Но чем бы это что-то ни оказалось, оно не подавало никаких признаков жизни. Я продолжал всматриваться. Вскоре позади первой я заметил еще одну темную фигуру, по виду точно такую же, — и, возможно, третью, чуть подальше. И не было даже намека на то, чтобы хоть одна из этих фигур собиралась устраивать тот кавардак, который я слышал всего минуту назад.

Я продолжал наблюдать.

Должно быть, прошла не одна минута, прежде чем я решился шагнуть наружу. Ничто при моем движении не встрепенулось. Я сдвинулся на шаг дальше и замер. Затем еще на один.

В конце концов, продолжая делать медленные шаги, я приблизился к первой фигуре. Уродливая зверюга, чешуя цвета засохшей крови. Весом фунтов, наверно, сотни две, длинная и извилистая… Открыв ей пасть острием клинка, я увидел мерзкие зубы. Опасности в этом не было никакой, потому что голова твари была почти полностью отделена от всего остального. Очень чистый удар. Желто-оранжевая жидкость все еще вытекала из раны.

С места, где я стоял, было видно, что две другие фигуры были точно такими же. Во всех смыслах. Они тоже были мертвы. Второй твари, которую я осмотрел, ударов досталось больше, и она потеряла ногу. Третью изрубили в куски. Все они истекали слизью и издавали слабый запах гвоздики.

Я осмотрел плотно утоптанный участок. Роса была перемешана с кровью, если это можно было назвать кровью, и все-таки во всей этой мешанине я обнаружил нечто, отдаленно похожее на следы сапог. Я поискал еще и наткнулся на четкий отпечаток ноги. След был направлен в ту сторону, откуда я пришел.

Кто это? Мой преследователь? Или Z? А может, это тот самый, кто отозвал собак? Кто же все-таки пришел мне на помощь?

Я покачал головой. Надоело искать смысл там, где его нет. Я продолжал осматриваться, но других следов не заметил. Тогда я вернулся к щели и подобрал ножны. Сунул в них оружие и приладил на ремень. Потом перекинул ремень через плечо, чтобы все это хозяйство висело у меня за спиной. Рукоять, самый ее конец, в аккурат оказалась над рюкзачком. Не представляю, как я смог бы бежать с оружием на боку.

Я доел мясо, добавив к нему немного хлеба. Запил водой и

сделал глоток вина. А после продолжил путь.

На другой день — если это, конечно, можно называть «днем» — я довольно много поработал ногами. Под неменяющимися, рябью идущими небесами, под пестрыми небесами, небесами, освещенными бесчисленными «шутихами» и фонтанами света, — я бежал, пока не устал, потом отдохнул, поел и побежал снова. Я ограничил себя в еде — у меня было такое чувство, что за добавкой придется посылать далеко, а это требует затрат энергии собственно моего тела. Я старался пореже срезать углы, потому что эти рваные, раскручивающие тени адские перебежки тоже имеют каждая свою цену, а мне не хотелось оказаться у цели выжатым как лимон. Я часто оглядывался. Но, как правило, ничего подозрительного не замечал. Хотя время от времени сзади вроде бы и мелькал мой далекий преследователь. Впрочем, на этот счет имелось и еще одно объяснение, касающееся некоторых трюков, которые могут выкидывать тени.

Я бежал, пока не понял вдруг, что цель моя уже близко. Новых знамений, подбивающих меня возвратиться, больше не было. Интересно, к добру это или худшее еще впереди? В любом случае еще один привал на ночлег и недолгий переход после этого — и я буду там, где нужно. Плюс немного осторожности и предосторожности — одним словом, какие-никакие, а причины для оптимизма есть.

Я пробежал сквозь широкие, напоминающие по виду лес заросли кристаллических образований. Были они живыми, или это всего лишь какой-то геологический феномен? Не знаю. Но вот то, что они искажали мне перспективу и затрудняли движение, — это я знаю точно. Тем не менее здесь я не заметил даже признака живых тварей, и это натолкнуло меня на мысль устроить себе в этом стеклянном мире последний лагерь.

Я наломал кристаллических веток и бросил их на розоватую землю, на ощупь напоминающую замазку. Выстроил вокруг себя кольцо вроде палисада, высотой примерно по плечи. Снял Фракир с запястья, выдал ей нужные инструкции и поместил ее на вершину своей крепкой сверкающей стены.

Фракир расплелась, вытянулась в длину, превратившись в тонкую нить, и обхватила похожие на черепки ветви. Теперь я чувствовал себя в безопасности. Я не верил, что какое-нибудь существо сможет пересечь этот барьер, избежав стремительного броска Фракир, оплетающей нарушителя в смертельных объятиях.

Расстелив плащ, я завалился спать. Сколько я проспал, точно не знаю. И что мне снилось, не помню. Но на этот раз ночь прошла без событий.

Проснувшись, я покрутил головой, чтобы сориентироваться;

картина вокруг осталась прежней. Повсюду, куда ни глянь, — переплетенные хрустальные ветви. Я лениво поднялся на ноги, подергал одну, другую. Прочно. Они превратились в стеклянную клетку.

Несколько веток поменьше я бы, может, поднатужился и сломал, но большая часть находилась в основном наверху, и это мне вряд ли чем-нибудь помогло. Те же ветки, которые я всадил в землю, были значительно толще, и, похоже, пока я спал, они капитально пустили корни. И как сильно их теперь ни пинай — толку от этого никакого.

Вся эта чертовщина меня жутко взбесила. Я размахнулся клинком, и во все стороны полетели осколки. Тогда я прикрылся плащом и несколько раз ударил еще. Ладонь моя стала влажной. Я посмотрел на нее и увидел кровь. Некоторые из осколков были острее бритвы. Я оставил клинок и опять вернулся к пинкам. Стены пару раз скрипнули, звякнули мелодичным звоном, но устояли.

Я не клаустрофоб, и моей жизни не грозила непосредственная опасность, но что-то в этой сверкающей стеклянной тюрьме меня раздражало. Может быть, оттого что ситуация была слишком уж неестественной. Я злился минут, наверное, десять, прежде чем заставил себя успокоиться до такой степени, чтобы соображать трезво.

Я вглядывался в путаницу ветвей и вскоре заметил, как где-то там, среди них, ровным цветом переливается тело Фракир. Я наложил на нее кончики пальцев и выговорил приказ. Ее яркость усилилась, она поиграла всеми цветами спектра и остановилась на красном жаре. Через пару-другую секунд я услышал первые скрипы.

Я быстро отодвинулся к центру огороженного пространства и с головой завернулся в плащ. Присаживаться было опасно — если какой-нибудь из верхних кусков грохнется на меня с высоты, то достанется мне будь здоров. Так что я стоял прямо и, особо не надеясь на плащ, прикрыл еще голову и шею руками.

Скрипы превратились в потрескивание, потом послышались хруст, скрежет и треск. Меня вдруг ударило по плечу, но я устоял.

Со звоном и треском моя стеклянная западня начала опадать. Я удержал позиции, хотя это и обошлось моей шкуре в несколько хороших ударов.

Когда звуки наконец стихли и я вновь посмотрел вокруг, то увидел, что крыша исчезла, а я стою, заваленный по икры, среди упавших ветвей из твердого, похожего на коралл материала. Некоторые из стеклянных стеблей, что росли по бокам, были расщеплены почти до земли. Другие торчали под самыми

неожиданными углами, и на этот раз пара прицельных пинков — и они лежали передо мной поверженные.

Плащ мой был местами разорван, Фракир, свернувшись колечком вокруг левой щиколотки, как раз собиралась переезжать на запястье. Под ногами, когда я оттуда сматывался, хрустела стеклянная дрянь.

Я причесался и отряхнул плащ. И шагал, должно быть, часа полтора, не меньше, пока не оставил этот край далеко позади. Остановку для завтрака я устроил себе в горячей, унылой долине, слабо пахнущей серой[103].

Я еще не покончил с завтраком, когда услышал неподалеку какой-то шум. Пурпурная тварь, рогатая и с клыками, мчалась вдоль гряды справа, преследуемая безволосым оранжевокожим созданием. У безволосого были клыки страшной длины и раздвоенный хвост. И обе — и охотник, и жертва — завывали на разные голоса.

Я кивнул. Вот-вот — одно наваждение преследует другое.

Земли, через которые пролегал мой путь, то горели у меня под ногами огнем, то звенели льдом; небеса были то дики, то мирны. Прошел не час и не два, и вот я увидел низкую гряду темнеющих у горизонта холмов. Над холмами вздымалось зарево. Наконец-то. Теперь осталось дойти до них и пробраться внутрь, и за последним, самым трудным барьером я увижу то, к чему шел.

Я двигался вперед. Поскорее бы разделаться с этой работой и заняться делами поважнее. С каким удовольствием, когда все закончу, я козырнусь обратно в Янтарь, вместо того чтобы возвращаться обратно той дорогой, которой шел. Сюда ведь я козырнуться не мог — этот уголок не существовал ни на одной карте.

Из-за того, что двигался я трусцой, сначала подумал, что вибрация идет от меня. Из заблуждения меня вывели вроде как случайно покатившиеся передо мной камешки.

Это еще откуда?

На мне уже перепробовали чуть ли не всё. Как будто моя странная Немезида работала строго по списку и очередь дошла до «землетрясения». Отлично. По крайней мере, поблизости ничего высокого, что могло бы на меня рухнуть.

— Смейся-смейся, сукин ты сын! — крикнул я. — Однажды, и очень скоро, тебе будет уже не до смеха!

И словно в ответ на мои слова тряска стала более яростной, и мне пришлось остановиться, иначе меня бы просто сшибло. Пока я осматривался, почва в одних местах начала оседать, в других — выворачиваться наизнанку. Я быстро оценивал ситуацию, не зная,

двигаться мне вперед, отступать или окапываться. Начали раскрываться небольшие разломы, послышались скрежет и вой.

Земля вокруг меня неожиданно провалилась — немного, дюймов на шесть — и ближайшие трещины стали шире. Я повернулся и рванул туда, откуда пришел. Земля там казалась не такой зыбкой.

Но, видно, это только казалось. Последовала особенно яростная дрожь, и я рухнул. Прежде чем мне удалось подняться, на расстоянии вытянутой руки появилась большая трещина. Она продолжала шириться у меня на глазах. Я вскочил, перепрыгнул через нее, споткнулся, опять поднялся и увидел новый провал — расширяющийся еще быстрее, чем тот, от которого я только что спасся.

Я еще раз подпрыгнул на опрокидывающейся столешнице земли. Теперь казалось, будто земля повсюду разорвана темными молниями трещин, которые раздвигались все шире под аккомпанемент ужасных стонов и скрипов. Большой кусок соскользнул в бездну. Мой маленький островок почти исчез.

Я прыгнул, потом еще, пытаясь попасть на более спокойный участок.

Это удалось не вполне. Нога потеряла опору, и я упал. Но все же ухитрился уцепиться за край. Затем я пару секунд повисел на руках и начал подтягиваться. Край стал крошиться. Я вцепился в него и взялся подтягиваться по новой. И снова повис, кашляя и ругаясь.

Я искал упора для ног в глинистой вертикальной стенке, на которой висел. Она слегка поддавалась от ударов моих сапог, я пытался выдолбить в ней углубления, смаргивая с глаз пыль и стараясь покрепче удерживаться руками за край. Я почувствовал, как Фракир освободилась, завязалась в небольшую петлю, свободным концом протекла по моим костяшкам в надежде отыскать что-нибудь достаточно прочное, что могло бы послужить якорем.

Но не нашла. Левая рука вновь сорвалась. Я висел на одной правой и судорожно шарил по кромке, ища, за что бы зацепиться. Но, кроме комьев осыпающейся земли, толку не было никакого. А тут еще начала соскальзывать моя правая.

Темная тень надо мной — сквозь пыль и над залитыми слезами глазами.

Правая рука сорвалась. Я оттолкнулся ногами в последней попытке выбраться.

И вдруг почувствовал, как мое запястье перехватили и тянут вверх. Могучей хваткой меня держала чья-то широкая ладонь. Мгновением позже к ней присоединилась вторая, и меня быстро и

ровно вытащили наверх. Я перевалил через край и наконец-то ощутил под собой твердую почву. Запястье освободили. Я прочистил глаза.

— Льюк!

Он был одет в зеленое, и носить клинок для него, должно быть, было не таким муторным делом, как для меня, потому что на правом боку у Льюка висело нечто мечеобразное вполне приличных размеров. На спине взамен рюкзака — скатанный плащ, а пряжку он носил слева на груди, наподобие отличительного знака; на пряжке было изображение золотой птицы — интересно, что это могло значить?

— Сюда, — сказал он, развернулся, и я поспешил за ним.

Мы двинулись, забирая влево, по касательной к той траектории, по которой я входил в долину. Почва, пока мы шли, делалась все устойчивее, и скоро мы с ним взобрались на низкий холм, который, похоже, толчки ничуть не задели. Мы остановились и посмотрели туда, откуда только что выбрались.

— Ни шагу дальше! — громыхнуло оттуда.

— Спасибо, Льюк, — пропыхтел я. — Не знаю, откуда ты здесь взялся и почему, но…

Льюк поднял руку.

— Сейчас мне больше всего хотелось бы выяснить одну вещь, — сказал он, потирая короткую бороденку, которой совсем недавно у него вроде бы не намечалось, и открывая моему взгляду кольцо на пальце с камнем синего цвета.

— Какую?

— Как это так получилось, что говорили сейчас твоим голосом? — спросил он.

— Ой-ей-ей. Вот и мне показалось.

— Кончай! — сказал он. — Ты должен об этом знать. Когда ты выкрикивал эти свои угрозы, а в ответ тебе приказывали возвращаться домой, каждый раз это делали твоим голосом… Как эхо.

— И сколько же времени ты за мной следишь?

— Прилично.

— Эти дохлые твари у щели, где был мой лагерь…

— Я убрал их, чтобы они тебе не мешали. Скажи мне, куда ты направляешься, и что у тебя там за штука?

— Знаешь, как раз сейчас у меня появилась одна догадка по поводу всех этих дел, но история это довольно длинная. А ответ лежит там, вон за той грядой.

Я махнул рукой в сторону зарева над холмами.

Льюк всмотрелся, куда я показывал, потом кивнул:

— Пошли.

— А как же землетрясение? — спросил я.

— Похоже, оно ограничивается только этой долиной, — сказал он. — Обогнем ее и пойдем дальше.

— Не знаю не знаю. Может, оно захочет встретиться с нами еще.

Льюк покачал головой.

— Сдается мне, — сказал он, — это не знаю что, которое не хочет тебя пускать, истощается после каждой своей попытки, и ему требуется некоторое время, чтобы восстановиться для следующего усилия.

— Но попытки делаются все чаще, — ответил я, — и с каждым разом эффективнее.

— Мы что, близко от их источника? — спросил он.

— Возможно.

— Тогда давай поторопимся.

Мы спустились по дальнему склону холма, поднялись на следующий, потом перевалили и этот. Трясло уже не так сильно, а через какое-то время толчки прекратились совсем.

Мы прошли еще по одной долине; сперва она увела нас в сторону, затем плавно повернула в нужном нам направлении, к последней гряде голых холмов, за которыми под небом с переливами от розовато-лилового до сиреневого на фоне низкого неподвижного, напоминающего белоснежную полосу облаков основания мы увидели мерцание огней. На этот раз все обошлось спокойно.

— Льюк, — спросил я чуть погодя. — Той ночью в Нью-Мексико, на горе? Что там тогда случилось?

— Мне пришлось уйти… причем быстро, — ответил он.

— А тело Дэна Мартинеса? Оно куда делось?

— Забрал с собой.

— Зачем?

— Мне не нравится оставлять улики после себя.

— Подробное объяснение, ничего не скажешь.

— Что поделаешь, — сказал Льюк и рванул трусцой.

Я нагнал его:

— И ты знаешь, кто я такой?

— Да.

— Откуда?

— Потом, потом. — Он зашагал быстрее.

Я подравнялся.

— А почему ты меня преследуешь?

— Я спас твою задницу или нет?

— Спас, спас, премного тебе благодарен. Но это опять ничего не объясняет.

— Давай, кто первый до того камня, — сказал Льюк и припустил бегом.

Я — тоже, и скоро его нагнал. Но сколько я ни старался, обогнать так и не смог. Вдобавок мы слишком уж тяжело дышали, чтобы спрашивать или отвечать.

Я поднажал. Он тоже, держась несколько впереди. До камня было еще далеко. Мы шли бок о бок, и последние силы я вложил в финальный рывок. Конечно, это было безумие, но мы столько раз до этого бегали наперегонки. Теперь это было скорее делом привычки. Плюс старое любопытство. Он ли чуть-чуть быстрее? Или я? Или чуть медленнее?

Руки у меня ходили как поршни — туда-сюда, ноги глухо топали по земле. Я восстановил контроль над дыханием и задал себе подходящий ритм. Я обошел его на микрон, и он ничего не смог со мною поделать. Камень вдруг оказался гораздо ближе.

Я держался первым, наверное, с полминуты, а затем он пошел на обгон. Поравнявшись со мной, он вырвался в лидеры. Пора пришпоривать.

Я быстрее заработал ногами. Кровь глухо колотилась в ушах. Я всасывал воздух и нажимал из последних сил. Разрыв снова стал сокращаться. Камень становился все больше и больше.

Я догнал его перед самым финишем, но вперед вырваться так и не смог. Мы промчали мимо камня бок о бок и одновременно повалились без сил.

— Фотофиниш, — выдохнул я.

— Согласен на ничью, — сказал Льюк и, подождав, добавил: — Я всегда тебе удивлялся… чтобы вот так — под конец.

Я прополоскал горло водой из фляги и передал Льюку. Он сделал то же самое и отдал ее мне обратно. Так, передавая друг другу, мы быстро ее приговорили.

— Проклятье, — сказал он, медленно поднимаясь на ноги. — Давай посмотрим, что за теми холмами.

Я тоже встал, и мы двинулись.

Когда дыхание у меня наконец пришло в норму, первое, что я сказал, было:

— Вот ты — ты обо мне до черта всего знаешь, а я о тебе почти ничего.

— Да, — сказал он после долгой паузы, — но очень бы мне хотелось не знать про тебя ничего.

— Ты это о чем?

— Не сейчас, — сказал он. — Потом. Просто ты не читаешь «Войну и мир» в перерывах на кофе.

— Не понимаю.

— Время, — сказал он. — Времени всегда или слишком

много, или его не хватает. Сейчас его не хватает.

— Ты меня совсем запутал.

— Если б так.

Холмы приближались, а почва под ногами по-прежнему оставалась плотной. Мы ровно шагали вперед.

Я подумал о догадках Билла, подозрениях Рэндома и предупреждении Мег Девлин. Еще я подумал о том странном боеприпасе, который нашел в куртке Льюка.

— То, к чему мы направляемся, — сказал Льюк, прежде чем я успел сформулировать новый вопрос, — это ведь твое Колесо-Призрак, верно?

— Да.

Льюк засмеялся. Затем:

— Значит, тогда, в Санта-Фе, ты говорил мне правду, когда рассказывал, что оно требует необычных условий внешней среды. Единственное, чего ты мне не сказал, это того, что ты уже нашел нужное окружение и построил эту штуку.

Я кивнул.

— Как там твои планы насчет компании? — спросил я.

— Я как раз хотел задать этот вопрос тебе.

— А что с Дэном Мартинесом… я имею в виду тот его разговор по поводу тебя?

— Не знаю. Я, правда, его не знаю. И по-прежнему понятия не имею, что ему было нужно и почему он принялся в нас палить.

— Льюк, ну а ты? Тебе-то что нужно со всего этого?

— Конкретно сейчас мне надо увидеть эту чертову штуку, — ответил он. — То, что она построена в этой глуши, наделило ее какими-то особыми свойствами?

— Да.

— Например?

— Например, такими, что мне просто в голову не приходили… к сожалению.

— Назови хоть одно.

— Извини, — сказал я. — В вопросы и ответы обычно играют двое.

— Эй, я же тот, кто вытащил тебя из дыры в земле.

— Я так понимаю, что ты еще и тот, кто пытался убить меня каждое тридцатое апреля.

— В последнее время я этим не занимался, — ответил он. — Честно.

— Ты хочешь сказать, что на самом деле пытался?

— Ну… в общем, да. Но у меня были причины. Это длинная история и…

— Господи Иисусе! Льюк, но почему? Что я тебе такого

сделал?

— Не так все просто, — ответил он.

Мы добрались до основания ближайшего холма, и Льюк принялся взбираться наверх.

— Не надо, — остановил я его. — Ты не перелезешь.

Он остановился.

— Почему?

— Атмосфера кончается в тридцати-сорока футах.

— Это что, шутка?

Я покачал головой.

— А на той стороне еще хуже, — добавил я. — Нам не найти прохода. Есть один, слева, отсюда довольно далеко.

Я повернулся и пошел в том направлении. Вскоре я услышал за спиной шаги Льюка.

— Значит, ты ему дал свой голос? — сказал он.

— А что?

— А то, что я теперь понимаю, что ты задумал и что происходит. В этом сумасшедшем месте, где ты его построил, оно стало разумным. Его понесло, и ты собираешься его отключить. Оно это знает, и у него есть сила, чтобы тебе помешать. Это ведь твое Колесо-Призрак пытается спровадить тебя назад, так?

— Возможно.

— А почему ты просто не козырнулся?

— Нельзя сконструировать Козырь для места, которое меняется постоянно. А ты что, много знаешь о Козырях?

— Достаточно, — сказал он.

Я увидел впереди проход, который искал.

Я подошел поближе и остановился перед тем, как войти.

— Льюк, — сказал я. — Я не знаю, чего ты хочешь и как ты сюда добрался, а сам ты, похоже, не очень-то собираешься мне об этом рассказывать. Так вот, я хочу дать тебе бесплатный совет. Это может быть очень опасно. И тебе, возможно, лучше вернуться туда, откуда ты появился, и дать мне возможность решить все проблемы самому. Какой смысл подвергать опасности еще и тебя.

— Думаю, смысл есть, — сказал он. — И потом, я ведь могу пригодиться.

— Как?

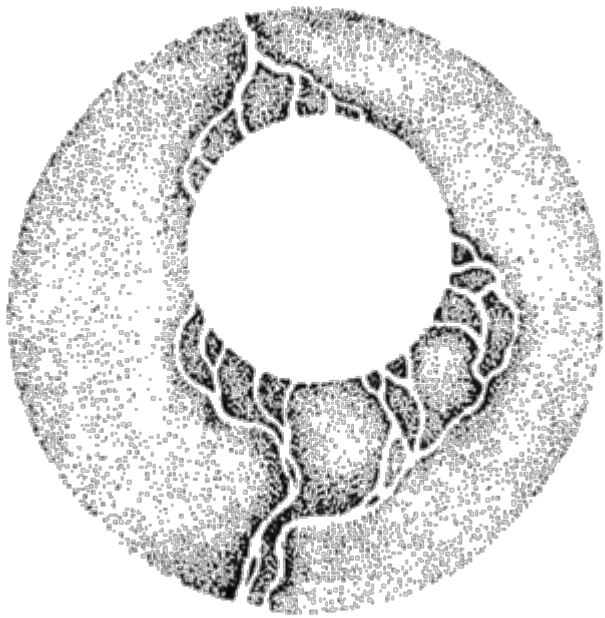
Он пожал плечами.

— Мерль, давай с ним подружимся. Уж очень хочется на него посмотреть.

— О’кей. Идем.

Я вошел в узкую расщелину, где скала была расколота надвое.

X



Расщелина была длинная и темная, местами приходилось протискиваться, и чем дальше мы продвигались вперед, тем делалось холоднее. Наконец мы вышли на каменный широкий карниз, обращенный к истекающей паром яме. В воздухе стоял запах, очень похожий на аммиачный; ноги мои замерзли, а к лицу, как обычно, когда я здесь появлялся, прилила кровь. Мне приходилось то и дело щуриться и моргать, пока сквозь перемещающиеся клубы я изучал, какие на этот раз очертания у лабиринта. Надо всем этим висела жемчужно-серая пелена. Ритмичные вспышки оранжевого пропитывали мрак изнутри.

— Ух ты… и где оно? — спросил Льюк.

Я показал прямо перед собой, туда, откуда разливалось мерцание:

— Вон там.

Как раз в этот момент клубы пара отнесло в сторону, открывая взгляду чередующиеся участки тьмы и сглаженные

хребты, разделенные черными откосами. Хребты зигзагами уводили к острову, сильно смахивающему на крепость; по кругу остров был огорожен низкой стеной, за которой виднелись какие-то металлические конструкции.

— Это же… лабиринт, — удивился Льюк. — Мы пойдем по проходам или по стенам, поверху?

Я улыбнулся, пока он его рассматривал.

— Лабиринт все время меняется, — сказал я. — Иногда он меняется сверху, иногда снизу.

— И как нам по нему пройти?

— Еще не знаю. Мне каждый раз приходится изучать его заново. Ты же видишь, он продолжает меняться, в этом-то весь и фокус.

— Фокус?

— Ну, на самом деле, фокусов здесь хватает. Вся эта хреновина плавает в озере жидкого водорода и гелия. Лабиринт постоянно движется. Каждую минуту он не такой, каким был. А потом еще — атмосфера. Если пойдешь по гребням, то во многих местах окажешься выше ее уровня. А без воздуха долго не протянешь. Плюс к тому — градиент температур — всего каких-то несколько футов подъема, и она меняется от жутко низкой до жутко высокой, как температура сковородки. Нужно знать, когда здесь ползти, когда карабкаться вверх, а когда делать что-нибудь еще — вот так мы и пойдем.

— Хорошо, а как ты узнаешь?

— О-о. За меня не бойся, внутрь я тебя проведу. Только не скажу как.

Из глубины опять начали подниматься клубы пара, скапливаясь в небольшие облака.

— Теперь я понимаю, почему ты не можешь сделать для него Козырь, — сказал Льюк.

Я продолжал примериваться к обстановке.

— Ну, ладно, — сказал я минуту спустя. — Сюда.

— А что, если эта штука нападет на нас в лабиринте? — спросил он.

— Если хочешь, можешь остаться.

— Нет. Ты действительно собираешься его выключить?

— Пока не знаю. Идем.

Я сделал несколько шагов вперед, забирая вправо. В воздухе рядом со мной возник бледный круг света, потом он сделался ярче. Я почувствовал на плече руку Льюка.

— Что… — начал он.

— Ни шагу дальше! — сказал мне голос, в котором я теперь явно признал свой собственный.

— Я думаю, мы сможем как-нибудь все уладить, — ответил я. — У меня есть парочка идей и…

— Нет! Я слышал, что сказал Рэндом.

— Я готов не подчиниться его приказу, если у тебя есть лучшие предложения.

— Ты пытаешься меня обмануть! Ты хочешь меня выключить.

— Этой демонстрацией силы ты всем делаешь только хуже, — сказал я. — Сейчас я приду и…

— Нет!

Из круга в меня ударило сильным порывом ветра. Я качнулся. Рукав у меня покоричневел, затем стал оранжевым. И истрепался прямо у меня на глазах.

— Что ты делаешь? Нам же надо поговорить, объясниться…

— Не здесь! Не сейчас! Никогда!

Меня швырнуло на Льюка; он поймал меня, припав на колено. На нас обрушился холод Арктики, и перед моими глазами заплясали кристаллы льда. А секунду спустя меня чуть ли не ослепили яркие разноцветные всполохи.

— Стой! — крикнул я, но толку от моего крика не было никакого.

Мне показалось, что почва уходит у меня из-под ног, и вдруг она исчезла совсем. И все же ощущения, будто мы падаем, не было. Скорее это походило на то, что мы висим в самом центре световой бури.

— Стой! — крикнул я еще раз, но слова отнесло прочь.

Круг света исчез, как будто отступив по какому-то длинному тоннелю. Тем не менее, даже несмотря на такую нервную перегрузку, я сообразил, что это не свет удаляется, это мы с Льюком удаляемся все дальше от света, что нас уже унесло достаточно далеко, и по идее мы должны были уже находиться где-то на полдороге внутрь холма. Но вокруг нас не было ничего плотного.

Что-то слабенько прогудело. Гудок перерос в жужжание, затем в приглушенный рев. Вдалеке я увидел крошечный паровой локомотив, одолевающий горный склон под невозможным углом, затем перевернутый вверх ногами водопад, полосу неба под зелеными водами. Мимо нас стремительно пронеслась парковая скамейка, на ней, вцепившись в сиденье, сидела синекожая женщина с выражением ужаса на лице.

Я яростно рылся в кармане, прекрасно зная, что в любой момент нас может уничтожить.

— Что… — проорал мне Льюк, его ладонь почти выползла из моей. — Что это такое?

— Теневая буря! — прокричал я в ответ и непонятно зачем

добавил: — Держись!

Мне в лицо швырнуло похожую на летучую мышь тварь, через мгновение ее унесло дальше, а на правой щеке остался влажный след от удара. Что-то стукнулось о левую ногу.

Изгибаясь и покрываясь рябью, мимо нас плыл перевернутый горный хребет. Рев усилился. Теперь вокруг пульсировал свет, он бился широкими разноцветными полосами, мы чуть не кожей ощущали его касания. Жар сиял, и пел ветер…

Я услышал, как вскрикнул Льюк, как будто его чем-то ударило, но помочь ему я все равно не мог. Мы пересекали район похожих на молнии вспышек, волосы встали дыбом, кожа зудела.

Я нашарил в кармане колоду карт и только успел их вытащить, как нас вдруг бешено завращало, и я испугался, что карты вырвет из рук. Я крепко держал колоду, плотно прижимал ее к телу, но перетасовывать не решался. Медленно, осторожно я стал подтаскивать ее поближе к лицу. Какая бы карта ни оказалась сверху, все равно она будет выходом.

Вокруг набухали темные пузыри и лопались, наполняя воздух ядовитыми испарениями.

Как только я поднял руку, то увидел, что кожа моя серого цвета и искрится флюоресцентными завитками. Ладонь Льюка, сжимающая мою, была как у трупа, а когда я посмотрел на него, мой взгляд наткнулся на ухмыляющийся оскал мертвеца.

Я отвернулся и снова сосредоточился на картах. Трудно было сфокусировать зрение в этой серости, когда перспектива все время теряется и убегает вдаль. Но в конце концов изображение на верхней карте стало яснее. Я увидел травянистый клочок земли, ласковую, тихую воду, кусочек чего-то прозрачного, как хрусталь, яркое пятно справа. Как давно это было?

Я старался ни на что не отвлекаться. Из-за плеча до меня пробовал докричаться Льюк, но что он там говорил, я не понял. Я вглядывался и вглядывался в Козырь, и он делался все яснее и четче. Но медленно, очень медленно. Справа мне что-то сильно садануло под ребра. Я стерпел и продолжал концентрировать внимание на карте.

Наконец картинка двинулась мне навстречу, выросла, стала больше. Появилось знакомое ощущение холода, изображение поглотило меня, я — его. От озера веяло неподвижностью и покоем — элегия да и только.

Я повалился ничком в траву, сердце тяжело билось, в боку кололо. Я задыхался, мое сознание все еще было наполнено ощущением мчащихся мимо меня миров — так бывает после долгой поездки, когда закрываешь глаза, а в них продолжают накручиваться бесконечные дорожные мили.

Последнее, что я почувствовал, когда терял сознание, — был запах чистой воды.

Я смутно догадывался, что меня тащат, куда-то несут, спотыкаются, ходят рядом. Потом сознание мое полностью отключилось, затененное сном и грезами.

…Я шел под низкими небесами по улицам разрушенного Янтаря. В высоте надо мной шествовал хромой ангел с огненным мечом, рубя им налево и направо. И куда бы ни опускался его клинок, столбами вздымались дым, пыль и огонь. Вместо нимба у него сияло мое Колесо-Призрак, плюющееся яростными ветрами, и мерзость, которой они были напитаны, окутывала лицо ангела, как темная живая вуаль; и повсюду, куда бы они ни падали, рождались хаос и разрушение. Дворец был наполовину в развалинах, рядом стояли виселицы, на них, раскачиваясь на ветру, висели тела моих родственников. В правой руке у меня был клинок, с левой свисала Фракир. Я уже карабкался вверх, чтобы встретиться со светло-темной своей Немезидой[104] — встретиться и сразиться. И пока я одолевал горние выси, сердце мое сжалось от мысли, что поражение неминуемо. Пусть так, решил я, но этот монстр все-таки уберется отсюда зализывать раны.

Он заметил меня, как только я подошел ближе, и повернулся ко мне лицом. Но самого лица я не видел, оно по-прежнему было скрыто тенью. Он поднял оружие. Я рванулся вперед, жалея только о том, что у меня не было времени отравить клинок. Я дважды повернулся, уходя в сторону, стараясь ударить куда-нибудь в область левого колена.

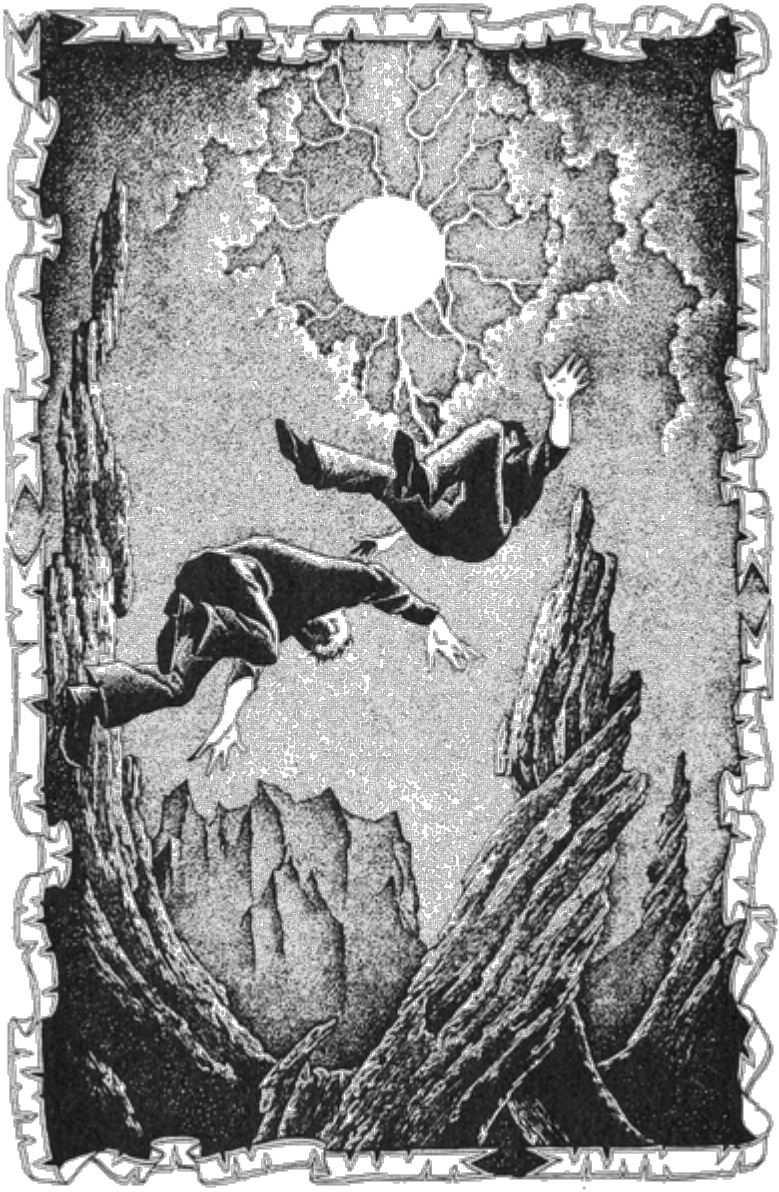
Глаза ослепило светом, и я падал, падал, сгустки света кружились вокруг меня, как огненная метель.

Падение растянулось на целые полтора столетия, и когда я наконец приземлился спиной на большой каменный стол, размеченный, будто солнечные часы, рядом со мной торчало вверх острие — еще немного, и я бы на него накололся; такое везение мне показалось безумным даже во сне. Во Дворах Хаоса солнечных часов нет, потому что там нету солнца. Я лежал во внутреннем дворике возле темной высокой башни, не способный двигаться, не то что подняться. Надо мной на низком балконе стояла моя мать Дара — такая, какой она обычно бывала, — и глядела на меня во всем своем грозном величии и красоте.

— Мам! — крикнул я. — Освободи меня!

— Я выслала тебе помощь, — ответила она.

— А что с Янтарем?



— А мой отец?

— Не говори мне о мертвых.

Стержень часов медленно повернулся, острие нависло над моим горлом, а потом медленно и неумолимо начало опускаться.

— Помоги мне! — закричал я. — Скорее!

— Где ты? — позвала она и повернула голову. Взгляд ее метался по сторонам. — Куда ты исчез?

— Я здесь, здесь! — завопил я.

— Где?

Я почувствовал, как острие стержня коснулось шеи…

Видение разбилось, развалилось на части.

Плечи мои подпирало что-то неподатливое и твердое, ноги были вытянуты вперед. Кто-то сжал мне плечо, шеи коснулась чья-то ладонь. Я услышал знакомый голос:

— Мерль, ты в порядке? Пить хочешь?

Я глубоко вдохнул, потом выдохнул. Несколько раз моргнул. Свет был синий, мир был полем из линий и углов. Возле моего рта появился черпак с водой.

— Вот. — Это был голос Льюка.

Я выпил до дна.

— Хочешь еще?

— Да.

— Сейчас.

Я услышал его тяжелые шаги, они удалялись. Я посмотрел на стену в шести-семи футах передо мной; она была слабо освещена рассеянным светом. Я потрогал рукой пол. Кажется, он был из того же материала, что и стена.

Вскоре вернулся Льюк и, передав мне ковш, улыбнулся. Я осушил его и отдал обратно.

— Еще? — спросил он.

— Нет. Где мы?

— В пещере… большой такой, симпатичной.

— Где ты взял воду?

— Вон там. — Он ткнул пальцем куда-то вбок. — Там несколько бочек. И куча еды. Есть хочешь?

— Пока нет. Ты в порядке?

— Так, помяло немного, — ответил Льюк, — но в общем цел. Вроде бы у тебя тоже сломанных костей нет, только на лице ссадина, но крови уже не видно.

— Спасибо, утешил, — сказал я.

Я неуверенно поднялся, последние отголоски снов медленно отступали прочь. Потом я увидел, что Льюк повернулся и куда-то уходит. Я двинулся было за ним, но тут мне в голову пришла мысль спросить:

— Ты куда собрался?

— Вон туда. — Он показал черпаком.

Через дырку в стене я прошел за ним в холодную пещеру размером примерно с мою старую гостиную. Вдоль стены слева стояли четыре большие бочки, Льюк подошел к самой ближней и повесил черпак на край. У дальней стены была сложена огромная груда коробок и куча мешков.

— Консервы, — объявил Льюк, — фрукты, овощи, ветчина, лосось, бисквиты, варенье. Несколько ящиков вина.

Коулмановская печь. Лекарство от простуды. Даже пара бутылок коньяка.

Он повернулся и быстро прошел мимо меня, опять направляясь в зал.

— А теперь ты куда? — спросил я.

Но он не ответил. Мне пришлось поторопиться, чтобы от него не отстать. Миновав несколько боковых ходов и проемов, мы остановились около одного из них. Льюк кивнул:

— Там отхожее место. Просто дыра, а сверху несколько досок. Между прочим, мудрая мысль держать его прикрытым, когда не пользуешься.

— Какого черта? — спросил я. — Зачем все это?

Льюк поднял руку:

— Все станет ясно через минуту. Сюда.

Он завернул за сапфировый угол и исчез. Почти полностью потеряв ориентировку, я двинулся в том направлении. После нескольких поворотов и одного возвращения я почувствовал, что заблудился вконец. Льюка нигде не было видно.

Я остановился и прислушался. Никаких звуков, кроме моего собственного дыхания.

— Льюк! Ты где? — позвал я.

— Здесь, над тобой, — послышался его голос.

Он звучал сверху и откуда-то справа. Я нырнул под низкую арку и попал в ярко-синее помещение из такого же кристаллического вещества, как и все остальное. В углу я заметил спальный мешок и подушку. Из небольшого отверстия примерно в восьми футах выше меня струился свет.

— Льюк?

— Я здесь, — донеслось в ответ.

Я остановился под самой дырой и, щурясь от яркого света, посмотрел вверх. Из-за света что-нибудь разглядеть было трудно, пришлось прикрыть ладонью глаза. Надо мной вырисовывались плечи и голова Льюка, волосы его были короной медного пламени — то ли в них отражался свет раннего утра, то ли вечерней зари. Он опять улыбался.

— Это что, выход?

— Выход, — ответил он. — Для меня.

— Как это понимать?

Сверху раздался скрежет, и света сделалось меньше — часть отверстия закрыл огромный валун.

— Что ты делаешь?

— Двигаю камень. Сейчас я сделаю так, чтобы можно было быстренько перекрыть отверстие, — отозвался он, — а потом я воткну несколько клиньев.

— Зачем?

— А для воздуха мелких отверстий и так хватает, — продолжал Льюк. — Так что не задохнешься.

— Замечательно. И все-таки почему я здесь?

— Давай не будем заниматься экзистенциализмом, — сказал он. — Это не семинар по философии.

— Льюк! Что за черт! Я не понимаю.

— По-моему, и дураку ясно, что ты у меня в плену, — сказал он. — Между прочим, синий хрусталь блокирует любые козырные послания и нейтрализует твои магические способности. Сейчас ты мне нужен живым и с вырванными клыками, и в таком месте, где я по-быстрому могу до тебя добраться.

Я присматривался к отверстию и окидывал взглядом стены.

— Зря стараешься, — сказал он. — Сегодня на коне я.

— А тебе не кажется, что ты все-таки должен мне кое-что объяснить?

Мгновение Льюк внимательно смотрел на меня, затем кивнул.

— Мне придется вернуться, — сказал он наконец, — и попробовать установить контроль над Колесом-Призраком. Предложения есть?

Я рассмеялся.

— На данный момент он со мной не в лучших отношениях. Боюсь, тут я тебе ничем помочь не смогу.

Льюк опять кивнул.

— Я просто прикину, что можно сделать. Бог мой, что за оружие! Если у меня не получится, я вернусь и пошарю в твоих в мозгах на предмет каких-нибудь новых идей. Ты подумай об этом, о'кей?

— Я о многом подумаю, Льюк. И кое-какие из этих идей тебе не понравятся.

— Не очень-то много можно сделать, пока ты здесь.

— Да, — сказал я, — пока не много.

Он взялся за валун и начал его сдвигать.

— Льюк! — крикнул я.

Он остановился и посмотрел на меня — такого лица я у него еще ни разу не видел.

— На самом деле меня зовут не так, — сказал он спустя мгновение.

— А как?

— Я — твой кузен Ринальдо, — медленно произнес он. — Это я убил Кэйна и почти добрался до Блейса. Правда, с бомбой на похоронах вышла промашечка. Кто-то меня засек. Я разрушу Дом Янтаря, с твоим Колесом-Призраком или без, — но если у меня

будет такая сила, то все будет совсем несложно.

— Какая сука тебя укусила, Льюк… то есть Ринальдо? К чему эта вендетта?

— Сначала я выбрал Кэйна, — продолжал он. — Это он убил моего отца.

— Я… не знал. — Я уставился на застежку с фениксом, блестевшую у него на груди. — Я не знал, что у Брэнда был сын.

— Теперь, старик, ты об этом знаешь. Это вторая причина, по которой я не могу позволить тебе уйти и почему мне приходится держать тебя в этой дыре. Не хочу, чтобы ты предупредил остальных.

— У тебя не хватит сил справиться.

Несколько секунд Льюк молчал, а после пожал плечами.

— Выиграю я или проиграю — а попробовать придется.

— Почему вдруг тридцатое апреля? — спросил я. — Скажи.

— В этот день я получил известие о папиной смерти.

Льюк налег на валун, и тот полностью заложил дыру. Послышались короткие удары молотком.

— Льюк!

Он не ответил. Через полупрозрачный камень я видел лишь его смутную тень. Чуть погодя тень выпрямилась, затем пропала совсем. Я слышал, как снаружи стучат его сапоги.

— Ринальдо!

Он не ответил. Звук шагов становился тише.

Дни своего заключения в синем хрустале я считал по меняющемуся освещению стен. Минуло больше месяца, хотя я не знал, быстро или медленно здесь движется время по отношению к прочим теням. Я обошел каждый зал и исследовал каждый угол большой пещеры, но выхода не нашел. Козыри здесь не срабатывали, даже Козыри Судьбы. Магия была бесполезна, дальше стен цвета кольца, которое носил Льюк, она не могла проникнуть. Я готов был даже на время окунуться в безумие, но разум отказывался сдаваться, слишком много загадок мне не давали покоя: Дэн Мартинес, Мег Девлин, моя Леди Озера… Почему? И почему он провел все эти годы в моей компании — Льюк, Ринальдо, мой враг? Мне нужно найти способ предупредить остальных. Если ему удастся настроить против них Колесо-Призрак, тогда мечта Брэнда — мой ночной кошмар об отмщении — станет реальностью. Теперь я вижу, что совершил много ошибок… Прости меня, Джулия… Я снова и снова мерял шагами меру своего наказания. Где-то должна быть брешь в этой синей ледяной логике, которая меня окружала; логике, в которую я швыряю свой разум, крики, свой горький смех. Вверх по залу, в

тоннель. Синева повсюду. Тени не унесут меня прочь, потому что здесь нет теней. Я — Мерлин Скованный, сын Корвина Пропавшего, и моя мечта о свете обращена против меня. Я шатаюсь по тюрьме, сам себе призрак. Я не могу позволить, чтобы все закончилось так. Наверное, следующий тоннель, или тот, который за ним…

Словарь имен

Бансес (Bances) — banc — скамья, на которой сидит судья в суде; in bances — присутствие суда в полном составе, полный двор.

Бенедикт (Benedict) — благословенный. Орден св. Бенедикта, первый монашеский орден на Западе, представлял собой военный отряд монахов, проповедовавших аскезу, что в самом основном значении есть «военная подготовка». В кельтском эпосе существует аналог этого персонажа — непобедимый воин Нуаду («собиратель облаков»), который, потеряв в бою руку, не мог больше править Племенами и отказался от трона; впоследствии врачеватель Диан Кехт заменил ему руку протезом из серебра и хрусталя, который двигался как живая рука. Св. Бенедикт — покровитель всей Европы.

Блейс (Bleys) — предположительно от blaze — вспышка, сияние; в тексте постоянно подчеркивается рыжий цвет волос Блейса, напоминающих пламя.

Брэнд (Brand) — brand — выжженное место, головня, факел, участок горящего леса, а также клеймо, выжигаемое на коже преступника.

Виалль (Vialle) — виал, иногда фиал, небольшой сосуд для хранения жидкостей, часто стеклянный.

Грейсвандир (Crayswandlr) — имя меча может означать как Серый Лебедь, в которых, по преданию, воплощались серые ангелы, так и Серое Заклятие. Серебряные мечи принадлежали магам, использовавшим их для колдовства, для уничтожения оборотней и прочей нечисти, а также по прямому назначению. В тексте с именем Грейсвандир употребляется женский род, потому что по традиции все мечи, имеющие имя, — женского рода.

Глайт (Clait) — есть такое ощущение, что имя змейки собрано из слов glide — скользить и skate — катиться.

Далт (Dalt) — daleth — четвертая буква еврейского алфавита, означающая «дверь» или «привратник».

Дваркин (Dworkin) — в корне имени присутствует явный намек на dwarf — карлик. В слове — kin — уменьшительно-ласкательный суффикс. Что-то вроде «Карличек». Если быть совсем точным, дварфы (отныне мы будем называть их именно так) к гномам не имеют ни малейшего отношения. Произошло это слово от староанглийского dweorg, а то, в свою очередь, — от германского zwerg (цверг). Цверги в германо-скандинавской мифологии — природные духи, как и альвы (эльфы). Иногда цвергов называют черными альвами, в отличие от светлых, или

белых. Живут они в земле, подобно червям, от которых произошли; дневной свет губителен для них; они искусные кузнецы, они изготовили сокровища асов и молот Тора.

Джарт (Jurt) — jurat — посвященный; присягнувший.

Джасра (Jasra) — jass — карточная игра для двоих человек, в которую играют колодой из тридцати шести карт (без младших, начиная с шестерки); также название козырного валета.

Джулиэн (Julian) — возможна аллюзия на римского императора Флавия Клавдия Юлиана, имевшего прозвище Отступник. Император Юлиан пытался изгнать христиан из империи и восстановить язычество.

Джулия (Julia) — julia — «сноп»; тот же корень, что и в имени Джулиэн.

Корал (Coral) — коралл, также женское имя.

Корвин, Кэвин (Corwin) — от corvinus, то есть имеющий свойства ворона, принадлежащий к воронам, вороненок. В ирландской традиции вороны — боевые птицы. Облик воронов принимают богини войны и разрушения Бадб и Морриган. И как говорят на Британских островах: «Пока вороны живут в Тауэре, Англия может спать спокойно». Во многих мифологиях ворон связан с царством мертвых и со смертью, с кровавой битвой, он посредник между мирами — небесным, земным, загробным (подземным или морским), а также первопредок, демиург, могучий шаман или колдун, имеет большую семью и очень любит поесть. В имени главного героя есть также аллюзия на сэра Гавейна, одного из самых популярных героев фольклора и средневековой литературы, персонаж, в котором сочетаются благородство и коварство, добродушие и мстительность.

Кэйн (Caine) — в Ирландии и Шотландии так называлась плата за землю в виде продуктов, а также штраф, взятый натурой. К библейскому Каину имеет отношение разве что по созвучности имен, хотя в десятой книге «Янтарных хроник» г-н Желязны именует его героем-братоубийцей.

Лльюилл (Llewella) — вероятно, от lew — луг, луговая трава. В Англии существует мужское имя Лльюиллин; возможно, имя принцессы — женская форма от него.

Льюк (Luke) — укороченное от Lucas. Возможна отсылка на св. Луку — евангелиста и живописца, одного из семидесяти учеников Вседержителя, посланных в мир. Отличался удивительной верностью.

Мандор (Mandor) — в йеменской мифологии существуют демоны по имени мандах, духи-хранители дома, очага, семьи и человека лично. В общем, Мандор занимается чем-то очень похожим. Кстати, у древних ирландцев черно-белое сочетание

цветов, как и зеленый цвет, считались цветом потустороннего, демонического мира, но не злобного, а скорее наоборот.

Мерлин (Merlin) — merlin — «кречет»; в кельтской мифопоэтической традиции и «Артуровском» средневековом цикле маг, поэт и провидец; сын инкуба — демона в мужской форме, вступающего в сношение со спящей женщиной, — воспитывался у фейери в полых холмах, предпочитает творить свои чары под сенью дуба. Существует вероятность прототипа — Мирддин Дикий.

Оберон (Oberon) — правитель эльфов, по одной легенде живущий во дворце за широкой рекой, по другой, более ранней, — в холме эльфов. Имя происходит от Альберих, что в дословном переводе и означает «король эльфов». В поздней английской литературной традиции Оберон обязан своим маленьким ростом проклятию, наложенному на него за любвеобильность.

Рэндом (Random) — random — выбранный или сделанный наугад, случайно; случайный; at random — наобум, наудачу.

Сугуи (Suhuy) — sough или sugh — топкое, болотистое место; hue — оттенок.

Эрик (Eric) — eric — так называлась у древних ирландцев плата родственникам за убитого члена семьи.

notes

Примечания

1

В некоторых мифологиях, в частности кельтской, на юге находится царство мертвых, область смерти, из которой не возвращаются (в отличие от запада, откуда еще есть возможность вернуться). Кроме того, Логрия, или Логрское королевство, находится южнее земель, населенных кельтами.

2

Déjà vu — от французского «уже виденное», иллюзия, что уже видел или переживал происходящее, хотя все происходит впервые.

3

В основе неэвклидовой геометрии, созданной Георгом Фридрихом Бернхардом Риманом, Янушем Бойяи и Николаем Лобачевским, лежит отрицание четвертого постулата Эвклида, что через одну точку на плоскости можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной прямой. В результате можно построить модели многомерных пространств.

4

Брейк — сольная импровизация в джазе.

5

«Пыльным дьяволом» называется небольшой вихрь, диаметром от 10 до 100 футов (от 3 до 30 метров) и высотой от нескольких сотен до 1000 футов (300 метров); обычно появляется в сухих районах в жаркий спокойный полдень, виден он потому, что собирает пыль, щепки и песок с земли. От смерча отличается отсутствием связанных с ним кучево-дождевых облаков и ничтожностью разрушений.

6

Эффект Допплера — изменение длины волны (или частоты), возникающее при движении источника волн относительно их приемника. При приближении к источнику длина волны уменьшается, при удалении — наоборот. Эффект назван именем Кристина Допплера (1803–1853), австрийского физика и астронома, в 1842 г. указавшего на существование такого эффекта.

7

Мальстрем — известный водоворот у северо-западных берегов Норвегии, настолько известный, что любой большой и мощный водоворот стали называть его именем, которое в переводе с голландского означает «перемалывающий поток».

8

Кэрролл, Льюис — псевдоним Чарлза Лютвиджа Доджсона (1832–1898), английского писателя, математика и логика.

9

Arguendo (лат.) — то есть спорно.

10

Нарциссизм — склонность к преувеличенному самолюбованию, самовлюбленности; название происходит от имени героя эллинского мифа, Нарцисса, очень красивого юноши, который влюбился в собственное отражение в воде и умер от этой любви. Боги превратили его в цветок с тем же именем.

11

Шелта тари — тайный язык кельтов, применяемый в бою.

12

Архангел — греч. archangelos, то есть «ангелоначальник», в христианских представлениях старшие ангелы, в иерархии стоят ниже властей (особого рода космических духов, воплощающих принцип повелевания в послушании, непогрешимой иерархической стройности) и выше собственно ангелов. Впервые термин появляется в грекоязычной иудейской литературе предхристианского времени. Представляет собой искаженное словосочетание sar haggadol («великий князь»). Древнее предание говорит о семи Архангелах, самый известный из которых, пожалуй, Михаил, верховный военачальник небес, полководец ангелов и людей в космической войне с дьяволом. Сравним текст из «Апокалипсиса Иоанна Богослова»: «И я видел семь Ангелов… и дано им семь труб», «Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела».

13

Кайрн — кельтское сооружение в виде пирамиды из камней, предназначенное для обозначения какого-либо особого места или места чьего-нибудь погребения.

14

Свифт, Джонатан (1667–1745) — ирландский писатель и политический деятель, декан собора Св. Патрика. В первой части его романа «Путешествие Гулливера» главный герой попадает в страну лиллипутов.

15

Джига — быстрый подвижный танец с прыжками и подскоками для одного и более человек, обычно исполняемый на счет «раз-два-три».

16

В средние века часто комету описывали как огромный меч с короной или как руку, сжимающую меч. Тогда же кометы считались вестницами несчастий, эпидемий и войн. За время жизни на тени Земля Корвин мог видеть комету Галлея, вызвавшую немалый переполох.

17

Айзек Дайнесен — псевдоним Карен Бликсен, норвежской писательницы в жанре «хоррор», автора известной книги «Семь фантастических рассказов».

18

Солипсизм (от латинского solus — единственный, ipse — сам) — доведенный до крайности субъективный идеализм, когда несомненной и единственной реальностью признается только свое «я», а все остальное объявляется существующим лишь в его сознании. В этическом смысле: крайний эгоизм, эгоцентризм.

19

Армагеддон — место, где произойдет последняя битва между силами добра и зла; существует версия, что название происходит от города Мегиддо.

20

Весь эпизод с Девой — парафраз стихотворения «La Belle Dame Sans Mercy» английского поэта Джона Китса (1795–1821). Рекомендуем ознакомиться с этим стихотворением в переводе Л. Андрусона.

21

Дева озера — она же Озерная дева, или Владычица Озера. Существует несколько разных историй: по одной из них, Дева озера воспитывает в волшебном замке сэра Ланселота, одного из рыцарей Круглого Стола, по другой — ей принадлежит меч короля Артура Эскалибур, который волшебная рука держала над ее озером, пока король Артур не попросил его у Девы.

22

Арбалеты обычно различаются по способу взвода — натяжения — тетивы. В первом, более древнем случае тетиву оттягивают специальным крючком, затем кладут стрелу и крючок отпускают. Стрела улетает. Во втором случае тетива натягивается рукояткой, которую крутят либо взводят рычагом, как у карабина, а спускается она «собачкой», как в огнестрельном оружии.

23

Эскарп — искусственное земляное заграждение в виде высокого (2–3 метра) крутого среза или ската местности, обращенного к противнику; название происходит от фр. escarpe — крутой склон.

24

Хуги (Hugi) — одного из воронов Одина звали Хугин, то есть «думающий». Само слово «хуги», встречающееся в загадке из «Младшей Эдды», означает «мысль». Что интересно: Один — отец колдовства и заклинаний, покровитель поэзии — изначально не был верховным богом и соответствовал германскому Водану, хтоническому демону, покровителю воинских союзов и колдуну. В более поздних легендах фигурирует как предводитель «дикой охоты» — кавалькады душ мертвых воинов. Итак, главный герой «Янтарных Хроник» принц Корвин наделен чертами божественного шамана Одина, демона-колдуна Водана, демиурга Ворона и опять-таки божественного колдуна Велунда (он же Воланд), выковавшего свой меч из лунного света на горе, поддерживающей мир. Иными словами, Корвин — создатель мира, отвечающий за его сохранность и несущий в себе семена разрушения этого мира.

Игг (Igg) — Иггдрасиль, в скандинавской мифологии мировое древо, гигантский ясень, являющийся структурной основой мира, древо жизни и судьбы, соединяющее разные миры: небо, землю, подземный мир, всего девять миров. Слово «Иггдрасиль» дословно означает «конь Игга», то есть Одина (Игг — одно из его имен, означающее «страшный»). Пронзенный собственным копьем, Один девять дней провисел на этом дереве. Также название дерева подчеркивает роль дерева как пути, по которому шаман (в частности Один) странствует из одного мира в другой.

25

Моралите — в средневековом западноевропейском театре: представление нравоучительного характера с аллегорическими, олицетворяющими различные добродетели и пороки, персонажами.

26

Вагнер, Рихард (1813–1883) — немецкий композитор, автор опер «Золото Рейна», «Кольцо Нибелунгов» и прочих. Его музыку отличают торжественные драматические финалы.

27

Белый шум — в акустике шум, спектральные составляющие которого равномерно распределены по всему диапазону слышимых частот (например, шум водопада).

28

Кульверт — канава для отвода воды или канал, который пересекает дорогу, проходя под ней через специальное отверстие.

29

«Вероника» — термин из корриды, один из приемов, которым тореадор пропускает мимо себя быка, раздразненного плащом. Очень изящный, красивый и очень сложный маневр. На его основе существуют несколько приемов, как и указанная «обратная вероника».

30

Мейс — оружие типа дубины с металлическим острым наконечником с одной стороны и деревянным утолщением в виде молота с другой, из-за этого молота и получило свое название — «молоточек»; довольно часто употреблялось в средние века.

31

Виверн — в геральдике: двуногий крылатый дракон с задней частью тела в виде змеи с колючим хвостом.

32

В последней главе «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла героиня восклицает, что все ее окружающие всего лишь колода карт, после чего налетает вихрь и персонажи взлетают в воздух рассыпающейся колодой и превращаются в опадающие листья.

33

Джокер — «шутник», дополнительная карта, обычно одна или две в колоде, обычно с картинкой шута, используется в некоторых играх как высшая карта; в покере, например, комбинация каре (четырех карт одного достоинства) и джокера бьет все остальные. Джокера можно объявить любой картой любой масти.

34

В переводе с французского означает предложение вышеуказанной Кармен пойти прогуляться. Цитируется опера «Кармен».

35

Тридцатого апреля, в ночь, предшествующую Дню св. Вальпургии, ведьмы устраивают шабаш, слетаясь на гору Брокен, чтобы жечь костры, плясать и творить прочие безобразия.

36

Фамилия Льюка франкоязычная, хоть слегка и подогнана под английское произношение, и означает имя лиса в средневековом «зверином эпосе». Широко известен Лис Рейнеке, но уже у немцев.

37

Wanderjahr — с немецкого «год странствия»; время после завершения образования, посвященное или образовательным путешествиям, или переездам в поисках бытового устройства.

38

То есть построенному в викторианском стиле 1840–1900 гг., характерными чертами которого является смешение готики и барокко, резной пышный орнамент, темные цвета. Название произошло от имени английской королевы Виктории.

39

Патио — внутренний дворик, засаженный зеленью, иногда деревьями, огражденный от улицы стеной дома или же самим домом. Вход в патио устраивается прямо из дома.

40

Фидо — как и Ровер, распространенная в Штатах собачья кличка.

41

Имеется в виду залив Золотой Рог, раз дело происходит в Сан-Франциско.

42

Сирены — в греческой мифологии демонические существа, полуптицы-полуженщины, унаследовавшие от отца (реки Ахелой) буйный характер, а от матери (музы Мельпомены, иногда Терпсихоры) — дивный голос. Они обитают на скалистом острове, куда жертвы заманиваются пением. В классической античности превращаются в сладкоголосых милых девушек, каждая из которых сидит на одной из восьми небесных сфер мирового веретена Ананке, создавая своим пением величавую гармонию космоса, но, кажется, в виду имелись первоначальные дикие, хтонические сирены.

43

Копы — сокращение от copper, имеются в виду полицейские. Изначально слово было бранным, потом так широко вошло в обиход, что сами полицейские начали им пользоваться. По одной из версий, прозвище сначала получили английские полисмены из-за напоминающих медные котлы головных уборов. Правда, по-английски это слово означает еще и «дрянь».

44

В оригинале стоит drugstore — «аптечная лавка», на самом деле представляющая из себя сочетание аптеки, закусочной и места отдыха.

45

Клубный сэндвич — обычно трехслойный сэндвич, состоящий из холодного цыпленка или индюшки, ветчины, листьев салата, томатов, майонеза и так далее.

46

Суфизм (от араб. суфи, букв. — носящий шерстяные одежды) — мистическое течение в исламе, зародившееся в VIII в. на территории современных Ирака и Сирии. Для суфизма характерны следующие черты: большое значение придается аскетической практике; учение о постепенном приближении прозелита через мистическую любовь к познанию Бога и конечному слиянию с ним; значительная роль старца-наставника, ведущего ученика по мистическому пути до момента слияния с Богом.

Гурджиев, Георгий Иванович — один из самых известных магов, родился в 1873 г. в Александрополе в Закавказье, в первые сорок лет жизни много путешествовал, посещая монастыри по всей Европе и Азии в поисках секретного знания, тысячелетиями передаваемого, по его предположению, из уст в уста. Основная идея Гурджиева заключается в том, что человек фактически все время спит и лишь изредка у него бывают случайные пробуждения. «Проснуться возможно, но трудно».

47

Самадхи — в индуизме и буддизме созерцание объекта медитации, рассматриваемое как одна ступень, на которой различие между объектом и субъектом сохраняется, и другую ступень, на которой все различия поглощены. На санскрите слово имеет значение «слияние, глубокое созерцание».

48

Гуру — на санскрите «почтенный, имеющий вес»; наставник, преподающий личные религиозные наставления.

49

Таро — необычные карты, предшественники наших современных карт. До сих пор они используются как для предсказания будущего, так и в игре, называемой «тарочини» или «тарок». Считается, что Таро были изобретены древними египтянами, как хранилище их оккультной мудрости, и перенесены в Европу цыганами. По другой версии, карты были созданы группой ученых-каббалистов в 1200 г. То, что теперь считается стандартной колодой, состояло из четырех мастей, по четырнадцать карт в каждой — Король, Королева, Рыцарь, Паж (наш Валет) и десять чисел до Туза. Масти были следующими — Мечи, Чаши, Монеты, или Пентакли, и Жезлы, или Посохи. При гадании карты раскладывались определенным образом и читались, так как каждой карте соответствовало особое значение. Картинки могли трактоваться по-разному, в зависимости от того, как ложились окружающие карты.

Каббала — от древнееврейского слова qabbalah, то есть «традиция» — система эзотерической теософии, развитая раввинами с VII по XVIII в. и оказавшая определенное воздействие на христианских мыслителей средневековья и Ренессанса. Каббала основана на мистическом методе интерпретации Писания, когда посвященный претендовал на проникновение в священные тайны и предсказание будущего. Среди основных доктрин — утверждение, что все существа являются эманацией, то есть порождением Божества, и что душа существует извечно.

Золотая Заря — точнее, Орден Золотой Зари, крупное оккультное общество в Англии, созданное в конце XIX в. Бесценной собственностью общества являлась таинственная зашифрованная рукопись, имеющая отношение к некоторым разделам Каббалы и картам Таро.

Изгнанный из Золотой Зари поэт и художник Алистер Кроули основал собственное общество. Вся поэзия и магические работы Кроули были пронизаны сексуальностью. Вообще свою магию он называл магией сексуальности.

Форчун — Дион Форчун, автор книги «Мистический каббализм», которая вместе с работой Кроули «Магия в теории и практике» представляют два фундаментальных камня современного оккультизма.

50

Ego — «я», личность как думающая, чувствующая, желающая самостоятельная величина, отдельная от самостоятельных величин других людей и объекта мысли. В психоанализе: часть психического аппарата, которая переживает и реагирует на внешний мир и таким образом посредничает между примитивными побуждениями Id и требованиями социального и физического окружения.

51

Чарлз Мэнсон — глава группы мистического толка, который печально известен тем, что вместе со своими последователями зверски убил беременную Шарон Тейт, киноактрису, жену режиссера Романа Полански. На суде утверждал, что совершил это под влиянием «голоса свыше».

Волхв — имеется в виду персонаж романа Дж. Фаулза «Волхв», который проводил над главным героем этой книги весьма утонченные и нетривиальные психологические опыты.

52

Коран — священный текст ислама, разделенный на сто четырнадцать сур, который был продиктован пророку Мухаммаду Божьим вестником Джабраилом (в варианте христиан Гавриилом или Габриелем) и является для мусульман основанием для закона, религии, культуры и политики. Название происходит от арабского quran, что значит «книга, чтение».

Веды — с санскрита: «знание», полное собрание индийских священных писаний, главными среди которых являются четыре книги — Риг-веда, Сама-веда, Атхарва-веда и Иахур-веда.

53

Доктор Фауст заключил соглашение с Мефистофелем, что тот будет его слугой до того момента, когда доктор не решит, что все его желания выполнены, ему больше нечего желать. Слова Фауста: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно» — чуть не стоили ему души.

54

Страна Фейери — страна сказок, волшебства и магии, населенная Маленьким Народом, Фейери. Иногда она — за горизонтом, иногда — под ногами. Было время, когда считали, что эта страна — реальный географический район. В Уэльсе сначала думали, что она лежит к северу от их горного края, затем — на таинственном, скалистом и туманном западе полуострова Пембруксшир. Позже страна переместилась с Пембруксширского берега на остров, лежащий в Ирландском проливе. Иногда этот остров видят с моря и даже высаживаются на него, но затем он вдруг исчезает, приводя в смущение и замешательство. Ирландцы называют призрачный остров Хай Бризэйл (Hy Breasail), и, по их мнению, он лежит на западе.

Эдем — мифическая страна в Азии, где Бог насадил Райский сад для блаженного проживания Адама и Евы.

55

В переводе с латыни данная фраза означает «время летит», то есть проходит незаметно.

56

Контрапункт — то же, что и полифония, вид многоголосия, когда одновременно звучат две или более сравнительно независимых мелодий.

57

Граффити — слова, фразы, иногда рисунки, выполненные краской на тротуарах, стенах домов и общественных уборных.

58

«Джек Дэниэльс» — один из самых дорогих сортов виски.

59

Пентаграмма — правильный пятиугольник, на каждой стороне которого построены равнобедренные треугольники, равные по высоте. Не путать с Пентагоном, являющимся просто правильным пятиугольником без всяких построений внутри. Собственно говоря, это обычная пятиконечная звезда, используемая пифагорейцами как символ «золотого сечения», а позднее магами и колдунами. Пентаграмма, одно острие которой направлено вверх, отпугивает нечисть, в том случае, если вверх направлены два острия, пентаграмма символизирует Дьявола и притягивает темные силы.

60

Шагал, Марк (1887–1985) — живший во Франции и США художник еврейского происхождения, выходец из России. Отличался крайне необычным восприятием мира. Его фантастически-ирреальные работы часто были написаны на фольклорные или библейские темы.

61

Основой всего каббализма является диаграмма, известная как «священное дерево», или Древо Жизни, состоящая из десяти кругов, соединенных двадцатью двумя линиями. Десять кругов являются эманациями (излучениями) — сефир — бога. Это диаграмма гностицизма: она представляет Сотворение как падение от высшего божества до земного царства. Душа начинает свой путь вниз, продвигаясь через десять кругов.

62

Обсидиан — стекловидная вулканическая порода, сходная по строению с гранитом, обычно темная (красная, черная, серая), прозрачная на режущем изломе. Легко полируется. Образуется при застывании вязкой кислой лавы.

63

Walpurgisnacht — Вальпургиева ночь в переводе с немецкого. В германской средневековой мифологии ночь с тридцатого апреля на первое мая (День св. Вальпургии) — самое подходящее время для ежегодного шабаша ведьм, которые на метлах и вилах слетаются на гору Брокен, чтобы, собравшись вместе с прочей нечистью вокруг сатаны, помешать благополучному наступлению весны и вообще пакостничать. Накануне Вальпургиевой ночи обычно проводились магические церемонии: разжигались костры, на которых иногда сжигались чучела ведьм, люди с факелами обходили дома, звонили в колокола.

64

Суинберн, Чарлз Алджернон (1837–1909) — английский поэт и критик. Прославлял чувственность и гедонизм (направление в этике, утверждающее удовольствие и наслаждение как высшую цель и основной мотив поведения человека), связывал нравственное освобождение с политической свободой.

65

Сфинкс — в греческой мифологии порождение Тифона (дракона на древнегреческий манер) и Эхидны (полудевы-полузмеи) с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы. Сфинкс задавала каждому проходящему вопрос и, если он не разгадывал загадку, убивала его. Существует более древняя версия, в которой хищницу звали Фикс. Та загадок не загадывала, а просто кушала. Имя Сфинкс происходит от сближения с глаголом «сжимать, удушать» (сравните: асфиксия — удушье). Кстати, греки не сами придумали зверя, а позаимствовали у египтян образ крылатой полудевы-полульвицы, символа царя как бога. Сфинкс — имя собственное, поэтому в тексте она, естественно, «она».

66

Арройо — название употребляется в основном на юго-западе США, это небольшое русло ручья или овраг с крутыми склонами и почти плоским дном; обычно сухое, водой заполняется после продолжительных сильных дождей.

67

Все частицы имеют волновую природу, то есть нельзя сказать, что частица является только частицей, поскольку одновременно она является и волной, на что и намекает Мерлин.

Круги фейери — они же кольца или круги эльфов; после эльфийских танцев на лугу или поляне остается след в виде кольца поганок там, где они водили хоровод. Иногда фейери пируют внутри этого круга, и тогда трава там вянет и чернеет. Смертному не стоит входить в этот круг или присоединяться к танцу эльфов, потому что тогда он попадает в их власть на долгие годы или навсегда, хотя самому ему кажется, что прошло всего несколько часов.

69

Альбукерке — город в центре Нью-Мексико, США. Санта-Фе — столица штата Нью-Мексико, основанная в 1605 г., хотя это абсолютно неважно для повествования. Важнее, может быть, то, что в Санта-Фе живет сам маэстро. «Хилтон» — один из отелей системы «Хилтон», как и упоминавшийся выше «Шератон». В мире существуют сети отелей в разных странах и городах. Каждая из сетей имеет объединенное управление, а отели для удобства называются одинаково.

70

Пиния — хвойное дерево с зонтикообразной кроной и съедобными семенами — пиниолями.

71

Название горной гряды, расположенной в южной части Калифорнии и Нью-Мексико, по-испански означает «кровь Христова». Гряда является частью Скалистых гор, и самая высокая ее вершина Бланка Пик (Белый пик) в высоту насчитывает 4389 метров.

72

Пекос — река, текущая с юго-востока по северной части Нью-Мексико до Рио-Гранде.

73

Название ресторана опять-таки по-испански означает нечто среднее между «веселой вечеринкой» и «дружеской беседой».

74

Сангрия — напиток, который пьют сильно охлажденным; обычно это разбавленное красное вино, подслащенное и сдобренное специями, иногда с добавкой сока других фруктов. Напиток имеет цвет свежей крови, откуда и образовано название, означающее все на том же испанском «жидкость цвета крови».

Polio adova — цыпленок с гарниром, скорее всего жареный, потому что мексиканцы обожают цыплят именно жарить.

75

Каноэ — узкая лодка, движимая веслами или парусом, с легким каркасом, обтянутым кожей, шкурами или брезентом; иногда ее выдалбливали или выжигали из ствола дерева. Каяк тоже лодка с легким каркасом, обтянутым шкурой, но только эскимосская, и в ее конструкции предусмотрена водонепроницаемая защита вокруг пояса гребца.

76

Apple — компьютерная фирма в США, за несколько лет превратившаяся из маленькой компании, у истоков которой стояли два человека, в огромную транснациональную корпорацию.

77

Эсхер, Морис, иногда Эшер — голландский художник, известный гравюрами с изображением «невозможных» объектов или пейзажей.

78

Э. Эверетт и Дж. Уилер — американские физики, одни из авторов теории квантовой гравитации и теории суперпространства, согласно которой Вселенная состоит из бесконечного множества конкретных вселенных, представленных как ее многомерные грани.

79

Левитация — способность летать по воздуху без приспособлений, особенно в результате применения сверхъестественных сил, превозмогающих гравитацию.

80

«Промокашка» — кусок промокательной бумаги, пропитанный ЛСД.

81

Содом и Гоморра — в предании из Ветхого Завета древние города, известные тотальным падением нравов их жителей, за что они были испепелены огнем небесным. По-видимому, предание имеет историческое основание, так как местность, в которой, по Библии, были расположены Содом и Гоморра, в древние времена была затоплена водами Мертвого моря, южные безжизненные берега которого хранят следы вулканической деятельности.

Камелот — город, в котором, по легенде, расположен двор и дворец короля Артура, вероятно, возле Эксетера в Англии.

82

Дзен-буддизм, или дзен, — учение «махаяны» («большой колесницы», суть которого состоит в том, что возможность достижения состояния будды дается всем существам), проникло из Индии в Китай в VI в. н. э., и дальше в Японию в XII в., где претерпело значительные изменения в догматах и концепциях. Просветления последователи дзен-буддизма достигают наиболее простыми из возможных способов, включающих внешние, официальные учения и ритуалы. «Дзен» — японское произношение китайского слова «чань», что в свою очередь является калькой санскритского «дхьяна» (религиозная медитация).

83

Лиделл Гарт, Б. Х. (1895–1970) — британский специалист по теории войн. Ему принадлежат работы по обороне Великобритании. Знаменит как автор лучшего учебника XX в. по стратегии. Полное название книги — «Стратегия непрямых действий».

84

Банданна (от индийского «бандху») — большой платок красного или синего цвета, обычно в белый горох; надевается на голову или шею.

85

Имя Пандоры по-гречески означает «всем одаренная». Зевс, разгневавшись на Прометея за похищение огня, приказал создать женщину, которую все боги наделили различными дарами, — отсюда имя. Пандору послали на землю, где она открыла сосуд, в котором были заключены все людские пороки, бедствия и несчастья. На дне осталась только надежда, потому что Пандора, испугавшись, захлопнула крышку сосуда.

Тут никакой подоплеки нет, просто господин читатель может забыть или не знать, что во время знакомства и дальнейшей дружбы с Биллом на тени Земля принц Корвин пользовался именем Карл Кори. Кстати, слово carl у шотландцев означало дюжего парня, особенно искусного в ручном труде.

87

Палм-Бич («пальмовый берег») — город на юго-востоке Флориды, очень дорогой курорт.

88

Логрус — кельтское название земли к югу (черная дорога идет на юг) от реки Трент и к востоку от реки Северн, которая была заселена англосаксонскими племенами — Логрское королевство, или Логрис. Сейчас это Центральная Англия. Особенно добрососедских отношений между этими племенами и кельтами не существовало. Логос — философский принцип, который управляет и развивает, совершенствует вселенную; творение мира словом. Если в Янтаре, чтобы достичь чего бы то ни было, необходимо нарисовать или представить себе картинку желаемого, то есть магию творит художник, то в Хаосе для этого пользуются словом — логосом. Видимо, из этих двух понятий и сложилось имя Логрус.

89

Антитетичные — то есть противоположные, противополагающие.

90

Томас Рифмач — знаменитый певец и волынщик из шотландских легенд. Он был так талантлив, что однажды сама королева эльфов явилась послушать его и увела в Страну Фейери, где он должен был разговаривать только с королевой и есть и пить только то, что поднесет ему она, иначе он рисковал остаться там навечно. По истечении семи лет Томас вернулся обратно с двумя дарами королевы эльфов — даром говорить только правду и даром предсказания.

91

Лимбо — от латинского limbus (кайма); в католической традиции преддверие ада, где пребывают невинные, но не просвещенные благодатью христианской веры души и некрещеные дети, свободные от наказаний.

92

Французский Иностранный Легион основан королем Луи-Филиппом в 1831 году с целью контролировать французские колониальные владения в Африке. Штаб-квартира Легиона находилась в Алжире, в Сиди-Бель-Аббас. Легион принимал участие в военных действиях в Испании, Крыму, Италии, Мексике, Дагомее, Марокко, Сирии и Индокитае. Хотя французские законы не позволяли размещать части Легиона в метрополии, легионеры хорошо показали себя в обеих мировых войнах.

Камеронская битва произошла 30 апреля 1863 г. во время гражданской войны в Мексике (1861–1867), когда во внутренние дела этой страны вмешались Англия, Франция и Испания. Активное участие в боевых действиях на стороне императора Максимилиана 1 принимал и Иностранный Легион.

93

Что по-испански означает «не обращайте внимания, не стоит благодарности».

94

Канталупа — дыня с твердой, чешуйчатой или бородавчатой кожурой, произрастающая в основном в Европе. Иногда так же называют мускусную дыню, по внешнему виду напоминающую канталупу. Какую именно из разновидностей ел Мерлин, история умалчивает.

95

Россетти, Данте Габриель (1828–1882) — английский поэт и художник. Писал изысканно-декоративные картины на символические или литературные темы, которые стилизовал в духе итальянской живописи XV в.

96

Джордж Карлин — известный американский комик и клоун.

97

Какой именно из десятка Балканских кризисов имеет в виду Мерлин, сказать сложно, но, может быть, тот, в результате которого пристрелили герцога и началась Первая Мировая война.

98

Абсент — спиртной напиток, настойка из полыни с очень горьким вкусом. «Маргарита» — коктейль из текилы и лимонного сока.

99

Леопольд Блум — персонаж романа Джеймса Джойса «Улисс» в главе «Аид» присутствует на похоронах старого школьного товарища, где думает о чем угодно, только не о возвышенном.

100

Магический круг — с давних времен круг считается мощным средством защиты от демонов. В Вавилоне кругом из зерен защищали больного. Немецкие евреи рисовали круг вокруг роженицы. В грекоегипетских текстах магические круги встречаются не часто, зато в средневековой и современной магиях их изобилие. Круг должен быть нарисован правильно, и после появления вызванного духа покидать его не стоит. Рисуют круг острием магического меча или ножа, мелом, углем или киноварью. В Библии, правда, есть случай, когда Христос выложил круг камнями (в другом варианте — начертил на песке). Обычно чертится два круга, и в образуемом ими «ободе» раскладываются кресты, сосуды с водой, вербена и анис. Снаружи желательно окропить святой водой. В круге не должно быть разрывов, единственный проход замыкается после прохождения мага внутрь.

101

Эоловы струны, музыка Эола — то есть музыка ветра, поскольку Эол в греческой мифологии бог и владыка ветров. Известен музыкальный инструмент под названием арфа Эола — небольшой ящик, поверх которого натянуты настроенные в унисон и звучащие от ветра струны одинаковой длины.

102

Циклопы, или киклопы, — в греческой мифологии сыновья Урана и Геи, великаны с одним круглым глазом посреди лба (отсюда и название, означающее «круглоглазые»). Известен рассказ о циклопе Полифеме, ослепленном Одиссеем и в ярости сбрасывавшем скалы на корабль обидчика.

103

Серой, как известно, пахнет при появлении дьявола, поэтому последовавшим за завтраком событиям Мерлин не сильно удивился.

104

Немезида — в греческой мифологии дочь Никты (ночи), богиня, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой гнев (nemesao — «справедливо негодую») на тех, кто преступает закон. Изображалась с атрибутами равновесия, наказания и стремительной неизбежности (весы, уздечка, плеть или меч, крылья). Олицетворение возмездия.